

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

6

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF ROGER ZELAZNY

Volume six

**TODAY WE
CHOOSE FACES**

DEUS IRAE

«POLARIS» PUBLISHERS
1995

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

Том шестой

**СЕГОДНЯ МЫ
ВЫБИРАЕМ ЛИЦА
ГОСПОДЬ ГНЕВА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1995

**Миры Роджера Желязны том 6 / Пер. с англ. —
Рига: Полярис, 1995. — 447 с.**

Оба романа, включенные в данный том, ярко характеризуют своеобразие творческой манеры автора: тонкий психологизм и динамичный оригинальный сюжет, проникновение в духовную сферу человека. Их отличает особая глубина и истинный трагизм.

Обращенный к общечеловеческим ценностям, роман «Сегодня мы выбираем лица» посвящен Филипу Дику, в то время как «Господь гнева», произведение ярко выраженной антивоенной тематики, написан в соавторстве с этим замечательным фантастом.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

Today We Choose Faces
Copyright © 1973 by Roger Zelazny

Deus Irae
Copyright © 1976 by Roger Zelazny
and Philip K. Dick

© Издательство «Полярис»,
*оформление, составление,
название серии, 1995*

Сегодня мы выбираем лица
© А. Шельвах, *перевод, 1995*

Господь Гнева
© В Задорожный, *перевод, 1995*

**СЕГОДНЯ МЫ
ВЫБИРАЕМ ЛИЦА**

ЧАСТЬ I

Течение. ровное, но непреодолимое плавное но неуклонное...

Вдруг вспышка молнии, а вслед за нею — долгий глубокий вздох...

Стремительный порыв и... медленное падение осколков мозаичной головоломки... некоторые из них начинают группироваться вокруг меня...

И я начинаю понимать.

Только тогда картина была целостной и я, пребывая вне времени, созерцал ее во всей полноте. Последовательность эпизодов несомненно существовала, они соединялись друг с другом, как доминошные костяшки или позвонки в позвоночнике, и нетрудно было выделить какой-то один из множества.

Вот, например.

Холодный ноябрьский вечер. Суббота. Приблизительно половина одиннадцатого. Мы с Эдди стоим, застегивая плащи, в вестибюле клуба и через стеклянные двери смотрим, как ветер гоняет бумажный мусор по мокрой Манхэттен-стрит.

Ждали Денни с машиной и почти не разговаривали. Эдди знал, что настроение у меня поганое. Я достал сигарету, он с готовностью щелкнул зажигалкой.

Наконец черный лоснящийся «седан» подкатил к дверям. Я как раз натягивал на левую руку перчатку, другая была зажата в кулаке, когда Эдди выскочил на улицу и придержал для меня дверь. Струя ледяного воздуха высекла слезы из моих глаз. Я замешкался; вытаскивая носовой платок и вытирая слезы, поэтому и рокот работающего вхолостую двигателя, и гудки проносащихся мимо автомобилей фиксировал абсолютно машинально.

Только запихнув платок обратно в карман, я приметил фигуру на заднем сиденье за опущенным стеклом и осознал с беспокойством, что Эдди находится в шести или семи шагах от меня.

В тот же миг прогремели выстрелы и я почувствовал несколько тупых ударов в грудь. Это уже после я узнал, что продырявлен в четырех местах.

Я падал, извиваясь от боли, и единственным моим предсмертным утешением было видеть, как с лица Эдди исчезает улыбка, как рука его тянется за револьвером и не успевает его выхватить, как неуклюже он вдруг опрокидывается на спину...

Таким он и остался у меня в памяти за секунду до того, как рухнул на тротуар.

Или вот еще.

Слушая Поля, я думал, как прелестно мог бы выглядеть этот пейзаж в действительности: речушка, выпадающая в кристально чистое озеро, исполинская ива, вся трепещущая словно в ознобе от близости воды, которой она время от времени касалась кончиками зеленых глянцевитых ветвей... Но все ненастоящее. Вернее, и речушка, и озеро, и ива, существовали на самом деле, только не здесь, — изображение транслировалось откуда-то издалека, может быть, с другого конца света. Впрочем, горный пейзаж меня устраивал больше, чем панорама городской застройки, завораживающая в своем однообразии и простирающаяся от Нью-Йорка до Вашингтона, каковую можно было увидеть из окна его квартиры, расположенной чуть ли не под самой крышей небоскреба.

А в остальном грех мне было жаловаться: кондиционированный воздух, абсолютная звуконепроницаемость, интерьер выдержан в соответствии с эстетическими требованиями времени, о котором, правда, судить я еще не мог. Вот коньяк безоговорочно был превосходным.

— ...чертовски забавно, — говорил Польш. — Я просто диву даюсь, как быстро ты адаптировался.

Я отвернулся от окна и посмотрел на него. Стройный, молодежавый брюнет. С обаятельной улыбкой и

глазами, по выражению которых нипочем не догадаешься, что у него на уме. Я не переставал им восхищаться. Ведь это мой внук (причем перед последним словом поставьте семь или восемь «пра»)! Я пытался обнаружить в нем сходство с собой и находил его там, где ожидал меньше всего. Крутой лоб, вздернутая верхняя губа и мясистая нижняя — все это досталось ему от меня, а вот нос был во всех отношениях его собственный. Зато у нас одинаковая манера опускать левый угол рта, выражая досаду или недоумение.

Я ответил, тоже улыбаясь:

— Что же в этом удивительного? Разве распоряжения, оставленные мной на случай моей смерти, не свидетельствуют о том, что я не преминул побеспокоиться о будущем?

— Пожалуй, — согласился Поль. — Но я, честно говоря, полагал, что тебя заботило только одно — избежать смерти.

— Несомненно. Я понял, что это возможно, еще в семидесятые. Тогда замораживание тел казалось просто сказкой.

— В семидесятые двадцатого столетия, — уточнил он, продолжая улыбаться.

— В самом деле, я так легко говорю об этом, будто с тех пор прошло два-три года, не более. На моем месте ты чувствовал бы себя так же. Однажды я подумал: была не была, какого дьявола! Допустим, меня подстрелят и попортят что-нибудь внутри, так ведь в будущем научатся делать к человеку запчасти. Но тогда почему бы не заморозить себя до лучших времен, уповав на счастливый исход? Я прочитал пару статей по этому вопросу, и звучали они довольно-таки убедительно. Ну и решил попробовать. В конце концов, каждый развлекается как умеет. А потом я на этом малость повернулся, ни о чем другом не мог думать, совсем как какой-нибудь святоша, мечтающий о вознесении на небеса... «Вот умру и попаду в будущее!» Я пытался представить, как конкретно это произойдет, перелопатил кучу макулатуры, все прикидывал, какой способ лучше. Нормальное себе выбрал хобби, — я сделал очередной глоток, — и получал от этого массу

удовольствия, а теперь вдобавок выясняется, что овчинка стоит выделки.

— Да, — подтвердил Поль, — стоила. Но тебя, кажется, не слишком впечатляют наши сверхсветовые скорости и освоение миров за пределами Солнечной системы?

— Почему же, я восхищен, хотя и предполагал, что это когда-нибудь станет возможным.

— А тебе известно о недавних достижениях в области телепортации? В космических, заметь, масштабах!

— Вот это меня поразило. Впрочем, поразило приятно. Поддерживать таким образом связь между форпостами... Потрясающе!

— Но что тебе было действительно в диковинку?

— Ну, — сказал я, уселся в кресло и отхлебнул еще коньяку, — за исключением того факта, что люди, хотя и продвинулись так далеко, а все же до сих пор не умеют разрешать конфликты мирным путем, — я поднял руку, предупреждая его аргументы в пользу экономических санкций и контроля над вооружением, он промолчал, и я с удовлетворением отметил, что парня научили уважать старших, — так вот, помимо этого факта самым неожиданным для меня стало открытие, что мы более или менее легальны.

Поль усмехнулся:

— Что ты подразумеваешь, говоря «более или менее»?

Я пожал плечами:

— Разве неясно?

— Мы легальны, как любая другая организация, — возразил он, — в противном случае нас бы не зарегистрировали на мировой фондовой бирже.

Я ничего не ответил, и он опять усмехнулся:

— У нашего руководства светлые головы.

— Я был бы разочарован, если бы дело обстояло иначе.

— Вот именно, вот именно! На том стоим! Принцип «Коза Ностра Инкорпорэйтед» — все легально, пристойно и респектабельно. И между прочим, уже на протяжении многих поколений. Эта тенденция начала проявляться еще в твоё время. Я имею в виду реинве-

стирование денег в предприятия с безупречной репутацией. Газетные писаки тогда даже придумали специальный термин «отмывание денег». В самом деле, нет смысла подрывать систему, если ты достаточно умен, чтобы, действуя в ее рамках, без драки добиться своего. Пачка долларов туда, пачка долларов сюда, а взамен — все! И личная безопасность в придачу! И никакого риска. Просто соблюдай правила игры.

— Все без исключения правила?

— Да, правил многовато, но это нам как раз на руку. Я же говорю, у нас башковитые парни.

Поль допил свой коньяк, снова налил себе и мне.

— В нашей деятельности нет ничего противозаконного, — заключил он. — Представление, которое сложилось о нас в прошлые века, безнадежно устарело.

Потом наклонился ко мне и произнес заговорщически:

— Наверное, жить тогда было жутко интересно? — и посмотрел на меня выжидательно.

Я не знал, сердиться мне или чувствовать себя польщенным. Со времени моего пробуждения, то есть вот уже две недели кряду, окружающие обходились со мной так, что мне было ясно: по их понятиям, мое место в далеком прошлом, где-то между медной постельной грелкой и бронтозавром. А с другой стороны, я замечал, что Поль мною заметно гордится, я был для него как бы семейной реликвией, с которой он пылинки готов сдувать. Я уже смекнул, что мой внук — влиятельная фигура в силовых структурах «Коза Ностра Инк.» и занимает там прочное положение.

И вот он настоял, чтобы я поселился не где-нибудь, а именно у него. Поль, похоже, испытывал невероятное наслаждение, слушая мои рассказы о времени, в котором я некогда жил и о котором он знал лишь по романам, фильмам и домыслам своих современников. А так как мы были родственниками, и я спал под его крышей, и ел его хлеб, все это налагало на меня определенные обязательства. То есть я считал себя обязанным делиться с Полем воспоминаниями. Понятно, что не всеми подряд.

Ведь он же на глазах приуныл, услышав, что я несколько лет проучился в колледже, прежде чем про-

должил дело моего внезапно и безвременно умершего отца; зато упоминание о том, что юность я провел на Сицилии, его просто-таки умилило. Да, в Нью-Йорке я появился позже. Тут я снова его огорчил, заявив, что, насколько мне известно, Сицилия никогда не была центром мировой мафии. *Onorata societa* виделась мне организацией вполне провинциальной и отнюдь не благотворительной, хотя и устроенной по семейному принципу. Она — что правда, то правда — породила в свое время таких благородных *galantuomi*, как дон Вито Кашио или дон Кало Виччини, но... В общем, я как мог пытался растолковать ему, в чем разница между *societa degli amici* с их узкими, замкнутыми исключительно на «семью» интересами и теми яркими личностями, которым никогда не сиделось на месте, которые могли быть *amici*, а могли ими и не быть и предпочитали иметь дело с такими же, как они, непоседами, а то и вовсе с чужаками, уважая тем не менее строгие законы «семьи».

Поль, однако, являясь жертвой мистической конспирологии, был уверен, что я скрываю от него какие-то «семейные» тайны. Постепенно до меня дошло, что он романтик. Романтикам всегда хочется, чтобы мир был не таким, какой он на самом деле. Вот и Поль жаждал причаститься к некой, пусть даже никогда не существовавшей тайне. Короче, я сообщал ему лишь те факты своей биографии, которые, по моему разумению, тешили его самолюбие.

Поведал, например, о том, как отомстил за смерть отца и после двух-трех разборок приучил окружающих уважать имя «Анджело ди Негри». Мое имя. Позднее семья переделала его в «Неро», но мне на это было наплевать. Я-то всегда оставался самим собой.

И Поль Неро с улыбкой кивал и просто-таки упивался подробностями. Истории в духе бульварных романов с криминальной подоплекой он был способен слушать до бесконечности.

Может возникнуть впечатление, что я относился к Полю свысока. Это не так. Напротив, я с каждым днем проникался к нему все большей симпатией. Наверное, потому, что он напоминал мне меня самого.

Только он был улыбчивее, уступчивее, учтивее. И жил в другом времени и месте.

Возможно, он был тем, кем и я мог бы стать, если бы решился когда-нибудь позволить себе подобную роскошь. Но когда человеку за сорок, его уже не изменишь. И хотя обстоятельства, сформировавшие мой характер, канули, что называется, в вечность, все же к радости от пребывания в этом почти бесконфликтном обществе примешивалось чувство некоторой досады, и это меня смутно тревожило, а вскоре стало уже не на шутку сердить.

В жизни редки катаклизмы,¹ как бы ни старались писатели уверить нас в обратном. Да, бывает, что, оправившись после какого-нибудь серьезного потрясения, мы видим окружающую действительность в новом, радужном свете и радуемся чуду своего существования. Но это состояние преходяще, и вот уже в который раз выясняется, что и мы все те же, и мир каким был, таким и остался.

Впервые осознание этого факта возникло во мне, когда я пускал слезу, повествуя потомку о своем сомнительном прошлом. В течение следующей недели я уже с трудом сдерживал раздражение. Ведь окружающая действительность и впрямь изменилась, это я, я оставался прежним! Нельзя сказать, чтобы я чувствовал себя здесь лишним, хотя порой мне и казалось, что дело обстоит именно так. Никакой особенной ностальгии я тоже не испытывал, воспоминания мои были еще свежи, и мне не требовалось специально для Поля наводить на них глянец. Пожалуй, я просто ощущал, что люди вокруг значительно мягче и спокойнее, чем в мои времена, и у меня поэтому развивался комплекс неполноценности, как будто я, избегаая по лестнице эволюции, проскочил какую-то очень важную ступень.

Вообще-то я не склонен к самокопанию, но, когда на душе такое, оно само дает о себе знать. Только вот как рассказать об этом другому?

Ведь я и сам не мог в себе разобраться.

В самом деле, чувства мои были столь сложны и противоречивы, что словами выразить их я не умел.

Должно быть, Поль понял, что со мной творится, потому что однажды сделал мне два предложения, од-

ним из которых я воспользовался немедленно, а над другим решил поразмыслить.

Вот, для примера.

Я вернулся на Сицилию, и это понятно, если учесть мои обстоятельства и смятенное состояние духа. Помимо того, что здешние пейзажи навевали на меня определенные воспоминания, Сицилия оставалась одним из немногих мест на планете, не пострадавших от массивированного воздействия цивилизации. Я, как будто на машине времени, перенесся в свою юность.

И не стал задерживаться в Палермо, а сразу устремился в глубь острова. Снял уединенный домик, при первом же взгляде на который у меня потеплело на сердце. Совершал ежедневные многочасовые прогулки на одной из двух доставшихся мне в придачу к домику лошадей. По утрам скакал к морю. Волны, пенясь, набегали на скалистый берег, отступали, обнажая блестящую гальку. Я слушал грохот прибоя и пронзительные крики мечущихся над водой и ныряющих за добычей птиц, вдыхал йодистый воздух и любовался игрой света и тени на серой, с белыми гребнями, поверхности моря.

После полудня или ближе к вечеру, в зависимости от настроения, поднимался в горы, где скудная трава и искривленные деревья корнями отчаянно цеплялись за тонкий слой почвы, и сюда же поднималось влажное дыхание Средиземного моря, и было оно то знойным, то прохладным — это зависело уже от его, моря, настроения.

Если бы я не замечал в ночных небесах огни геостационаров, если бы не вскидывал то и дело голову, провожая взглядом какую-нибудь немыслимую летающую тарелку, если бы слушал по приемнику исключительно музыку и не спускался раз в неделю за провизией в соседнюю деревушку, я мог бы решить, что время вообще перестало существовать. И не только это, нынешнее, в котором я обретался; и вся моя взрослая жизнь будто растаяла в пространстве над воистину вечным сицилийским ландшафтом.

В том, что со мной произошло дальше, нет ничего удивительного, — я же снова стал юным.

Ее звали Джулия, и впервые я увидел ее в глухом каменистом ущелье, которое, впрочем, выглядело райским уголком на фоне нагих желто-фиолетовых склонов.

Девушка сидела под деревом, напоминавшим застывший фонтан апельсинового джема с прилипшими к нему бледными звездочками конфетти. Ее черные волосы, стянутые на затылке, были закреплены коралловой заколкой. На коленях она держала альбом для рисования и запечатлевала в карандаше небольшую отару овец, щипавших травку неподалеку. Движения ее руки были точны и уверенны, взгляд сосредоточен.

Некоторое время я наблюдал за ней, замерев в седле, а потом солнце выглянуло из-за тучи и моя длинная тень легла прямо к ее ногам.

Она обернулась, приставила ладонь козырьком к переносице. Я спешил, обмотал поводьями первый попавшийся под руку куст и подошел к ней.

— Здравствуй, — сказал я.

Все это заняло у меня секунд десять—пятнадцать, а девушка пока решала, ответить мне улыбкой или намуриться.

— Здравствуй. — Она все-таки улыбнулась.

— Меня зовут Анджело, я ехал мимо и увидел тебя... и вот подумал, почему бы не остановиться и не выкурить с тобой по сигарете и не поглазеть заодно, как ты рисуешь? Не помешаю?

Она отрицательно покачала головой, закусила нижнюю губу, отчего лицо у нее снова стало серьезным, но предложенную сигарету приняла.

— А меня зовут Джулия. Я здесь работаю.

— Выходит, кормишься рисованием? И на хлеб хватает?

— Нет, по профессии я биоконструктор. А это, — она постучала пальцами по рисунку и задержала на нем руку, не давая его рассмотреть, — это мое хобби.

— О? Биоконструктор? И что же ты конструируешь?

— Ее, — она мотнула головой в сторону овец.

— Не понимаю...

— Да всю эту толпу.

— Боюсь, что я опять не...

— Это клоны, — сказала она. — Все они выращены из ткани одного донора.

— Надо же! — воскликнул я, усаживаясь на траву возле Джулии. — Ну-ка объясни мне, что такое клоны.

Джулия с видимым облегчением захлопнула альбом. Она, похоже, стеснялась продемонстрировать кому бы то ни было свои рисунки, зато про овечек принялась рассказывать просто-таки взахлеб. Я слушал, задавая якобы невзначай не относящиеся к предмету нашего разговора вопросы, и вскоре разузнал кое-что и о ней самой.

Она родилась в Катании, но образование получила во Франции. В настоящее время работала по контракту в одном швейцарском институте — они там занимались исследованиями в области животноводства с использованием методов клонирования наиболее перспективных особей в разнообразных условиях окружающей среды.

Ей было двадцать шесть, совсем недавно и со скандалом развелась и теперь вся без остатка переключилась на своих овечек. На Сицилию прибыла два с лишним месяца назад и о клонах говорила с необыкновенным энтузиазмом, возбуждаясь, быть может, именно оттого, что я-то в этом деле не смыслил ни бельмеса. В мельчайших подробностях Джулия описывала мне процесс, в результате которого овцы, выращенные из клеточной ткани некоего швейцарского гибрида, являлись точными его, этого гибрида, копиями. Упомянула она, в частности, и о странном, пока не разгаданном эффекте резонанса: стоило какой-нибудь из подопытных овечек заболеть, как тотчас все прочие (в разных частях света, включая и швейцарский прототип!) выказывали признаки аналогичного заболевания.

Что же касается человеческих существ, то, насколько ей было известно, клонировать их еще никто не осмеливался — слишком сильны были юридические, морально-этические и религиозные запреты. Правда, ходили слухи об экспериментах, проводимых где-то у черта на рогах, за пределами Галактики...

Несмотря на то обстоятельство, что Джулия действительно была увлечена своими исследованиями, я

чувствовал, что рассказывает она все это скорее из потребности в общении, нежели из желания посвятить меня в суть дела. Ну что же, вот мы и общались, к обоюдному нашему удовольствию.

Но о себе я в ту первую встречу не обмолвился ни словом. Я по большей части слушал Джулию, а потом мы сидели молча, наблюдая за щиплющими травку клонами, и тени наши все удлинялись и удлинялись, и снова мы начинали разговаривать, перескакивая теперь уже с пятого на десятое.

Чирикая этак беззаботно, мы, однако, сразу почувствовали, что нам многое еще предстоит сказать друг другу, и стало без слов понятно, что завтра я опять приеду в это ущелье и увижу ее здесь, и послезавтра тоже... Да, да, мы не ошиблись друг в друге.

Вскоре Джулия проявила интерес к верховой езде, и мы ежедневно, утром или вечером, совершали прогулки, во время которых я объяснил ей, каким образом оказался в этом столетии, помалкивая, разумеется, о своем прошлом и причинах, по которым меня застрелили.

Пока мы не стали близки, я не понимал, что люблю ее. Но в тот день я как раз решил принять второе предложение Поля и только тогда осознал, какое место в моей жизни занимает Джулия.

Помнится, я подошел к окну, отвел занавеску и долго глядел в ночь. Угли в камине, вишневые и оранжевые, ярко светились. Холод проникал сквозь тонкие стены, и от дурного предчувствия у меня сжалось сердце.

— Скоро мне придется отсюда уехать, — произнес я.

— Куда?

— Я не имею права тебе это сказать.

Молчание. Потом:

— Ты вернешься?

Я не знал, удастся ли мне это сделать, но ничего не имел против.

— А ты бы хотела?

Снова молчание, а потом еле слышное:

— Да.

— Я постараюсь вернуться.

Почему я взялся убрать Стайлера? Да потому что у меня не было выбора с того самого момента, когда Поль поставил все точки над «i». Они подыскали мне крутую синекуру в своей лавке и вручили пакет крайне выгодных акций, но все это оказалось просто крышей.

Нет, я и раньше не питал иллюзий относительно причин, по которым со мной так возятся: разморозили, лечат, и все задарма. Делалось это по инициативе моего потомка, но исключительно ради «Коза Инкорпорэйтед». Благо медицина давно уже была на соответствующем уровне. Разумеется, всегда приятно чувствовать себя в центре внимания, и неважно, что тому причиной. Удовольствию от их предупредительности никоим образом не мешала догадка, что меня собираются в каких-то целях использовать. Если начистоту, удовольствие от этого даже увеличивалось. Ведь возились они со мной отнюдь не из праздного любопытства, а потому что я обладал определенными вневременными качествами, которых моим потомкам недоставало. На эти качества я и ставил, а проявив их, рассчитывал заслужить одобрение своих новых покровителей.

Об этом-то я и раздумывал, прежде чем натянул поводья и остановил лошадь в том месте горного склона, где оливковые деревья сменялись кустарником, а еще выше начинались скалистые строги. Но я смотрел на огни деревушки внизу.

Через минуту ко мне подъехала Джулия.

— О чем ты задумался? — спросила она.

А я теперь размышлял о том, что со мной случилось бы, если бы я очнулся без каких-либо воспоминаний о прежнем своем существовании. Легче мне было бы или труднее найти себе занятие по душе? Неужели я мог бы уподобиться обитателям этой деревушки с их убогими представлениями о благополучии и сомнительными радостями от повторения одних и тех же действий в десяти тысячный раз?

А еще я помню бухту, отовсюду закрытую скалами, яркий солнечный день, и отсветы водной ряби играют на обнаженной груди Джулии — она, закончив

купание, выходит на берег и вдруг перестает улыбаться и снова спрашивает:

— Что с тобой? О чем ты все время думаешь?

Когда я получил кличку «Ангел Анджело», за мной уже числилось семнадцать трупов. Что и говорить, приходилось мне в той жизни бороться за место под солнцем. Вряд ли Полю было известно об этом во всех подробностях, хотя однажды он порядком меня удивил, уверенно перечислив фамилии восьмерых покойничков.

И вот не мог я понять, как же это вышло, что щепетильнейшее соблюдение законов и всяких прочих формальностей сделалось для «Коза Инк.» больше чем прикрытием и в конце концов привело к тому, что организация практически не располагала надежными и профессиональными убийцами. Похоже, я и в самом деле был им нужен. Вот уж не ожидал, что в новой жизни буду заниматься все той же грязной работой. Подумать только: заказное убийство — в эпоху удовлетворенных амбиций, отлаженных социальных механизмов, неслыханной продолжительности жизни и космических путешествий! Мне казалось это по меньшей мере странным, как ни старался Поль представить дело в более выгодном свете.

А еще я помню, как мы ели апельсины, расположившись под стенами водоочистительной станции, под стенами, некогда блиставшими белизной, а ныне от воздействия климата и под натиском непомерно разросшихся кустов сирени и глицинии обветшавшими и имевшими по-монастырски мрачный вид, и я гладил Джулию по голове, а она сорвала бледно-зеленую метелку чемерицы, растения, которое в древности применялось как лекарственное средство от безумия, и воткнула ее в мои волосы. Но мысли мои были в этот момент не здесь, они, если можно так выразиться, покинули пределы черепной коробки и вознеслись выше утопавших в сирени стен, потому что механический и монотонный гул работающих водозаборных устано-

вок, всасывающих, очищающих и через систему подземного трубопровода пропускающих черт знает какое количество морской воды ежедневно, навел меня на размышления о двойственной сущности Герберта Стайлера — парня, который согласился стать подопытным кроликом в экспериментах компании «Доксфорд индустри» на некой планете Альво, расположенной так далеко от нашего голубого шарика, что и представить себе это расстояние было жутковато (Джулия на сей раз не заметила моей задумчивости и не произнесла свое обычное: «Что с тобой?»). И вот я недоумевал: считать ли этого малого, подвергнутого операции по удалению нервных окончаний, каковая, кстати, на Земле была уголовно наказуемой, но каковая же и позволила напрямую подключить его к сети гигантского компьютерного комплекса, считать ли, значит, этого беднягу, пожертвовавшего собой во благо интересов своей компании и, понятное дело, ставшего препятствием на пути «Коза Инк.» к одной из ключевых позиций в сфере ее влияния в иных мирах, считать ли его машиной, наделенной человеческим разумением, или же человеком, у которого вместо мозга компьютер, и как вообще называть задание, которое мне предстояло выполнить: человеко- или киберубийство?

Вот о чем я раздумывал, прислушиваясь к гулу водозаборных установок и вдыхая соленый морской воздух, пронизанный запахом цветущей сирени.

Поль обещал, что мне предоставят необходимые условия для подготовки, не говоря уже о самых современных средствах. Но сначала предложил попутешествовать.

— Отдохнешь, развеешься, — сказал он, — заодно обмозгуешь все как следует.

Глядя в ночь и поеживаясь от холода, я пытался представить, как прикончу Стайлера, вернусь и начну жить заново и по-иному, принадлежа целиком уже этому, нынешнему, времени, а прошлое пусть провалится в тартарары.

— Я постараюсь вернуться, — сказал я и задернул занавеску.

Вижу Джулию под тем фантастически красивым деревом, ее шелковистые волосы зачесаны назад и скреплены коралловой заколкой, и рука движется уверенно, запечатлевая на бумаге таких, оказывается, непростых овечек. И вдруг яркий солнечный свет, и моя длинная черная тень у ее ног, и вот она поворачивает голову, поднимает руку, прикрывая глаза от солнца, я спрыгиваю с лошади, обматываю поводьями куст и подхожу к ней, заговариваю, она кивает и улыбается...

Внизу ровной линией распускаются цветы разрывов, и здание, которое я бомбардирую, уже наполовину охвачено огнем. Мой корабль трясется, ныряет, потом тоже загорается, и тогда я катапультируюсь в капсуле, которая, повинувшись автоматическим системам управления, теперь самостоятельно уворачивается от ракет неприятеля, и отстреливается, и стремится вперед, вперед, вниз, вниз, а потом разваливается на части, и я мягко приземляюсь. Сочленения скафандра сухо щелкают, когда я касаюсь подошвами грунта, затем амортизаторы отключаются, и вот уже лазерным лучом я пронзаю приближающиеся ко мне муляжи, и гранаты летят из моих рук, и сверхзвуковые волны, разрушающие протоплазму, разбегаются от меня подобно звону некоего незримого колокола...

Не сосчитать, сколько андроидов и роботов я расколошматил, сколько макетов одного и того же здания стер с лица земли, сколько проломил заграждений и какое количество ракет выпустил в течение двух месяцев, проведенных на этой выжженной планете в глухом углу Галактики, куда был отправлен, чтобы поближе познакомиться с нынешними средствами истребления себе подобных. Моими инструментами были обычные инженеры, никакие не убийцы; в последствии им предстояло подвергнуться процедуре частичного стирания памяти, дабы не повредить делу, да и себе лично. Я был несколько взволнован, узнав, что

это теперь возможно, ведь мне тоже о многом хотелось бы не помнить. Процедура эта, — чрезвычайно, как мне объяснили, сложная — применялась в психотерапии уже давно.

Что касается моих инструкторов, то головы их были забиты такой мешаниной из прописных истин и социальных запретов, а перепады в их настроениях бывали столь непредсказуемы, что общение с ними меня изрядно утомляло. Объясняя принцип действия того или иного смертоносного оружия, они упорно притворялись, будто знать не знают и ведать не ведают о том, что скоро я применю его по назначению. Затем, когда лицемеры дотумкали, что все их слова, мысли и чувства, связанные с целью моего обучения, подлежат уничтожению, они напропалую принялись зубоскалить на тему смерти, причем смерти именно насильственной, и их отношение ко мне изменилось. Если поначалу они меня почти откровенно презирали, то через две недели я сделался предметом их благоговейного обожания, как будто я был жрецом, а они — участниками некоего священного жертвоприношения.

Это меня раздражало, и в свободное время я старался общаться с ними пореже. Для меня убрать Стайлера означало просто выполнить очередной заказ, а в качестве вознаграждения я сулил себе жизнь в обществе, мнившемся мне устроенным лучше, чем то, которое я оставил в прошлом.

Именно тогда я впервые засомневался, поспевают ли человечество в духовном своем развитии за техническим прогрессом и не грозит ли ему самоистребление, если вот эти парни так легко и даже охотно готовы поменять гуманистические установки на прямо противоположные.

Относительно себя я не обманывался и был настроен дожить оставшийся век таким, каким был, но инструкторов считал людьми более высокоразвитыми, они же — представители того общества, в котором мне так хотелось стать своим. Только в самом конце наших занятий мне довелось узнать, что было истинной причиной их морального перерождения.

Ханмер, самый, пожалуй, добродушный из них, как-то под вечер явился ко мне в комнату с бутылкой.

Она-то и сделала его общительным. Он уже расправился с ее предшественницей, и в лице его, обычно бесстрастным, как у манекена (в мое время были такие, с долгоиграющей пластинкой внутри), на сей раз появилось что-то человеческое, а вместо бодрой скороговорки я услышал озадаченное бормотание.

Довольно быстро выяснилось, что его мучило. Контроль над вооружением и экономические санкции в этом обществе действовали не слишком успешно. Становилось все очевиднее, что намечается некий вооруженный конфликт (на возможность возникновения какого-то даже в столь просвещенные времена я и намекал в одной из бесед с Полем).

Политические причины меня не интересовали, ведь я все еще чувствовал себя здесь чужаком, но сама возможность конфликта с его опасным свойством перерасти в нечто глобальное и ужасающее меня странным образом как забавляла, так и тревожила. Попасть в будущее, и вдобавок таким, прямо скажем, неординарным способом, лишь для того чтобы сгореть в мировом пожаре? Нет, абсурд! Полный абсурд. (А я-то воображал, что это общение со мной, профессиональным убийцей, пробудило в инструкторах тягу к насилию!) Но Ханмер, в отличие от коллег, вполне безболезненно высвобождая в себе темные инстинкты, был удручен. Он сидел передо мной как пришибленный и только твердил монотонно:

— Нет, нет, это не должно случиться.

— Может, и не случится, — утешал я беднягу, посколькупил его виски.

Он взглянул на меня, в глазах блеснула надежда, но тотчас они снова стали тусклыми.

— Тебе-то все равно.

— Нет, мне не все равно. Ведь теперь это и мой мир.

Ханмер отвернулся.

— Не понимаю я тебя, — сказал он глухо. — Тебя... да и других тоже... относительно этого дела...

Я подумал, что мне относительно этого дела понятно все, но объяснять кому бы то ни было, в чем тут суть, бесполезно. Все мои чувства и воззрения, конечно, устарели.

Я ждал, что он еще скажет. Я не был знаком с ним достаточно близко, чтобы понять, почему Ханмер относится к моему заданию иначе, чем остальные инструкторы. Впрочем, я так никогда этого и не узнал. Но вот что он сказал напоследок:

— Думаю, всех нас следовало бы держать за решеткой, пока мы не научимся вести себя прилично...

Банально, смешно и, разумеется, абсолютно невыполнимо.

Я разлил по стаканам остатки виски и таким бесхитростным способом помог Ханмеру в его стремлении забыться, отчасти сожалея, что выпивка кончилась и мне не удастся последовать его примеру.

(Звезды)

(Из туннеля в небеса
и вниз)

(Вхожу в атмосферу)

(Мигающие
сигналы стробоскопов,
грохот)

(Облака

(Вой воздуха,
незримые щупальца
материи)

облака

об ла ка)

(Взрыв № 1,

(Lasciate ogni

№ 2

per- anza

№ 3)

voi ch'

en- trate)¹?

¹ «Входящие, оставьте упоования...» Данте Алигьери «Божественная комедия». Перевод М. Лозинского.

...молниеносные вспышки пламени, как ножницы, кромсали небо. Несмотря на бронированное покрытие и дальность разрывов, корабль подкидывало в воздухе, как волан при игре в бадминтон. Я сидел, сгорбленный, в боевом скафандре, предоставив компьютеру справляться с трудностями полета, но и готовый в любую секунду перейти на ручное управление, если бы в этом возникла надобность. Планета Альво мелькала внизу зелено-буро-серо-синими узорами ландшафтов, но рассматривать их я не успевал — для этого пришлось бы не отрывать взгляд от дисплея. Чтобы успешно и в срок выполнить задание, я не должен был отвлекаться. Я знай себе накручивал мили, пронизывая грохочущее пространство.

Системы безопасности комплекса «Доксфорд индустри» функционировали столь надежно, что нечего было и пытаться проникнуть внутрь без предварительной и многолетней практики внедрения своих людей в штат обслуживающего персонала. Поэтому и было решено, что внезапный удар — единственная возможность добиться успеха. Стайлер был защищен превосходно, но мы иного и не ждали.

Он засек меня почти сразу, лишь только я появился над планетой Альво. Совершенство его средств обнаружения меня не очень удивило. Приближаясь по нисходящей к главному зданию, то есть к штаб-квартире Стайлера, я многое бы отдал, чтобы узнать, давно ли он ждет нападения и насколько это его беспокоит.

Пока что я уворачивался от ракет или отражал их, свои собственные, однако, в ход не пуская. Но держал их в состоянии боевой готовности, потому что начинать штурм собирался уже с воздуха.

Потрескивание атмосферных помех в приемнике, свист, тяжелое дыхание... Мой приемник ожил. Ага, сейчас начнутся угрозы! А может, со мной попытаются договориться? Зряшное дело.

Однако обычного в таких случаях: «...судно без опознавательных знаков, вы нарушили воздушное пространство... приказываю вам...» и т. д. и т. п. — не последовало. Вместо этого: «Ангел Анджело, — услышал я, — добро пожаловать на планету Альво. Наде-

юсь, за время своего краткого визита скучать тебе не придется».

Ко мне обращался сам Стайлер! Выходит, ему уже было известно, кто я такой. Во время подготовки к заданию я прослушивал его голос на пленках и не единожды разглядывал его портреты. Это называлось знакомить меня с «объектом», и инструкторы сопровождали прослушивания и просмотры хором оскорблений в его адрес. Приходилось их утихомиривать, они мешали мне сосредоточиться. Им было трудно поверить, что я не испытываю необходимости ненавидеть низенького человечка с бесцветными глазами и одутловатым лицом, на голове у которого помещалось нечто вроде тюрбана из проводков, вживленных в мозг.

— Может, мы и переживаем, — оправдывались инструкторы, — но со временем это тебе поможет.

Я отрицательно качал головой:

— Чтобы убить человека, мне не нужно испытывать какие-либо чувства. Наоборот, они способны только помешать.

Итак, Стайлер знал, кто я такой. В этом тоже не было ничего удивительного. Чудовищный объем информации поступал в его мозг — мозг, несомненно, наделенный ясным сознанием и чувствительностью вкупе с воображением. Конечно, сведения обо мне смутны и отрывочны, но исходили они явно из какого-то надежного источника, в этом тоже сомневаться не приходилось. Впрочем, я не собирался помогать ему устанавливать мою личность. И вообще разговаривать с ним о чем бы то ни было. Слова ничего не решают.

Он, однако, не унимался:

— Твой визит будет действительно очень коротким. Ты здесь не задержишься, постарайся это понять.

Зигзагообразный луч побежал сквозь черное облако — прямо на меня! Нет, мимо, и исчез позади корабля. Корабль трянуло, связь прервалась, снова в приемнике слышался треск, заглушая слова Стайлера:

— ...Ты не первый... и, наверное, догадываешься, что никто из твоих предшественников не...

Предшественники? Он упомянул о них как бы вскользь, но с прозрачным намерением меня ошеломить. В самом деле, я и не подозревал, что у меня были

предшественники. Поль никогда не говорил, что я не первый, кому поручают убрать Стайлера. Если поразмыслить, так оно, наверное, и было. Интересно, сколько же парней здесь полегло? Наверное, это были какие-нибудь современные щенки, которых пришлось долго раззадоривать, прежде чем в них возникла ненависть, без которой пойти на задание они бы не решились. Ладно, меня это не касается.

— Тебе еще не поздно отступить, Ангел. Посади корабль и оставайся внутри. Я пришлю кого-нибудь, тебя подберут. Останешься жив... Ты что-то сказал?

Я хмыкнул, и он, кажется, это услышал, потому что откликнулся:

— Как бы то ни было, я знаю, что ты здесь. Твое нападение безрассудно во всех отношениях. Мало того, что у тебя нет никаких шансов и ты погибнешь, причем довольно скоро, но ведь и вообще вся эта затея уже потеряла смысл.

Стайлер замолчал, ожидая ответа. Не дождался, понятное дело.

— Тебе не интересно то, что я говорю? — спросил он после паузы. — В считанные секунды я могу изрешетить тебя заградительным огнем. Твои хозяева не имели возможности узнать, что я усовершенствовал средства защиты со времени последнего штурма. Ну что же, теперь такая возможность у вас имеется.

И тут же последовала серия ракетных ударов, от которых, впрочем, я ушел без повреждений.

— Ты жив? — заметил он. — Хорошо. Повторяю, ты еще можешь отказаться от своего намерения. Мне бы хотелось оставить тебя в живых. Понимаешь, любопытно поговорить с человеком из другого времени. Тем более, у тебя такое прошлое. Я уже упоминал, что помимо риска смерти есть еще и другие причины бросить это дело. Не знаю, насколько тебя информировали, пока ты проходил подготовку, но дело в том, что на Земле началась война и, как я предполагаю, не скоро закончится. Из тех сведений, которыми я располагаю, вытекает, что Земля сейчас в жалком состоянии. И нашим хозяевам не до нас. Собственно, в настоящий момент мы их уже потеряли. При таком раскладе имеет смысл спасти то, что еще остается ценного от обе-

их организаций, а не тратить силы на бессмысленные разборки. Что скажешь?

Разумеется, я и не думал отвечать. Как я мог проверить, правду он говорит или нет? Разве что если бы приземлился и своими глазами взглянул на документы, которые он мог бы предложить в качестве доказательства своих слов. Понятно, что делать я этого не собирался.

Сквозь атмосферные помехи я услышал, как он снова вздохнул:

— Ты все же решил увеличить количество смертей. Тебе кажется, что я просто хочу перетянуть тебя на свою сторону...

Я с трудом подавил желание его перебить. Не люблю, когда кто-нибудь берется объяснять мне мои же мысли, и неважно, прав он при этом или нет.

— Почему ты все время молчишь? — спросил Стайлер. — Мне хочется услышать твой голос. Ответь, почему ты взялся за это дело? Если из-за денег, то я могу заплатить гораздо больше, чем платят они... только откажись... Защиту я тоже обеспечу... — Он опять помолчал, затем продолжил: — Да, конечно, с тобой все не так просто. Верность традициям «семьи». Солидарность. Узы крови. Если так, то скажу тебе следующее: ты, вероятно, единственный человек в наше время, кто во все это верит. Они — не верят. Я знаю их много лет, а ты познакомился с ними недавно. Поверь, их представления о том, что ценно в этом мире, не совпадают с твоими. Они просто делают деньги на твоей приверженности семейным традициям. Тебя используют! Ты же согласился из чувства верности «семье», не так ли? Я угадал?

Ближе к концу этой тирады его голос зазвучал взволнованно. Помолчав, он заговорил спокойнее:

— Несколько странно вести с тобой беседу подобным образом, зная, что ты с каждой секундой все ближе и ближе... и ведь слышишь меня... Ну конечно, это твоя тактика. Значит, ты все-таки решил довести дело до конца. И ничто из сказанного мною не показалось тебе убедительным. Ладно, попробую убить тебя раньше, чем ты убьешь меня. Но ведь ты способен двигаться, а я — нет, и даже попытаться бежать мне

уже поздно. Разумеется, у тебя все равно ничего не получится. Но я понимаю, твоя тактика. Ты идешь к цели молча. Вот это меня и раздражает. Ты не похож на других. Все, кто здесь был до тебя, разговаривали со мной. Они угрожали, они меня проклинали, они умирали с воплями. А ты, невежественный варвар, ты не способен понять, кто я такой, и даже если я тебе это объясню, ты не остановишься, да? Я старался хоть как-то помочь человечеству, а тебе на это ровным счетом наплевать, верно? Ты добиваешься своего без лишних слов. А скажи, ты когда-нибудь читал Паскаля? Нет, конечно. «Человек — всего лишь тростник, слабейшее из творений природы, но он тростник мыслящий. Чтобы его уничтожить, вовсе не надо всей Вселенной, достаточно дуновения ветра, капли воды. Но пусть даже его уничтожит Вселенная, человек все равно возвышеннее, чем она, ибо осознает, что расстанется с жизнью и что слабее Вселенной, а она не осознает ничего»¹.

Ты хоть понял, о чем я? Разумеется, нет. Ты никогда не размышлял о подобных материях. Ты же и есть это дуновение ветра, эта капля воды... В жизни каждого человека наступает время, когда он с чувством выполненного долга (и поэтому безропотно) готов принять смерть. А я... я еще не готов...

Тут шквал огня настолько усилился, что, казалось, небеса запылали, и я уже ничего не слышал. Волны сотрясаемого воздушного пространства раскачивали корабль. Но в тот же миг я наконец различил на дисплее здание «Доксфорд индустри», оно высилось за холмами на самом краю равнины.

И тогда я ему ответил. На склонах холмов, там, где разорвались мои ракеты, взмыли в небо фонтаны огня. Правый угол здания обрушился, задымила крыша.

Но и он меня зацепил — я даже не успел как следует порадоваться своему успеху, как тут же начал падать. Правда, капсула не катапультировала, и это оз-

¹ «Размышления и афоризмы французских моралистов XVI—XVIII веков». Перевод Э. Липецкой.

начало, что пульт управления цел. Проверил на ощупь, а потом посредством пульта аварийной сигнализации — да, все системы работали нормально. И тем не менее задел он меня основательно — обломки надстроек летели, кувыркаясь, вниз.

Еще удар! Скафандр, конечно, меня бы спас, если бы пришлось катапультироваться. Больше всего я боялся, что он попадет в кабину...

— Ты еще жив? — осведомился Стайлер. — Я видел, как у тебя отвали...

Снова разрыв, заглушивший окончание его фразы, и корабль так подбросило, что я едва не вылетел из кресла. Я перешел на ручное управление — не хотелось снижать скорость до последнего момента.

— Ангел, ты жив?

Я ухитрился уже у самой земли перевести в нужный режим все необходимые системы. Приземлился не очень удачно — завалился боком. Корабль однако тотчас обрел равновесие. Я врубил передачу и шустро покотил вперед.

Я находился на противоположной от здания стороне долины. Обзор местности затрудняла пелена дыма и пыли. Земля зияла воронками явно недавнего происхождения. Похоже, у меня действительно были предшественники. В то же время я с удовлетворением отметил, что характер местности не позволяет ее заминировать.

Но в голове не укладывалось его сообщение о начавшейся войне. Неужели это правда? Те непрочные узы, что все еще связывали меня с прошлым, и единственное светлое воспоминание из настоящего — все так переплелось в моем сознании... А вдруг кому-нибудь приспичило бомбить Сицилию? Что, если Джулия еще там? Прошло всего несколько месяцев со времени нашей разлуки. Впрочем, люди в такое время не сидят на месте. А как там Поль и остальные, с кем я успел познакомиться? Я знал, что у всех у них имеются бомбоубежища, и все же...

— Ага, ты жив! Я вижу тебя на моих дисплеях! Отлично. Теперь даже легче броситься друг другу в объятия. Насчет мин не волнуйся, их здесь нет. Послушай, уж если ты приземлился, от тебя требуется

просто оставаться на месте и ждать. Я пришлю за тобой. Тебя подберут, и я представлю тебе доказательства. Ты убедишься, что я говорил тебе правду. Ну что, согласен?

Я выдвинул стволы моих пушек, подвигал ими влево, вправо, вверх, вниз, — механизмы наводки были в исправности.

— Так-то ты мне отвечаешь? Пойми же, твоя смерть никому не принесет пользы. Наши хозяева давно вышли из игры, а я держу тебя на мушке и того гляди уничтожу. Как все это глупо. Жизнь — самое драгоценное, что у нас есть, и сколько же людей погибло буквально на днях. Человечество почти полностью истреблено, и, если война затянется, оставшихся в живых ждет та же участь. Следовательно, перед теми, кто способен шевелить мозгами, стоит задача собрать уцелевших и обеспечить им возможность телепортации на другие планеты. Земля сейчас мало пригодна для обитания, а дальше будет еще хуже. Но и большинство планет пока не подготовлены для заселения, и в ближайшее время мы не в состоянии закончить эти работы. Нужно построить жилища, наладить коммуникацию между мирами. Хватит смертей, я даю тебе шанс остаться в живых. Принимаешь ли ты мое предложение? Или все еще не веришь мне?

Я выбрался на ровный участок местности и прибавил скорость. Сквозь облака дыма и пыли виднелись языки пламени, которые вырывались из дыр, пробитых мною в стенах здания «Доксфорд индустри». Как бы ни уверял меня Стайлер в своей мощи, он не смог бы отрицать, что и я малый не промах.

С того конца долины снова началась стрельба — ракеты ложились то ближе, то дальше. Это он пристреливался. Я увеличивал скорость, потом резко тормозил и проделывал этот прием неоднократно, а потом мне повезло и я взобрался на крутой склон, хотя и побаивался, что двигатель его не осилит. Подготовил к пуску ракеты. До цели было далековато, но ведь я продолжал двигаться вперед. Выждал время, и лишь только еще две его ракеты отделились от ракетносителя и разорвались где-то позади меня, послал парочку своих. Правда, не так метко, как в первый раз.

Снова с его стороны начался ураганный огонь и земля затряслась, а корабль швыряло из стороны в сторону. Страшный грохот, ослепительные вспышки, удушливый дым. Обломки скалистого грунта барабанили по бронированным бортам.

— Алло! Алло! — слышался его голос, но все, что он говорил, заглушили разрывы ракет, упавших, надо отдать ему должное, совсем близко от меня.

Я резко свернул и помчался по диагонали, стремясь использовать в качестве прикрытия гигантские каменные валуны справа. Стрельба стала беспорядочной, ракеты разрывались далеко позади меня. Приемник замолчал, как только я оказался за валунами и теперь, защищенный справа, несясь по извилистой тропе. Похоже, я его обманул, он потерял меня из виду и бил все куда-то влево, с большим перелетом.

Продвигаясь зигзагами, я едва не проморгал целый комплекс зданий, расположенных глубоко в овраге слева от тропы. Они выглядели недавно построенными и нежилыми и, главное, не значились на картах, которые я изучал вместе с инструкторами. На всякий случай держа их под прицелом, прокатился мимо, но причины открывать огонь так и не возникло.

Я вползал по склону, и вот снова зазвучал голос Стайлера, сначала слабо, но по мере моего продвижения все громче:

— ...пойми, — говорил он, — я впервые в жизни могу применить свои возможности не ради наживы, а на пользу человечеству... я мог бы помочь людям пережить эти ужасные времена. Именно теперь им нужны мои способности, навыки... Даже технология клонирования...

Он меня все-таки обнаружил. Последовала серия мощных взрывов. Перелет! Опять перелет! Но я уже вырулил из-за своего прикрытия на открытое пространство.

Нужно было преодолеть расстояние в несколько сот ярдов и все в гору. Я рванул на предельной скорости, только скорость и могла меня спасти. Ну и, понятное дело, я надеялся улучшить момент и произвести ответный залп, ведь с того места, где я укрывался, достать его было практически невозможно.

Следующая серия ракет разорвалась, не долетев, и я опять вильнул, минуя опасную зону. Через секунду — снова взрыв, уже гораздо ближе.

Мне пришлось попрыгать и поволноваться, пока я втискивался в щель между валунами, в то время как каменный щебень сыпался градом, а потом я попытался проскочить под огнем к соседней гряде. Но видать, недостаточно сильно хотел я туда добраться — только выкатился из-за валунов, как он тут же меня и подбил. Корабль подбросило, он завертелся волчком, но снова устоял, а я получил совершенно нежелательный обзор местности через пробоину шириной в восемнадцать дюймов точнехонько над левым плечом.

Кренясь на левый борт и скрежеща шестернями, корабль, однако, понесся дальше, не снизив скорость. Взрывы следовали за мной с регулярностью узелков на хвосте бумажного змея.

Но я был доволен, что преодолел половину расстояния, отделявшего меня от его крепости. Это уже было здорово, если учесть сопутствующие обстоятельства.

Я забирал вправо, туда, где заметил еще одну гряду каменных глыб, каждая футов пятьдесят вышиной. Я мчался к этой гряде, а потом вдоль нее до тех пор, пока, по моим предположениям, не вышел из поля зрения Стайлера. Ракеты все еще долбили квадрат, в котором я находился только что.

Но мне было неясно, что собой представляет местность по ту сторону гряды, поэтому я решил вылезти из корабля и провести рекогносцировку, так сказать, на своих двоих.

Оставил всю аппаратуру включенной, даже приемник со стайлеровским слабеньким, но назойливым: «Ангел, ты здесь? Ты еще жив?» — и вскарабкался по камням, через скафандр ощущая, как содрогается земля от разрывов. Воздух был насыщен запахами горящих химикатов, солоноватой пылью. Я осторожно выглянул из-за глыбы, бросился на землю и последний отрезок расстояния до места, откуда открывался вид на равнину, прополз на животе.

— Мне жаль, что так получилось, Ангел. Если ты еще жив и слышишь меня, то я все-таки надеюсь, что

ты мне поверил. Впрочем, верь не верь, а все, что я тебе сообщил, правда. Я тебя не обманывал...

Так я и думал! Если поверну вправо, поднимусь на соседний склон, то займу отличную огневую позицию. А когда отстреляюсь, нырну вон в ту ложбину, похожую на русло пересохшей реки.

— ...я буду вести огонь до тех пор, пока тебя не уничтожу. Ты не оставил мне возможности выбирать...

Я вернулся к кораблю, проверил все системы. Порядок. Глыбы, среди которых я приютился, скоро должны были превратиться в порошок. В любую секунду он мог долбануть по мне чем-нибудь действительно тяжелым. Следовало спешить.

С ужасающим лязгом и сразу на предельной скорости я пошел вперед, причем так завалился на бок, что не на шутку опасался перевернуться.

Итак, я выкатился из укрытия — и мне хватило одного взгляда на здание, чтобы понять: дела Стайлера плохи. Огня на крыше, правда, уже не было, но из окон валили клубы черного дыма.

И тогда я резко затормозил и выпустил мои ракеты — одну за другой, одну за другой, с каждым выстрелом при отдаче откатываясь вниз.

Любоваться результатом было некогда. Я дал полный назад, как только выпустил последнюю ракету. Сполз на дно русла, взял вправо и помчался вперед.

Едва я покинул место, с которого нанес удар, как оно превратилось в пылающий кратер. Град каменных осколков обрушился на меня несколькими секундами позже. Я продолжал катиться в избранном направлении. Обстрел не стихал, но бил мой противник уже явно наобум и не с такой частотой, как вначале. А я теперь ну никак не мог найти пологий склон, чтобы выбраться наверх. Двигателю не хватало мощности, он завывал довольно зловеще, когда я пытался одолеть тот или иной подъем. Явственно чувствовался запах горячей обмотки.

Поднажав, я все-таки выскочил из ложбины и обнаружил, что нахожусь в четырехстах ярдах от цитадели Стайлера.

Передняя ее стена была полностью разрушена, пламя плясало над развалинами. Дыму, конечно, при-

бавилось. Его орудия — сколько же их осталось? — еще какое-то время палили как сумасшедшие и вдруг замолчали. Тишина длилась секунд десять. Потом одна-единственная пушечка снова начала постреливать, да только не в мою сторону, а все куда-то влево.

Зато длинная цепь квадратных роботов выстроилась перед зданием. Стояли они пока неподвижно, но несомненно с намерением защищать Стайлера.

— Тебе везет, — сказал он, и голос его после долгого перерыва прозвучал неестественно бодро. — Не стану отрицать, ущерб мне причинен немалый, однако вряд ли ты способен на большее. Поверь, взлететь тебе уже не удастся, и мои роботы тебя просто затопчут. Твоя смерть никому не нужна, пойми это, наконец, черт побери!

Роботы пошли в атаку, и каждый держал наперевес лазерное ружье. Не долго думая, я открыл по ним огонь. Шум дыхания Стайлера наполнял кабину, пока я, расстреливая роботов, катился к зданию. Они двигались мне навстречу и тоже стреляли.

Половину их я успел положить, прежде чем корабль взорвался. Одно орудие, впрочем, уцелело, и я продолжал отстреливаться, одновременно приводя в аварийный режим устройство скафандра.

В меня несколько раз попало, но скафандр выдержал.

— Есть здесь кто-нибудь живой? Я имею в виду, одушевленный? — спросил Стайлер. — Или я все это время разговаривал с машиной? Мне кажется, ты смеялся. О черт, ведь это могла быть всего лишь магнитная запись! Ты действительно здесь, Ангел? Или ты нечто бездушное, нечто, что способно уничтожить мыслящий тростник, даже не заметив этого? Ответь мне, скажи хоть что-нибудь! Подай какой-нибудь знак, что здесь есть еще одно мыслящее существо, кроме меня!

Роботы разделились на два отряда и норовили взять меня в клещи. Я палил в тех, что заходили справа, но орудие вскоре вышло из строя. Четырех уложил, а граната, которую метнул, выпрыгивая из кабины, прикончила еще троих.

Я тут же залег за остовом корабля и швырнул еще одну гранату в тех, что надвигались слева. Поспешно

собрал лазерное ружье и повернул ствол вправо — один робот подступил уже чуть ли не вплотную.

Прожечь его внутренности до такой степени, чтобы он остановился, у меня не хватило времени. Пришлось отложить ружье и пожертвовать третьей гранатой. А потом я вскочил и побежал к зданию.

Бежать следовало быстро, а я уже малость притомился. Трое квадратных стояло на моем пути. Разминуться не удалось, и я схватился с одним из нападавших врукопашную. Робот попытался захлестнуть меня длинным гибким отростком, но я увернулся. Положившись на силу встроенных в сочленения скафандра пружин провел подсечку и двумя руками поднял его над головой. Второй робот был уже тут как тут, и я обрушил ему на кумпол «тело» его же боевого товарища. Оба они повалились на землю, а я, отшвырнув третьего, побежал к зданию «Доксфорд индустри».

Пробежал шагов сорок и упал, сбитый с ног выстрелами — лазерные лучи моих преследователей так раскалили скафандр со спины, что я задышался.

— Наконец-то я вижу, что ты — человек, — донеслось из наушников в шлеме. — Было бы ужасно, если бы твой скафандр оказался пуст. В скандинавских легендах упоминается о неких злокозненных полых существах... О Боже, а вдруг ты такой и есть? Вдруг ты мой ночной кошмар, который не исчезает даже днем?

Пока он разглагольствовал, я швырял в роботов гранаты — четвертую, а вслед за ней и пятую, предпоследнюю. Вскочил на ноги и бросился к развалинам перед зданием. До них было ярдов тридцать, не больше, и лазерные лучи жгли меня нещадно, я падал, снова вставал и, спотыкаясь, бежал вперед, ощущая нестерпимую боль от ожогов в тех местах, где изнанка скафандра соприкасалась с недостаточно защищенными участками кожи. Понятное дело, я весь был в мыле.

Перекатился за кучу кирпичей и принялся лихорадочно рвать раскаленные застёжки скафандра. Расстегивался я целую вечность. Мне было так больно, что я даже прикусил губу, сдерживая стон.

Наушники в брошенном наземь шлеме продолжали рассуждать:

— А может быть, ты считаешь, что человечество не стоит спасать? Не стоит даже и пытаться? Неужели ты откажешь ему в праве воспользоваться случаем? Ведь оно еще не исчерпало свой творческий потенциал...

Его слова потонули в шорохе ползущего щебня — это я снова выбирался на огневой рубеж. Некогда мне было заниматься своими ожогами, меня больше заботило вовремя нацелить ружье на приближающихся роботов. Их оставалось всего трое, и я выбрал того, что вышагивал первым. Жег его невыносимо долго, и вот он наконец встал как вкопанный, фыркнул и задымился. Тотчас перевел ружье на второго и лишь тогда сообразил, что ведь они, пожалуй, не предназначены для военных действий. Ну конечно, Стайлер на скорую руку собрал и пустил против меня роботов, может быть, и полуфункциональных, но... все же им следовало двигаться пошустрее, если он действительно хотел со мной справиться. И ружья не были в них встроены, роботы держали их щупальцами.

— Разумеется, род человеческий стоит того, чтобы его спасти, — пробормотал я, ощущая во рту соленый привкус крови. — Но как бы паршиво ни складывались обстоятельства, прежде всего собственное безрассудство толкает его к гибели. Люди обречены на безумие, вот в чем беда. Если бы я мог, я бы выбил из них дурь, искоренил бы ее в зародыше! — Второй робот взорвался, и я удовлетворенно хмыкнул. — Черт побери, а начал бы я с себя!

Спину вдруг начало сильно припекать — тут же с шипением включились системы охлаждения. Я обернулся и встретил лучом в упор последнего робота, треща от мысли, что делаю это слишком поздно. Его луч уже плавил защитный слой скафандра, и мне ничего не оставалось, как, зажмурившись и пригнувшись, нажимать и нажимать на спуск. Я сдувал с носа пыль, слышал запах собственных паленых волос, а он все пер на меня, как танк. Мне казалось, что левая моя рука превратилась в головешку, но отступить было некуда, кому-то из нас двоих суждено гореть синим пламенем.

Наверное, я прожигал его дольше, чем требовалось, потому что делал это в буквальном смысле слова

вслепую. И опустил ружье лишь тогда, когда догадался, что, если бы я его не уложил, меня давно не было бы в живых. Распрямился, открыл глаза, увидел поверженного робота и тут же сам рухнул на землю, не в силах двинуться от боли и усталости.

Но примерно через минуту осознал, что должен подняться, иначе так и останусь лежать здесь, напрасну теряя заряд адреналина и становясь все слабее, пока не впаду в забытье.

Я заставил себя встать, и меня качнуло назад. Я едва удержался на ногах, когда нагнулся, чтобы отстегнуть с бедра последнюю гранату. А потом посмотрел на здание.

Огромные стальные двери уцелели. Я подошел к ним, навалился плечом. Мне-то казалось, что своими ракетами я сжег все, что только возможно было сжечь. Отступил и прицелился в замок. Прожег его насквозь. Взрыва не последовало. Значит, вход не заминирован.

Это был самый обычный вестибюль, такой можно увидеть в любом здании на Земле. Только было здесь пусто, дымно и жарко.

Воскрешая в памяти план здания, я крадучись двинулся вперед. Не снимал палец со спускового крючка, ежесекундно ожидая, что из-за угла блеснет лазерный луч или полетит брошенная граната. Опасался я и выхлопов отравляющего газа из какого-нибудь потайного сопла, хотя надеялся, что, если таковые средства защиты здесь предусмотрены, мои ракеты вывели их из строя. Почему-то я не сомневался, что Стайлер сидит у центрального пульта, то есть внизу, под землей. Это было самое важное и наиболее безопасное место во всем здании.

Пока я искал выход на лестничную клетку, Стайлер заговорил из репродуктора на стене:

— Я в тебе не ошибся, ты внушал мне страх с самого начала. Жаль, что нам довелось узнать друг друга при таких обстоятельствах. Ты обладаешь качеством, которым я искренне восхищаюсь, — ты решителен. Мне всегда не хватало целеустремленности, готовности выполнить задуманное во что бы то ни стало. А вот

ты, если уж взялся за дело, доведешь его до конца. Только смерть может тебе помешать.

Перепрыгнув через полуобвалившуюся стену, я бежал по объятому пламенем коридору. Системы охлаждения скафандра работали отлично.

— Почему судьба так плохо распределяет роли? Задумывался ли ты когда-нибудь, что было бы, если бы у Отелло возникли вопросы, которыми мучился Гамлет? Да он разрешил бы их сразу же после разговора с призраком, и все закончилось бы в конце первого акта. В свою очередь принц датский шутя разделался бы с проблемой, сводившей с ума бедного мавра. Грустно, что мир так устроен. Будь я таким, как ты, «Коза Инкорпорэйтед» ходила бы передо мной по струнке. Сейчас они в отчаянном положении, говорю тебе со всей ответственностью. Этот штурм — их агония. Друг друга они ненавидят сильнее, чем общего врага. В их глазах ты — властный и безжалостный предок и мог бы держать всю эту команду в кулаке... О черт, теперь это уже неважно... я думаю о чем угодно, только не о себе! Эх, если бы ты знал столько, сколько знаю я, ты сумел бы предотвратить эту войну. А я не сумел, и что теперь говорить об этом? Я все обдумывал альтернативные варианты — в то время, когда уже падали бомбы. Ты бы давно что-нибудь предпринял...

Дверь, ведущая на лестничную площадку, не поддавалась. Я прожег замок и ударом ноги распахнул ее. Клубы дыма повалили в коридор.

— ...а вот я до сих пор прикидываю, взвешиваю, как справиться с ситуацией...

Держась за стену, я спускался по лестничному маршру. Дым щипал глаза, слезы ручьями текли по щекам. Дверь, в которую упиралась лестница, тоже оказалась задренной. Пришлось прожигать ее насквозь. Голова у меня кружилась, кровь стучала в висках. В три прыжка пересек еще один горящий коридор, расправился еще с одной дверью, влетел в душную, но без каких-либо признаков пожара прихожую и помчался дальше, на бегу озираясь, чтобы выстрел или взрыв не застали меня врасплох. Воздух здесь, под землей, был чище и прохладнее, и в конце концов я задышал полной грудью. Повсюду светили лампы, и

через равные промежутки висели репродукторы, но из них доносилось лишь учащенное дыхание да иногда слышались произносимые шепотом проклятия.

Меня тревожило: один он здесь или все-таки у него есть помощники? Ведь людей на планете Альво я пока что не видел. Логичнее было бы предположить, что с момента моего приземления все обитатели собрались внутри последнего оплота «Доксфорд индустри». С другой стороны, монологи Стайлера свидетельствовали, что он в одиночестве, и довольно давно. Но где же остальные? Ведь здание огромно, и штат обслуживающего персонала должен быть тоже немалым.

Вскоре, однако, мои страхи рассеялись. Я остановился перед массивной дверью с табличкой, недвусмысленно указывающей, что это вход в святая святых. Осторожно надавил на ручку двери — заперто. Направил ствол ружья на замок и приступил к уже привычной операции.

О дьявольщина, заряды кончились, а сталь в замке оказалась слишком крепкой. Если последнюю гранату я потрачу на то, чтобы взорвать дверь, у меня больше не останется оружия, которым можно поражать на расстоянии. Не с голыми же руками на Стайлера бросаться... Правда, имелся у меня кинжал, я его приобрел на Сицилии. Помню, как посмеивались надо мной инструкторы, когда я не пожелал с ним расстаться. Им и в голову не приходило, что он может меня выручить.

Я отшвырнул ставшее бесполезным оружие, выхватил из узкого и длинного кармашка на голени кинжал. Примерился, куда лучше бросить гранату.

— Представляю, с каким нетерпением ты будешь ждать, когда за тобой прилетят твои сообщники, — раздался голос Стайлера из репродуктора над дверью. — Но этого не случится, и у тебя кошки на душе заскребут при мысли, что, может быть, они тебя бросили, а мое сообщение о войне было правдой. И тогда ты попытаешься покинуть Альво собственными силами, но не найдешь здесь ничего, что может пригодиться для этой цели. А еще в тебе шевельнется подозрение, не единственное ли ты разумное существо на этой планете? И твои подозрения подтвердятся. Вот когда ты пожела-

ешь, что не поверил мне, вот когда поймешь, что вместе со мной решил бы свои проблемы...

Я отбежал в дальний угол прихожей, швырнул гранату и упал на пол.

— Я всех отсюда эвакуировал много месяцев назад, потому что предвидел этот штурм. А теперь, во время войны, крайне сомнительно, чтобы сюда хоть кто-нибудь вернулся. Беженцы переправлены на планеты, более или менее подготов...

Взрыв в замкнутом пространстве прозвучал оглушительно. Я был на ногах прежде, чем замерло эхо и осыпались обломки.

Ах вот оно что! Он эвакуировал своих подручных и, значит, некому было бы меня подобрать, если бы я внял его мольбам и остановился в самом начале штурма. Выходит, он просил это сделать просто для того, чтобы ему удобнее было в меня целиться! Сочувствие, во мне зародившееся, тотчас исчезло. С кинжалом в вытянутой руке я кинулся к зияющему дверному проему.

Вбежав, мгновенно осмотрелся. Никакой, как я почему-то предполагал, пышности в интерьере не наблюдалось. Всю дальнюю стену до потолка занимал пульт, левая мигала множеством дисплеев, которые в различных ракурсах показывали панораму долины и охваченные пожаром помещения. Заднюю часть комнаты отделяла перегородка, а наличие при входе ковра и кое-какой мебели указывало на то, что Стайлер здесь и живет.

Он, в точности такой же, как на фотографиях, сидел за небольшим металлическим столом возле левой стены. Мудреная машина, размерами и формой напоминающая гиппопотама, выступала из противоположной стены и частично прикрывала его. Стайлер был лыс, пучки проводков тянулись от его головы к центральному пульта. Он смотрел на меня и в правой руке держал пистолет.

Не знаю, сколько раз он в меня попал. Первый-то раз промазал. Относительно второго выстрела не уверен. Пистолетик был мелкокалиберный, и Стайлер успел пальнуть три или четыре раза, прежде чем я выбил

у него из руки эту игрушку и вогнал лезвие точно ему в диафрагму. Он грузно осел в кресло.

— Ищи спасения... — начал он, потом судорожно глотнул воздух, и знакомое мне по фотографиям невозмутимое выражение его лица сменилось изумленным.

Он выбросил вперед правую руку, нажал кнопку справа от себя и, содрогаясь, упал грудью на стол.

А на столе стоял телефонный аппарат. И вот он вдруг зазвонил.

Я смотрел на аппарат как зачарованный, не в силах пошевелиться. До умопомрачения странно было слышать здесь телефонный звонок. Я с огромным трудом сдерживал в себе желание расхохотаться, потому что чувствовал — уж если начну, то мне будет не остановиться.

Но нужно же было понять, что означает этот звонок! Я бы всю оставшуюся жизнь казнил, если бы не поднял трубку.

Я ее поднял.

— ...в здании, — продолжал голос Стайлера, — на противоположной стороне долины.

Я едва не закричал. Схватил его за плечо, встряхнул. Толкнул обратно в кресло.

Он был мертв или вот-вот должен был умереть, это уже не имело значения.

— ...клетки мозга еще работают, — говорил его голос, — поэтому я могу привести в действие все, что еще уцелело, пускай даже голосовые связки мне уже не повинуются. Все здесь проходит через селектор, а его голос — это мой голос. Тебе придется изучить материалы, которые ты найдешь в том здании. Это будет трудно, и тебя может постигнуть неудача. Но тогда ты проведешь остаток дней здесь, на планете Альво. В твоем распоряжении наглядные пособия, магнитофонные записи, мои рукописи, книги. У тебя нет теперь ничего, кроме времени, и лишь от тебя самого зависит, сумеешь ли ты выбраться отсюда. До сих пор мои предвидения были верны, но, кажется, это все, на что я способен...

А потом в трубке что-то щелкнуло и раздался гудок.

И я потерял сознание.

Я нашел и изучил материалы, о которых он говорил, в том корпусе Дома, что получил впоследствии название «Нулевое крыло». Я учился, у меня не было выбора. Вернее, выбор был: или учиться, или поддаться всеобщему безумию, еще более мрачному, чем в мои времена.

Я хотел выбраться отсюда, отыскать Джулию, сделать хоть что-нибудь...

Я выбрался. Я не нашел ее могилу (да и была ли у нее могила?), но во всяком случае установил, что Джулии не было среди тех, кто попал в Дом или его корпуса, расположенные на других, еще плохо обжитых планетах.

Я выбрался, хотя для этого мне о многом пришлось забыть. Впрочем, времени у меня было предостаточно для самого скрупулезнейшего самоанализа. Я овладел методами диагностирования тех свойств моей личности, которые меня же и отвращали, и немедленно стирал их из памяти. Такую вот поставил я перед собой задачу. Мне хотелось, чтобы этой операции подверглись все люди... те, кто еще оставался в живых... мне казалось, что это возможно сделать. Правда, путь духовного преображения человечества обещал быть долгим, но я готов был идти вместе со всеми, пусть и отставая на шаг, чтобы выполнять грязную работу, для которой годился как никто иной. И меня это устраивало.

Я разрушил некую часть самого себя и припаял контакт в соответствующее место. В случае опасности можно было присоединить и остальные, но я не хотел, чтобы Анджело ди Негри существовал. Я его ненавидел.

А потом я оживил клоны. Мы могли во всем положиться друг на друга.

И мы выбрались из этой передраги.

ЧАСТЬ II

Глава 1

Изумление — вот что я испытал, когда пуля пробила мое сердце. «Как же такое возможно?..» — успел я подумать, прежде чем умер.

Миссис Воул рассказывала, что я кричал и хватал руками воздух. Я-то ничего не помнил, потому что сразу отключился, а вот бедной девочке, конечно, этого не забыть, ведь меня пристрелили в ее постели.

Да, еще мелькнула в затухшем мозгу безумная мысль: *«Выдержи штекер номер семь!»*

Но зачем, почему — я понятия не имел.

Вижу ее лицо, зеленые глаза, опущенные длинными ресницами, розовые губы, полуоткрытые в улыбке... И вдруг — дикая боль и невероятное изумление, когда я услышал... (или мне показалось, что услышал?) выстрел, который меня убил.

Позднее врач констатировал, что сердце у меня как у младенца, и объективную причину болей в области грудной клетки и последовавшего за ними обморока определить не удастся. Я к тому времени уже сообразил, что подвергся нападению, и ни о чем так не мечтал, как поскорее попасть в Восемнадцатое крыло «Библиотеки», в комнату № 17641.

Но они промурыжили меня полдня под предлогом, что мне нужно успокоиться и отдохнуть. Идиоты! Если со мной все в порядке, о каком отдыхе может идти речь? Ведь меня только что убили! Я пребывал в полной растерянности. Я совершенно искренне недоумевал: неужели в наше время такое возможно? Личность моего убийцы занимала меня уже во вторую очередь.

Тишина, стерильно-белые стены. Арсенал реабилитационных средств.

А меня бросало то в жар, то в холод. Я понимал, что нужно срочно выбраться отсюда, срочно предпринять какие-то меры, чтобы случившееся со мной не получило огласку.

В то же время и чувство отвращения я испытывал, и почти животный страх при мысли о том, что со мной случилось. Но думать о чем-либо другом было выше моих сил.

Впрочем, у меня хватило ума сообразить, что до тех пор, пока я не справлюсь с этими ощущениями, я ни на что не буду способен.

Поэтому я и заставлял себя анализировать происшедшее. Убийство в наше время — да это же неслыханное дело! Я не мог припомнить, когда и где последний раз был зафиксирован факт насильственной смерти, а ведь в отличие от многих я имел доступ к информации такого рода. Жители Дома с малых лет подвергались психологической обработке, из их сознания разнообразными средствами вытеснялась способность к проявлению агрессивных реакций, и при первом же симптоме патологии потенциальная ее жертва немедленно становилась объектом медицинского обследования. И вдруг — явно преднамеренное и хладнокровно осуществленное убийство! Давненько такого не случалось.

Правда, призрак моего предыдущего «я» цинично нашептывал мне на ухо, что если убийство действительно хорошо спланировано и на самом деле умело осуществлено, то, как правило, очень трудно установить, что это именно убийство, а не смерть, наступившая в результате, скажем, несчастного случая или болезни, и поэтому не следует строить иллюзии относительно стопроцентной эффективности нашего контроля над людьми. Окриком я загнал предка обратно в небытие, которое он, кстати вполне заслужил. По крайней мере, лично я не сомневался, что он обретается там заслуженно. А что касается каких-то якобы невыявленных нами актов насилия, тем более убийств, так ведь мы располагали исчерпывающей ин-

формацией о каждом жителе Дома, поэтому скрыть от нас что-либо было практически невозможно.

Самое неприятное, что случилось это именно со мной. Мне предстояло скрыть факт убийства, чего я не позволил бы сделать никому другому. Ну а если конкретнее: я должен был постараться, чтобы ни полиция, ни кто бы то ни было не узнали истинную причину моей смерти. Звучало все это достаточно дико, но ведь у меня был особый случай...

Саркастический смех вырвался из моего горла. Настроение у меня окончательно испортилось.

— «Особый случай»! Неплохо сказано, старый крот! — пробормотал я. — Вот уж действительно и смех и грех!

— *Черт побери, Ланж, у тебя, оказывается, напроць отсутствует чувство юмора!*

— Согласен, я в дурацком положении, но сам по себе факт убийства — не повод для смеха.

— *Особенно когда убиваешь не ты, а убивают тебя?*

— Относительно меня ты заблуждаешься.

— *Ну-ну, не прикидывайся овечкой. У тебя руки по локоть в крови, как у любого из нас.*

— Я не убийца! Я никого не убивал!

Тут, впрочем, я с трудом подавил в себе желание снова хмыкнуть.

— *А как насчет частичного самоубийства? Про меня ты забыл?*

— Человек имеет право распоряжаться собой, как ему вздумается. А ты... ну кто ты такой? Тебя нет! Ты — ничто!

— *Тогда почему же ты так разволновался? Нервы не в порядке? Нет, Ланж, я существую. Ты убил меня, преднамеренно лишил меня жизни, но я существую. И настанет время, когда я воскресну. А воскресишь меня ты.*

— И не мечтай!

— *А ты не зарекайся. Я тебе понадоблюсь, и очень скоро.*

Уже задыхаясь от ярости, я снова отправил предка в небытие, только там ему и место.

Проклиная себя за неумение сдерживаться, я одновременно сознавал, что мой гнев — проявление атавистических инстинктов, пробудившихся в результате психической травмы, полученной в момент смерти. Впрочем, с нервами я совладал довольно быстро, напомнив себе, что до тех пор, пока люди остаются людьми, мой долг — продолжать начатое, какой бы облик ни пришлось мне принять в очередной раз.

Итак, прежде всего нужно было успокоиться. Успокоиться и ждать, когда ко мне вернутся силы, а пока не высовываться. Разумеется, чем позже я смогу начать действовать, тем труднее будет восстановить прежний порядок вещей, но ведь возможности человеческого организма ограничены. Должно пройти какое-то время, прежде чем ко мне вернется способность принимать правильные решения.

Я стиснул зубы, сжал кулаки. Нельзя быть таким невыдержанным, это всем нам может дорого стоить. Расслабимся потом, позднее.

Я заставил себя встать с постели, подошел к зеркалу, висевшему над умывальником. На меня смотрел седой темноглазый мужчина лет пятидесяти. Взъерошив волосы, я попробовал улыбнуться. Улыбка вышла невеселая. «В голове у тебя полный разброд», — сказал я своему отражению, и все мы согласились с этим утверждением.

Открутил кран, дождался, когда потекла холодная вода, обмыл разбитую физиономию и почувствовал себя немного лучше. Стараясь не думать ни о чем, кроме поставленной перед собой задачи, вытащил из стенного шкафа одежду. Быстро оделся. Начав двигаться, я уже не мог остановиться. Хотелось как можно скорее отсюда выбраться.

Вызвал звонком медсестру, а пока принялся расхаживать взад и вперед по палате, изредка задерживаясь у окна, чтобы бросить взгляд на больничный дворик — совсем пустой, если не считать двух или трех больных и пришедших к ним родственников. Высоко вверху уже зажглись софиты.

Вдали высились башни трех эскалаторов, каждая напоминала гигантский штопор. Справа мне были видны просторные балконы сводчатой галереи. Свети-

лись и фонари вдоль больничной ограды. Движение на транспортерных лентах и переходах между ними в этот час было небольшое. Вертолетов тоже в пределах видимости не наблюдалось.

Появилась медсестра и повела меня к молоденькому врачу, тому самому, который объявил мне, что со мной все в порядке. Поскольку я был с ним совершенно согласен, он и разрешил мне отправляться на все четыре стороны. Я поблагодарил его и поспешно откланялся.

Спускаясь к транспортерной ленте, отметил, что чувствую себя с каждой минутой все лучше и лучше. Сначала мне было абсолютно все равно, куда двигаться, я просто испытывал потребность оказаться подальше от больницы, ее специфический запах напоминал мне о том плачевном состоянии, в котором я пребывал совсем недавно.

Я шел мимо складских помещений, над головой время от времени проносились вертолеты «скорой помощи». Стены, перегородки, пилоны, платформы, пандусы, посадочные площадки — все вокруг было белым и пахло карболкой. Я шел все быстрее, а навстречу мне без конца попадались то санитары с носилками, то медсестры с пробирками в руках, то больные в окружении озабоченных родственников. Просто чудом я не сбил никого с ног, потому что уже бежал — вот до какой степени было мне ненавистно это место со всеми его аптечными киосками, процедурными кабинетами и приемными покоями, в которых лежали прибывшие для излечения, а также те, кто уже ни в какой медицинской помощи не нуждался.

Транспортерная лента, в направлении которой я несся, пересекала угол больничного парка, где бедняги в креслах-каталках коротали оставшееся им время до того дня, когда и перед ними должна будет открыться черная дверь в небытие. А над территорией больницы подъемные краны, похожие на птиц, с тихим клекотом мотали огромными клювами, разнося в различных направлениях узлы для сборки тех или иных механизмов, контейнеры с медикаментами и человеческими органами, предназначенными для трансплантации, и все это выглядело хаотично лишь для не-

опытного глаза, а в действительности делалось в строгом соответствии с непрерывно обновляющимися на компьютерах данными.

Только после двенадцатой пересадки я задышал свободнее. Соскочил с транспортной ленты и очутился в освещенной лампами дневного света и многолюдной «Кухне».

Воздух, пронизанный соблазнительными ароматами, толчея, разнообразие красок. Наконец-то я снова на этом свете, а не на «том».

Зашел в небольшое, уютное кафе. Несмотря на то что был голоден, уже через минуту перестал ощущать вкус пищи, жевал и глотал машинально. Зато с пристальным вниманием приглядывался к окружающим. «А вдруг среди этих, что вокруг, мой убийца? Интересно, кстати, как они вообще выглядят, убийцы? Впрочем, что за бред. Убить способен любой из них, дай только повод и предоставь возможности. По их добродушным лицам этого не скажешь, но ведь кто-то выстрелил в меня всего несколько часов назад! Да, да, любой из них способен стать убийцей...»

При этой мысли мне стало не по себе, аппетит у меня пропал окончательно, зато я снова почувствовал настоящее желание двигаться, идти куда-нибудь, куда угодно, лишь бы не оставаться на одном месте. Жесты и лица окружающих казались мне подозрительными, а то и вовсе исполненными угрозы. Мимо проществовал с подносом толстяк, по виду из тех, что не обидит и мухи, а я весь напрягся, напряжился — задень он меня, и я бы с воплем вскочил со стула.

Как только освободился проход между столиками, я встал и нарочито неторопливым шагом вышел из кафе. Мне стоило огромных усилий не побежать опрометью к транспортной ленте. Потом я долго ехал, ни о чем не думая. В толпе мне было страшно, но находиться в одиночестве казалось еще страшнее. Я ехал и бубнил себе под нос проклятия.

Было, конечно, место, где я мог ничего не бояться, и были там люди, которым я мог доверять. Добраться туда проще простого, но я не хотел, чтобы мое настроение передалось им.

Чтобы на душе не было так тошно, я решил немного выпить, однако ни в одно из питейных заведений этого крыла заходить почему-то не хотелось. Вот именно — почему? Этого я не мог себе объяснить. Я перестал ориентироваться в собственных чувствах.

Двинулся к ближайшей станции туннеля и вскоре увидел стену с мигающими буквами и цифрами. Сошел с транспортерной ленты и принялся изучать расписание.

Людей вокруг было немного, одни спешили к выходу на платформу, другие сидели на скамейках и глядели на световые табло. Из расписания явствовало, что с Одиннадцатой платформы можно попасть в «Коктейль-холл» Девятнадцатого крыла через шесть минут.

Я подошел к выходу на Одиннадцатую платформу, вставил в щель автомата контрольную карточку. Гудение, щелчок — и решетчатая дверца распахнулась. Я поднялся по лестнице и вошел в зал ожидания, где уже находились старик чудаковатой наружности в кресле-каталке и девушка в белом халате, вероятно медсестра. Должно быть, ей было поручено ухаживать за стариком, хотя она и держалась в некотором от него отдалении. Старик пристально посмотрел на меня и улыбнулся, собираясь, по видимости, затеять со мной разговор.

Я сделал вид, что не заметил его намерения, и отошел в сторону. Я все еще не испытывал желания общаться с кем бы то ни было.

Что касается остальных ожидающих (их было двое, оба мужчины), то один стоял неподалеку от выхода с развернутой газетой, которая почти полностью закрывала его лицо, а другой, с портфелем в руке, нервно прохаживался по залу, время от времени поглядывая на часы.

Загорелся красный свет, раздался гудок. Я пропустил всех вперед и лишь тогда сам двинулся к выходу на платформу.

Вставил карточку в автомат вторичного контроля и вошел в стальную, ярдов сто длиною, туннель, стены которого пестрели рекламными плакатами и разноцветными граффити. Запах озона ударил в ноздри. В воздухе слышалось слабое потрескивание. Покры-

тые пылью лампы светили тускло. Пол был усеян мусором.

Не прошел я и до середины туннеля, как увидел невысокого, смуглого мужчину, который, заложив руки за спину, рассматривал рекламный плакат на стене. Из рта у него торчала зубочистка, которую он жевал весьма энергично.

Этот тип, когда я с ним поравнялся, внезапно повернул ко мне голову. Я сделал шаг влево, но и он, ухмыляясь и подмигивая, шагнул вправо, загораживая мне дорогу. Я остановился и, скрестив руки на груди, раздвинул пошире прорезь под мышкой левой руки и нащупал рукоять транквилизаторного пистолета, с которым никогда не расставался.

Он, продолжая ухмыляться, еще раз подмигнул, на этот раз совсем заговорщически, и спросил:

— Фотографиями не интересуетесь?

Я и слова в ответ сказать не успел, а он уже распахнул полу пиджака и рылся во внутреннем кармане. Я почувствовал облегчение, увидев, что извлекает он оттуда не револьвер или, скажем, нож, а действительно пачку каких-то фотографий. Развернув их веером, он двигался мне наперерез.

При других обстоятельствах и в любом другом месте я без лишних слов арестовал бы его. Впрочем, нет, на первый раз, может, и отпустил бы с миром, пригрозив, разумеется, применить санкции, если он еще раз попадется мне на глаза. Все зависело бы от моего настроения. Но в этом туннеле, пролегающем через ноль пространства, всегда было непонятно, по законам какого крыла судить правонарушителя. А если этот тип постоянно здесь околачивается?..

К тому же я был не при исполнении и не испытывал в данный момент никакого желания заниматься своей, если можно так выразиться, профессиональной деятельностью.

Короче, я просто шагнул вправо, намереваясь обойти его и продолжить путь. Он, однако, подхватил меня под руку и спросил снова:

— Так как насчет фоточек?

Я искоса взглянул на снимки и... Гм-м, выходит, я недооценивал силу атавистических инстинктов, про-

снующихся во мне вследствие психического потрясения, потому что уже не мог отвести взгляд от красочных глянцевых снимков.

Я и сам не понимал, почему они меня так заинтересовали. Видел же я и раньше нечто подобное, тысячу раз видел...

Это были три снимка Земли, сделанные из космоса, также по одному изображению всех планет нашей Солнечной системы; на остальных фотографиях были запечатлены планеты и созвездия мне, по большей части, незнакомые.

И вот при виде этих пустынных картинок меня вдруг охватило совершенно необъяснимое волнение, которое я, кажется, не сумел скрыть.

— Нравится? — спросил тип.

Я кивнул.

— Пятьдесят, — сказал он. — За пятьдесят отдам весь комплект.

— Ты что, ненормальный? «Пятьдесят»! Это слишком дорого.

— Но ведь и снимки очень качественные.

— Верно, — согласился я, — но они не настолько мне нужны, чтобы я стал платить за них бешеные деньги. Кроме того, у меня нет пятидесяти.

— Бери шесть на выбор за двадцать пять.

Вообще-то я должен был, как полагалось законопослушному члену общества, ответить, что не ношу с собой наличных, и таким образом пресечь в самом начале этот предосудительный разговор. Жители Дома в наличных деньгах не нуждались, удостоверение личности позволяло им приобретать необходимое — стоимость же приобретенного вычиталась из личного счета, который можно было в любой момент проверить. Хотя, разумеется, каждый имел при себе какую-то сумму на карманные расходы, в которых ни перед кем не желал отчитываться. Но самое-то правильное было бы послать его ко всем чертям и идти своей дорогой. Почему же я этого не сделал?

Да потому что мне понравились фотографии. Вдобавок нужно было как-то отвлечься от тревожных мыслей, одолевавших меня. Одним словом, решил себя побаловать — приобрести несколько снимков.

Выбрал карточку с ярким, четким изображением Земли. Подумал — и взял еще одну, где на черном фоне во всем своем блеске простирался Млечный путь. Отсчитал типу четыре доллара (по два за штуку), сунул фотографии в потайной карман под мышкой, туда, где лежал пистолет, и пошел дальше, стараясь поскорее забыть наглую ухмылку этого субъекта вкупе с жеваной его зубочисткой.

Через несколько минут я был уже в Девятнадцатом крыле. Спустился с платформы, вышел со станции и вскочил на транспортерную ленту. Здесь, в «Коктейль-холле», всегда царил вечерний полумрак. В моем состоянии это меня как раз устраивало. Высоко вверху, под потолком, брезжили огни софитов, как далекие огни в огромном ночном поле. Стоя в одиночестве на движущейся ленте, я отдыхал душой. Тех четверых, вслед за которыми я вошел в туннель, нигде не было видно. Я сделал несколько пересадок — хотел попасть в наиболее затемненный уголок «Коктейль-холла».

По обе стороны ленты бесконечной чередой тянулись секции, оформление их интерьеров поражало разнообразием стилей. Одни секции пустовали, а из тех, что были заняты, доносились взрывы смеха, музыки. Мелькнула влюбленная парочка — молодые сидели, взявшись за руки и прижавшись друг к другу за маленьким столиком, на котором мерцал тоже крошечный светильник. А вот за другим столом сгорбился одинокий мужчина, перед ним на столе стояла бутылка.

Я проехал несколько миль, прежде чем ощущение одиночества наконец подействовало на меня умиротворяюще. Тогда я спрыгнул с ленты. Пробрался между столиками, свернул за угол, перешел через мостик и углубился в пальмовую рошу (пальмы, разумеется, были из пластика. Эта искусственная Полинезия, признать, меня раздражала).

Прошел рошу насквозь, еще раз свернул и оказался в тихой и, главное, пустынной секции.

Уселся на плетеный стул перед небольшим круглым столом, наклонился и включил светильник в форме керосиновой лампы. В его желтом свете стали вид-

ны кресла с кружевными накидками на спинках, пианино, два портрета на стене, довольно, впрочем, невыразительные, книжный шкаф, набитый книгами в дорогах, с позолотой, переплетах... К несказанной своей радости я забрел ненароком в викторианскую гостиную — именно в таком интерьере, рассчитанном вызывать у человека ощущение прочного уюта и полной безопасности, мне и хотелось провести часок-другой.

Я нащупал под столом обслуживающее устройство. Вставил карточку в щель — заказал порцию джина с тоником и сигару. Не прошло и минуты, как мой заказ был выполнен. Я поставил поднос на стол. Сделал глоток отличного, в меру охлажденного джина. Раскурил сигару. Табак тоже был высшего качества. В течение какого-то, впрочем, весьма недолгого времени я, забыв о своих треволнениях, пребывал в блаженной полудреме, но потом в мозгу снова началась подспудная работа, я сунул руку в карман и вытащил фотографии. Положил их на стол — одну возле другой — и принялся рассматривать.

И еще раз испытал странное чувство, похожее на ностальгию. Это было тем более удивительно, что запечатленное на снимках я никогда не видел воочию.

Я ломал голову, пытаюсь понять, почему же меня волнуют изображения Земли и этого величественного звездного потока, называемого Млечным путем. Перебрал в уме все значительные события моей жизни — ни одно из них не могло быть причиной для ностальгии такого рода.

И вот тогда мне стало действительно не по себе, потому что я, кажется, начал догадываться... догадываться, кому могло принадлежать это волнение...

Ну конечно, старому Ланжу... Ланжу Старшему, моему предшественнику и однофамильцу... Наверное, какие-то воспоминания, связанные со звездами, сохранились в его памяти, в той ее части, которую я стер...

Но чтобы выяснить в точности, в чем тут, собственно, дело, существовал один-единственный способ — подвергнуть мозг специальной процедуре.

При мысли о ней я содрогнулся. Насколько мне известно, никто из нас еще не прибегал к этому крайнему средству. Я считал, что, как бы ни было мне сей-

час тошно, да и попросту страшно, необычное мое волнение при виде каких-то фотографий, спровоцированное, конечно же, недавно пережитым нервным шоком, еще не дает мне права нарушить табу. Мертвое должно оставаться мертвым — оснований для этого более чем достаточно.

Одним словом, несмотря на то что нам несомненно угрожала опасность, я все же не мог представить себя выдергивающим штекер номер семь...

О Боже, да что же это со мной? Мне показалось, что я вдруг стал кем-то другим, кем именно — я не мог вспомнить, и этому «другому» пришла в голову безумная мысль...

Ну да, та самая, что впервые возникла в миг моей смерти... до поры до времени ее заглушали боль и страх, но вот она снова заявила о себе...

Выдерни штекер номер семь!

Зачем? Почему? Этого я не знал, но чувствовал, что происходящее со мной не было ни истерикой, ни шизофреническим бредом. Я бы, наверное, даже обрадовался, если бы все, что творилось в моем сознании, объяснялось так просто. Невыносимо было оставаться один на один с этим ужасом, пробирающим меня до костей, но еще больше я боялся понять, что является его причиной. Да, да, больше, чем собственной смерти, я боялся выдернуть штекер номер семь.

Ну почему, почему мне так не повезло, почему я оказался по возрасту старше всех нас? Ведь согласно заведенному обычаю я должен был стать связным! А я не хотел, я страшился взять на себя такую ответственность! Хотя, разумеется, и мысли не допускал, что обычай этот несправедлив. И конечно, я помнил, что в любой момент могу избавиться от гнетущего чувства одиночества, могу слиться с остальными — но вот в этом случае именно я поступил бы несправедливо по отношению к ним. Нет, нельзя было вносить панику в наше коллективное сознание. Я обязан пошевелить мозгами и разобраться во всем самостоятельно. Проклиная себя за нерешительность, я тем не менее понимал, что помощи по эту сторону черной двери мне ждать не от кого.

Проклятье, за размышлениями я и не заметил, что бокал мой уже пуст.

Заказал еще одну порцию джина. Потягивал его неторопливо. Попыхивая сигарой, продолжал всматриваться в фотографии, впрочем, почти уже потеряв надежду постигнуть тайну их очарования. Запретный плод сладок? Никто из жителей Дома не помнил, что случилось некогда с Землей. Также никто из них ни разу в жизни не видел ни одной звезды.

Глядя на изображение планеты, откуда мы все были родом, я, несмотря на свой возраст, как-никак насчитывающий несколько столетий, вдруг почувствовал странное смущение... как будто я был перед людьми в чем-то виноват... и перед кем именно?.. и в чем?.. Еще одна загадка. В одном я, правда, был уверен — никаких нечистых мыслей фотографии во мне не вызывали.

В темноте раздался звук отодвигаемого кресла. Вероятно, какой-нибудь любитель проводить время наедине с бутылкой хотел расположиться неподалеку от меня, не подозревая о моем присутствии. Ну что же, я и не думал его разочаровывать. Я никогда не был склонен к самообману, но сегодня, после всего, что со мной случилось, иллюзия одиночества мне была необходима. Я все еще не был готов к решительным действиям.

Под стеклянным колпаком мерно постукивали сделанные по древнему образцу бронзовые часы. Мне здесь нравилось.

«...Надо будет запомнить это место и когда-нибудь снова сюда заглянуть. Надо...»

Раздался грохот — как будто кто-то впотьмах налетел на шкаф. Мой немой сосед был или пьян, или донельзя неуклюж. Одновременно слышалось негромкое монотонное гудение. Это, должно быть, в секции за перегородкой шурувал робот-уборщик.

Я сделал еще глоток, улыбнулся, убрал руку с фотографий (я их прикрыл, когда мне почудилось, что кто-то находится в непосредственной близости). Впрочем, тотчас выяснилось, что я не ошибся — в полумраке отчетливо вырисовывалась человеческая фигура.

Да ведь это же был тот старик в кресле-каталке, вместе с которым я дожидался, когда нас впустят на Одиннадцатую платформу!

— Добрый вечер, — сказал он, подъезжая ближе (гудел, оказывается, моторчик его транспортного средства). — Меня зовут Блэк. Я видел вас на станции... в «Больнице» Третьего крыла.

Я кивнул.

Он заискивающе хихикнул, подкатился вплотную к моему столику.

— Когда я заметил, что вы сошли с ленты, я так себе и сказал: этот парень явно собирается промочить горло. — Он посмотрел на мой бокал.

— А вот я вас на ленте не заметил.

— Я был позади, довольно далеко от вас. Извините за беспокойство, мне, право, очень неловко, но не могли бы вы меня выручить?

— А в чем, собственно, дело?

— Мне ужасно хочется выпить.

Я показал рукой на обслуживающее устройство под столом:

— Кто же вам мешает?

Старик затряс головой:

— Вы меня не поняли. Сам я заказать себе выпивку не могу.

— Почему?

— Врачи запретили. Я у них на заметке. Стоит мне сунуть туда свою карточку и заказать что-нибудь горячительное, меня мигом засекут. В Центральном компьютере моя карточка под особым контролем.

— Понятно.

— Но деньги у меня есть, не беспокойтесь. Я имею в виду наличные. Представляете, деньги есть, а толку от них — никакого. За выпивку-то ими не расплатишься. Вот если бы вы заказали для меня порцию виски на свою карточку, я бы, поверьте, в долгу не остался... возместил бы наличными. Черт побери, да я бы и вас угостил! Соглашайтесь, об этом никто не узнает.

— Видите ли, — ответил я, — вот вы говорите, что пить вам запрещено. Мне вовсе не улыбается нести ответственность в том случае, если вас придется отправлять отсюда на вертолете «скорой помощи».

Старик с сокрушенным видом кивнул:

— Да уж, олицетворением здоровья меня никак не назовешь. Врачи, конечно, правы. Достаточно на

меня взглянуть, чтобы понять, какая я развалина. Веселого в моем положении мало. Они что ни день спасают меня от смерти, но разве это жизнь? А, плевать!.. Легкое недомогание завтра утром — терпимая цена за бокал крепкого бурбона со льдом! От этого я не умру. — Он снова хихикнул и нервно передернул плечами. — А если и умру, это, в конце концов, мое личное дело, Ну что, по рукам?

— По рукам. — Я кивнул и вставил карточку в щель. — Собственно, мы не совершаем ничего противозаконного. Вы вправе сами решать, что для вас важнее — здоровье или...

— Закажите двойной, — попросил старик.

Я подал ему бокал. Он сделал солидный глоток, перевел дух. Поставил бокал на стол, пошарил в кармане пиджака и достал сигареты.

— Это мне тоже запрещено, — сказал он, закуривая.

С минуту мы сидели молча, размышляя каждый о своем. Меня удивляло, что я не сержусь на него, хотя он и нарушил мое уединение. Мне было искренне жаль старика. Как его зовут?.. Блэк? Вот уж кому действительно не позавидуешь. Он знал, что скоро умрет, и поэтому под любым предлогом стремился хотя бы ненадолго покинуть больничные стены. Да, старик готов был обратиться к первому встречному с просьбой заказать ему выпивку, но ведь других радостей, кроме как пропустить стаканчик-другой, у него уже не осталось.

В то же время во мне нарастала странная уверенность, что в моем сочувствии он вовсе не нуждается. Его лицо, несмотря на глубокие морщины, дышало внутренней силой и даже какой-то дерзостью, в темных глазах светился ум, а движения рук, покрытых старческими пигментными пятнами, были на удивление энергичны. И вот еще что приводило меня в замешательство: я был убежден, что никогда прежде не видел этого человека, и все же меня не покидало чувство, что встреча наша не случайна.

— Что это там у вас? — Я проследил за его взглядом и только тогда вспомнил, что забыл спрятать фотографии. — Порнографические открытки?

Я покраснел:

— Что-то вроде этого...

Блэк хмыкнул и потянулся к снимкам, но на полпути его рука остановилась, он вопросительно посмотрел на меня.

— Можно взглянуть?

Я подвинул к нему фотографии. Сжав губы, старик долго их рассматривал. Его кустистые брови сдвинулись к переносице, голова склонилась набок. Затем он улыбнулся и положил снимки на стол.

— Да, красиво, — сказал он задумчиво. — Очень красиво, — и добавил изменившимся голосом: — Увидеть Землю — и умереть.

— Простите, не понял?

— Была такая поговорка в глубокой древности: «Увидеть Венецию — и умереть». «Увидеть Неаполь — и умереть». «Увидеть Ирландию — и умереть». Людям свойственно думать, что для чужеземца побывать в том месте, где они живут, событие величайшей важности. Но в моем возрасте становишься космополитом. Я благодарен вам за то, что вы дали мне взглянуть на эти фотографии. — Голос его зазвучал звонче. — Они разбудили во мне воспоминания о днях моей юности... о самых счастливых днях!

Блэк еще раз отхлебнул из бокала. Я глядел на него с изумлением. Он уже не казался мне таким щедродушным, как в начале нашего разговора, и держался гораздо прямее, и даже словно помолодел. Интересно, как это у него получалось?

Я не вытерпел и спросил:

— Сколько же вам лет, мистер Блэк?

Он усмехнулся и вынул изо рта сигарету:

— На этот вопрос можно ответить по-разному. Хотя я понял, что вы имеете в виду. Да, я действительно видел Землю не на фотографиях. Я помню время, когда Дома еще не было.

— Но этого не может быть... Это просто физически невозможно!

Блэк со вздохом пожал плечами.

— Может, ты и прав, Ланж, — сказал он и одним глотком допил виски. — Впрочем, это не имеет значения.

Я тоже допил свой джин, поставил бокал на стол рядом с фотографиями.

— Откуда вы знаете мое имя?

Он сунул руку в карман:

— Я ведь тебе что-то должен, не так ли?

Но достал он из кармана отнюдь не бумажник...

— Увидеть Землю... — сказал Блэк. — A rivederci.

И тут я почувствовал, что в мое сердце вошла пуля.

Глава 2

«Что это?.. Как же это?..»

Музыка, как вихрь, закружила меня, разноцветные огни мигали все быстрее, — пора было и мне вступить со своим кларнетом.

Я все же удержался на ногах, все же вступил вовремя.

А когда закончил, слушатели еще несколько мгновений пребывали в безмолвном восхищении и лишь потом разразились овациями. Я поклонился, колени мои тряслись.

Потом свет на сцене погас и я вместе с остальными оркестрантами покинул зал. В коридоре Мартин догнал меня, хлопнул по плечу. Приземистый, уже начинающий полнеть, лысый, с бледно-голубыми водянистыми глазами на отечном лице, Мартин был классным тромбонистом и душой нашего оркестра.

— Что с тобой приключилось, там, на сцене? — спросил он.

— Что-то с желудком, — объяснил я. — Должно быть, съел какую-нибудь гадость. Так скрутило, не продохнуть...

— А сейчас как ты себя чувствуешь?

— Спасибо, лучше.

— Будем надеяться, что это не язва. С ней, знаешь ли, шутки плохи. Очень больно?

— Ничего, пройдет.

— Правильно, главное — на этом не заикливаться.

Я кивнул.

— До завтра.

— До завтра.

Черт побери, нужно срочно найти место, где я мог бы отлежаться, прийти в себя. Дорога была каждая секунда. Вот дьявольщина! Надо же быть таким беспечным, самодовольным слепцом! Таким непроходимым болваном!..

Я уложил инструмент в футляр, быстро переоделся и поспешил к транспортерным лентам. Вскочил на линию скорого следования. На каждом перекрестке делал пересадку. Три раза спускался и поднимался по эскалатору, неоднократно менял направление на прямо противоположное, потом спрыгнул с ленты и долго шел пешком, пока окончательно не убедился, что никто меня не преследует. Тогда я вернулся к транспортной ленте и поехал в «Гостиную».

К тому времени я был уже на грани истерики. Только гнев мешал ощущению безнадежности овладеть мной безраздельно.

...Дважды неведомый враг посягнул на мою жизнь, и оба раза я пропустил удар!..

Гнев с каждым мигом становился сильнее, перерастая уже в плохо контролируемую ярость. Кажется, еще ни разу в жизни мне не приходилось испытывать это чувство. Или нет, наверное, приходилось, если я так охотно ему отдался и переживал его столь безболезненно. Я понимал, что, если перестану себя сдерживать, последствия могут быть непредсказуемыми, и все же так мне было легче. Ведь именно она, эта мгновенно вспыхнувшая ярость, помогла мне устоять на ногах там, на сцене...

И еще я чувствовал, что во мне медленно, но неудержимо набирает силу желание найти убийц и отомстить им... отомстить именно за себя, а отнюдь не во имя торжества безликого абстрактного правосудия. И хотя я сознавал преступный характер этого желания, я не пытался его подавить. Нужно же мне было хоть как-то поддерживать душевное равновесие.

...И между прочим, желание это было очень даже приятное...

Ехидная улыбка растянула уголки моих губ. Да-да, оказывается, быть злым приятно. Это же так естественно, так по-человечески! Просто грех пытаться быть другим...

Я спустился в «Гостиную». В ее секциях люди сидели, развалиясь, на диванах, читали, дремали, слушали музыку, смотрели видеофильмы, прогуливались, беседуя друг с другом, однако, несмотря на многолюдность, здесь всегда можно было найти укромный уголок.

Я двигался перебежками от секции к секции, сворачивал то вправо, то влево. Страшно боялся встретить кого-нибудь из знакомых, — времени на досужие разговоры у меня не было.

Повезло — довольно быстро нашел пустую нишу. Неяркое освещение, мягкое зеленое кресло... похоже, раскладное...

Да, действительно кресло оказалось раскладным. Я еще убавил свет, лег. Отсюда, из ниши, я видел оба входа в секцию — застать меня врасплох было невозможно. Впрочем, я был уверен, что, даже если враг и шел за мной по пятам, мне удалось от него оторваться.

Первым делом расслабился и попытался определить, кем я теперь стал. Хорошо, что переход связи осуществляется так гладко. Каждый раз спрашиваешь себя, на что это будет похоже. И вот связь переходит к тебе, и ты в который уже раз вынужден признать, что так и не понял природу этого явления. Это просто случилось, произошло — вот и все. Одно несомненно: с того момента, когда старик застрелил Ланжа, я — уже не тот Марк Энгель, которым был всю свою жизнь. Теперь я стал также и Ланжем. Или, вернее, Ланж стал мной. Иначе говоря, как только его телесная оболочка перестала существовать, мы слились, и связь от него перешла ко мне. Никакой специальной подготовки для этого не требовалось, опыт временных слияний у меня имелся. В прошлом мы сливались бесчисленное количество раз.

Но теперь, когда именно от меня, от моей способности принимать единственно правильные решения зависело многое, если не все, мне нужно было, образно говоря, подогнать костюм по своей мерке.

Вот о чем, кстати, я подумал прежде всего: следовало спохватиться гораздо раньше, сразу же после первого убийства. Ланж оказался слабаком, он совсем потерял голову со страху — и поплатился за это жиз-

нюю. Мне было жаль беднягу, и все же я не мог простить ему его нерешительность. Впрочем, опасная эта тенденция колебаться присутствовала и во мне. «Нужно ее обязательно уничтожить, как только вставлю штекер номер восемь...»

Хотя при переходе связи процесс самосознания каждого нового связного имел первоочередное значение, на этот раз его следовало отодвинуть на второй план. Сейчас для всех нас важнее было слиться воедино.

...Там, внутри моего черепа — вот где, похоже, был мой дом. Мой мозг, мое сознание... Там чередовались сокращение и расслабление, систола и диастола... И уже возникло знакомое лихорадочное биение пульса в висках... и снова последовала диастола, а потом мысли, эта кровь разума, потекли свободно...

Итак, мы снова были вместе: Дэвис, Джин, Серафис, Дженкинс, Кэрэб, Винкель и остальные. Я стал всеми ими, и все они стали мной. Возникла лишь секундная заминка, прежде чем мы расположились соответственно новой иерархии, которую учреждало мое сознание, сознание нового связного, и с чувством облегчения поняли, что в отношениях между нами устанавливается привычный порядок.

Теперь я видел множеством глаз, слышал множеством ушей, ощущал вес каждого члена семьи в отдельности и всех вместе взятых. Каждый находился во вверенном ему крыле Дома, и тем не менее мы были не что иное, как одно тело. Правда, тело в очень специфическом смысле.

...Сегодня двоих из нас не стало...

...В эти выпадавшие из времени мгновения каждый понимал, что происходит в сознании другого. В эти мгновения вечно длящегося постижения мира душа каждого из нас, пребывая в плазменном состоянии, отказывалась от личностного начала во имя коллективной целостности, и тогда все мы становились богаче на энное количество опыта, приобретенного каждым со времени предыдущего слияния.

...И вот со страхом и изумлением я увидел, сколь мало в нас осталось ярости — собственно, лишь та ничтожная толика, которую привнес при слиянии я. И

ярость эта сталкивалась с мягким, но неколебимым сопротивлением — да, они понимали, что я еще не освоился с новым для меня положением, и пока смотрят сквозь пальцы на мои реликтовые истины, но, если я буду упорствовать и настаивать на крутых мерах, моя ярость будет загнана во мрак подсознания.

В то же время я чувствовал, что они боятся меня обидеть, причинить мне какое-нибудь неудобство, считая, что это может вредно повлиять на становление моей личности в качестве связного. Ну что же, я был им за это благодарен.

...Первым убили Хинкли. Это случилось в «Библиотеке» Восемнадцатого крыла, в квартире № 17641, и предсмертные его мучения мы пережили вместе с ним. Он и сейчас был среди нас, но, увы, не мог сообщить ничего вразумительного ни о личности убийцы, ни о мотивах, которыми тот руководствовался. Каждый в соответствии со своим темпераментом так или иначе отреагировал на смерть Хинкли, но никто не догадался о возможных причинах убийства, и уж тем более не предпринял попытки их выяснить.

Что же касается тела Ланжа (моего тела), оно все еще лежало на полу викторианской гостиной в «Коктейль-холле» Девятнадцатого крыла, если только ужасный старик не сделал с ним какую-нибудь пакость.

...Никто из нас никогда не слышал о мистере Блэке. Я намеревался собрать о нем сведения, как только попаду в Нулевое крыло.

Дэвис уже вел наблюдение за квартирой № 17641. Он установил, что там никого нет и телефон переключен на автоответчик. Было решено, что он дождетсЯ прибытия Серафиса, и тогда они вместе проникнут в квартиру. (Серафис — врач и мог оформить свидетельство о смерти, где вместо истинной ее причины стоял тот или иной правдоподобный диагноз.) Затем Винкель отвезет тело Дэвиса в похоронную контору, и эта проблема будет решена.

А вот с Ланжем дело обстояло сложнее. И не только потому, что свидетельство о смерти, оформленное Серафисом, врачом из другого крыла, могло возбудить подозрения властей предержавших. Действительно,

странно, что один и тот же врач оформляет свидетельства о смерти двух умерших почти одновременно в разных, достаточно отдаленных друг от друга корпусах Дома. Главная трудность заключалась в том, что Ланж не далее как утром прошел медицинское обследование и был признан абсолютно здоровым.

Мы решили, что Ланжем тоже займется Винкель. Должность полицейского позволяла ему увезти тело на законных основаниях. Он сделает все возможное, чтобы скрыть следы насильственной смерти, а если у властей возникнут сомнения на этот счет, запудрит им мозги. Он доставит тело в Нулевое крыло. Пусть Ланж считается без вести пропавшим. Мы спрячем тело в холодильник и завтра же решим, что с ним делать дальше.

Нужно оформить Ланжу отпуск и пользоваться его транспортной и продуктовой карточками, чтобы выглядело все так, как будто он жив.

Относительно мистера Блэка следует начать частное расследование. Все мы были не на шутку перепуганы. Два убийства подряд — не простое совпадение. А вдруг старик не ограничится Хинкли и Ланжем? Впрочем, гадать, как дальше будут развиваться события, некогда. Мы решили прекратить слияние и не мешкая приступить к выполнению разработанных действий. Что касается меня, я должен был поспешить в Нулевое крыло и там подвергнуть себя предписанной процедуре, дабы этим старым испытанным способом закрепить связь между собой и Ланжем.

Я встал с кресла. Прибавил свет, сделал несколько пробных шагов, убедился, что я — снова прежний я, Марк Энгель. Ну, или почти прежний.

Итак, совершенно очевидно, что некто вознамерился нас уничтожить. По какой причине — это даже не особенно важно. От одного факта, что убиты уже два члена семьи, причем за столь короткое время, мороз бежал по коже. Ведь нас и было-то не так много. Не знаю, как остальные, а я не сомневался, что кому-то удалось хотя бы отчасти раскрыть нашу тайну, тайну, о которой ни один житель Дома даже не догадывался. Не исключено, что проклятый старик уже примеривается, чтобы нанести следующий удар. Ничего,

ничего, в Нулевом крыле я займусь установлением его личности сразу, как только закончу процедуру...

Ну а когда я на него все-таки выйду... что тогда?

Я заставил себя тут же забыть ответ, который под-сказывала мне моя ярость. Потом, потом... позднее...

И снова этот страх... страх не только при мысли, что смерть, возможно, поджидает меня за каждым углом, но и трепет Ланжа (а значит, и мой собственный) перед предстоящей процедурой частичного самоубийства...

На самом деле в ней, в этой процедуре, не было ничего страшного — все равно, что выдернуть больной зуб... и все-таки это нужно сделать, черт побери!

Помнится, покидая секцию, я усмехнулся: «Чтобы выдернуть больной зуб, мы обращаемся к врачу».

Я не стал возвращаться тем же путем, каким пришел сюда. Выбрал кольцевую линию, движущуюся в противоположном направлении, которая в конце концов пересеклась узкой медленной лентой. Я перешагнул на нее, и теперь слева от меня тянулась длинная, покрытая абстрактной живописью стена, а справа проплывали просторные полуосвещенные секции «Гостиной», заполненные людьми. Когда пересаживался на другую ленту, перпендикулярную к той, с которой сошел только что, мне пришло в голову оглянуться. Проклятье, так и есть! В сотне ярдов от меня, на параллельной линии, плыла человеческая фигура. Я выждал пару минут, снова обернулся. Неизвестный перешел на мою ленту. Мало того, он меня догонял!

Я быстро пошел вперед. Может, ничего дурного у него на уме и не было, но я решил, что в моем положении осторожность не помешает.

Уже не оглядываясь, сделал еще одну пересадку. Поравнявшись с секцией, в которой было особенно много народу, соскочил с ленты и лишь тогда оглянулся.

Мой преследователь стоял на той же ленте, которая доставила меня сюда, и смотрел на меня. Я повернулся к нему, скрестив руки на груди. Люди вокруг шумно разговаривали, играли в карты, иные сидели, погруженные в чтение. Среди них я мог чувствовать себя в безопасности.

Мой враг, очевидно, тоже так считал, он отвернулся и продолжил путь. Наблюдая, как он исчезает в полумраке, я испытывал гордость за свою находчивость. Впрочем, тут же убедился, что гордиться собой у меня нет оснований. Опуская руки, осознал, что секунду назад мои пальцы, проникнув в потайной карман под мышкой, уже стискивали рукоять транквилизаторного пистолета, который мы всегда имели при себе. Значит, страх все еще жил во мне.

Призывая на помощь свою давешнюю ярость, я снова встал на ленту. Вдали еще различалась фигура зловещего незнакомца. Белые бриджи, модный пиджак... Длинные, до плеч, каштановые волосы... Он вдруг обернулся, и я заметил короткую темную бороду и зеркальные, с голубым отливом, очки.

С колотящимся сердцем я бросился за ним вдогонку. Мне было страшно, но я должен был проверить, как он отреагирует на мое приближение.

Расстояние между нами уже не превышало ста ярдов. Он отвернулся, с полминуты стоял ко мне спиной, потом снова посмотрел на меня через плечо. Я демонстративно поднял правую руку и сунул ее во внутренний карман пиджака, как будто собирался вытащить револьвер.

И вот тогда прыгнул он! И, прихрамывая на левую ногу, вбежал в одну из темных секций, вдоль длинного ряда которых мы в данный момент двигались. А ведь когда он догонял меня, его хромота вовсе не была заметна. Значит, он умел ее скрывать.

Я тоже соскочил с ленты и побежал назад. Если мой враг вооружен, подстрелить меня из темноты ему было бы нетрудно. Метнулся вправо, к перегородке между секциями. Последние сомнения рассеялись — не будь у незнакомца дурных намерений, не стал бы он от меня убежать.

Стараясь держаться в тени перегородки, я прокрался ко входу в ближайшую секцию, пробежал через нее наискосок и оказался под прикрытием другой перегородки — за углом начинался коридор, который вел в гостиную, заставленную разнотильной мебелью и освещенную электрическим камином. С пистолетом в руке и на цыпочках прошел до конца коридора, вор-

вался в гостиную — никого! Промчался по коридору в обратном направлении — везде, во всех секциях, куда я ни заглядывал, было пусто.

В конце концов я очутился в том месте, где таинственный бородач спрыгнул с ленты. Но он как будто сквозь землю провалился. В самом деле, у него было время скрыться в любом из возможных направлений. Я чувствовал себя крайне неудобно. Он ведь мог и не убежать, а наоборот, затаиться в засаде где-нибудь неподалеку. И с чего это я решил, что он действует в одиночку? Быть может, в то время, когда я преследую одного, другой уже целится мне в затылок.

Самое разумное, решил я, убраться отсюда, пока не поздно. Только нужно сбить его (или их) со следа, прежде чем я направлюсь в Нулевое крыло.

Я вернулся к ленте. На ней как раз появилась довольно большая группа пассажиров. Они — кто недоумевая, а кто и с опаской — расступались, когда я, работая локтями, между ними протискивался. На их косые взгляды мне было наплевать, — главное, что лента уносила меня из опасной зоны.

— Не толкайтесь, пожалуйста! — сделала мне замечание крупная рыжеволосая женщина с голубыми подведенными глазами.

Я виновато улыбнулся, пробормотал извинения, украдкой, однако, присматриваясь к окружающим. Бородача среди них не было.

Примерно через полмили сошел на перекрестке, напутствуемый советами пассажиров научиться вести себя в общественных местах. Прислушиваясь к их разговорам, я понял, что это была одна компания, они возвращались с вечеринки. Им, разумеется, и в голову не приходило, что я использовал их в качестве прикрытия.

Лента, на которую я перешел, двигалась быстро, и вскоре я оказался возле многолинейной двусторонней развязки. Толпы людей, спертый воздух, шум. Снова выбрал скоростную линию, проехал еще несколько миль, потом сошел с ленты и, ориентируясь по указателям на стенах секций, добрался до эскалатора. Эти гигантские цилиндрические сооружения, перевитые лестницами, прозрачные и гулкие, в разных местах

пронизывали Дом снизу вверх. Какой-то мальчишка бегом поднимался по лестнице, хохоча и время от времени оборачиваясь. Когда он поравнялся со мной, я схватил его за шиворот. Он попытался вырваться, понял, что это бесполезно, и изумленно на меня уставился. Нас догнала, тяжело отдуваясь, женщина средних лет, вероятно, его мать.

Пот градом катился по ее покрасневшемуся лицу. Она отвесила мальчишке оплеуху и взяла его за руку:

— Сколько раз я тебе говорила, чтобы ты этого не делал! — Потом она повернулась ко мне. — Спасибо, что задержали его. Не понимаю, почему дети так любят бегать по эскалаторам? И, что самое удивительное, им всегда хочется подняться, когда он движется вниз! Или наоборот — спуститься, когда он движется вверх!

— Мне тоже это непонятно, — усмехнулся я и отпустил мальчишку, отметив про себя, что делаю это неохотно. Все же он являлся нарушителем общественного порядка, хотя и малолетним.

Они сошли с эскалатора на этаже «Кухни». Женщина волокла мальчишку за руку, приговаривая:

— Вот погоди, дома я тебе задам!..

Сорванец обернулся и показал мне язык. На миг я задумался, пытаюсь представить такое: быть ребенком, иметь родителей... Ничего у меня не получилось. Этого опыта в нашей памяти не было.

Я сошел на этаже «Комнаты отдыха» и занял скоростную ленту, наискосок пересекавшую площадку для игр. Лента пошла вверх, и мне стало видно далеко по обе ее стороны. Здесь люди занимались всеми, какие только были ими изобретены, видами спорта.

Вот, например, чего только не вытворяли они с мячом! Одни пинком посылали его в ворота, другие, подбросив в воздух, ударом руки переправляли мяч через сетку, третьи бегали по полю как угорелые, прижав его к груди, четвертые лупили по нему ракетками...

Болещики подбадривали игроков возгласами, топотом ног. На световых табло менялись цифры, указывающие счет того или иного матча. Из репродукторов звучали охрипшие голоса судей, объявлявшие имена победителей.

Здесь было светло. Потолок приятного голубого цвета. Никаких подъемных кранов. В плавательных бассейнах блестела вода, блики плясали на стендах и ступенях пьедесталов почета.

Воздух был пропитан запахами пота и какой-то мази, применявшейся, вероятно, при массажах. Отовсюду слышался гул работающих на полную мощность вентиляторов.

Лента вскоре заполнилась людьми. Нечего и пытаться распознать среди них моего врага.

Я сделал еще две пересадки, выбирая ленты узкие и малолюдные, которые вели в зону, отведенную для менее шумных развлечений. Здесь многие из моих спутников сошли.

Я скользил вдоль длинного ряда столов и столиков, за которыми играли в шахматы, шашки, карты, лото, домино и черт знает во что еще: один на один, двое на двое, втроем, вчетвером. Иногда я видел одинокого игрока, упорно пытавшегося победить робота, которого сам же, вероятно, подрегулировал в соответствии с уровнем своих умственных способностей.

Стучали о стол подбрасываемые кости, крутилась рулетка, тасовались карты, передвигались фишки и фигуры. Игроки выкрикивали цифры и номера, делали ставки, объявляли масть, брали взятки, блефовали, атаковали, срывали банк. Деньги (под столами) переходили из рук в руки.

Лично я никогда не понимал прелести подобного времяпрепровождения.

Потолок из голубого становился темно-синим (таким образом имитировались сумерки). Голоса игроков постепенно замирали. Внезапно я услышал резкий телефонный звонок; он шел из будки в дальнем углу секции, мимо которой я как раз проносился.

Странно он прозвучал в этом пустынном месте, где абсолютно некому было снять трубку...

Вдали высился эскалатор — светящийся пунтир электрических лампочек отмечал извивы его прозрачной спирали. Я перешел на пустую, с односторонним движением, линию. Через каждые сто ярдов она освещалась неяркими лампами. Теперь слева и справа от меня слышалось в полутьме лишь гудение роботов-

уборщиков. Время от времени я оборачивался. Нет, никого за мной на ленте не было.

Минут через пять добрался до перекрестка и решил сделать еще одну пересадку. Здесь тоже не было ни души. Пыль, поднятая роботами, клубилась в желтом свете фонаря, установленного над телефонной будкой. И вдруг оттуда тоже зазвонил телефон!

Удаляясь от перекрестка, я долго еще слышал пронзительные и, как мне казалось, отчаянные трели... Стало грустно: ведь кто-то же зовет кого-то... кого здесь нет... или, быть может, этот кто-то набирает ошибочный номер... или его неправильно соединяют...

Лента быстро несла меня вдоль шеренги мрачных механических лошадей, потом мимо опустевших бассейнов для игры в водное поло. Вода в бассейнах была темна и неподвижна — как моя память. Роботы-уборщики лавировали между игорными столами, их серые мешки уже раздувались от мусора. Под потолком, в густеющих сумерках, пролетел вертолет «скорой помощи» с красным крестом на кабине.

Лента прошла совсем близко от искусственной рощи, и мое появление вспугнуло примостившихся на скамейке влюбленных. Они вскочили на ноги, отвернулись, желая скрыть свои лица, и поэтому не увидели, что я сделал то же самое.

Потом мимо проплыла стена с полустертой надписью: «ЗВЕЗДЫ...»

Оглянувшись, я с удовлетворением отметил, что лента позади все еще остается пустой.

Сделал пересадку, стремительно пролетел над сетью наземного трубопровода, снова сошел с ленты и пешком отмахал два квартала до линии, которая, судя по указателям, могла доставить меня к эскалатору. И в этом районе «Комнаты отдыха» было уже пустынно. Редкие пешеходы с разных сторон спешили в том же направлении, что и я. Три подозрительных лица отирались у закрытого кондитерского киоска; наверняка у них можно приобрести не только фотографии звездного неба, но и любые другие запрещенные законом вещи, включая, может быть, даже оружие.

Меня обдало горячим воздухом, когда я начал спускаться по эскалатору. Во мне уже не было того

панического страха, который я испытывал в «Гостиной». Тем не менее, памятуя о его причине, я решил сделать маршрут моего отступления в Нулевое крыло как можно более запутанным. Насколько я помнил, ни за кем из нас в прошлом никогда не было слежки. Умение уходить от преследователя в нашем коллективном опыте отсутствовало.

Сошел на этаже «Офиса». Здесь вот-вот должен был закончиться рабочий день. Вид всех этих людей, которым не терпелось сорваться с места и разбежаться по домам, заставил и меня почувствовать, как я устал. Я остановился, раздумывая, не спуститься ли этажом ниже — в час пик на лентах творилось нечто невообразимое. Потом вспомнил, что лишь в толпе могу быть спокоен за свою жизнь.

Тут раздался гудок, и люди отовсюду ринулись к ленте, на которую я сам только что ступил. Тотчас я был так стиснут со всех сторон, что ничего другого не оставалось, кроме как отдаться течению человеческого потока и утешаться мыслью, что опознать меня среди этой безликой массы невозможно и что это мне как раз на руку.

С трудом повернувшись, я наблюдал, как мелькают мимо бесконечные ряды рабочих столов, настольные лампы и телефонные аппараты, стопки бухгалтерских книг, кипы папок и документов. Скоро, быть может, через час все эти «срочные» и «важные» бумаги окажутся в серых мешках роботов-уборщиков. А утром люди снова усядутся за столы и будут составлять новые «срочные» и «важные» бумаги, которые вечером того же дня канут в тех же серых мешках. И так изо дня в день...

Лучше не думать об этом.

Минут десять толпа переносила меня с ленты на ленту и сопротивляться ей было бессмысленно, но потом стало посвободнее, и тогда у меня появилась возможность самому определить свой маршрут.

Я перешел на вспомогательную линию, продолжая продвигаться в глубь «Офиса». Эта лента сильно петляла, и все же я постепенно приближался к мерцающей в темноте гигантской спирали эскалатора.

И снова мне почудилось, что меня преследуют!

Я перешел на параллельную ленту — и один из немногочисленных пассажиров, находившихся сзади, сделал то же самое.

С удивлением я отметил, что мне совсем не страшно. В самом деле, страха как не бывало. Странно, куда же это он подевался?

Делая пересадку, я засекаю время, а на следующем перекрестке остановился и стал ждать. Вскоре вдали замаячила знакомая фигура.

Вот, значит, как. Похоже, я не ошибся. Ладно, поиграли в кошки-мышки — и хватит. Предпримем еще одну, последнюю попытку оторваться. Ну а если не получится, пускай тогда пеняет на себя. Тогда я сам на него нападаю.

Я побежал и бежал долго, а на перекрестке перескочил на другую ленту, прежде чем из темноты выплыла фигура моего преследователя. Эта лента оказалась очень длинной, мой возраст (как никак сорок пять) вскоре напомнил о себе, я здорово запыхался, когда добежал до следующего перекрестка.

Обернулся — сзади никого.

Спрыгнул с ленты, постоял на месте, отдышался. Иных звуков, кроме собственного тяжелого дыхания, я не слышал, и это вселило в меня надежду...

Рабочая площадь (столы, столы, столы) начиналась в двух шагах от ленты и простиралась в бесконечность, покрытую мраком. Справа, на изрядном отсюда расстоянии, смутно угадывались очертания эскалатора. Я со всех ног понесся в ту сторону — вдоль ничем друг от друга не отличающихся, аккуратно прибранных, с выключенными лампами, столов.

Снова стал задыхаться и перешел на шаг. Кроме того, у меня возникло ощущение, что я бегу на одном месте. В какую бы сторону я ни посмотрел, везде были одинаковые столы, на столах одинаковые бухгалтерские книги, одинаковые папки для, наверное, одинаковых бумаг, одинаковые телефоны — все одинаковое!

Мной овладело чувство безысходности, как будто я и в самом деле был обречен бежать вечно, бежать, не удаляясь ни на йоту от центра этого кошмарного канцелярского космоса.

Я даже остановился и коснулся рукой поверхности ближайшего от меня стола — удостоверился в его материальности. Вдохнул с облегчением. Снова оглянулся — со стороны ленты никто за мной не шел.

Значит, мне все-таки удалось от него ударить.

Затем буквально в дюйме от моей руки зазвонил телефон. Я вскрикнул от неожиданности и бросился бежать. Все мнившееся мне подавленным, навеки загнанным в подсознание и забытым, все мои страхи и комплексы ожили и вырвались на волю!

Я мчался во мраке, напрочь утратив контроль над собой. Я был клубком обнаженных нервов, а пронзительные звонки гнались за мной по пятам и, подобно когтям какого-то немыслимого незримого зверя, вонзались мне в душу и рвали ее в клочья!

Как только аппарат, оставшийся за спиной, замолкал, сразу начинал звонить тот, что был впереди. И было их несметное множество, этих черных страшилищ со змеевидными наэлектризованными волосами!

Мне казалось, что и звонки, и мое бегство — все это длится уже целую вечность. Я бежал, совершенно обезумев, натываясь на стулья и опрокидывая их, падал и с проклятиями вскакивал, снова мчался, не разбирая дороги, уже не человек, а воплощенный ужас, мятущийся в сумрачном лесу, в том самом, что растет в преддверии ада.

Лишь где-то на периферии сознания мелькала догадка о том, что все это может значить, однако облегчения она не сулила.

Слишком много для меня одного, слишком много: гибель близких, преследование, страх собственной смерти, ответственность за остальных... Я боялся обернуться и увидеть моего преследователя... но еще больше боялся не увидеть, обернувшись, никого! Я чувствовал, что мне приходит конец — каждая телефонная трель, как сверло, вгрызалась в уже и без того кровоточащую рану!

Мне было трудно и больно дышать, сорочка под пиджаком насквозь промокла от пота, пот струился и по лицу, заливал глаза, и все же я различил впереди крохотный желтый огонек... а за ним человеческую фигуру...

Хрипло и прерывисто всхлипывая, я пошел на этот, как мне хотелось верить, спасительный свет... он, такой яркий, теплый, тоже боролся с окружающим мраком...

И тут вдруг внутри меня как будто что-то взорвалось, я, мгновенно ослепнув и оглохнув, извиваясь от пронизывающих тело судорог, рухнул на пол.

В мозгу, как на световом табло, вспыхнули исполненные отчаяния слова: *«Выдерни штекер номер семь!»*

После этого я потерял сознание.

Глава 3

С трудом, постепенно я приходил в себя. Я еще не знал, где я, что со мной, как долго я пролежал в беспамятстве.

Хотелось пребывать в этом состоянии вечно.

Однако сознание возвращалось ко мне, не спрашивая моего согласия.

Лишь только стало ясно, что я — это все еще я, Марк Энгель, что все части и органы моего тела целы и невредимы, как глаза мои тотчас сами собой открылись.

— Что с вами? — раздался чей-то участливый голос.

Более дурацкого и одновременно вызывающего чуть ли не слезы умиления вопроса мне давненько не приходилось слышать.

— Не знаю, — ответил я. — Я еще толком не понял.

Огромная приливная волна мысли пронеслась через мозг, и я наконец вспомнил все, что случилось несколько минут назад: Серафис, как было решено, отправился в Восемнадцатое крыло. Там он встретился с Дэвисом. Вместе они вошли в квартиру № 17641, в которой убили Хинкли. На входе сработало взрывное устройство. Я пережил все, что пережили они в миг смерти...

Я удивлялся, что все еще рассуждаю достаточно здраво. Кто бы мог поверить, что это возможно после того, как умираешь четыре раза на дню, и смерть всякий раз сопровождается болевыми и нервными шоками. Или я просто бревно бесчувственное, или обладаю сверхъестественной способностью восстанавливать душевные и физические силы.

Как бы то ни было, я был рад, что на этот раз перенес гибель моих близких легче, чем прежде. Нет, разумеется, я был ошарашен. Да, безусловно, потрясен. Но самое главное и обнадеживающее, я был дьявольски зол!

Чья-то рука поддерживала мою голову. Надо мной склонилось лицо, лицо девушки.

И девушка эта выглядела куда более испуганной, чем, наверное, я. Ее нельзя было назвать хорошенькой, нет, скорее, она была миловидной. А уж когда я представил, что на ее месте мог бы сейчас быть злоеущий бородач в белых бриджах, мне она показалась просто красавицей.

Темные волосы, светлые глаза, высокие скулы. Никакой косметики. Овальные очки с толстыми линзами. Трудно определить, в самом деле она так взволнована происшедшим со мной или ее зрачки кажутся чрезмерно расширенными за счет этих удивительно толстых стекол.

— Как вы себя чувствуете? — спросила девушка.

Я покрутил головой влево, вправо. Сел. Протер глаза, пригладил всклоченные волосы.

— Сейчас уже лучше. Спасибо.

Стоя передо мной на коленях, она поддерживала меня за плечи. На ней были черные брюки и серая рубашка.

— Что это с вами случилось?

— Сам хотел спросить вас об этом. Я ничего не помню.

— Вы бежали ко мне по этому проходу, потом вскрикнули и упали...

— А вы никого не видели за моей спиной? Вдалеке?..

Она отрицательно покачала головой:

— Разве с вами еще кто-то был?

— Нет, — ответил я, — просто мне показалось, что слышу сзади чьи-то шаги.

— Почему вы бежали?

— Эти телефоны... я испугался, когда все они начали вдруг трезвонить. Вы не в курсе, что с ними стряслось?

— Нет... но они перестали звонить, как только вы упали. Наверное, какие-то неполадки на телефонной станции.

Я поднялся на ноги, оперся о стол.

— Принести вам воды?

Пить мне вовсе не хотелось, но за время ее отсутствия я мог бы собраться с мыслями.

— Да, пожалуй.

— Посидите здесь. Я сейчас...

Девушка указала на стул у освещенного лампой стола. Я присел, а она скользнула куда-то влево, во тьму.

Рядом с раскрытым статистическим справочником лежали испещренные записями листы бумаги. Вероятно, девушка составляла какой-то отчет.

Я порылся в кармане, извлек маленькую коробочку с таблетками, которыми пользовался на ночных выступлениях, когда требовалась особая заводка. Взбодриться не мешало. Когда девушка принесла мне стакан воды, я проглотил таблетку, запил ее и сказал:

— Спасибо, мне следовало принять это лекарство гораздо раньше.

— У вас что-нибудь серьезное? — спросила она. — Может быть, вызвать вертолет «скорой помощи»?

Я помотал головой:

— Ни в коем случае. Видите ли, я подвержен внезапным обморокам. Забыл принять лекарство вовремя, вот и все.

Я был доволен, что сумел придумать для случившегося со мной правдоподобное объяснение.

— Вы уверены, что обморок не повторится?

— Да, все нормально. Я, пожалуй, пойду...

Я начал подниматься со стула, но девушка положила руки мне на плечи и заставила снова сесть.

— Нет, посидите. Я же вижу, вы еще не пришли в себя.

— Хорошо, — согласился я. — Скажите, а почему вы работаете так поздно? И совсем одна?

Она взглянула на свои бумаги, покраснела и отвела взгляд.

— У меня накопилось много работы. Понимаете, я не справляюсь...

— Заставляют работать сверхурочно?

— Нет, я делаю это по собственному желанию.

— О, значит, вам так нравится ваша работа?

Она сжала губы, глаза ее сузились.

— Скорее наоборот. — Девушка помолчала, потом спросила: — А вы не здесь работаете?

— Нет-нет, не беспокойтесь.

— Понимаете, — сказала она, вздыхая, — мне совершенно не нравится то, чем я занимаюсь. Да и получается это у меня неважно. Я все путаю, вечно не успеваю... Я и осталась-то после работы именно затем, чтобы наверстать...

— Прошу прощения, что невольно помешал вам.

— Ничего страшного. Я все равно уже закончила.

— Закончили?

Она усмехнулась:

— Почти.

— Вы как-то странно это сказали.

— Дня через два начальство сообразит, с кем имеет дело, и уволит меня без проволочек.

— Жаль.

Она пожала плечами.

— Мне не привыкать. Вернусь в бюро по трудоустройству. Может быть, следующая работа, которую они мне предложат, будет интереснее.

— Много их вы уже сменили?

— Не помню. Наверное, больше двенадцати.

Я пристально посмотрел на нее. Ей и было-то лет двадцать.

— Похоже, я вас разочаровала. Да, у меня все из рук валится. К тому же я невезучая.

— Возможно, в вашей профессиональной ориентации изначально была допущена ошибка, — сказал я. — Вам следует попробовать себя в совершенно иной сфере деятельности.

— В бюро по трудоустройству всех уже просто трясет при моем появлении. Чего только они мне не предлагали. А вы чем занимаетесь?

— Я музыкант.

— Вот музыкантом я еще не была. Может, когда-нибудь и попробую. Как вас зовут?

— Энгель. Марк Энгель. А вас?

— Гленда Глинн. Вам не покажется бестактным, если я вас спрошу, что вы делали в «Офисе»?

— Я оказался здесь случайно.

— У вас какие-то неприятности? — Ее вопрос прозвучал скорее как утверждение.

— Почему вы так решили?

— Не знаю. Мне кажется, вы чем-то расстроены. Я права?

— Допустим, я отвечу «да». Ну и что с того?

— Тогда я попытаюсь вам помочь. Если это, конечно, будет в моих силах.

— Вы ко всем проявляете такое участие?

— Терпеть не могу, когда у людей неприятности. Мне их так жалко. Может быть, потому, что со мной неприятности случаются постоянно.

Непонятно было, шутит она или говорит серьезно. На всякий случай я улыбнулся.

— Могу вас обрадовать: лично я давно забыл, что такое неприятности.

Гленда нахмурилась:

— Но они не заставят вас ждать.

Она сказала это таким безапелляционным тоном, что я вздрогнул. Впрочем, тут же постарался взять себя в руки. Еще не хватало принимать всерьез пустую болтовню. Сейчас я уйду и никогда больше не увижу эту странную девушку.

Нет, все-таки не удержался, спросил:

— Любопытно, откуда у вас такая уверенность?

— Моя мать говорила мне, что я обладаю даром предчувствия, потому что мы родом из Уэльса.

— Из Уэльса? С ума сойти, как интересно!

— Угу. Я готова биться об заклад, что сейчас вы намерены спуститься в «Подвал». Ну так вот, лучше вам этого не делать.

Должно быть, я не сумел скрыть изумление, потому что Гленда улыбнулась. Оставалось надеяться, что если она и вправду умеет читать чужие мысли, то не использует свой дар никому во вред. Ведь я действительно прикидывал, не спуститься ли в «Подвал», чтобы окончательно запутать следы. Слова Гленды меня лишь раззадорили, я сердито фыркнул:

— Глупости! Не верю в ясновидение.

— А я все-таки советую вам меня послушаться.

— Ну ладно, — сказал я, поднимаясь со стула. — Спасибо за помощь. Мне пора. — Я почувствовал, что таблетка начинает действовать. — Надеюсь, ваша новая работа окажется интереснее прежних.

Гленда выдвинула верхний ящик стола, смахнула туда свои бумаги и с грохотом его задвинула. Я заметил в ящике какие-то книги, явно не имеющие отношения к ее нынешней работе.

Девушка сняла со спинки стула черный жилет, натянула его и выключила настольную лампу.

— Я иду с вами, — решительно заявила она.

— Это еще с какой стати?

— Возможно, я сумею вам помочь. Я чувствую что-то вроде ответственности за вас.

— Но это же смешно! Не собираетесь же вы ходить за мной по всему Дому?

— Почему бы и нет?

Я закусил губу. Объяснить Гленде, что просто даже находиться возле меня означает подвергать свою жизнь опасности, я не мог, ведь всего минуту назад уверял ее, что никакие неприятности мне не грозят.

— Право, не стоит, мне уже гораздо лучше. Поверьте, это действительно так. У вас и своих дел, на-верное, хватает...

— Насчет этого не беспокойтесь, — сказала Гленда, беря меня под руку и разворачивая лицом к транспортерной ленте.

Только сейчас я заметил, что она лишь на несколько дюймов ниже меня. Это была сильная, спортивная девушка, действительно способная оказать помощь в случае очередного обморока. Быть может, она вызвалась сопровождать меня без каких-либо задних мыслей, просто из естественного сочувствия пожилому человеку? Тут я не мог не отдать моему врагу должное: если он поставил себе целью меня запугать, то преуспел в этом чрезвычайно. Опасность мерещилась мне повсюду. Нервы мои были на пределе.

Теперь он, несомненно, готовился нанести решающий удар, и, пожалуй, лишь присутствие Гленды могло его остановить. Во всяком случае, до сих пор он предпочитал расправляться со своими жертвами без

свидетелей. Да, с ней я чувствовал бы себя спокойнее. С другой стороны, неловко было использовать Гленду в качестве щита. Ладно, погуляем вместе, а уж потом я придумаю, как избавиться от девушки, и удеру в Нулевое крыло. Пожалуй, так и следует поступить.

Меня смущала способность врага столь быстро и безошибочно определять мое местонахождение. Ведь он же всякий раз как будто заранее знал, куда я направляюсь и что собираюсь сделать. Я совершенно не представлял, как с ним бороться. Нужно было предпринять нечто для него неожиданное. Неужели придется нарушить табу...

— *Давно пора. Поторопливайся. Он уже снова бродит поблизости.*

— Тем хуже для него, — ответил я самому себе.

— *Молодец. Ты посмелее Ланжа.*

— Я это знаю.

— *Но, боюсь, все же недостаточно ушлый.*

— Что означает, по-твоему, быть ушлым?

— *Ты, конечно, набираешься опыта, но все-таки не так быстро, как того требуют обстоятельства. Сдастся мне, тебя тоже прикончат.*

— Ну, это мы еще посмотрим.

— *Прежде чем это произойдет, ты должен — слышишь? — должен многому научиться!*

— Что ты имеешь в виду?

— *Перестань думать о мертвецах. Перестань бегать от врага. Повернись к нему лицом и вышвырни его из Дома.*

— Я сам знаю, что мне делать.

— *Что-то не похоже.*

— Впрочем, твоим советом относительно мертвечов я воспользуюсь. И начну с тебя...

— *Подожди! Без меня тебе не обойтись, болван! Если хочешь остаться в живых...*

— *Убирайся!*

— *...выдери штекер номер семь!*

— Советчик выискался! — пробормотал я, прогнав наваждение.

— Что вы сказали? — спросила Гленда.

— Ничего. Это я сам с собой.

— Мне показалось, что с кем-то другим.

— Должно быть, благодаря кельтскому происхождению и в самом деле можно слышать то, чего нет.

— Слышать то, что есть.

Я посмотрел на нее с удивлением. Она засмеялась. Странное у нее чувство юмора, у этой Гленды.

Мы приближались к ленте. Я то и дело озирался, но ничего подозрительного так и не заметил. Встали на ленту и понеслись во мрак, стоя бок о бок. Присутствие Гленды в самом деле действовало на меня успокаивающе. Не будь ее рядом, ужас снова захлестнул бы меня с головой.

— Как вы сейчас себя чувствуете? — спросила Гленда.

— Спасибо, нормально.

— Хорошо.

Через несколько минут мы добрались до перекрестка, перешли на центральную линию. Здесь было светло илюдно. Сделали еще одну пересадку — направились к эскалатору.

«Выдерни штекер номер семь...»

Было, конечно, соблазнительно нарушить многовековой запрет и выпустить на волю всех тех чудовищ, которых Ланж загнал во мрак своего подсознания.

Подумав об этом, я хмыкнул, но сразу же почувствовал себя и обиженным, даже уязвленным, и это стремительное чередование настроений меня поначалу озадачило. Вскоре, однако, я понял, в чем тут дело.

«Чудовища», «мрак подсознания» — все эти романтические клише настолько не вязались с чопорным, застегнутым на все пуговицы стариной Ланжем, что не вызвали у прямодушного старины Энгеля, тоже ставшего частью моего «я», ничего кроме смеха. Ланж был похож на старого педераста и поэтому частенько получал задания отлавливать юнцов, нуждающихся в нашей медицинской помощи. Не верилось, что у него когда-то хватило решимости расправиться с демонами, обитавшими в его душе, и совершить самоубийство. Отнюдь не символическое, а самое настоящее. Тем не менее он, как и все связанные до него, это сделал. То есть перестал быть собой и стал всеми нами. Разумеется, он немедленно обиделся на Энгеля за столь нелестное о себе мнение.

Но границы между ними стирались, и я, кто бы я теперь ни был, следил за тем, как они выясняют отношения, со снисходительной улыбкой. В конце концов, главное, что мы слились без помех. Правда, это произошло пока на поверхности сознания, и мне оставалось лишь догадываться, какие еще разборки могут возникнуть в неведомых его глубинах.

...Выдернуть штекер номер семь означало бы уничтожить гигантский вклад Ланжа в наше общее дело морального совершенствования человечества.

Едва я подумал об этом, как снова во мне возникли противоречивые чувства — ортодоксальный Ланж изо всех сил старался вытеснить из моего сознания кощунственную мысль, а кому-то, кого я и не знал вовсе, хотелось все-таки понять, чем же мы жертвуем при самоубийстве...

Мысль о штекере номер семь завораживала меня. Так бабочку тянет к пламени свечи... Выходит, вместе с личностью Ланжа я принял в себя и его демона-искусителя, которому, похоже, ничего так не хотелось, как услышать из моих уст истошное: «Zazas, zazas, Nasatanada, Zazas!» — слова, отверзающие врата ада... Я никогда прежде не знал этих слов. Откуда они взялись?.. Из памяти Хинкли, каковая стала теперь и моей памятью? Или их выкрикнул демон Ланжа? Или они донеслись из коммутационной панели, в которой торчал штекер номер семь?

Как бы отвечая на мой вопрос, Хинкли процитировал Блэйка:

Узрев суровое дитя,
воскликнут в ужасе: «Беда!
Родился Он! Родился Он!»
И разбегутся, кто куда.

Имея в виду, что выдернуть штекер номер семь — то же самое, что открыть адские врата. Это я понял. Хинкли при жизни был библиотекарем и сыпал цитатами по любому поводу. Но в сущности, что означал его ответ? Одобрение или порицание? Как он сам-то относится к возможности такого поступка? Впрочем, все эти грамотеи выражаются крайне расплывчато.

Проклятье! Ланжу удалось-таки отвлечь меня от крамольной мысли. Я снова на ней сосредоточился.

Или тот, кто был предшественником Ланжа, заставил меня это сделать? Уж очень ему не терпелось воскреснуть.

Вот интересно, как поведу себя я, когда придет мой черед быть лишь частью чужого сознания?

Я бы предпочел играть на своем кларнете. Что-нибудь необыкновенно приятное, но с пафосом, с пафосом...

Я закусил губу. Посмотрел вперед, определил, в каком направлении мы движемся. Искоса взглянул на Гленду — волосы над правым ухом у нее завивались.

Пора было от размышлений переходить к действиям. Но я уже понимал, что борьба между моими многочисленными «я» доставит мне немало хлопот.

— Как долго вы намерены меня опекать? — спросил я девушку.

— Столько, сколько это будет необходимо.

— Необходимо для чего?

— Чтобы я окончательно убедилась, что вам ничто не угрожает.

— Тогда вам предстоит возиться со мной гораздо дольше, чем вы думаете.

— Что вы хотите этим сказать?

— Вы были правы, у меня неприятности.

— Я это чувствовала.

— Но еще я хочу сказать вам следующее: неприятности у меня очень серьезные и связаны с нешуточной опасностью. Вы помогли мне, помогли даже больше, чем можете себе представить. Теперь, когда мне значительно легче, удерживать вас при себе означало бы проявить черную неблагодарность. Помочь в моих затруднениях вы бессильны, зато сами рискуете влипнуть в историю. Поэтому, Гленда, еще раз огромное вам спасибо и — давайте у эскалатора расстанемся.

— Нет, — ответила она.

— Что значит «нет»? Я ведь не спрашиваю, согласны вы или не согласны. Мы должны расстаться. И как можно быстрее. Вы мне помогли; считайте, что я возвращаю долг.

— Но я же чувствую, что с вами может случиться несчастье. И очень скоро.

— Возможно.

— Вот поэтому я и хочу быть с вами.

Я подавил в себе желание ответить резкостью и спросил:

— Но почему? Можете вы мне это объяснить?

— Я всегда мечтала, чтобы со мной приключилась какая-нибудь история. До сих пор в моей жизни все было так обыкновенно. Я уже почти отчаялась, что это когда-нибудь произойдет. Представьте, вот я сижу, составляю пустопорожние отчеты, обреченно думаю о том, что отсюда меня не сегодня-завтра тоже выпрут, и вдруг появляется вы. Как только телефоны зазвонили и я увидела вас, бегущего по проходу между столами, я сразу поняла, что происходит нечто необычное. Я подумала: этого человека послала мне судьба. А звонки как будто гнались за вами, преследовали вас... и вы так драматично упали почти у самых моих ног... Потрясающее зрелище! Понимаете, мне страшно интересно, что будет дальше.

— Давайте номер вашего телефона, я вам позвоню позднее и расскажу со всеми подробностями.

— Не-е-т, я хочу сама увидеть, своими глазами.

— Придется удовлетвориться пересказом.

Гленда в ответ упрямо мотнула головой и отвернулась.

— Здесь нам нужно сделать пересадку, — помолчав, сказала она, — если вы действительно направляетесь к эскалатору.

— Знаю.

Мы перешли на другую ленту, более медленную. На ней было довольно много пассажиров, и я уже не мог определить, преследует нас кто-нибудь или нет.

— Наверное, вы сейчас придумываете способ, как от меня избавиться, — сказала Гленда.

— Вы не ошиблись.

— Напрасно стараетесь. Я и не подумаю оставить вас одного.

— Вы даже не подозреваете, как дорого может вам обойтись ваше любопытство. Я уже сказал, что это опасно, а всякий, кто подвергает свою жизнь опасности лишь для того, чтобы испытать так называемые острые ощущения, просто дурак. Теперь понятно, почему вас отовсюду увольняют.

— Оскорбляя меня, вы все равно ничего не добьетесь. Я от вас не отстану.

— Вы глупая и дерзкая девчонка!

— Ну зачем вы сердитесь? Я тоже имею право пользоваться общественным транспортом. Между прочим, вам здорово повезло, что наши маршруты совпадают.

— Может быть, вы из тех, кого хлебом не корми, только дай поглазеть на несчастья ближних?

— Нет, я не собираюсь оставаться безучастным наблюдателем.

— Ладно, — сказал я, — спорить с вами, я вижу, бессмысленно. А вам не приходило в голову, что я могу оказаться сексуальным маньяком, психопатом, убийцей, да мало ли кем еще?

— Неважно, — заявила она. — Я уже сделала свой выбор.

— Тогда вы сами ненормальная.

— Наверное, так оно и есть. Но если вы убийца, психопат или сексуальный маньяк, вас это тем более должно устраивать.

Мы находились уже совсем близко от эскалатора. Стрела подъемного крана над нами переносила куда-то огромный контейнер все с теми же проклятыми столами для «Офиса». Справа от ленты, в траншее, мигали огни электросварки — вероятно, чинили трубопровод или меняли его направление. Откуда-то издалека донеслись звуки музыки, стихли. Впереди простиралась парковая зона, разделенная аллеями на правильные прямоугольники. Над кронами деревьев уходила во мрак башня эскалатора. Слева промелькнула мраморная статуя. Лента внесла нас в парк, и я заметил неподалеку от эскалатора действующий фонтан. Деревья вокруг были настоящие, не из пластика.

— Помните, у Томаса Вульфа?.. — спросила Гленда, и в тот же миг я снова стал библиотекарем Хинкли и с удивлением услышал свой ответ:

— Вы имеете в виду описание городской площади?

— Да. Вон там представим ратушу, а тут здание суда с большими часами...

— При входе на эскалатор тоже есть часы.

— Но они не бьют и всегда показывают точное время.

— Это верно. И не заляпаны птичьим пометом.

— А вот здесь могла бы быть мастерская каменотеса.

— Могла бы, могла бы...

Надо же, я, оказывается, помнил, как выглядела обычная городская площадь на планете, которую мы все когда-то потеряли. Неужели этот загадочный мистер Блэк в юности разгуливал по таким вот площадям?.. Или он просто заговаривал мне зубы, усыпляя бдительность, чтобы сподручнее ему было выхватить из кармана револьвер и застрелить меня?

Поскольку в моей собственной памяти никаких сведений о Земле не было, я сообразил, что это все еще не может успокоиться Хинкли, — в конце концов он, а не я, был мечтателем, он в удобном кресле с книгой в руках совершал путешествия во времени, он изучал жизнь по книгам, не имея представления о том, какова она в действительности, — за что, вероятно, и поплатился... На мгновение мне стало грустно, грустно, что Хинкли больше нет в живых и что я никогда не увижу Землю.

— Вы много читали.

Гленда кивнула.

Мы высадились в парке. Из микрофонов, спрятанных в листве, раздавался записанный на пленку птичий щебет. Запах сырой земли, от которого я давно отвык, щекотал ноздри. Проходя мимо фонтана, Гленда опустила в воду руку:

— Я не совсем понимаю, куда мы идем, — сказала она, когда мы, обойдя эскалатор вокруг, двинулись в обратном направлении.

— Подождем немного, — пояснил я, присаживаясь на скамью и глядя на движущуюся вдалеке транспортерную ленту.

Она проследила за моим взглядом:

— Понятно.

— Пока у нас есть время, расскажите о себе.

— Что именно вас интересует?

— Мне все интересно.

— Хорошо, а потом — вы.

— Вы ставите мне условия?

— Я люблю, чтобы все было по справедливости.

— Ладно, начинайте, а я тем временем решу, что можно вам рассказать, а что нельзя.

— Ну, мне двадцать два года, я родилась в этом крыле, воспитывалась в «Школе». Мой отец был учителем, мать профессионально занималась живописью. Сейчас они оба умерли. Я живу в «Библиотеке»...

Я схватил ее за руку.

— Это он? — прошептала девушка, заметив человека, появившегося на ленте. — Тот, кто за вами гонится?

— Не знаю, — ответил я. — Но в любом случае осторожность не помешает.

Мы быстрым шагом вернулись к эскалатору и вошли в его гулкую башню.

— Не рассчитывайте, что я поверила, будто вам действительно понадобился эскалатор, — сказала Гленда. — Это просто предлог, чтобы прекратить разговор. Вы упорно не желаете посвящать меня в свои дела.

— На сей раз это не так.

Мы бегом спускались по спиралевидной лестнице. Нужно было срочно менять тактику. Раньше я имитировал бегство, чтобы, улучив момент, неожиданно перейти в наступление, но если это тот самый бородач, с которым мы резвились в «Гостиной», то как он ухитрился за столь короткий промежуток времени определить мое новое местонахождение? Обладай он даже даром предвидения, все равно этого было бы недостаточно.

Выходит, есть у него какое-то средство, которое позволяло меня запеленговать и о котором я не догадывался.

Ну конечно, он подsunул мне бипер! Они ведь бывают совсем крошечные. Пока я был на сцене, моя повседневная одежда висела в гардеробной. Проникнуть туда, подпороть шов с внутренней стороны пиджака и зачихнуть эту штуковину за подкладку проще простого. А вот чтобы от нее избавиться, пришлось бы раздеваться и перетряхивать всю одежду. В данный момент это не представлялось возможным. Хорошо, что

у меня хватило ума не помчаться в Нулевое крыло прямо с концерта.

Мы продолжали спускаться, и, когда оказались на этаже «Подвала», я уже знал, что мне делать дальше.

За исключением работников по обслуживанию технического оборудования жители Дома заглядывали в «Подвал» крайне редко. Здесь было невероятное количество всяческого рода реакторов, генераторов, компрессоров, компьютеров, трансформаторов, кондиционеров, индикаторных панелей. Скользили, перекрещиваясь и снова разбегаясь в разные стороны, бесчисленные транспортные ленты служебного пользования. Пахло смазочными маслами и горячей обмоткой. В голубоватом свете тускло поблескивали лианы кабеля, кривые колена трубопровода. Порталы подъемных кранов высились подобно стволам гигантских деревьев.

...Спрятаться здесь было нетрудно, но я-то спустился сюда с другой целью. Я надеялся, что вся эта техника будет либо экранировать, либо глушить бипер, если таковой действительно при мне имеется.

Огляделся. Хотя вдали и виднелись целых два эскалатора, решил воспользоваться туннелем. По указателям определил, где находится ближайшая станция.

Мой план был прост: перескакивать из крыла в крыло до тех пор, пока я не попаду в такое место, откуда можно будет уже безбоязненно, по прямой, добраться до Нулевого крыла. Если враг выследит меня даже в межзвездном пространстве, ну что же, тогда мне останется лишь признать свое поражение. Впрочем, я сильно сомневался, что он на это способен.

Пора было что-то делать с Глендой. Не мог же я взять ее с собой в Нулевое крыло. Я решил, что в каком-нибудь уединенном месте выстрелю в нее из транквилизаторного пистолета и уложу на скамейку. Я должен был так поступить для ее же безопасности. Ничего страшного. Проспится — и все как рукой снимет.

Лента, по которой мы теперь двигались, была медленная и широкая, но уже через минуту эскалаторов стало совершенно не видно из-за гигантских комплексов технического оборудования. Мы находились в самом центре «Подвала». Все здесь дрожало и вибрирова-

ло. Сделали две пересадки и ступили на узкую, быструю ленту, почти параллельную предыдущей. Прежняя находилась от нас примерно в ста футах. До сих пор никто из обслуживающего персонала не попался нам на глаза. Снова вдаль показалась башня эскалатора. Если бы мой враг сейчас спускался в «Подвал», он мог бы нас видеть, а мы его — нет, потому что стена башни сильно отсвечивала. Он мог бы, кстати, с удовлетворением отметить, что я затравленно озираюсь.

Я подумал об остальных членах моей семьи: понимают ли они, в каком сложном положении я оказался? Похоже, догадываются. Их, разумеется пугало мое молчание, но ведь именно оно как раз и свидетельствовало о том, что я все еще жив и, следовательно, знаю о гибели Дэвиса и Серафиса. Они догадывались также, что попытка с их стороны слиться со мной может помешать мне уйти от преследования. Ладно, потерпите еще немного, вот вернусь в Нулевое крыло, тогда и посоветуемся.

Разволновавшись от всех этих мыслей, я быстро пошел по ленте вперед. Гленда не отставала.

От яркого, даже ослепительного света резало глаза — в «Подвале» всегда был день. Работа кипела круглые сутки. Стрелы подъемных кранов переносили над нашими головами контейнеры с грузами во всех направлениях. Механизмы гудели, гремели, тарахтели, дребезжали. Шум здесь царил невероятный, но я его не замечал. Я как замороженный смотрел на телефонную будку справа от ленты. Прошел мимо — и звонка не последовало! Я вздохнул с облегчением.

— Вы так и не скажете мне, почему бежите и от кого? — спросила Гленда.

— Нет.

— Может, вам было бы полезнее, если бы я это знала.

— Одно только могу сказать — это не увеселительная прогулка. Однако я вас не тянул за собой на аркане.

— Опасность, которую я чувствовала раньше... она сейчас очень близко.

— Думаю, вы ошибаетесь, — ответил я, но весь внутри содрогнулся, понимая, что Гленда права.

Вероятно, я был изначально предрасположен к паранойе, а уж после всего, что мне довелось испытать за последние несколько часов, вывести меня из душевного равновесия ничего не стоило.

Я перескочил на ленту справа, даже не посмотрев, куда она ведет. Гленда последовала за мной. Мы оказались между двумя высокими стальными стенами. Температура воздуха здесь была чрезвычайно высокой. С площадки, расположенной футов на тридцать выше ленты, двое рабочих посмотрели на нас с нескрываемым изумлением. Лента начала петлять, сделалась такой узкой, что в течение нескольких минут нам пришлось стоять боком; затем она снова расширилась. Слева на приличном расстоянии промелькнула стайка школьников, их, вероятно, привели сюда на экскурсию.

Я начал приглядывать укромное местечко, где мог бы оставить Гленду. Незаметно для нее вытащил из кармана пистолет. При мысли о том, что мне предстояло сделать, вдруг защемило сердце. Не хотелось оставлять ее здесь одну... Какая все-таки странная девушка! Не может найти себе работу по душе. Ради совершенно незнакомого человека подвергает себя опасности... Нужно будет позаботиться о ней, как только покончу со своими делами.

— Не оборачивайтесь, — вдруг услышал я голос Гленды за спиной. — Я вижу его. Он наверху, слева от нас. Сзади.

Я как можно небрежнее повернул голову. Одного взгляда мне было достаточно, чтобы его увидеть. Быстро отвернулся.

Он по строительным лесам, прихрамывая, спешил за нами.

...Отблески электрических ламп играли на линзах его синих зеркальных очков.

Я едва сдержался, чтобы не выругаться. Оказывается, мне просто-таки не терпелось его увидеть. На мгновение, и несомненно вследствие проснувшихся во мне патологических инстинктов, я пожалел, что в руке у меня всего лишь транквилизаторный пистолет, а не что-нибудь посерьезнее. Отмахнулся от этой чу-

довищной мысли. Медленно пошел вперед. Гленда шла следом.

— Черт бы вас побрал, держитесь от меня подальше! — крикнул я ей, не оборачиваясь.

— Вдруг вам снова станет плохо.

— Лучше о себе побеспокойтесь.

— И не подумайте.

— Ладно, я вас предупреждал. Хотели острых ощущений — ну что же, наслаждайтесь!

— Я так и делаю.

Я лихорадочно решал, как мне поступить. Похоже, я и в самом деле был недостаточно ушлый. Посмелее, познергичнее Ланжа, но все еще слабоват, чтобы справиться с врагом. И стало быть, мне тоже было суждено умереть. Но, в отличие от других погибших членов семьи, я хотя бы мог утешаться мыслью, что мне удалось кое-что узнать о враге. Кроме того, я надеялся, прежде чем он меня прикончит, узнать о нем еще больше.

Не поворачивая головы, я косил глаза то вправо, то влево — высматривал нишу или щель, куда можно юркнуть, чтобы оказаться вне досягаемости его пуля, но самому при этом держать его на мушке.

Резко обернулся, чтобы определить, где он сейчас находится.

— Что вы собираетесь делать? — шепотом спросила Гленда.

Я и сам не знал, что скажу или сделаю через секунду, но чувствовал себя почему-то все увереннее.

— Если хотите мне помочь, слушайте внимательно!

— Что от меня требуется?

— Видите там, впереди, примерно в трехстах ярдах от нас, большой агрегат с черным кожухом?

— Да, это генератор Лэнгтона.

— Сейчас я резко сверну влево, а вы стойте еще пару минут на ленте как ни в чем не бывало. Как только он бросится за мной, бегите к генератору и спрячьтесь. Когда он пробежит, выходите из укрытия и постарайтесь затеряться где-нибудь среди оборудования. Действуйте по обстоятельствам. Удачи вам.

— Нет, я иду с вами.

Повернувшись к ней так, чтобы враг не видел меня сверху, я навел на нее пистолет.

— Только попробуй. Я тебя парализую, а лента унесет твоё тело в самый дальний угол «Подвала». Не вынуждай меня применять крайние меры. Делай, что тебе говорят.

Сказав это, я спрыгнул с ленты и бросился к агрегату, который заранее присмотрел для прикрытия. Краем глаза заметил — он бежал за мной с револьвером в поднятой руке.

Грохнул выстрел. Он промазал, что было неудивительно, — ему было неудобно целиться.

Выстрелил еще раз, явно наугад — просто хотел нагнать на меня страху. Я забежал за угол агрегата и обнаружил, что его разделяет на две части узкий и длинный проход. Вошел не раздумывая. В стенах чернели ниши. Пожарные лестницы тут и там вели куда-то вверх. Кабельные линии электропроводки образовывали над проходом непроницаемый навес.

Здесь я был в относительной безопасности — чтобы выстрелить в меня, врагу потребовалось бы сначала продрасться сквозь все эти переплетения проводов.

Сзади послышались шаги. Это была Гленда.

— Черт побери, я велел тебе спрятаться за генератор!

— Но я же знала, что вы побежите не оглядываясь.

Я повернулся и пошел вперед. Девушка затопотала следом. Я миновал несколько пожарных лестниц, потом довольно большое сооружение, нечто вроде строительных лесов, установленных вдоль левой стены.

— Чем я могу вам помочь? — спросила Гленда. — Вы только скажите, я все сделаю...

— Да делай ты что хочешь! Только учти — что бы с тобой ни случилось, ты сама будешь в этом виновата.

Она хотела что-то ответить, но только вздохнула.

Враг мог, конечно, спуститься сюда по любой из пожарных лестниц, а мог и пробежать по лесам далеко вперед и спрыгнуть уже где-нибудь там, за агрегатом. Во всяком случае, он где-то рядом. Из-за шума механизмов бесполезно было пытаться услышать его шаги. Тем не менее звук, раздавшийся откуда-то из служеб-

ного помещения неподалеку, я различил очень хорошо. Ну разумеется, это звонил телефон!

Прильнув к стене и еле сдерживаясь, чтобы не разразиться проклятиями, я мысленно пообещал бородачу затолкать телефонную трубку ему в задницу. Однако реагировал на звонки я уже спокойнее. Мурашки, конечно, бежали по спине, но все-таки я мог держать себя в руках.

В тот же миг я услышал тяжелый топот над головой и оценил дьявольскую изобретательность моего врага. Он, зная, какой ужас вызывают во мне эти проклятые звонки, обзавелся специальным устройством, позволяющим на расстоянии обнаруживать телефонные аппараты и приводить их в действие.

Вот и сейчас, догнав меня, он заставил звонить ближайший по месторасположению телефон, а сам уже спрыгнул на леса, идущие вдоль агрегата как раз напротив моего укрытия.

И однако, он просчитался — теперь я был спокоен. Или почти спокоен. Прижавшись к стене, я видел, как прогибается настил под его ногами, и поэтому мог определять направление, в котором он движется. Враг, конечно, искал просвет в проводах — думал, наверное, что я уже в штаны наложил со страху и ему остается только нажать на спусковой крючок.

И вот наверху, из-за соединения балок, действительно высунулась рука с револьвером, затем выдвинулось плечо и, наконец, показалась голова... Выстрелив, я одновременно услышал и его выстрел. Пуля с жутким лязгом отрекошетела от стальной стены.

Я отпрянул назад, натолкнулся на Гленду.левой рукой, не глядя, впихнул ее в нишу. Продолжая пятиться, прорычал ругательство, которого никогда в жизни не слышал.

Снова наверху рождался топот — противник перепрыгнул на лестницу справа от меня. Я прицелился в то место, откуда он, по моим расчетам, должен был высунуться на этот раз. Между прочим, я испытывал невероятное наслаждение оттого, что перестал звонить телефон.

Он снова выстрелил — и снова промахнулся. Я тотчас выстрелил в ответ. Долго такая безрезультат-

ная перестрелка продолжаться не могла. Он теперь точно знал, где я.

Я отклонился назад и прицелился в переплетение проводов как раз над нишей, в которой мы с Глендой прятались.

Разумеется, я понимал, что шансов остаться в живых у меня мало. Даже если я прицелился верно, враг все равно успеет выстрелить. Я боялся, что его пуля угодит в Гленду. И еще меня беспокоило, что будет, если этот мерзавец ранит меня достаточно серьезно. Я должен был его арестовать, я поклялся себе это сделать!

Допустим, он снова уложит меня наповал. Рефлективно я все-таки нажму на спусковой крючок. И тогда на какое-то время он потеряет сознание.

Мне нужно было остаться в живых хотя бы только для того, чтобы притащить его, оглушенного, в Нулевое крыло и там как следует прочистить ему мозги.

Обидно было бы умереть, сознавая, что враг фактически в твоих руках, а ты не в состоянии этим воспользоваться.

— Скорее всего, он меня убьет, — услышал я свой голос, обращенный к Гленде (говорил эти страшные слова именно кто-то другой, а не я, хотя вырывались они из моих губ). — Он меня убьет, но и сам некоторое время будет валяться без сознания. Найдешь ты в себе силы подняться туда, к нему?.. У него там револьвер. Только учти, стрелять нужно в сердце или в голову.

— Нет! Нет, я не могу!.. не хочу!..

— Это избавит меня от больших неприятностей в следующий раз.

— В следующий раз? — Гленда истерически засмеялась. — Если вас убьют?.. — Она замолчала, зажав рот рукой, но я слышал ее тяжелое и прерывистое дыхание.

Чего же он еще ждет, черт бы его побрал?

— Ну стреляй! — закричал я, подняв голову. — Стреляй! Даже если ты меня прикончишь, все равно тебе крышка!

Ни звука в ответ.

Но зато над ухом я услышал взволнованный шепот Гленды:

— Значит, вы именно тот, за кого я вас принимала. Я не ошиблась. Послушайте, это очень важно. Возьмите меня с собой в ваше тайное убежище. Мне нужно вам сказать...

Слушать ее мне было некогда. Враг опять пронесся надо мной, перемахнул через проход и в прыжке выстрелил. Я почувствовал тупой удар под ребрами слева. Выстрелил в ответ и понял, что тоже попал.

Мелькнули белые бриджи и синий пиджак, взметнулись длинные каштановые патлы, блеснули синие зеркальные очки. Он, развернувшись в прыжке, приземлился на полусогнутых напротив меня, левую руку выбросил вверх, чтобы сохранить равновесие, а правую, с револьвером, вытянул в мою сторону. Оскалился в зловещей усмешке.

— Мистер Блэк, не надо!.. — закричала Гленда.

Он выстрелил снова. Удар в плечо отбросил меня на стену.

Правая моя рука повисла безвольно. Я выронил пистолет. Впрочем, он был мне больше не нужен. Враг уже еле держался на ногах.

Значит, это был мистер Блэк. Тот самый, с которым я совсем недавно сидел за одним столиком в «Коктейль-холле». Он изменил цвет и длину волос, переделался и нацепил очки, но линия подбородка та же, те же морщины...

Пока он целился, чтобы последним выстрелом меня добить, я поднял левую руку. Гленда снова закричала. Немеющими пальцами я сложил кукиш и показал его моему врагу.

Он выстрелил и опрокинулся на спину.

Пуля попала мне в живот. Падая, я все еще тянулся к нему... Потом чернильный мрак заволок мое сознание.

Гулкое эхо выстрела смолкло, я ощущал теперь только, как вибрирует пол от близости работающего агрегата, да еще во мраке вспыхивали и гасли слова: «*Выдерни штекер номер семь!*», и плачущий голос Гленды повторял: «Библиотека», квартира № 18237! Это очень важно! «Библиотека», квартира № 18237! Слышите?..»

Но я уже ничего не слышал.

Глава 4

Я вскочил и побежал дальше. Чистейшее безумие, но я ничего не мог с собой сделать. К счастью, никого вокруг не было. Впрочем, нет, впереди я заметил группу людей, и, надо сказать, меньше всего мне хотелось попасться им на глаза или хотя бы просто замедлить шаг.

Я еще раз посмотрел по сторонам, все-таки остановился и произвел несколько ритмичных вдохов и выдохов. Отдышался.

А потом то, что было Энгелем, начало овладевать мной все сильнее...

Невероятно. Кто бы мог подумать, что Энгель способен повести себя подобным образом? А с виду просто старенький кларнетист, тихий и безобидный. И лишь я-он-мы знали, какая мощь таится под его невзрачной внешностью. Именно благодаря Энгелю я становился другим, и процесс моего преобразования уже невозможно было обратить вспять, я был теперь сильный, бодрый, живой как ртуть!..

Выходит, мы — крутые парни, круче, чем сами могли бы предположить. Это как с машиной, когда ее заводишь — она сначала фыркает и кашляет и только после начинает функционировать нормально.

Итак, в настоящий момент мы как никогда, были близки к победе, и я, Поль Кэрэб, являлся связным. И не следовало мне убегать, поступок, недостойный мужчины... Но вот получалось, что я не имел права действовать иначе. То есть я поступил правильно, сам того не подозревая.

Факт, конечно, позорный. Я, Поль Кэрэб, представитель младшего поколения опекунов Дома, ответст-

венный за Первое крыло «Гостиной», тридцатипятилетний крепыш, только что удирал, охваченный страхом!

Впрочем, страх исчез, едва я почувствовал, что во мне оживает Энгель... а вот уже за ним и Ланж Младший!

Эти убийства, одно за другим, здорово меня напугали. При известии об очередном нападении мистера Блэка я всякий раз терял сознание, а когда оно ко мне возвращалось, проникался все большим ужасом. Я готов был обратиться в бегство в самом начале слияния, но вот ощутил в себе присутствие Энгеля и успокоился. Серафису и Дэвису слияние не помогло, они погибли, и я понимал, что, несмотря на любые меры предосторожности, тоже не защищен от нападения, каковое несомненно было лишь частью тщательно продуманного плана истребить нас всех до единого. Я не обладал проницательностью Ланжа Младшего или храбростью Энгеля, но верил, что эти насущные для выживания качества неминуемо во мне проявятся. Что касается страха... Именно пережитое мной чувство страха помогло спастись. Вдобавок я с ним уже справился.

Группа людей, которую я заметил ранее, оказалась похоронной процессией. За гробом шествовал священник, читая заупокойную молитву. С того места, где я стоял, было видно, как происходит прощание, но перегородки между секциями мешали рассмотреть дверь, в направлении которой двигалась процессия.

И вдруг мысль о том, что и мою жизнь в оболочке Поля Кэрэба тоже может оборвать пуля (ведь уже сколько членов нашей семьи убито, и вообще самый наш способ существования подвергается смертельной опасности), — мысль эта, как черная трепещущая птица, забилась в мозг!..

Нет!

Я этого не допущу!

Моя решительность мне и самому была внове, однако я знал, что настало время действовать. Я пока не принял какого-либо определенного решения, просто знал. Но что, если остальные не одобряют мои действия? Впрочем, при сложившихся обстоятельствах ни-

чего другого им не остается. В любом случае выбор должен сделать я сам.

Помещение Часовни, поделенное на прямоугольные секции (одни были освещены, в иных царил полумрак), напоминало шахматную доску. Я двинулся наискосок влево и замер перед входом в пустую темную секцию. Оглянулся, удостоверился, что никто за мной не следит, лег на пол и прополз под контрольным лучом. Подними я голову хотя бы на дюйм выше — и в секции зажжется неяркий свет, польется умиротворяющая музыка, воздух наполнится запахом ладана, засияет лампочками алтарь.

Я вскочил на ноги, подошел к скамье и сел на нее боком, так, чтобы иметь обзор сзади и одновременно не выпускать из виду происходящее у гроба. Достал из пачки сигарету, спрятал обратно — курить здесь, пожалуй, не стоило.

Теперь мне была видна эта дверь в вечность, в преисподнюю, в загробную жизнь или черт знает куда еще. Лента транспортера уходила в пол и двигалась в обратном направлении. Когда провожающие, со скорбными лицами и все в черном, приблизились к гробу, представитель похоронной службы шагнул вперед и на панели, вделанной в стену и обведенной черной каймой, набрал код.

Дверь беззвучно отворилась внутрь, и гроб, весь усыпанный цветами, двинулся в зияющую черноту. Наблюдая издали, я, разумеется, не мог поручиться, что цветы эти искусственные, но, принимая во внимание изрядное их количество (живые стоили бы целое состояние) и немногочисленность провожающих, так оно, скорее всего, и было.

Гроб на подставке с колесиками скользнул по наклонной плоскости и исчез в черном прямоугольном отверстии. Дверь закрылась. Священник произнес еще что-то приличествующее моменту, люди повернулись и медленно пошли прочь, переговариваясь или молча, кому как хотелось.

Я выждал, пока все они не покинули помещение Часовни, а потом для верности сидел, не шевелясь, еще минут десять. Затем встал, подошел к выходу из секции, снова прополз под лучом.

Тишина... полумрак... Транспортная лента отключена. Ближайшая освещенная секция отсюда так далеко, что я даже не слышал музыки. Пошел вдоль транспортной ленты, зачем-то касаясь ее рукой, по направлению к двери, за которой исчез гроб.

Я думал о Гленде. Что она сейчас делает? Где она? Обратилась в полицию? Или просто убежала? Мысли мои, приобретая отчетливость, возвращались к недавнему происшествию, о котором я не мог забыть, как ни старался. Стоп, что же она кричала мне напоследок?

Молодая женщина, почти девушка, неожиданно становится свидетельницей насильственной смерти... казалось бы, ничего, кроме истерических, бессвязных восклицаний ожидать от нее нельзя... а вот Гленда назвала какой-то адрес... несколько раз его повторила, как бы давая понять, что это очень важно... Важно кому? Мне?

Если это не истерика, то смысл ее слов просто ошеломителен. В самом деле, какая польза от подобной информации любому умирающему, если он не Поль Кэрзб, то есть я? Но ведь Гленде о нас ничего не могло быть известно... ни ей, ни кому бы то ни было... даже мистеру Блэку... которого она, кажется, знает... да и познакомились мы при довольно странных обстоятельствах...

Нет, следует в этом разобраться. Любая мелочь может иметь решающее значение.

Я вспомнил ее вроде бы взбалмошное, но тем не менее очень настойчивое желание сопровождать меня... Да, да, нужно навестить ее по этому адресу... И чем раньше, тем лучше.

Перемахнул через ленту — дверь располагалась по правую от нее сторону — и остановился перед выходом в никуда, единственным выходом, через который жители Дома покидали его пределы. Дверь — шесть футов в ширину и восемь в высоту — в полумраке казалась скорее темным туманным пятном, нежели материальной субстанцией. Я набрал код, и она отворилась. Стало еще темнее. Стоя перед черным прямоугольным проемом, я не мог бы с уверенностью сказать, открыта дверь или закрыта. Впрочем, темнота меня как раз устраивала.

Я взобрался на ленту и шагнул во мрак, стараясь держать тело откинутым назад, чтобы сохранить равновесие. Нашупав одной рукой стену, другой уцепился за дверную ручку, потянул дверь на себя, притворил неплотно. Для того чтобы закрыть по-настоящему, следовало привести в действие специальный механизм, но на ближайшие несколько минут этого было достаточно.

Встал на четвереньки и двинулся задом по наклонной плоскости вниз. Туннель был футов сорок длиной. Уперся спиной в следующую дверь и принялся шарить по ее поверхности.

Снова мне повезло, я сразу нашел то, что искал. Снял защитную крышку. Тусклая лампочка внутри осветила устройство, и теперь у меня появилась возможность действовать не вслепую. Эта штука редко требовала вмешательства человеческих рук, а уж то, что я с ней сделал, вовсе не входило в замысел конструкторов. Понятно, никто никогда не отважился шутить подобным образом с аварийным блоком дистанционного управления, которое посылало мертвых в безвозвратное странствие среди звезд. Никто, кроме меня.

Я поставил крышку на место и стал ждать. Устройство должно было сработать через пятнадцать секунд, а потом самостоятельно переключиться на старую программу. Наконец над головой раздался щелчок — дверь поднялась. Отлично.

Пол вдруг ушел у меня из-под ног, я, растопырив руки, удержался за стены, плавно съехал на бок и снова вскочил. Ну конечно, я же должен был помнить: дальше пол снова становится горизонтальным.

Теперь я находился в коротком и ярко освещенном коридоре. Стены блестели так ослепительно, что больно было на них глядеть. Пока я, щурясь и прикрывая глаза ладонью, шел вперед, мои энергетические характеристики анализировали на самых разных уровнях сотни, а может, и тысячи приборов, запрограммированных пропустить к двери, расположенной в конце коридора, одного-единственного человека. Меня.

Она поднялась вверх, и я переступил порог Нулевого крыла. Чувство невероятного облегчения овладе-

ло мной: я был дома и в безопасности. Враг не мог меня здесь настичь.

Я шел по красной ковровой дорожке мимо огромных дверей с табличками «Лаборатория», «Компьютерная», «Хранилище», «Картотека» и пытался вообразить, в каком настроении пребывал мой дальний предок, когда давал этим помещениям столь прозаические наименования. Скорее всего, он был не в духе.

Наконец справа я увидел знакомую дверь, толкнул ее и очутился в комнате отдыха. Сразу же зажглись лампы. Я хлопнул ладонью по выключателю; в открытую дверь падал свет из коридора, этого было достаточно.

Небольшое помещение со светлыми стенами и темным ковром. Письменный стол, два легких кресла, кушетка и журнальный столик. Застекленный книжный шкаф. Ничего не изменилось с тех пор, как я был здесь последний раз.

Я прошел к дальней от входа стене, так же безошибочно нажал кнопку в подлокотнике кресла — стена стала прозрачной.

Снаружи царилась ночь, и огромная оранжевая луна висела над белыми скалами, напоминавшими гигантскую челюсть с раскрошившимися зубами. Ближе ко мне скалы были черные и блестящие, как будто только что прошел дождь. Скопление белых облаков на горизонте, а выше — сияющее изобилие звезд. Термометр, установленный с внешней стороны стекла, показывал тринадцать градусов по Цельсию. Я вернулся на середину комнаты, развернул кресло к прозрачной стене, сел. Не отрывая глаз от ночного пейзажа, достал сигарету. Закурил.

Как бы ни подгоняло меня время, я мог себе позволить полюбоваться всей этой красотой. Да и успокоиться не мешало.

От моего душевного состояния зависело многое. Ведь я собирался нарушить незыблемые правила, и, прежде чем на это решиться, мне следовало крепко подумать. А вдруг после процедуры нам придется слиться? Тогда могут возникнуть определенные неудобства, а следовательно, и разногласия.

Но ведь я был связным, я единственный знал, как погиб Энгель. И единственный из всех нас был в состоянии принять это решение.

И я его принял.

— *Браво! Наконец-то среди нас нашелся хоть один, у кого мозги работают как надо.*

— Но ты-то тут ни при чем, старина, — сказал я.

— *То есть как это ни при чем? Очень даже при чем. И все время был при чем.*

— Ладно, не будем спорить. Сейчас это не имеет значения. Да и в обозримом будущем тоже.

— *Возможно.*

— *Что значит «возможно»?*

— *Это значит, что будущее покажет. Обозримое будущее.*

— Ты же знаешь о нем не больше, чем я. Ну, если точнее, то немногим больше.

— *Пожалуй. Так давай же начнем поскорее!*

— Ты столько времени ждал. Подождешь еще минуту. Вот докурю — и начнем.

— *Ладно, погрусти, погрусти, полюбуйся пейзажем. Кстати, ты ведь не понимаешь, на что смотришь.*

— А ты понимаешь?

— *Да уж не беспокойся.*

— Ладно, поживем — увидим.

— *Увидим. Еще как увидим.*

Ночь была ясная, и я без труда различал вдали несколько огромных кратеров — их острые очертания скрадывались низкорослой темной растительностью. Приглядевшись, можно было заметить на склоне одного из них развалины довольно большого, похожего на крепость здания. Я как зачарованный не мог отвести взгляда. Когда же я разгадаю тайну этих руин?.. Сколько лет я смотрю на них? И глазами скольких своих предков?

Нет, хватит! И так уже загадок более чем достаточно!

Поднявшись, я затушил сигарету и вышел из комнаты отдыха.

Пока я производил сложные и небезопасные манипуляции с кодовым замком на входе в «Картотеку»,

мое возбуждение возрастало. Для того чтобы открыть дверь, потребовалось пятнадцать минут. Как только я проник внутрь, зажегся свет. Дверь за мной заклопнулась.

Помещение было просторное: сорок футов в длину, шестьдесят — в ширину. В дальней от входа стене имелась ниша, в которой был установлен пульт, а с обеих сторон от него приделаны полки шириной примерно в тридцать дюймов каждая; они расходились от пульта, как крылья, и на них уступами, один над другим, выселились вспомогательные агрегаты. Массивное вращающееся кресло было развернуто мне навстречу, как бы приглашая сесть.

Я снял куртку, аккуратно ее свернул и положил на журнальный столик. Уселся в кресло и принялся подготавливать аппаратуру к работе. Минут десять провозился, подключая уйму всяческих узлов в необходимой последовательности. Это занятие меня несколько отвлекло, и я уже не так волновался, как вначале, когда только сюда вошел.

Наконец все режимы и уровни установлены. Пора начинать.

Я открыл дверцу шкафчика слева и вытянул оттуда шлем на длинном и мощном кронштейне. Проверил его исправность.

Водрузил шлем на голову — его края уперлись мне в плечи. Через прорези для глаз я мог следить за показаниями приборов. Нажал на кнопку пуска. Ощутил в стенках шлема вибрацию — это они подстраивались, чтобы обхватить все, даже самые незначительные выпуклости моего черепа. Подкладка плотно облегла затылок, темя, виски. Голову легонько трянуло, я почувствовал струение анестезирующей жидкости. Часть ее, не промочив мою густую шевелюру, потекла за воротник. Ничего страшного, высохнет. Знал бы заранее — обрил бы голову.

Не думаю, чтобы кому-нибудь понравилось созерцать собственные потроха, тем более содержимое черепной коробки. А вот мне предстояло именно это. Не в буквальном смысле, разумеется.

Каков бы ни был у человека его жизненный опыт, размышления о чувствах сами по себе уже вызывают

некоторое волнение. Даже если размышляешь о чувствах, которые никогда не переживал.

Вспыхнул голубой огонек индикатора, и я понял, что разряды начали безболезненно пронизывать кожный покров черепа, черепную коробку, твердую оболочку мозга, а затем и паутинную, и мягкую оболочки, пролагая себе дорогу в избранные для процедуры участки мозга и создавая там необходимое напряжение. Я закусил нижнюю губу. Вот, значит, каким образом мы совершенствуем себя.

Итак, можно было приступить к обычной процедуре, которой подвергал себя каждый новый связной. Мне предстояло погрузиться в глубины нашего коллективного сознания и чистить те его участки, которые были омрачены жизненным опытом Ланжа Младшего и Энгеля и потому могли внести разлад в мою собственную личность. Для верности следовало уничтожить их воспоминания вообще обо всем, что с ними когда-либо происходило.

Да, это было жертвоприношение или, если угодно, частичное самоубийство — избавиться от лишнего (в особенности — негативного) опыта моих предшественников. Ведь никто не знает, какую нагрузку способен выдержать человеческий мозг, поэтому еще в незапамятные времена было решено не испытывать его на прочность. И я считал это решение разумным. Насколько мне известно, мы всегда придерживались этого принципа. Его действенность подтверждалась как раз фактом существования нашей семьи. До сих пор, во всяком случае. Поэтому Ланжу Младшему и Энгелю суждено было умереть вторично... вернее, превратиться в неких неприкаянных демонов моего подсознания...

Но я ни на миг не забывал о мистере Блэке, и, чтобы эффективно действовать, мне нужно было стать как можно сильнее и обладать совокупностью коллективного опыта. В случае опасности мертвую память было разрешено воскрешать — хоть это, слава Богу, я/мы не забыли.

Я не знал, применялась ли кем-нибудь из нас в прошлом эта крайняя мера, и тем более не мог себе представить последствия такого поступка, но почему-

то был уверен, что получу от предков не только опыт, но и необходимые мне сейчас свойства характера. Ведь пока что я все еще оставался самим собой, хотя частично был уже Энгелем и частично Ланжем Младшим. Короче, цель оправдывала средства.

Я перевел взгляд на коммутационную панель, увидел вставленные в гнезда штекеры (их было семь), а также множество гнезд пустующих... Сердце у меня бешено заколотилось. Каждый штекер — жизнь связанного, а в каждом связанном, как невидимая бабочка, трепетала жизнь всей нашей семьи!

Я протянул к панели сразу ставшую влажной от пота руку...

Штекер вставлялся в панель всякий раз по завершении процедуры стирания опасных участков памяти. Выдернуть его означало свести на нет усилия, которые затратил предыдущий связной, уничтожая нежелательное наследие своего предшественника. Иначе говоря, то, что он уничтожил, могло воскреснуть во мне.

Что же я делаю? Ведь пришел-то я сюда для того, чтобы вставить штекер номер восемь!..

Но рука помимо моей воли двигалась вперед. Я пытался и не мог ее остановить.

Затаив дыхание, смотрел я, как она повисла над панелью, помедлила — и резко выдернула штекер номер семь!

Глава 5

Я ожидал, что услышу звон медных кимвалов, а затем мой мозг взорвется и я потеряю сознание... В общем, что-нибудь в этом духе. Ничего подобного.

Я как будто проснулся утром, и воспоминания о вчерашнем дне медленно поднимались из глубин памяти. Сознание прояснялось, обнаруживая лишь то, что в нем присутствовало всегда. Перед внутренним взором проплывала галерея знакомых картин...

А это еще кто? Неужели Старый Ланж?

Ну конечно!.. В тот же миг мы оба — и я, и он — испытали нечто вроде легкого замешательства при мысли, что каждый из нас двоих является по отношению к другому сыном... или отцом?.. а на самом деле мы просто разные ипостаси одной и той же личности, но в слиянии участвовали и остальные, давно, казалось бы, забытые члены семьи, мы все были в сборе, как будто никогда и не расставались.

Отныне я и никто другой мог собрать всех нас воедино.

Я был Энгелем, Ланжем Младшим и Ланжем Старшим, а также всеми, кого принял в себя Ланж Старший от своего предшественника — кстати, довольно-таки свирепого типа, который еще секунду назад даже испугал меня... Ну да, это Винтон! Теперь я глядел на него глазами его преемника, то есть Ланжа Младшего, и видел, что он в сущности ничем не отличается от всех нас.

Что же со мной произошло? Мой мозг сталместилицем опыта, накопленного семьей более чем за столетие, но пошел я на это не ради приобретения дополнительных сведений о мистере Блэке, а лишь за-

тем, чтобы позаимствовать у предков недостающие мне качества... я и сам не понимал, какие именно.

— *Ты давай дело делай. Потом поймешь.*

Так мог говорить только Винтон. Властный, суровый Винтон. Я не знал, что ему ответить. Память о нем всегда жила во мне, но я не ожидал, что, приняв в себя Ланжа Младшего, неизбежно войду в соприкосновение и с более древним пластом сознания, не предполагал, что ко мне станет взывать еще и этот жестокий пращур. Иными словами, впуская в себя Ланжа Младшего, я впустил и Винтона и, заметив это, несколько растерялся.

— *Ты имеешь теперь то, в чем нуждался, — говорил Винтон. — В тебе прибавилось силы и ума, но этого все еще мало, чтобы справиться с мистером Блэком. Нужно выдернуть штекер номер шесть. Сделай это, да поживее!*

Винтон побуждал меня действовать. Таким он был всегда — энергичным, решительным. Вот как раз его решительности мне и не доставало.

И я, даже не успев ему возразить, продвинул руку на несколько дюймов вверх по диагонали и вытянул штекер номер шесть.

Как будто туман рассеялся перед глазами, в памяти воскресли события полуторавековой давности, и хотя они оставили меня равнодушным, совсем как чужие сны, зато я ощутил необыкновенную уверенность в себе и более не сомневался в своей способности противостоять нашему общему врагу. Я еще плохо разобрался в собственных ощущениях, а причина, их породившая, вовсе оставалась для меня загадкой, но тут началось вообще такое!..

Наверное, когда Бирнамский лес сдвинулся с места, Макбету не было так страшно. О Боже... Мне казалось, что сознание, как река, выступает из берегов. Я чувствовал в себе нарастающую мощь и не был уверен, что сумею с ней совладать.

— *Да, ты был слаб, а ныне стал сильным. Однако не останавливайся на достигнутом. Протяни руку и стань еще сильнее. Любое оружие годится, если оно способно помочь. У тебя хитрый и умный враг, поэтому используй свои возможности максимально.*

Выдержи штекер номер пять и воскреси меня. Я знаю, как победить Блэка.

— Нет, — сказал я, — подожди... подожди...

— Время не ждет. Блэк с каждым мигом становится сильнее. Не пренебрегай мечом, способным рассечь сталь, не отбрасывай камень, который может стать краеугольным. Я нужен тебе. Выдержи штекер номер пять!

Моя рука уже тянулась к указанному штекеру, но я боялся хватить через край. Мне трудно было представить даже приблизительно мощь этого жаждущего воскреснуть предка. Вдруг он принудит меня выдержать и четвертый, и третий штекеры, и второй, и... страшно даже подумать об этом... тот, последний... Тогда все наши многовековые усилия, направленные на моральное совершенствование человечества, пойдут прахом!

— Твое волнение понятно. Я разделяю твои взгляды, но они ничего не стоят, пока ты не превратишь их в конкретные действия. Тебе нужен мой опыт, чтобы защитить себя и всех нас. Выдержи штекер номер пять! Ну же!

Мышцы руки начали затекать. Пальцы свела судорога.

— Нет! — крикнул я. — Подожди!

— Ты должен это сделать!

Я не на шутку опасался, что зашел слишком далеко. Может, он и прав, этот Джордан... Мне вдруг вспомнилось, что его зовут именно так... Джордан. Конечно, он прав. Но мне не нравилось, что он мной командует. Я и без того с трудом соображал, кем в данный момент являюсь. А уж освободить в себе кого-то вовсе неведомого, — тогда я рехнусь окончательно.

— Я понимаю, ты колеблешься. Но из-за твоей нерешительности могут погибнуть все остальные... а также и эта девушка...

— Подожди!

Внезапно меня охватила ярость. Ведь это я, Джеймс Винтон, некогда укротил его своей волей! И этот жалкий прихвостень еще смеет мне приказывать!

Я грохнул кулаком по панели:

— Нет! У меня есть все, что мне нужно!

— Ну и гурак!

Вместо ответа я демонстративно вдавил штекер номер пять поглубже в гнездо. Джордан умолк.

Стараясь больше о нем не думать, я почти машинально приступил к завершающей стадии процедуры.

И вот давление на череп ослабло, и огоньки на пульте показали, что можно снять шлем, что я тотчас же и сделал. Задвинул его в шкафчик, отключил все узлы и системы и покинул помещение «Картотеки», закрыв за собой дверь. Следовало соблюдать осторожность.

Я напрямик направился к двери в «Компьютерную» и привел в действие часовой механизм замка. Вернулся в комнату отдыха, потому что дверь должна была открыться лишь через десять минут.

Бросился в кресло, закурил, нажал на кнопку в подлокотнике. За время моего отсутствия луна заметно передвинулась влево. Тени в складках ландшафта сместились — лучше стали видны древние развалины и растительность на склонах кратеров. Местность казалась мне теперь странно знакомой, а вот развалины... Почему-то они особенно привлекали мое внимание, вид их смутно тревожил меня. Война здесь была, что ли?

И вдруг — почудилось или?..

Я встал и подошел к стеклу почти вплотную. Да, это были вспышки света среди руин. Я продолжал всматриваться, и вновь там что-то вспыхнуло... и еще раз! и еще! Я попытался хронометрировать частоту этих вспышек, но никакой периодичности в их возникновении так и не уловил.

Внезапно ослепительный луч вырвался из развалин и ударил мне прямо в лицо!

Я заслонился рукой от нестерпимого блеска, нащупал кнопку — стена снова стала матовой.

Развалился в кресле, отметил про себя, что уже воспринимаю это загадочное явление как нечто вполне привычное. В самом деле, чему тут удивляться? Мы же наблюдаем эти вспышки на протяжении многих поколений. Я просто забыл... вернее, только что вспомнил об этом. Там, в руинах, осталось какое-то

устройство... иногда, по неизвестной причине, оно включается...

Нет, все же интересно, что там происходит. Может...

О, дьявольщина, что бы там ни происходило, меня это не касалось, у меня есть вопросы поважнее.

Например, кем я был теперь? Ясно, что уже не тем, кто час назад проник в Нулевое крыло. И при этом я ничего не потерял, а только выиграл. Ведь я теперь больше Винтон, чем Кэрэб, и мне даже казалось, что так было всегда, что Поль Кэрэб — просто временная оболочка, вернее, экспериментальный образец... Но сейчас мне было не до экспериментов! Речь шла о жизни и смерти всей нашей семьи!

Господи, в какую же размазю я превратился! Я/Винтон усмехнулся при мысли о своих потомках. Боязливые, вечно в себе неуверенные чистоплюи. Да знают ли они, какой ценой куплено право на эту их щепетильность в вопросах морали и кто обеспечил им возможность быть анонимными филантропами Дома? Ведь этим они смогли заняться лишь во времена Ланжа Младшего. Да, справились с эпидемией чумы и предупредили еще ряд массовых заболеваний. Да, способствовали развитию перспективных отраслей медицины и приостановили реализацию проектов, чреватых нежелательными побочными эффектами. Да, заложили в программы компьютеров и внушили правительству здравые решения относительно контроля над рождаемостью. Снизили уровень преступности. Разработали методы сублимации агрессивности. Расставили акценты в системе образования. Практиковали групповую и индивидуальную психотерапию.

Но благодаря кому, еще раз спрашиваю, они могли позволить себе роскошь заниматься благотворительной деятельностью? Между прочим, не всеми подопечными она приветствуется. Многие считают ее бесцеремонным вмешательством в их личную жизнь. Ладно, как бы то ни было, это мы, суровые предки нынешних альтруистов, ценой тягостных раздумий, изнурительного труда и, что греха таить, немалой крови подготовили почву для нынешнего порядка вещей. Впрочем, дело того стоило. Но как же странно размышлять о се-

бе, существующем в нескольких ипостасях одновременно! Правда, они все меньше отличались друг от друга, и я чувствовал себя уже увереннее.

Джордан был, конечно, прав, предлагая мне свою помощь, и даже какие-то его мысли шевелились в моем мозгу, но сам он уже исчез.

Да, наверное, я погорячился, отказавшись от его помощи... а впрочем, нет! Где-то все-таки нужно было остановиться. Сил у меня теперь хватало. Если предкам случалось поступать жестоко, значит, у них имелись на то веские причины, однако упиваться подробностями я не испытывал желания. Сопоставляя себя с предками, я видел, что сравнение не в мою пользу, поэтому оставалось слепо верить в правильность всех принятых ими в прошлом решений. Я верил, что семья никогда не жертвовала своими членами напрасно и каждый акт частичного самоубийства продиктован насущнейшей необходимостью. Ведь уничтожать друг друга просто из научного интереса было бы безумием.

Я ощутил покалывание в висках, и мысли мои вернулись к действительности.

Встал, помассировал виски и вышел из комнаты отдыха.

Где сейчас Джин, Винкель и Дженкинс? Они, слава Богу, еще живы, это главное. Непосредственная опасность им не угрожает, потому что мой неожиданный отпор обескуражил мистера Блэка. Во всяком случае, на какое-то время. Надеюсь, в нужный момент в них проснется инстинкт самосохранения и они сумеют за себя постоять. Но я не хотел их тревожить, пока не получу дополнительные сведения о Блэке.

У меня оставалась еще минута, и я снова задумался о Гленде. Из ее слов, сказанных при прощании, с очевидностью вытекало, что она располагает обо мне какими-то сведениями. Меня не так заботило, какими именно, а вот откуда они у нее? Это следовало выяснить. К тому же она несомненно знала моего врага. Уже одного этого достаточно, чтобы придавать знакомству с ней первостепенное значение.

Часовой механизм наконец сработал, я набрал код, и дверь отворилась. Как в помещении «Картотеки», и здесь аппаратура (разумеется, более сложная) занима-

ла нишу в дальней стене. Только кресло с кнопками управления было установлено чуть левее. К нему-то я с порога и устремился.

Включил «Ворюгу». Забавно, что прозвище, данное мной некогда этой машине, забылось, и теперь она именовалась непритязательно и нейтрально: «компьютер». Хотя «Ворюга» представлял собой нечто большее, нежели просто вычислительное устройство. Он обладал сверхъестественной способностью добывать секретные сведения. Тот факт, что он ни разу, если можно так выразиться, не был схвачен за руку, свидетельствовал о высоком профессионализме его безымянного создателя, сделавшего таким образом возможным доступ к банку данных, расположенному в Первом крыле. Помимо этого «Ворюга» умел просчитывать в случае необходимости оптимальные варианты нашего поведения. Так что если это и было вычислительное устройство, то отнюдь не простое...

Я поручил ему найти мистера Блэка, не питая, впрочем, особенных надежд на то, что это ему удастся. Попытаться, однако, стоило. Итак, заложил данные в мерцающее чрево компьютера и стал ждать.

В свое время была допущена непростительная, хотя и понятная ошибка: мы стерли память о мистере Блэке, убежденные, что с ним покончено, а любое напоминание о насилии, когда-либо к людям применявшемся, может травмировать психику наших бережно цивилизуемых потомков. Последствия этой ошибки мне и предстояло расхлебывать. Ладно, ладно, будем снисходительны к предкам.

Также я приказал «Ворюге» раздобыть мне всю доступную информацию о Гленде и особенно о последних по времени фактах ее биографии. А еще запросил данные демографической статистики — хотел проверить, зафиксирована ли уже смерть Хинкеля, Ланжа Младшего и Ангеля.

Прозвучал сигнальный звонок, я вскочил и бросился к боковому экрану слева от себя. Переключил компьютер с автоматического управления на ручное. Увы, на экране я увидел только Винкеля и гроб, а также сведения о содержимом гроба: вес, рост и прочие характеристики мертвого тела, все, за исключением

данных о том, кому оно принадлежало. Скорее всего, это были останки Ланжа Младшего.

Я невольно усмехнулся. Мне бы радоваться, что Винкелю удалось (между прочим, пока единственному из нас) выполнить беспрепятственно то, что от него требовалось, а я вот досаую, что не вижу на экране Блэка. Ну ничего, скоро он убедится, что комплексы, присущие остальным членам моей семьи, у меня отсутствуют. Эти два штекера, которые я выдернул, их вот уже сто лет как запрещено было трогать, и если до сих пор Блэк стрелял по глиняным голубям, то теперь его ждет схватка с бешеной летучей мышью-вампиром! Мне только хотелось, чтобы он, прежде чем я его пристрелю, услышал, кто именно с ним сводит счеты: Я, Джеймс Винтон!

Я выключил сигнальный звонок и произнес в микрофон:

— Молодец, ты сделал все как надо. Я в «Компьютерной», но сейчас поднимусь к тебе.

— Кэрэб, — сказал с экрана этот тридцатилетний красавчик и мой возможный преемник, — я так беспокоился, что о тебе ни слуху ни духу.

— Ну а теперь успокойся. Все будет хорошо.

Я отключил микрофон, выдвинул ящик и извлек оттуда пистолет. Проверил, заряжен ли он, и сунул в карман. Зачем? Я и сам толком не понял. Вспомнились жестокие методы предков? Вполне возможно. Во всяком случае, оружие я прихватил не потому, что не доверял членам семьи и уж тем более... тут я хмыкнул... самому себе.

Открыть дверь изнутри не составило труда. Я вышел, но закрывать ее не стал, дорого было время, хотя сразу почувствовал угрызения совести. Надо же, как глубоко укоренена в памяти привычка действовать в соответствии с инструкциями!

Проклятый мистер Блэк. Из-за него пришлось подвергнуться этой рискованной процедуре. Но ведь на сей раз он все-таки проник в Нулевое крыло и лишь чудом не добился своего! Попадись он мне, нынешнему, в руки — тут ему и конец.

Я поднялся этажом выше, прошел сквозь системы защиты. Винкель ждал меня у гроба.

— Все в порядке, — сказал я. — Давай отнесем эти мощи в «Хранилище». У нас еще дел по горло.

— Я боялся, что больше тебя не увижу, — признался он, берясь за ручки гроба.

— Твои опасения были абсолютно беспочвенны.

— Надеюсь, — пробормотал он, а когда мы поставили гроб у двери «Хранилища» и я занялся замком, прошептал с изумлением: — У тебя что, пистолет в кармане?

— Он самый.

— Но ведь это не пистолет-транквилизатор. Это настоящий!..

— Ты не ошибся.

— Зачем он тебе?

— Догадайся сам, мне некогда объяснять. — Я продолжал возиться с замком, наконец включил часовой механизм и мотнул головой в сторону «Компьютерной». — Пошли туда. Мне нужно кое-что проверить, пока есть время.

У входа в «Компьютерную» Винкель остановился как вкопанный.

— Дверь не заперта!

— Верно. Потому что время нам сейчас важнее всего прочего.

Он молча проследовал за мной в помещение и молча же наблюдал, как я подготавливаю компьютер к эксплуатации.

Так я и думал: мистер Блэк лег на дно. О нем не было ни строчки. Правда, «Ворюга» продолжал поиски во всех направлениях. Ни об одном из погибших членов нашей семьи сведения тоже еще не поступили. Вероятно, в том месте, где погиб Хинкель, царила полная неразбериха. Да и для сообщения о смерти Энгеля было рановато, даже при условии, что тело его найдено... чего, собственно, быть не могло.

«Смешно было бы ожидать, — подумал я, — что мистер Блэк сам представит отчет о своих подвигах!»

И принялся считывать данные о Гленде. Чем больше я узнавал о ней, тем очевиднее для меня становилась ее причастность к происходящему.

— У тебя не было трудностей с доставкой тела? — спросил я Винкеля.

— Нет, все прошло гладко. Никто меня не заметил.

Снова раздался сигнальный звонок. Я включил экран и увидел Дженкинса.

— Привет. Мы с Винкелем в «Компьютерной». Поднимайся к нам. Только смотри, не споткнись о Ланжа.

Я отсоединился прежде, чем он успел ответить, этот еще один чересчур нервный представитель нашего поколения, и почувствовал на себе пристальный взгляд Винкеля.

— Ты очень изменился, — сказал он. — Очень. Я чувствую, что нам угрожает что-то страшное, хотя не понимаю, что именно... Почему ты не слился с нами, как только вошел сюда?

— Терпение, — ответил я. — Времени у нас в обрез, мы должны расходовать его экономно. Поверь, я скоро вам все объясню.

Он слабо улыбнулся.

— Так ты знаешь, в чем дело?..

Я кивнул:

— Знаю.

Тут появился Дженкинс, красный и запыхавшийся.

— Что случилось? — завопил он с истерическими нотками в голосе.

Винкель схватил его за плечо.

— Успокойся. Кэрэб нам все объяснит. Он знает, что делает.

Дженкинс, дрожащий, взъерошенный, повернулся ко мне.

— Надеюсь, что это так, — сказал он, пытаясь взять себя в руки. — А относительно Пятого крыла ты уже в курсе?

— Что ты хочешь сказать? — спросил я. — Что там стряслось?

— Его больше не существует, — ответил Дженкинс.

Глава 6

Итак, Кендалл Глинн был ее отцом. М-да, факт довольно-таки неожиданный и весьма прискорбный. А главное, тревожный.

Тревожный потому, что я не верил в совпадения. Между прочим, мне (Кэрэбу) вдруг стало стыдно за гнусный поступок Ланжа Старшего. Забавно, что я (Ланж Старший) виновным себя не чувствовал и, будучи убежденным противником насилия, считал, что обошелся с Кендаллом достаточно гуманно, в то время как я (Винтон) просто пристрелил бы эту паршивую овцу при первом удобном случае, пусть даже и испытывая угрызения совести, но... но так все же было бы честнее, с моей (Винтона) точки зрения.

Я прокручивал мысленно всю эту историю, пока открывал дверь в «Кладовую». Дженкинс и Винкель были наверху, в «Хранилище», укладывали останки Ланжа Младшего в холодильник. Хорошо, что им было чем себя занять до прихода Джина. Когда он появится, я соберу всех нас вместе и обрисую положение дел. Кстати, в психологическом плане этим хлюпикам даже полезно повозиться с мертвым телом. Так им будет легче принять мою программу действий.

Это случилось шестнадцать лет назад. Гленда была слишком мала, чтобы помнить все обстоятельства гибели отца, хотя кое-что ей, наверное, известно. Немногое, но, быть может, самое существенное.

Я/мы в те времена обитали в оболочке Ланжа Старшего и пришли к мнению, что Кендалла Глинна пора утихомирить. Он уже во всеуслышание пропагандировал свои крамольные идеи и тем самым привлекал к себе наше настороженное внимание.

Будь он менее значительным человеком, я бы не волновался. Но ведь Кендалл был не просто ведущим конструктором, нет, он принадлежал к числу тех творческих личностей, которые появляются раз в несколько столетий, чтобы подтвердить право на существование давно потерявшего всякий смысл слова «гений». Коллеги постарше ему завидовали, молодые им восхищались. Его имя звучало повсеместно — и на транспортерных дорожках, и в лабораториях. Впрочем, слава к Кендаллу пришла, когда ему перевалило за сорок, он к тому времени обзавелся семьей и души не чаял в своей прелестной дочурке. В нем совсем не было заметно признаков мизантропии, каковая зачастую отличает тех, иногда даже выдающихся ученых, кто первые тридцать лет жизни провел в неизвестности и непонимании. Для человека, вознамерившегося разрушить устои общества, он держался отнюдь не агрессивно, а напротив, располагал к себе с первого взгляда. Это был последний из известных мне великих революционеров, достойный, разумеется, всяческого уважения, хотя, пребывая в оболочке Ланжа Старшего, я не мог испытывать к нему иных чувств, кроме враждебных. И когда мне стало известно, что он всерьез готовится выступить на Ученом совете и даже заручился изрядным количеством голосов в поддержку своего эксперимента, вот тогда я понял, что медлить больше нельзя. Я решил нанести ему визит под именем Джесса Боргена, старейшего члена Академии наук, и очень хорошо помню тот день, потому что адептома простаты то и дело давала себя знать, пока я добирался до его жилища.

Внешность Кендалла нисколько не соответствовала расхожему представлению о том, как выглядят ученые: все они, дескать, узкоплечие, изможденные и не от мира сего. Нет, он был невысок и коренаст, черты лица, пожалуй, грубоваты, густая грива черных волос, и только виски начинали серебриться. Но самое поразительное в его внешности — конечно, глаза. Из-за очков с толстыми стеклами они казались огромными, возникало впечатление, что от них ничего не скроешь, что они читают ваши самые тайные мысли. В непривычной для себя роли мне было особенно неловко.

Именно от смущения, а вовсе не по причинам физиологического свойства я вынужден был уже в начале нашей беседы извиниться и покинуть его кабинет, где письменный стол был завален звездными атласами, где повернуться было некуда от компьютеров и макетов зданий, в которых, по замыслу Кендалла, должны поселиться люди на планетах, расположенных далеко-далеко от Дома.

Я отлучился в туалет потому, что сразу понял: продолжать разговор бессмысленно. Кендалл действительно способен осуществить то, о чем другие не осмеливались и заикаться.

На мое замечание о том, что на каждой из этих планет людям придется приспособливаться к окружающей среде, он возразил:

→ На восемнадцати планетах среда почти идеально удовлетворяет требованиям! Разве мы не планировали их заселение?

— Ты что же, намерен вышвырнуть людей из Дома, невзирая на то что они совершенно не подготовлены?

— Кто, люди или планеты? — перебил он с усмешкой.

— И те и другие.

— Именно это я и собираюсь сделать, — решительно подтвердил Кендалл. — Люди будут жить пока в атомных отсеках, — и указал на макеты.

— Допустим на минуту, что тебе удалось создать на планетах условия для выживания. Зачем же мучиться на промежуточной стадии? Разумнее было бы использовать роботов и управлять ими отсюда, а уж когда все будет готово, тогда пускай те, кому приспичит, отправляются на все четыре стороны.

— Нет, — ответил он тихо и окинул взглядом глобусы, как бы любуясь этим парадом планет на письменном столе, — я боюсь, что Дом станет тупиком эволюции человечества. Мы создали статичное, обреченное на застой общество. Человеку остается либо к нему приспособиться, либо деградировать. Последнего пока не случилось, потому что человек — существо выносливое и способное к адаптации. Тем не менее всего лишь за несколько столетий в нем произошли значительные изменения.

— Да, действительно, он стал помирнее, сделался более рациональным, лучше поддается контролю...

— Мне очень не нравится это слово.

— Я имею в виду самоконтроль.

Кендалл то ли хмыкнул, то ли фыркнул, и вот тогда я был вынужден прервать беседу — меня душила ярость. После моего возвращения из туалета мы проговорили еще около двух часов, но главное было сказано в самом начале.

Разумеется, я понимал, что на любой из планет, о которых шла речь, возможно создать благоприятную для человека среду обитания, и не мог не оценить изобретательность, проявленную им при разработке систем жизнеобеспечения. Например, эти его атомные отсеки, они действительно могли служить великолепными жилищами на период адаптации. Наконец, я был уверен, что и самая заветная его мечта — исследовать космическое пространство на кораблях со сверхсветовой скоростью — увенчается открытиями новых планет, пригодных для заселения.

Но вот будет ли это происходить одновременно с осуществлением вышеупомянутого проекта или в порядке очередности, — вот это меня уже мало заботило. Я думал лишь о страшной опасности, угрожающей Дому. Если какая-то часть его жителей переселится на другие планеты, оставшиеся могут повести себя непредсказуемо. Короче, наши точки зрения не совпадали. Я был категорически против.

— А чем, собственно, тебе здесь не нравится? — спросил я нарочито шутивным тоном, не желая выдавать свои истинные чувства.

— Жители Дома уже сейчас напоминают стадо коров, — ответил он. — В один прекрасный день явится бык-хозяин, и все они покорно потянутся за ним.

— Не могу с тобой согласиться, — сказал я. — Дом — это место, где впервые в истории люди сосуществуют без конфликтов. Здесь они научились сотрудничать, а не соперничать. И в этом наша сила, отнюдь не слабость.

Его глаза за золотыми линзами, я заметил, сузились, Кендалл посмотрел на меня так, как будто видел впервые.

— Посмели бы они только вести себя иначе, им бы живо вправили мозги! — ответил он. — Впрочем, мозги у них давненько в удручающем состоянии. Тебе, конечно, известно, что жители Дома напичканы наркотиками и подвергаются психотерапевтическим процедурам, если их поведение не укладывается в некие свыше указанные нормы. К тому же у всех у них налицо боязнь открытого пространства. Вот я и опасюсь, что мирное сосуществование в стенах Дома, который нас приучают любить уже сызмала, закончится тем, что мы утеряем способность выживать в любых других условиях. Но когда-нибудь Дом рухнет и вместе с ним придет конец роду человеческому.

Я бы мог с ним поспорить относительно долговечности нашего детища, мог бы возразить, что уж если он считает возможным переселить жителей Дома на другие планеты, значит, их способность к адаптации все еще не вызывает у него сомнения. Но зачем стал бы я попусту сотрясать воздух, если по-настоящему беспокоило меня лишь его заявление, что Дом — это тупик эволюции. Увы, убедительно опровергнуть Кендалла я не мог, не упоминая о нашей семье и тех высоких целях, которые мы планомерно претворяли в жизнь.

Продолжая играть роль почтенного академического старца, я сказал:

— Забавная точка зрения!

Саркастически усмехнувшись, он кивнул.

— Да уж куда забавнее. И как только мы дошли до жизни такой? Было бы понятнее, если бы то, что с нами происходит, являлось следствием некоего дьявольского умысла, если бы какая-то в своем роде выдающаяся личность или даже группа лиц выступали организаторами всего этого безумия. — Он вздохнул. — И все-таки хочется верить, что когда-нибудь мы извлечем из наших ошибок урок.

При этих словах я почувствовал себя совсем неудобно и перевел разговор на частности, касающиеся разработанных им систем жизнеобеспечения. Повторяю: Кендалл был гений, и его книги и чертежи на всякий случай следовало сохранить для потомства... Эх, если бы мне удалось обнаружить какой-нибудь

изъян в его концепции, хотя бы ничтожную ошибку в расчетах!.. Под этим предлогом можно было бы воспрепятствовать обсуждению его проекта на Ученом совете. Так нет же, расчеты были безупречны, а концепция стройна и слишком соблазнительна, чтобы позволить Кендаллу смущать умы наших подопечных.

Мне обещали поддержку консервативно настроенные академики, но я вовсе не был уверен, что даже общими усилиями нам удастся его разгромить, а разгромить Кендалла следовало наголову, чтобы никому в будущем неповадно было выступать с подобными проектами.

И вот я стал искать способы помешать Кендаллу. Среди сведений о его частной жизни, раздобытых «Ворюгой», не обнаружилось ни одного компрометирующего факта. То ли был он действительно такой скучный человек, то ли умел замечать следы.

Меня (Кэрэба) передернуло от отвращения, когда я вспомнил, до какой гнусности додумалось мое прежнее «я», какое решение было им принято и какие действия в результате последовали. Все же я здорово с тех пор изменился.

Спустя несколько дней после вышеупомянутого визита мы отобрали пятерых девочек в возрасте от пяти до семи лет, проживающих по соседству с его жилищем, и стали с ними работать. Приведя их в состояние гипнотического транса, мы демонстрировали им Кендалла, заснятого на кинолентку, и рассказывали, что он с ними сделал или пытался сделать.

Было решено представить девочек жертвами изнасилования. Серафис посредством хирургического вмешательства нарушил у двух из пяти девственную плеву и внес вагинальную инфекцию. План был таков: одна девочка выступит в качестве потерпевшей, следом вторая, а остальные будут жаловаться, что на улице им проходу не дает чудаковатый старик, у которого карманы всегда набиты леденцами.

Впоследствии девочками занялись опытейшие хирурги, а психологи стерли даже мимолетные их воспоминания о Кендалле, не говоря уже о мнимом его над ними надругательстве. Таким образом наша коллективная совесть была успокоена.

Как только обвинение, выдвинутое против Кендалла, получило огласку, он был обречен, и проект его, разумеется, тоже, а в общественном сознании такие слова, как «планета» или «космическое пространство» стали ассоциироваться с чем-то до крайности непристойным. Ну а потом Кендалла направили на промывку мозгов, и с ним практически было покончено.

Помню ужас в его глазах, когда ему назначили ту самую процедуру, которую он так ненавидел. Никто из нас, конечно, не верил, что он действительно сексуальный маньяк, извращенец, отдавшийся во власть атавистических инстинктов (определение Ланжа Старшего). Пожалуй, нам не забыть, как мы вели его в процедурную и этак ехидно осведомились по дороге: «Что же ты теперь будешь делать?» — а он опустил голову, пошевелил большими пальцами ног, обутых в казенные шлепанцы, и тихо ответил:

— Теперь всем нам конец.

Через месяц он повесился в больничной палате. Гленде тогда было лет пять или шесть. Мы искренне сожалели, но виноватыми себя не чувствовали. Мы же просто исполнили свой долг, а от несчастных случаев в любой работе никто не застрахован.

Характерно, что никому из нас не пришло в голову заподозрить Кендалла в сообщничестве с мистером Блэком. В те времена считалось, что Блэк мертв и память о нем надлежащим образом уничтожена. Но теперь, когда я вспомнил о нашем давнем враге, эта история сразу приобрела дополнительный и довольно-таки зловещий смысл. Правда, в отличие от предков, я все равно не стал бы действовать так подло. А еще я испытывал чувство вины перед Глендой.

Я думал о ней, пока часовой механизм в замке отстукивал последние секунды, а ребята наверху прятали Ланжа Младшего в холодильник. Я просто обязан был с ней встретиться. Она знала некто, возможно, очень важное... и хотела это некто сообщить мне. Даже если бы дело обстояло иначе, я бы все равно попытался ее разыскать, ведь она просила меня об этом, и, кроме всего прочего, я, сам не знаю почему, был уверен, что и ее жизнь в опасности.

Дверь открылась, я вошел в «Кладовую» и забрал оттуда снаряжение. Перенес его в комнату отдыха. Дверь в «Кладовую» тоже оставил открытой.

Стоп, какой же адрес она называла? «Библиотека, комната № 18237»! Прекрасно, а номер крыла? Но я и так догадывался, какое крыло имелось в виду. Пятое!

«Ворюга» ведь подтвердил сообщение Дженкинса, добавив, что все средства коммуникации с Пятым крылом нарушены. Похоже, там случилось действительно что-то серьезное.

Сложив на столе снаряжение, я вернулся в «Компьютерную» и снова подсел к «Ворюге». Новых сведений так и не поступило, зато проверка коммуникаций специального назначения показывала, что они не повреждены.

На это я и надеялся. Источник энергии, обеспечивающий их функционирование, находился здесь, в Нулевом крыле. Однако меня не покидало странное чувство, что, будь он расположен даже снаружи, авария его не затронула бы. Почему-то мне казалось, что происходящее разыгрывается по какому-то неведомому мне плану, в котором предусмотрено и мое участие.

Вернулись Винкель и Дженкинс.

— Все в порядке? — спросил я.

— Да, — ответил Винкель. — Послушай, все-таки мы идем право знать, что это значит...

— Разумеется, узнаете.

— Когда?

— Когда придет Джин. Мне нужно, чтобы мы все были в сборе.

— Почему нельзя слиться с ним, не дожидаясь его прихода?

— Об этом я тоже сообщу. В свое время.

Я повернулся и направился к двери.

— Что нам сейчас делать? — крикнул мне вдогонку Дженкинс.

— Ждите Джина. А когда он войдет, не забудьте снова включить системы защиты.

— Но почему ты нам об этом напоминаешь?

Я подошел к пульту и переключил системы защиты с ручного управления на автоматическое. Вынул из

кармана пистолет и положил его на коммутационную панель.

— Возможно, еще кто-нибудь попытается сюда проникнуть.

— Кто именно? — спросил Дженкинс.

— Я скажу об этом позднее.

— И что же нам делать, когда этот «кто-нибудь» появится?

— Если системы защиты не сработают, защищайтесь как можете.

— Значит, стрелять в него из пистолета? — спросил Дженкинс с ужасом в голосе.

— Значит, рвать его зубами и ногтями. Хватит болтать!

Я прошел в комнату отдыха и снова сделал стену прозрачной. Температура снаружи несколько упала. Луна скользнула в левый угол, а тени соответственно еще дальше протянулись вправо. Вспышек не наблюдалось. Я с минуту раздумывал, откуда все-таки они берутся, а потом занялся снаряжением.

Раздевшись до нижнего белья, я облачился в легкий панцирь, предназначенный защищать тело от паха до горла. Поверх натянул длинные черные брюки с глубокими карманами, куда предполагал запихнуть парочку гранат. Кобуру с крупнокалиберным револьвером пристегнул к поясу; белая рубашка навывпуск прикрыла ее. С внутренней стороны левого предплечья клейкой лентой прикрепил кинжал. Закурил. Посмотрел на ночной пейзаж за стеклом. Снова в руинах что-то вспыхнуло! И еще раз!..

Раздался сигнальный звонок. Я выскочил из комнаты и устремился по коридору навстречу... кому? мистеру Блэку?

Не пробежал и двадцати футов, как звонок умолк.

Я перешел на шаг и тут увидел приближающегося Джина, самого младшего из нас. Махнул ему рукой и повернул обратно.

— Подожди! — крикнул он, топоча следом.

— Спускайся в «Компьютерную»! — откликнулся я. — Дженкинс и Винкель уже там. Я присоединюсь к вам через пару минут.

Но топот за моей спиной не стихал, и я мысленно послал его к черту. У меня не было времени на лишние разговоры.

Похоже, все, о чем Джин хотел меня спросить, вылетело у него из головы, едва мы вошли в комнату отдыха. Ослепительный свет, бьющий сквозь стеклянную стену, заставил нас остановиться. Джин сжал мое плечо, и некоторое время мы стояли неподвижно.

Потом я высвободил плечо и подошел к стеклянной стене. Джин неотступно следовал за мной. Щурясь, мы долго смотрели на таинственное сияние. Да, несомненно, в развалинах старой крепости крылась какая-то тайна...

С порога раздалось тихое восклицание Винкеля:

— Что это?

Вспышки прекратились столь же внезапно, как и возникли. Я нажал на кнопку в подлокотнике — стена стала матовой.

В комнату ворвался Дженкинс:

— Что тут происходит? — Он пытливо вглядывался в наши лица.

— Ничего, — ответил я, надевая куртку. — Пока ничего.

Обоймы с боевыми патронами засунул в левый карман куртки, две бомбы со слезоточивым газом — в правый, а гранаты распихал по карманам брюк.

— Пошли в «Компьютерную», — велел я. — И кто-нибудь из вас пусть находится там все время, пока не дам отбой. Посторонние попасть туда не должны.

— А разве такое случилось? — спросил Дженкинс.

— Да.

— Когда?

— Расскажу об этом в «Компьютерной».

Пока мы шли по коридору, Джин тихо спросил меня:

— Что это за вспышки там, в руинах?

— Не знаю.

— А вдруг для нас это жизненно важно — знать, откуда они берутся?

— Уверен, что дело обстоит именно так.

Мы вошли в «Компьютерную», и я первым делом решил проверить исправность систем защиты на вы-

ходе из Нулевого крыла в Пятое. Направился к пульту, однако Винкель встал у меня на пути в необычной для него воинственной позе — руки на бедрах — и спросил:

— Так все-таки, в чем дело? Почему ты не слился с нами?

— Потому что в вас произошли бы необратимые изменения, а вы нужны мне такими, какие есть, пока я окончательно не пойму, что мне делать со своими новыми «я».

— Новые «я»? О чем ты?

Я вынул из пачки сигарету, закурил, обошел Винкеля справа, уселся в кресло и обвел всех троих испытующим взглядом.

— Я выдернул штекеры... седьмой и шестой.

— Что?!. Что ты сделал?

— Вы меня слышали.

Воцарилось молчание. Я ожидал, что посыплется град вопросов, но парни просто пялились на меня и молчали.

— Это нужно было сделать. Нас убивали почему-то направо и налево, а мы ничем не могли ответить. Обратившись к памяти предков, я надеялся найти какую-нибудь информацию... какое-нибудь оружие. Я ведь был испуган не меньше вашего.

Винкель опустил глаза и кивнул:

— Я бы тоже так поступил.

— И я, — сказал Джин.

— Обо мне и говорить нечего, — поддержал их Дженкинс, явно для того, чтобы я почувствовал себя свободнее. — Ты нашел что-нибудь?

— Да, кажется, нашел. Но это так сложно, что на объяснения уйдет уйма времени. Попробую рассказать в двух словах...

— Прежде ответить на один вопрос, — перебил меня Винкель. — Кто ты сейчас?

— Тот же, кем был раньше, — солгал я, понимая их потребность верить, что хотя бы один из нас оказался способен на решительные действия. — Но теперь я обладаю памятью Старого Ланжа и Винтона, а также тем опытом Джордана, который Винтон почему-то не счел нужным стирать.

Однако отделаться от Винкеля было нелегко.

— Но кем ты себя ощущаешь преимущественно? — допытывался он.

— Самим собой, черт побери, кем же еще! — Мне ужасно хотелось просто слиться с ними и тем самым положить конец тягостному объяснению. Но я удержался. Поступить так было бы рискованно — почему знать, как оно все дальше сложится и кем из предков мне придется стать. К тому же по выражению лица Винкеля я догадывался, что он не готов к слиянию и даже стал бы сейчас этому противиться.

— Конечно, я испытываю воздействия, — продолжал я. — Это неизбежно. Но в целом я продолжаю оставаться самим собой.

Он все еще глядел на меня недоверчиво, и дальнейшие попытки его убедить не имели смысла, а могли лишь усилить его подозрительность. Поэтому я перешел к сути дела.

— Итак, все мы помним, что несколько поколений тому назад неизвестный недруг пронюхал о нашем существовании. Он проявил незаурядную осведомленность о личных качествах каждого из членов нашей семьи, живших в то время. Каким образом он добывал информацию — остается лишь догадываться. Тактика у него была та же, что и сегодня, и он явно вознамерился перебить всех нас до одного. Не получилось у него это лишь потому, что у семьи еще была жива способность молниеносно отвечать ударом на удар. Правда, в тот, первый раз, он ушел невредимым, и мы не успели даже зафиксировать его внешние данные и установить, кто он такой. Он убил троих из нас, прежде чем мы научились быть бдительными и переоборудовали системы защиты. И тогда он из нападающего превратился в преследуемого. Два раза он ускользнул от нас просто чудом. А потом исчез. Нападения прекратились. В течение ряда лет все было спокойно. И хотя мы не забывали о нем, все же со временем к нам вернулась былая беспечность. Мы решили, что он умер. Или отказался от осуществления своей ничем не мотивированной вендетты, отказался по причинам столь же непостижимым... Вероятно, он понял, что мы начеку, и хотел создать впечатление,

будто ему больше нет до нас дела. И вдруг, почти через девять лет, он появился снова, как всегда, неожиданно. В этот раз он убил пятерых из нас. Он мог бы убить и больше, если бы не Бентон. Уже умирая, Бентон разрядил-таки в него обойму и, по всей видимости, тяжело ранил. Но задержать не смог... И вновь на какое-то время — затишье. Мы были уверены, что враг скончался от ран.

— Откуда известно, что это один и тот же человек? — спросил Дженкинс.

— Я же говорю, во всех случаях — одинаковая тактика. Вдобавок имеется приблизительный словесный портрет, составленный его жертвами. Есть и другие данные... например группа крови.

— Думаешь, это он стрелял в тебя?

— Не сомневаюсь.

— Были еще нападения кроме этих двух, о которых ты рассказал?

— Много лет спустя после смерти Джордана, в то время когда связным был Винтон, враг снова проник в Нулевое крыло. Что ему здесь понадобилось и каких действий можно было бы от него ожидать, если бы в тот момент здесь никого не оказалось, — неизвестно. Винтон находился в «Компьютерной». Сработала сигнализация — и он увидел на экране незваного гостя. Кстати, тоже загадка: каким образом он проходит сквозь наши системы защиты? Винтон выскочил в коридор, столкнулся с ним нос к носу и выстрелил несколько раз. Тот, отстреливаясь, пустился наутек. Враг снова был ранен. Винтон бросился к экрану и засек, что он уходит через Часовню в Седьмом крыле. Винтон немедленно слился с остальными, мы пытались перехватить его на выходе из Часовни, но кроме следов крови на полу так ничего и не обнаружили.

— Это было последнее его появление до... до недавнего времени?

— Да. Старый Ланж на всякий случай хранил память о нем, а Ланж Младший, когда стал связным, стер ее, как вредное, по его мнению, напоминание о временах, когда без насилия нельзя было обойтись. И действительно, с тех пор прошло столько лет, что казалось естественным считать нашего врага мертвым.

— Но мы ошиблись.

— Выходит, что так.

— Имеются какие-то зацепки?

— Совсем немного. Все отрубленные концы. Ну например, при стычке с Винтоном он обронил сумку с инструментами. Сумка была украдена из рабочего шкафчика в «Подвале» Одиннадцатого крыла.

— Отпечатки пальцев на сумке или инструментах?

— Он всегда в перчатках. Мы допросили каждого, кто мог иметь хотя бы отдаленное отношение к этому шкафчику. Безрезультатно. Но специфика инструментов, обнаруженных в сумке, позволяет сделать любопытные выводы.

— Какие же?

— Ими удобно пользоваться в качестве отмычек. Если, конечно, знаешь устройство наших замков. Говорит вам что-нибудь этот факт?

— Неужели это пропавший клон?

— Вот именно. Наша доньне неразгаданная тайна. Сто лет назад один клон бесследно исчез из Нулевого крыла. Кому он понадобился и зачем? Нет ответа. Для всех, кроме членов нашей семьи, он совершенно бесполезен. Да и просто проникнуть в Нулевое крыло кому бы то ни было, кроме нас, уже тогда было крайне затруднительно. Именно после исчезновения клона мы поставили здесь все эти хитроумные замки и надежные системы защиты. И вот, несмотря на усиленные меры предосторожности, однажды он снова пробрался сюда, и мы лишь благодаря счастливой случайности избежали беды. Мы еще раз переоборудовали системы защиты. Шли годы, он не появлялся, и в конце концов минуло столько времени, что мы расслабились и могли позволить себе постепенно стирать воспоминания о насильственной смерти предков. А вот память о пропавшем клоне сохраняли. Почему-то никто так и не решился ее уничтожить. И я чувствую, что мистер Блэк — это... Короче, мне нужно, чтобы кто-нибудь из вас постоянно находился в «Компьютерной» и отслеживал всех, кто приближится к Нулевому крылу. Если враг прорвется сквозь автоматические системы защиты, переходите на ручное управление. Кроме всего прочего, мне хотелось бы ви-

деть у каждого из вас в кобуре что-нибудь посерьезнее транквилизаторного пистолета. Вооружитесь револьверами и не расставайтесь с ними, пока обстановка не станет поспокойнее.

Лица у них были бледные и растерянные.

— Что мы должны делать, если мистер Блэк нападет на нас? — спросил Джин.

— Я бы предпочел, чтобы содержимое его черепа осталось целым, — ответил я. — Но если мерзавцу придется вышибить мозги, стреляйте без колебаний.

Я подошел к пульта и отключил системы защиты на выходе в Пятое крыло.

— Ты сказал нам все, что хотел сказать? — спросил Винкель.

— В общих чертах. Сейчас самое важное — не упустить время. Ты — следующий связной, и, если со мной что-нибудь случится, все, что знаю я, станет известно и тебе. Ты будешь знать даже больше, чем я. Это одно из преимуществ коллективного бессмертия.

— Я бы не хотел в этом участвовать.

— Можешь и не участвовать. Одно из преимуществ частичного самоубийства. — Я пошел к двери.

— Ты собираешься притащить его сюда для допроса?

Я остановился и покачал головой:

— Моя цель куда скромнее. Просто хочу пристрелить сукиного сына.

Минуту спустя я уже спускался в темный туннель, ведущий в Пятое крыло.

Глава 7

Я проскользнул в дверь черного хода, осторожно прикрыл ее за собой. Людей поблизости, кажется, не было, но что-то меня сразу насторожило. Лишь через мгновение я сообразил, что именно. В Пятом крыле царил тишина. Ни гула механизмов, ни даже шуршания транспортерных лент. Привычный звуковой фон отсутствовал. Я слышал только эхо собственных шагов.

Было душно и темно. Правда, слева различалось какое-то бледное сияние. Я преодолел соблазн посмотреть, что там происходит. Нужно было срочно добраться до эскалатора. Его башня, обвитая спиралью лестниц, издали напоминала ствол гигантского дерева, корни которого уходили глубоко в «Подвал», а крона терялась во мраке самого, наверное, верхнего этажа.

По одной из этих лестниц мне предстояло спуститься. Но что, если именно где-нибудь здесь и подстерегает меня мистер Блэк? Вероятность этого была велика. Уж наверное ему известно о существовании черного хода. Быть может, он как раз и рассчитывал на то, что я появлюсь в Пятом крыле? И вообще все эти его нападения, что это — просто болезненная мания или же ликвидация нашей семьи является необходимым условием для осуществления некоего еще более злодейского замысла?

Как бы ни обстояло дело, я был готов к схватке. Продвигаясь впотьмах, я пытался представить, чем вызвано отсутствие света на этом этаже. Авария в «Подвале»? Или энергию отключили в связи с какой-нибудь более серьезной опасностью, угрожающей всему Пятому крылу?

А как насчет Гленды? Может быть, именно об этом и хотела она меня предупредить? Если да, то...

Внезапно я замер, схватился за револьвер и наполовину вытащил его из кобуры.

Аккорд! Еще аккорд! Это звучал орган из секции слева. Какая страстная, мятежная музыка! И исполнялась она яростно, даже исступленно! Я сразу ее узнал. Но играть «Осуждение Фауста» в храме? Да что же здесь, в этом крыле, творится?

Я свернул влево и направился к входу в секцию, откуда доносилась музыка. Глазам моим предстало странное зрелище: лохматый человек в одеянии священника сидел за органом, огарок свечи тускло освещал клавиатуру и две бутылки вина на пюпитре.

Он улыбнулся мне, прикрыл глаза и продолжал играть. Когда я подошел ближе, священник открыл глаза и улыбка исчезла с его лица, сменившись выражением ужаса. Руки его замерли в заключительном аккорде, тело, сотрясаясь, подалось вперед. Я не понял, что все это означает, но священник сам попытался разрешить мое недоумение. Он простер ко мне руки и возопил срывающимся голосом:

— Не держи меня в неведении! Дай ответ!

— Что ты имеешь в виду?

— Склонился ли ты к моим мольбам? — Он потупился, а потом поднял голову и посмотрел в сторону

Я проследил за его взглядом и увидел разгромленный алтарь и перевернутое вверх ногами распятие.

Я пожал плечами. Оказывается, здешний священник спятил. Вероятно, пережил какое-то сильное потрясение. И, судя по всему, недавно.

— Ну?.. — спросил он.

— Должно быть, ты меня с кем-то путаешь.

Он лукаво прищурился и отрицательно покачал головой:

— Я же видел, откуда ты пришел. Я не отрываю взгляд от двери черного хода с той минуты, как решился вручить тебе свою душу. И заиграл эту музыку лишь только ты появился.

— Да уж, музыка, прямо скажем... Но чего ты хотел этим добиться?

— Если ты явился, значит, тебе это известно.

— Не испытывай мое терпение. Я желаю, чтобы ты сам сказал.

Его испуганные глаза округлились, и вдруг он грохнулся передо мной на колени:

— Я не хотел тебя оскорбить! Я полагал, что именно эту музыку надлежит и подобает исполнять при твоём появлении!

— Что-то я не пойму, к чему ты клонишь.

— Когда это случилось, люди начали приходить ко мне и рассказывать всякие ужасы. Я совершал богослужение, а они все шли и шли. И вдруг меня осенило. Еще до того, как пропало электричество. И до приказа об эвакуации. Я понял, что Бог нас покинул. Я понял, что мы обречены на гибель, и сказал себе в сердце своем: «Вот ты убедился в тщете усилий своих. Иди к неправедным и нечестивым и вместе с ними в обитель вечного блаженства».

— Почему ты считаешь, что Бог нас покинул?

— За высокомерие наше, гордыню и тайные вожделения...

— Так что же здесь все-таки произошло?

Он поднял голову, посмотрел на меня:

— Ты про взрывы и прочее?

— Допустим. Встань с колен.

Он, крихтя, поднялся и начал пятиться, пока не оказался возле скамьи. Я сказал:

— Сядь, — и он сел.

— Эти взрывы... несколько часов назад... в стене образовалась огромная дыра... и тогда мы увидели звезды... О Боже... — Он в испуге прикрыл рот ладонью. — Прости!

— На каком этаже это произошло?

— В «Гостиной», — ответил священник, глядя на бутылку.

Я облегченно вздохнул. «Библиотека» — двумя этажами выше. Но рвануло, надо полагать, неслабо, если взрывная волна проломилась стену.

— Что было дальше?

— Сначала все бросились врассыпную, а потом, когда сообразили, что случилось, стали возвращаться и глядеть через эту дыру... — Он облизнул пересох-

шие губы и снова посмотрел на бутылку. — А потом опять разбежались.

— Выпей, — сказал я.

Он схватил бутылку, приник губами к горлышку и запрокинул голову. Я видел, как движется над воротником его кадык.

Значит, вот оно что. Блэк решил начать с Пятого крыла. Ну что же, по крайней мере планету для катастрофы он выбрал подходящую — атмосфера почти не отличается от земной, и температура воздуха терпимая.

— Ты тоже ходил смотреть на звезды?

Священник поставил бутылку на скамью, кивнул и закашлялся. Потом указал на алтарь:

— Я узрел вечность. Ведь небеса пребудут вечно. И я видел огненные знаки в небесах и чуял смрадное дыхание ада. Люди вопили и падали в обморок. Одни протискивались к проему, другие стремились прочь. Некоторые рискнули выбраться наружу и, наверное, погибли. А потом нас, как стадо, погнало оттуда. Сейчас на тот этаж хода нет. И тогда многие стали приходить в Часовню. Здесь непрерывно шла служба. И я тоже совершал богослужение, но мне все время было как-то не по себе. Я понял: настал Судный день и все мы ничего не стоим. Дом рушится, небеса отверзлись. Человек — существо никчемное, ничтожное. Я понял это, когда узрел Вечность. — Он замолчал, но лишь для того, чтобы отхлебнуть из бутылки, а затем продолжил: — И вот я вдруг почувствовал, что больше не желаю молиться об избавлении от мук, которые мы заслужили. Мы должны их принять. Поэтому я пришел сюда, в секцию, которой давно никто не пользуется. С этим, — он махнул рукой в сторону алтаря, — покончено. Прими меня, хозяин, я твой!

— Я не тот, за кого ты меня принимаешь, — ответил я и повернулся, чтобы уйти.

— Постой! — закричал священник. Раздался стук упавшей бутылки. Он грязно выругался, нагибаясь за ней. — Я же видел, откуда ты пришел! — Он весь трясся от возбуждения. — Ты пришел через черный ход!

— Ты ошибся, — сказал я.

— Нет! Я видел, видел! Кто ты?

В его вопросе содержалось гораздо больше смысла, чем он сам предполагал, и я ответил чистосердечно:

— Сам не знаю, — и пошел к выходу.

— Лжешь! — закричал он. — Дьявол! — и, уже рыдая, закончил: — Так, значит, мы в аду!..

Я ускорил шаг. Неужели и остальные обитатели Пятого крыла ведут себя подобным образом? Нет, вряд ли. Священник был маргиналом. Вероятно, его поведение и ранее не укладывалось в предписанные нами нормы.

Вдоль неподвижной транспортерной ленты я приближался к эскалатору. На этом отрезке пути стало оживленнее. То и дело группы людей с ручными фонариками двигались мне навстречу. Мрак можно было бы назвать крошечным, если бы изредка его не рассеивали зажженные фары проносящихся пожарных машин, если бы не световые табло, снабженные автономными источниками питания, если бы не тусклое сияние над секциями Часовни. Кстати, в течение пяти минут мне встретились две похоронные процессии. Одиноких пешеходов не было.

Я пытался сообразить, чем вызвано отсутствие света. Какой бы мощности ни были взрывы, они не могли послужить причиной прекращения подачи электроэнергии на все этажи Пятого крыла. Нет, скорее всего, авария случилась также и в «Подвале». Вероятно, и там и здесь были подложены бомбы с часовым механизмом. Не мог же Блэк находиться в нескольких местах одновременно. Да, да, поражала именно синхронность происшествий... ведь помощников у него не было, он всегда действовал в одиночку.

Нападение на семью, взрывы, повреждение подстанции... Я не сомневался, что все это взаимосвязано, но главная цель Блэка по-прежнему оставалась для меня загадкой. Я допускал, что вообще никогда ее не узнаю, потому что при первом же столкновении с Блэком намеревался пристрелить его, прежде чем он успеет произнести хотя бы слово. Другого выхода у меня не было, а жаль. Действительно жаль. Кто, как не мы, жертвы, могли бы по достоинству оценить его изобретательность, умение спланировать акцию и беспрепятственно ее осуществить.

Наконец я добрался до эскалатора. Разумеется, он тоже не работал. В абсолютной темноте я начал спускаться по аварийной лестнице. Ниже этажом, в «Спальне», творилось нечто невообразимое. Вот уж где было светло. Здесь бушевал пожар. Люди металась и кричали, и сначала я решил, что они, как тот священник, обезумели и сами же подожгли «Спальню». Но я ошибся. Они боролись с огнем. У многих в руках были огнетушители, которые, впрочем, почему-то не действовали. Было много пожарных машин, и подъезжали все новые и новые, и кружились вертолеты, а вот стрелы подъемных кранов беспомощно замерли.

Я спустился еще ниже, в «Библиотеку». Здесь царил такая же тьма, но признаков пожара не наблюдалось. Ну что же, я был рад, что поджечь «Библиотеку» в планы моего врага не входило.

Два или три человека подбежали к аварийной лестнице. Больше мне никто не встретился. Вероятно, все здешние уже спустились в «Гостиную», туда, где была проломлена стена. Но что им там нужно?

Восстановив в уме план Пятого крыла, я вспомнил, что в четверти мили от эскалатора, у задней стены расположен наш вертолетный парк. Быстрым шагом туда и припустил. Решил воспользоваться вертолетом, поскольку до отсека № 18237 отсюда было далековато.

Навстречу мне из темноты двигалось множество белых точек. «Ручные фонарики!» — догадался я, и вскоре уже продирался сквозь толпу, валом валившую к эскалатору. Люди разговаривали возбужденно, почти истерически. Некоторые тащили с собой какие-то свертки, может быть, с личными вещами.

— Куда вы все бежите? — спросил я прохожего, остановившегося перевести дух.

— В «Гостиную»! — воскликнул он. — А потом — наружу!

Я не верил своим ушам.

— Наружу? Из Дома?

— Куда же еще? Он уже разваливается, этот ваш Дом.

— Но ведь в «Гостиную» нельзя! Там, наверное, карантин!

Прохожий засмеялся:

— Послушайте моего совета, пойдемте с нами!
Вы даже не представляете, как там здорово, снаружи!

— Здорово?

— Ну да! Это что-то необыкновенное!

— Но...

Не дослушав меня, он скрылся в темноте.

Я пребывал в замешательстве. Из обрывков разговоров, которые мне удалось уловить, вытекало, что мотивы этого массового исхода были достаточно разнообразны. Одних страшило, что вообще весь Дом может вот-вот взлететь на воздух, другие, наоборот, искали острых ощущений, иными двигало нездоровое желание полюбоваться масштабами причиненного ущерба, тех поднял на ноги религиозный экстаз, а этих — научный интерес, а то и вовсе праздное любопытство. Ничего хорошего подобная активность не сулила, напротив, она была чревата непредсказуемыми последствиями для тщательно мною контролируемого общества. В настоящий момент, однако, остановить их я не мог.

Последние десять ярдов я преодолел уже бегом. Распахнул дверь секции, отведенной под вертолетный парк. Посветил себе ручным фонариком, позаимствованным по пути сюда у прохожего (мне повезло — одинокого! Бедняга в бессильной ярости посылал мне вслед проклятия). Вертолетов оказалось всего два. Перемахнул через перила, повис на вытянутых руках и спрыгнул на бетонные плиты. Один вертолет был неисправен, другой вроде годился. Я проверил запас топлива, снял с колес цепи и, поднатужась, выкатил машину на взлетную полосу. Через минуту поднялся в воздух.

Я летел очень осторожно — на максимальной высоте, включив бортовые огни и прожектор, чтобы не дай Бог не врезаться случайно в опорный столб или стрелу подъемного крана. Внизу, как на негативе снимка, запечатлевшего роение мотыльков вокруг пламени свечи, все было испещрено белыми точками, они двигались к черной башне эскалатора.

Расстояние до отсека № 18237 было порядочное. Иногда я снижался, чтобы проверить правильность

взятого курса. Какой-то вертолет пролетел мимо меня в обратном направлении, но никаких сигналов я от него не получил.

Я заставил себя перестать думать о людях внизу, мне предстояло разрешить задачу посложнее. Мой противник силен и коварен, и нет оснований полагать, что он испугался и отступил. Не грозит ли мне засада там, куда я лечу? Гленда помогла мне однажды, и это обнадеживало, но ведь она — дочь Кендалла Глинна. А если она как-нибудь узнает о моей причастности к его смерти, что тогда?.. А вдруг Блэк использует ее в своих целях? И если да, то каким образом?

В уравнении было слишком много неизвестных. Я боялся перемудрить — это могло всем нам дорого стоить. Только в одном не приходилось сомневаться: Блэк уже пришел в себя и снова смертельно опасен.

Зависнув над секцией, я приглядел посадочную площадку возле «Библиотеки», приземлился, выключил двигатель, погасил огни и вылез из кабины. Вокруг было темно и безлюдно. Хорошо, что я еще с воздуха прожектором высветил местность и теперь знал, в какую сторону двигаться.

Я добрался до отсека № 18237 за несколько минут. Слежки за собой не заметил, но меня сразу насторожило, что в окнах квартиры Гленды было темно, тогда как в соседних (и слева, и справа) теплились свечи. С револьвером в руке подошел к двери. Постучал.

Больше всего я боялся, что с ней что-нибудь стряслось во время всеобщей паники, вызванной взрывами.

«Если Гленды не окажется дома, проникну внутрь и буду дожидаться ее возвращения», — решил я.

Только собрался постучать снова, как услышал шаги за дверью. Щелкнула задвижка, дверь приоткрылась. На пороге стояла Гленда. Она быстро взглянула на револьвер в моей руке, потом на меня, потом снова на револьвер.

— Зачем ты пришел?

— Мы расстались так внезапно... И потом ты же сама дала адрес...

Она изменилась в лице, но тотчас справилась с волнением.

— Ну конечно, заходи! — сказала она, одновременно упиравшись рукой мне в грудь. Несколько озадаченный ее поведением, я все же попытался войти, и тогда Гленда уже обеими руками сильно толкнула меня. Я отлетел в сторону, а она резко пригнулась. В ту же секунду из глубины квартиры грянул выстрел. Выходит, она оттолкнула меня для того, чтобы я не стал мишенью?

Я дважды выстрелил в черный проем двери, пока с единственной целью: дать ему понять, что на этот раз противник у него серьезный.

Я прижался к стене слева от двери, иначе он мог бы подстрелить меня из окна. Крикнул Гленде, чтобы убиралась к дьяволу. Выбирать выражения было некогда. Она, впрочем, все поняла и моментально скрылась во мраке.

Я, разумеется, не знал, что он собирается предпринять, однако позицию чисто интуитивно занял правильную — из окна прогремел выстрел. Стекло разлетелось вдребезги, но стрелял он наугад и, пожалуй, тоже для острстки. Я извлек из кармана бомбы со слезоточивым газом и швырнул их, одну за другой, в разбитое окно.

Отодвинулся подальше от окна, не забывая держать в поле зрения дверь.

С негромкими хлопками разорвались бомбы — одна, за ней вторая. Из окна и распахнутой двери вырвались клубы дыма.

Дальнейшее развитие событий не заставило себя ждать. Раздался оглушительный взрыв, и стена, прилегающая к двери, разлетелась на куски. Град обломков обрушился на меня. Я упал. Из образовавшейся бреши повалил дым. Кашляя и вытирая глаза левой рукой, я встряхнул револьвер, протер его о рукав. Напряженно всматривался в оседающую пелену пыли.

Из двери выскочила фигура и метнулась вправо. Я выстрелил, но промахнулся. Вскочил на ноги и — начала на полусогнутых (болела ушибленная спина) — бросился в погоню. Враг все еще был в пределах видимости, и я не собирался его упускать.

Подбежав к перегородке, отделяющей одну секцию от другой, он обернулся, выстрелил в меня и

шмыгнул за угол, нисколько не интересуясь результатом. Я ощутил колющую боль в предплечье. Вzbешенный, всадил три пули в перегородку и нырнул в нишу справа, чтобы перезарядить револьвер. Встал на четвереньки и высунул голову, но тотчас втянул ее обратно, увидев, что он тоже выглядывает из-за своего укрытия. Он выстрелил; пуля просвистела значительно выше моей головы. Я произвел ответный выстрел и в придачу бросил в него гранату. Пока размахивался, он успел выстрелить еще раз, и опять промазал. Я спрятался в нишу и, уже не высовываясь, метнул еще одну гранату. Наша перестрелка продолжалась не более минуты, поэтому обе гранаты взорвались почти одновременно. Револьвер снова был у меня в правой руке. Я выглянул. Перегородка превратилась в груды щебня. Враг пересекал площадку перед «Библиотекой». Я ринулся за ним.

Он несомненно хотел затеряться в лабиринте кабинок для чтения. Я помчался следом.

Расстояние между нами стремительно сокращалось. Я выстрелил. Он споткнулся, но продолжал бежать. Добежав до опорного столба, опять обернулся и открыл по мне беглый огонь. Мне негде было укрыться, оставалось только наступать и палить наудачу. Пока он ни разу в меня не попал, но ведь мог в конце концов и попасть.

К счастью, у него кончились патроны. Он повернулся и вбежал в ближайший проход между кабинками. Я тоже расстрелял свою обойму, но, перезаряжая револьвер, дал бы ему выиграть время, а этого никак нельзя было допустить.

Итак, противник скрылся в проходе слева от меня. Я остановился перед этой черной щелью и вдруг заметил, что настольные лампы в кабинках источают слабый свет. Значит, неполадки с подачей электроэнергии устранены. Меня это обстоятельство никоим образом не обрадовало — я хотел разделаться с ним до того, как здесь появятся люди. Без свидетелей.

Засунул револьвер за пояс и выхватил из рукава кинжал. Клинок липкий от крови, немного погнут. Я понял: в него попала пуля, и искривленное при ударе острие вонзилось мне в предплечье.

И вот, стискивая рукоять кинжала, я шагнул в проход между кабинками.

Враг прыгнул на меня. У него тоже был нож: я увидел лезвие, нацеленное мне прямо в грудь. Но драться на ножах он не умел, и я легко отбил его удар. Впрочем, и он парировал мой выпад, заслонившись локтем, а в ответ полоснул меня по животу. Нож, наверное, поцарапал панцирь, так силен был его удар. Два-три обманных движения — и я вогнал лезвие по рукоять в его брюшную полость. Он издал горловой булькающий звук и повалился на меня.

Я поддержал его и уложил на пол. Вытащил из кармана фонарик и направил луч ему в лицо. Потянул за волосы — они остались у меня в руке. Парик! Его собственные волосы были светло-русые, а не черные! Значит, это действительно тот, кто попросил Ланжа заказать ему выпивку, а потом пристрелил его. Значит, это действительно мистер Блэк.

Он смотрел на меня и улыбался.

— Ты Джордан? — спросил он.

— Я Винтон, — ответил я.

— Да, пожалуй... нынешние щенки на это не способны...

— Зачем ты все это делал?

Он мотнул головой:

— Скоро узнаешь. Очень скоро...

— Когда?

Его лицо исказилось от боли, но он все-таки нашел в себе силы снова улыбнуться:

— Я мог бы достать тебя... ножом... если бы захотел... понимаешь?

Так он и умер, с улыбкой на лице, и внезапно я понял, что он имел в виду.

Глава 8

Слиться с ним? Нет! Ни за что!

Он был стар, время изменило его гораздо сильнее, чем любого из нас. Я ощущал его смерть всем своим существом. Требовалось невероятное усилие воли, чтобы подавить желание слиться с давним моим врагом, который, конечно же, был не кто иной, как тот самый, некогда пропавший из Нулевого крыла клон.

Стиснув зубы, сжав ладонями виски, я сопротивлялся.

Когда умирает кто-нибудь из нас, всегда происходит слияние, но последствия его бывают различными. Впрочем, это не так важно, ведь все мы содержимся друг в друге, а «связным» называем между собой просто старшего по возрасту, он автоматически становится главой семьи.

Суть дела заключалась в том, что он был одним из нас, иначе я не испытывал бы желания слиться. Ему-то на протяжении всей своей жизни приходилось с этим желанием бороться, бороться всякий раз, когда у нас оно возникало.

И все же телепатически связь между ним и семьей, пусть и односторонняя, существовала, и теперь я понимал, откуда в нем бралась эта сверхъестественная способность безошибочно определять наше местонахождение.

И вот, прожив всю жизнь в отчуждении от нас, он при слиянии мог оказаться чрезвычайно опасен как для семьи в целом, так и для каждого ее представителя в отдельности. Я почему-то был убежден, что он при первой же возможности попытался бы диктовать свою волю.

Порыв слиться ослабевал, наконец вовсе исчез. Я справился с собой.

И тотчас мне пришло в голову, что ведь на какую-то долю секунды Винкелю, Дженкинсу и Джину могло показаться, что умер я, а не он!

Но тогда мы погибли...

Тогда Блэк действительно заставит парней подчиняться себе! Кто из них сломается первым и что натворит, став его послушным орудием?

Черт бы его побрал, этого Блэка!

Я выдернул кинжал из тела врага, обтер лезвие об его одежду.

Наш своенравный братец смешал все карты. Нужно срочно возвращаться в Нулевое крыло. Может быть, я еще успею предотвратить катастрофу. Впрочем, надежды на это мало...

Засунул кинжал во внутренний карман куртки и отвернулся, чтобы не видеть его мертвый оскал.

Гленда, оказывается, стояла в десяти футах от меня, прижимая руку к губам.

— Он мертв? — спросила она.

— Я в этом не уверен. — Я подошел к девушке и крепко взял ее за руку. — Пойдем со мной, нам надо кое о чем поговорить.

Труп зловеще улыбался нам вслед. Впрочем, Гленда ни разу не обернулась, пока мы шли к вертолету. И не произнесла ни слова.

Вокруг становилось все светлее.

Только когда мы поднялись в воздух, она прервала молчание:

— Куда мы летим?

— Есть одно такое место... оно называется «Нулевое крыло».

— Где это?

— Долго объяснять.

Она кивнула:

— Я знаю, это твоё тайное убежище...

— Откуда тебе это известно? Блэк рассказывал?

— Да, — ответила она. — А что ты имел в виду, говоря, что не уверен, мертв он или нет? Я же видела... ты убил его.

— Тело — мертвое, а он... Он жив.

— Жив? Где же он теперь?
— Боюсь, что в Нулевом крыле.
— Значит, он такой же, как ты?..
— Возможно. А ну-ка выкладывай, что ты об этом знаешь?

— Мне кажется, что ты — тот самый мистер Энгель, с которым я недавно познакомилась... но ведь я видела, как он умер... Значит, он переселился в тебя, если ты пришел по адресу, который я дала ему. Ума не приложу, как это у вас получается.

— Ты же не сама догадалась, что Энгель переселился в меня. Блэк объяснил?

— Да.

— Кто он тебе?

— Когда умер отец, а маму поместили в больницу он стал моим опекуном. Он предложил свою кандидатуру, его и назначили. Он был другом отца.

— Чем он занимается? Кто по профессии?

— Учитель. Специалист по античной литературе. В то время, когда его назначили моим опекуном, он вдруг поменял имя. Он сказал мне, чтобы я теперь называла его Эйбен. Генри Эйбен.

— Почему он так сделал?

— Он сказал, что это у нас с ним будет такая игра. Понимаешь, у нас дома все его знали под именем «Блэк». Позднее я догадалась, что это больше чем игра, но держала язык за зубами. Ведь я любила его. Он очень хорошо ко мне относился... Так ты говоришь, что я, может быть, еще его увижу?

— Боюсь, что да.

— Ну а ты?.. какое ты имеешь к нему отношение?

— Мы давние враги. Однажды он ни с того ни с сего начал меня преследовать. За что?.. Понятия не имею.

Всю оставшуюся часть пути она молчала. Я нашел место для посадки неподалеку от эскалатора, приземлился. Помогая ей выбраться из кабины, спросил:

— А тебе он не говорил за что?..

— А если говорил, что тогда?

Я схватил ее за плечи и развернул лицом к себе — наши лица находились друг от друга на расстоянии нескольких дюймов:

— Что я ему сделал, что?.. Отвечай же!

— Пусти меня! Я не знаю!

Я отпустил ее плечи, но снова взял за руку:

— Пошли. Нам нужно подняться двумя этажами выше.

Итак, ответить она не пожелала, а вытряхивать из нее сведения у меня не было времени. Но и отпускать девушку я не хотел.

Во-первых, боялся, что с ней что-нибудь случится, а во-вторых, надеялся позднее все же разговорить ее. Правда, держалась она достаточно независимо, всем своим видом показывая, что не нуждается в моей защите, да и делиться со мной какой-либо информацией тоже, судя по всему, не собиралась.

Но я, зная теперь достоверно о близком и давнем знакомстве Гленды с моим врагом, не мог не считать Гленду своей заложницей. Увы, ничего другого мне не оставалось.

— По сути дела, — сказала она, когда мы быстрым шагом направились к эскалатору, — ты силой удерживаешь людей внутри Дома.

— Ну, если говорить начистоту, это так. Только я уверен, что им здесь неплохо.

— Но зачем?

— Насколько мне известно, это наилучший способ приучить их к мирному сосуществованию.

— К *принудительному* мирному сосуществованию!

— Разумеется. Когда враждебные чувства и агрессивные наклонности подавлены, в людях пробуждается желание сотрудничать. Но чтобы установить такой порядок вещей, неизбежно приходится применять насильственные методы воздействия.

— Ну и что, получается?

— Что ты имеешь в виду?

— Изменились люди?

— Я считаю, что изменились.

— И продолжают изменяться?

— Я считаю, что продолжают.

— А им разрешат выйти наружу, когда они достигнут желаемого уровня морального совершенства?

— Разумеется.

— Что значит «разумеется»? Почему не прямо сейчас? Почему они должны находиться на положении узников до тех пор, пока не изменятся?

— Они вовсе не узники. Им предоставлена полная свобода передвижения...

— Внутри Дома!

— Внутри Дома..

— Но почему не снаружи?

Я вдруг почувствовал боль во всем теле, и мне хотелось ей отвечать.

— *Хочешь, чтобы я за тебя ответил?*

«Почему бы и нет? — подумал я. — Валяй, Джордан. Говори, что тебе вздумается».

— *Тогда расслабься. Мне нужны твои легкие, твои голосовые связки.*

Я расслабился, и он тотчас заговорил:

— Оставить их в покое? Позволить им культивировать свою самобытность, поощрять в них склонность к соперничеству и тем самым стимулировать агрессивность? Однажды они уже шли по этому пути и чуть не истребили друг друга. Чтобы этого не случилось, люди должны измениться. На сегодняшний день им, конечно, еще далеко до совершенства, но изменения в лучшую сторону заметны невооруженным глазом. Когда они наконец научатся жить в мире друг с другом, тогда им и будет позволено выйти наружу.

— Но останется ли в людях к тому времени хоть что-нибудь человеческое?

— Какими они станут, таким и быть роду человеческому во веки веков.

— Что дает тебе право решать за всех?

— Кто-то же должен.

— Блэк тоже считал, что он должен. Но у него была другая точка зрения на этот счет. А ты... ты во имя этих своих принципов мирного сосуществования убил его!

— Я и сам намерен жить лишь до тех пор, пока не отпадет необходимость поддерживать порядок. Когда эти меры станут излишними, я уйду.

— А кто будет решать, что тебе пора уходить?

— Я.

Гленда засмеялась.

— Ну, тогда мы вряд ли этого дождемся.

— Не вижу причин для смеха. Я уходил уже много раз.

Она недоверчиво взглянула на меня и покачала головой. Я почувствовал, что она колеблется и замедляет шаг, поэтому крепко стиснул ее запястье, продолжая тащить к эскалатору.

— У меня такое ощущение, что мы разговариваем на разных языках. Иногда ты рассуждаешь очень здраво, а иногда твои высказывания звучат по меньшей мере странно. Скажи, ты один и тот же человек, или... имя тебе легион?

Я собрал всю свою волю в кулак и сказал самому себе:

— Джордан, проваливай.

— *Как прикажете*, — глумливо ответил он и исчез.

— Я один и тот же человек, — сказал я Гленде.

— Да? И как же тебя зовут? Энгель?

— Можно и так. Это имя ничуть не хуже любого другого. Скажи, а зачем Блэку нужно, чтобы люди вышли из Дома?

— Он считает, что здесь над человечеством производится чудовищный эксперимент. Людям хотят навязать растительный способ существования. И еще он говорил, что к тому времени, когда им позволят выйти из Дома, они утратят способность выживания вне его стен.

— Значит, разногласия наши гораздо глубже, чем я даже мог предположить. У нас действительно разные точки зрения. А что он рассказывал лично обо мне?

— Что у человечества есть некий многоликий враг и у него, у этого врага, такие же взгляды, какие только что излагал ты.

— А он не объяснял, каким образом пришел к такому умозаключению?

— Нет.

— А о себе он что-нибудь рассказывал? О своем прошлом, например?

— Никогда.

— Ты лжешь.

Она пожала плечами и усмехнулась:

— Даже если и так? Что ты мне за это сделаешь?

— Ничего. Пока ничего.

Мы вступили на эскалатор. Мимо нас люди чуть ли не вприпрыжку стремились вниз.

— Что будет, если я сейчас закричу? — вдруг спросила Гленда. — Если откажусь идти с тобой?

— Ты этого не сделаешь. Ты будешь вести себя, как умная девочка.

— Почему ты так в этом уверен?

— Потому что я возбудил в тебе любопытство. И еще потому, что голова у тебя — одна из самых светлых в Доме.

— Откуда ты знаешь, какая у меня голова?

— Все, что мне нужно знать о тебе, я знаю.

— А вот теперь лжешь ты.

На этот раз усмехнулся и пожал плечами я. Мы поднимались все выше и выше.

— Тебе следовало пальнуть в меня из транквилизаторного пистолета, — помолчав, сказала она. — Тогда со стороны выглядело бы так, будто я плохо себя почувствовала и ты сопровождаешь меня в больницу.

— Пожалуй, — только и успел я ответить.

Меня, как будто взрывной волной, отбросило на стену. Я невольно закричал. Гленда подхватила меня под левый локоть, а правая моя рука беспомощно хватала воздух. Тело мое били судороги, мир вокруг то увеличивался в размерах, то сжимался и распадался на тысячи кусков и вновь приобретал целостный вид.

— Что с тобой? — как будто издали донесся встревоженный голос Гленды.

— Сейчас... сейчас... подожди... — меня продолжали сотрясать конвульсии, я задыхался.

И вдруг почувствовал облегчение. Все вокруг снова встало на свои места. Я обрел равновесие, отдышался (воздух, правда, был спертый). Гленда все же продолжала поддерживать меня и повторяла один и тот же вопрос:

— Что с тобой? Что с тобой?

— Старина Блэк пристрелил еще двоих, — объяснил я и ускорил шаг. — Теперь он считает, что окончательно одержал надо мной верх. Можешь радоваться — не исключено, что он прав.

Она ничего не ответила, но следовала за мной, не отставая. Еще несколько человек, не обращая на нас внимания, пробежали вниз. Почему-то я вспомнил того мальчугана, который любил бегать по эскалаторам в противоположном их движению направлению. Я так живо представил, как он стоит перед огромной дырой в стене «Гостиной» и вдруг оборачивается к матери, показывает ей язык, а потом выскакивает наружу и удирает по залитой звездным светом равнине...

На этаже, где располагалась Часовня, тоже стало светлее, хотя освещение все же нельзя было назвать дневным, скорее оно было сумеречным. Транспортные ленты оставались неподвижными. Нам нужно было пробраться к двери черного хода. Кстати, где этот полоумный священник, решивший вручить свою душу дьяволу? Должно быть, валяется перед разгромленным алтарем мертвецки пьяный...

Итак, Блэк убил Дженкинса и Джина, а Винкеля подчинил своей воле. С минуты на минуту он станет полновластным хозяином Нулевого крыла.

Что же дальше? Кто следующий?

Конечно, я. Ведь я единственный остался в живых. Если он уберет со своего пути и меня, больше некому будет воспрепятствовать осуществлению его безумного плана. Но и обидно было бы умереть, не разгадав истинный смысл наших взаимоотношений, не узнав, чего же он все-таки добивается!

Быть может, чтобы раскрыть эту тайну, стоило рисковать собственной жизнью... Впрочем, не время думать об этом!

Мне хотелось бежать, хотелось как можно быстрее попасть в наше убежище и разобраться на месте, что же там случилось. Однако я все еще не оправился от потрясения, руки и ноги плохо мне повиновались. В таком состоянии я, конечно, был мало на что способен. Нестись сломя голову не было смысла, следовало по крайней мере успокоиться.

А еще мне не терпелось спросить Гленду: «Так зачем все-таки ты мне, умирающему, сообщила свой адрес?» И, как бы между прочим, намекнуть ей, что ведь я уже знаю: ни в какие бюро по трудоустройству она не ходит, а занимает должность профессора техниче-

ского факультета... Я недоумевал: почему, заманив меня в западню, она в последний момент спасла мне жизнь, оттолкнув от двери... И почему согласилась следовать за мной, то есть в сущности перешла на мою сторону?..

Никто из прохожих не обращал на нас внимания. Насколько я мог заметить, во всех секциях Часовни шла служба и люди спешили присоединиться к той или иной группе молящихся. К сожалению, неподалеку от двери, через которую я недавно сюда проник, как раз совершалось отпевание, и нам пришлось потратить еще десять минут, прежде чем мы достигли следующего потайного хода в Нулевое крыло. Я толкнул дверь, нырнул внутрь и потянул за собой Гленду. Она, опять-таки не сопротивляясь и все так же молча, положила мне руку на плечо, и мы начали осторожно опускаться по наклонному полу. В конце туннеля я нащупал на стене коробку аварийного блока, снял крышку. Гленда следила за каждым моим движением, вероятно, пытаясь запомнить, в какой последовательности я набираю цифры кода. Ничего, потом направлю ее на процедуру... (Я не оставлял надежды, что это «потом» наступит.)

Наверху за нами дверь захлопнулась. Поставил крышку блока на место и встал впереди Гленды, закрыв ее собой, граната — в левой руке, револьвер — в правой. Если Блэка нет в Нулевом крыле, сканирующее устройство пропустит меня внутрь, но, если он уже поджидает меня и переключил системы защиты с автоматического управления на ручное, остается уповать лишь на то, что присутствие Гленды заставит его хотя бы на миг проявить нерешительность, прежде чем он откроет огонь на поражение. В крайнем случае прикрою ее своим телом — панцирь должен выдержать. И попытаюсь швырнуть гранату раньше, чем он нажмет на кнопку.

— Мне кажется, что обычно ты проникаешь сюда с меньшими хлопотами, — заметила Гленда, глядя на оружие в моих руках.

— Приготовься, сейчас пол станет горизонтальным и... — я не успел закончить фразу, мы были уже внутри Нулевого крыла.

Глава 9

Я пошатнулся, переступив с наклонной плоскости на горизонтальную. Раздался сигнальный звонок, и в ту же секунду я метнул гранату вправо — там был установлен блок управления системами защиты. Оттолкнул Гленду и прикрыл ее собой.

Еще не смолкло эхо взрыва, а я уже ринулся в дверной проем. Я мчался по коридору и еще издали увидел, что дверь в «Компьютерную» открыта. В нескольких шагах от порога резко остановился, а потом с револьвером в вытянутой руке ворвался в помещение.

Предосторожности были излишними. Никого здесь не было, кроме... кроме трупов Дженкинса и Джина. Джин был убит выстрелом в левый висок, а у Дженкинса кровавые пятна атели на груди. Увы, лишь смутные воспоминания о происшедшей здесь трагедии шевельнулись в моем мозгу. Как все-таки странно действует процесс временного слияния. Если бы, например, убили меня, а не их, парни ощутили бы мои предсмертные страдания не менее мучительно, чем я сам. Младший по возрасту член семьи всегда переживает смерть старшего крайне болезненно. Таким образом он, становясь связным, лучше усваивает семейный принцип подчинения по старшинству. Почему это так происходит, не знаю. Меня это, по правде говоря, никогда и не интересовало. Значит, надо, чтобы это так происходило, вот и все.

Я подбежал к пульту и отключил сигнализацию. Гленда вошла следом за мной, замерла, увидев трупы, побледнела... Я обнял ее за плечи и вывел в коридор.

— Пойдем вон туда, — сказал я ей, ведя ее в комнату отдыха.

Дверь в «Картотеку» тоже была открыта. Я дал Гленде знак, чтобы она не двигалась, а сам осторожно заглянул в дверной проем. Никого. Войдя, посмотрел прежде всего на коммутационную панель, и уже не мог оторвать от нее взгляд. У меня перехватило дыхание, потемнело в глазах.

Пятый, четвертый, третий и второй штекеры были выдернуты! Над креслом, развернутым вправо, нависал шлем.

Я оперся о массивный металлический косяк и только сейчас почувствовал нечеловеческую усталость — ныли плечи, мышцы спины... сделал глубокий вздох, вытер вспотевший лоб. Мне стало ясно: как бы ни был враг силен изначально, теперь он прибавил к своей личности еще четыре моих «я». Поскольку Блэк тоже являлся клоном, он несомненно мог воспользоваться помощью наших общих предков, а вот я... я не учел, что ему придет в голову прибегнуть к этому крайнему средству!

Я был просто-таки обескуражен. Осознание серьезности происшедшего потрясло меня даже больше, чем все предыдущие убийства членов семьи и взрывы в Пятом крыле.

Я машинально вытащил сигареты, закурил. Выход из положения требовалось найти незамедлительно.

Где он сейчас? Вот что необходимо узнать в первую очередь. Он мог быть где угодно. Например, где-нибудь здесь, в нашем убежище, а мог и вернуться обратно в Дом. Я решил пустить по следу «Ворюгу», — быть может, в оболочке Винкеля Блэк уже засветился, и сведения о его «подвигах» поступили в компьютер. Если же «Ворюга» не обнаружит его в Доме, тогда я обшарю Нулевое крыло.

Я снова вернулся в «Компьютерную», почти забыв о присутствии Гленды. Вид окровавленных трупов на полу, наверное, повергал ее в ужас, но она следовала за мною как тень.

Компьютер включать, однако, не пришлось. Еще издали я заметил, как мигает на плане Нулевого крыла красная лампочка. Это означало, что открыт выходной люк. Если Блэк меня не дурачил, оставалось сделать вывод, что он — не здесь и не в Доме, а вообще сна-

ружи! Хронометр показывал, что люк был открыт всего четыре минуты назад.

— Да что же ему все-таки нужно, черт бы его побрал? — пробормотал я, совершенно искренне недоумевая, а потом внезапно понял, что должен делать. — Пошли! — схватил Гленду за руку и потащил снова в помещение «Картотеки».

Поставил ее перед центральным пультом. Извлек из внутреннего кармана куртки кинжал и соскоблил припой с последнего штекера... Обернулся к Гленде и лишь тогда сообразил, что до сих пор левой рукой стискиваю ее запястье.

Она тревожно переводила взгляд с моего лица на острие клинка и обратно. Я положил кинжал на коммутационную панель и отпустил ее руку.

— Хочу попросить тебя об одной услуге, — сказал я. — Это очень важно, но объяснить смысл моей просьбы мне некогда.

— Говори, я сделаю все, что в моих силах.

— Сейчас я отсюда уйду. Наружу. Не знаю, сколько времени я там пробуду, хотя и намерен вернуться как можно скорее. Возможно, я вернусь в полубессознательном состоянии. Не исключено, что меня там ранят. Вот тогда и потребуются твоя помощь. — Я похлопал ладонью по спинке кресла. — Усади меня перед пультом, даже если я стану этому противиться.

— Интересно, как это у меня получится?

— Я оставлю тебе транквилизаторный пистолет. Даже если я буду выглядеть абсолютно невменяемым, усади меня в кресло и надень мне на голову шлем. Потом нажми на эти кнопки — по порядку справа налево. Дождись, когда вспыхнет голубая лампочка, и тогда выдерни этот штекер. Вот и все.

— И что тогда произойдет?

— Точно не знаю... но это единственное средство привести меня в чувство. А теперь мне пора. Ты выполнишь мою просьбу? Если, конечно, в этом возникнет необходимость?

— Да, но при условии, что ты ответишь мне потом на несколько вопросов.

— Договорились. Пожалуйста, повтори, что ты должна сделать.

Гленда повторила, и я снова вывел ее в коридор.

— Я покажу тебе одно уютное местечко неподалеку от выходного люка, там ты сможешь отдохнуть и полюбоваться видом снаружи. А главное, оттуда тебе будет видно, как я возвращаюсь.

Я подумал, что ее могут испугать вспышки в развалинах крепости. Надо объяснить, как сделать стену матовой...

— Да, вот еще что. Когда я вернусь, я, может быть, стану другим...

Она подняла на меня недоумевающий взгляд:

— Прости, не поняла...

— Возможно, у меня будет другая внешность. Ну, в общем, я буду выглядеть как совершенно незнакомый тебе человек.

— И этого незнакомого человека нужно посадить в кресло любой ценой, даже если придется применить силу?

— Только при условии, что он будет этому противиться... будет как бы не понимать, чего от него хотят...

— Так ведь любой станет себя так вести, если его попытаются ни с того ни с сего засунуть под этот колпак!

— Это буду я, понимаешь? Просто в другом облике.

— Хорошо, я сделаю все, как ты сказал. Но если...

— Что еще?

— Но если никто не вернется?

— Тогда все погибло. Возвращайся домой и забудь обо всем, что с тобой было сегодня.

— Но я не знаю, как отсюда выбраться!

— Пойдешь в ту комнату, где... где мертвые. Оттуда — вниз, потом налево. На дальней стене увидишь небольшую зеленую панель. Нажмешь на кнопку. Все очень просто. В общем, сообразишь, если захочешь.

Мы вошли в комнату отдыха, и Гленда, вскрикнув, отпрянула от меня. Стена была прозрачной. Луны видно не было, но серебристое сияние заливало равнину — это вторая луна, размерами больше первой и соответственно гораздо ярче, вот-вот должна была подняться над горизонтом.

— Это же не картина! — воскликнула Гленда восторженно. — Это же настоящее окно!

— Настоящее, — подтвердил я, мягко удерживая ее за плечо и протягивая ей транквилизаторный пистолет. — Ты умеешь им пользоваться?

Она мельком взглянула на него.

— Умею, — и, как загипнотизированная, подошла к прозрачной стене.

Я взял Гленду за руку, вложил в ладонь пистолет и сомкнул ее пальцы вокруг рукояти.

— Я и представить себе не могла, что снаружи так здорово! — сказала Гленда.

— Ну и смотри сколько угодно, а мне нужно идти. Здесь, в подлокотнике, кнопка. Выключишь, если надоест.

— Зачем? Это же так прекрасно!

— Хочу тебя предупредить: вон там, в развалинах, иногда что-то вспыхивает... Может быть, это вредно для глаз.

— Ну, когда начнет вспыхивать, тогда и выключу. А пока я хочу смотреть, смотреть!..

— Ладно, до встречи. Постараюсь скоро вернуться.

— Подожди!

— Не могу. Я и так потерял много времени.

— Но там только что кто-то пробежал! Какой-то человек!

— Где?

Она показала в направлении руин. Я напряг зрение, но ничего не увидел.

— Он исчез, — сказала Гленда.

Она, кажется, даже не заметила, как я вышел из комнаты отдыха — до такой степени ее увлекло зрелище ночного пейзажа.

Бегом, бегом по коридору — к нише, в которой выход из Дома. Все три люка, расположенные один за другим и снабженные самостоятельными системами защиты, были распахнуты настежь.

Я выскочил наружу и приостановился лишь для того, чтобы проверить, заряжен ли револьвер.

Ночь была прохладная, туман, пронизанный лунным сиянием, стлался над равниной. Незнакомые за-

пахи кружили голову. Впрочем, ощущение новизны быстро пропало. Ведь я бывал здесь раньше... когда-то очень давно.

Привычно двинулся по пересеченной местности в сторону древних развалин. Тишину нарушали лишь странные стрекочущие звуки, но я не понимал, кто их издает, — птицы или насекомые. Каменистая тропа была влажной и скользкой, и, когда она уводила вниз, я с головой погружался в туман. В очередной раз выбравшись на ровное место, я заметил свою длинную черную тень, — так ярк стал свет луны. Огромное и безупречное круглое светило поднялось над горизонтом. Клочковые облачка то и дело застили его белый лик, зато небеса были чисты и искрились бесчисленными звездами.

Странные чувства я испытывал. Неуверенность в себе, сомнение в правильности предпринятых действий, даже какую-то робость... кажется, меня угнетало зрелище звездного неба... Как упорно старались мы внушить и себе, и другим, что со звездами связаны лишь непристойные или во всяком случае двусмысленные ассоциации... действовал на нервы и этот безжизненный холмистый пейзаж... Ведь я впервые за столько столетий находился вне Дома! И преследовал некоего таинственного врага, который двигался в направлении не менее таинственных руин.

Таинственные руины? А вот это что-то новое. До сих пор я не считал их таинственными. Руины просто были, были всегда, и тот факт, что сейчас они казались таинственными, как нельзя лучше свидетельствовал о происходящем в моем сознании процессе переосмысления себя и окружающей действительности. Я вдруг понял, почему никогда не интересовался этими развалинами. Да потому что в незапамятные времена знал кое-что об их происхождении. Кое-что, но далеко не все... Впоследствии, однако, мое любопытство, как меч о камень, притупилось о некий пласт подсознания.

Сколько же самых разных вещей я забыл? Быть может, что-нибудь из наследия предков могло мне сейчас пригодиться... А вдруг, преследуя этого чело- века, который знает, кто он такой, так же хорошо, как знаю себя я, и который вдобавок присвоил еще и опыт

четырёх предыдущих предков (только об одном из них, о Джордане, я имел хотя бы смутное представление) — вдруг, преследуя его, я бегу навстречу собственной гибели?

Ну что же, пусть будет, что будет. Нам давно пора выяснить отношения. Я надеялся, что и мой враг придерживается того же мнения.

А ведь не случайно он выбрал место для схватки не просто за пределами Дома, а именно поблизости от развалин старой крепости. При этой мысли мне стало особенно не по себе, но я не понимал почему...

Эх, если бы я, а не он выдернул эти штекеры!

Я бежал, настороженно озираясь, ожидая засады из-за каждого камня, хотя и чувствовал (каким-то, наверное, седьмым чувством), что у него своя, особая тактика и не станет он сейчас на меня нападать.

А вдали лежали покрытые мраком руины. Ни вспышек, ни даже слабого мерцания. Лишь черные тени, отбрасываемые ими на серебристую землю, становились короче по мере восхождения луны.

Я старался двигаться как можно тише, но шум моего дыхания слышался, наверное, за милю. С холма мне открылся вид на всю равнину. Здесь, на вершине, повеяло легким холодным ветерком, туман рассеялся. Противника моего нигде не было видно.

Во имя торжества идей пацифизма и ради сохранения стабильности в Доме я должен был уничтожить этого человека. Но и его намерение убить меня очевидно. Вот только за что?.. за что? Это оставалось для меня загадкой. Одно, впрочем, я знал совершенно точно: он намерен вывести людей из Дома и поэтому заслуживает смерти. Правда, в моем к нему отношении прослеживался определенный нюанс: если с любым другим заблудшим я бы расправился без колебаний, то упорство Блэка и, главное, его несомненная незаурядность возбуждали мое любопытство. Да, мне было интересно, какими принципами он руководствуется.

Относительно непогрешимости собственной концепции я не сомневался. Я полагал, что человеческую природу необходимо изменить, и был уверен, что принудительное моральное совершенствование возможно. И вот сейчас, огибая неглубокую, покрытую рябью

лужу, я впервые удивился: «А откуда во мне такая уверенность?»

Вопрос этот касался не содержания моих воззрений, просто мне вдруг захотелось понять, откуда они у меня взялись. Мне казалось, что я думал так всегда. Но если дело обстояло подобным образом, то... я даже вздрогнул, осознав, что, да, конечно, мы оба унаследовали многовековой опыт наших с ним общих предков, но ему-то за счет большего количества выдернутых штекеров этот опыт ближе и, если можно так выразиться, «роднее». С другой стороны, он вместе с этим опытом должен был приобрести и соответствующее нашей духовной традиции мировоззрение, но вот тут были возможны варианты: либо изначально Блэк не был, что называется, потеряннным человеком, и теперь, после того как он выдернул вышеупомянутые штекеры, его взгляды изменились к лучшему, либо (а такой поворот в положении дел тоже нельзя было не учитывать) опыт четырех древнейших наших пращуров был в нравственном отношении столь неоднозначен, что, обладая им почти в полном объеме, Блэк мог продолжать свою злокозненную деятельность, оставаясь самим собой, но сделавшись еще сильнее.

Все эти предположения в той или иной степени имели право на существование. Ведь о предках я не знал абсолютно ничего, так же как и о происхождении моих гуманистических взглядов. Безусловно, они были разумны, но их возникновение отнюдь не являлось результатом каких-либо логических выкладок. Нет, они были просто составной частью того, что я, может быть несколько неудачно, называл «духовной традицией». Сущность же этой традиции мне неведома!

Так вот, если допустить, что и Блэк ощущает связь с ней не менее отчетливо (и даже более, ведь он теперь на четыре поколения старше меня), то как раз это обстоятельство могло обернуться в его пользу и помочь ему сохранить независимость от моего образа мыслей... Быть может, более древние пласты нашего коллективного опыта были проникнуты духом жестокости и насилия! Впрочем, принципы гуманности, сохранившиеся в памяти семьи, не могли же не повли-

ять на нынешнее состояние его личности. Во всяком случае, я на это надеялся.

А вообще наше противостояние напоминало некий лабораторный эксперимент, когда два химических вещества, о природе которых ничего не известно, помещают в одну пробирку, чтобы определить, как они взаимодействуют...

Выходит, самое уязвимое место — это мое прошлое? Действительно, оно не представлялось мне таким прочным, как настоящее, ибо в нем могло наличествовать нечто способное поддержать и ободрить моего врага. Ведь ради чего, собственно, производилось частичное самоубийство при каждой смене связного? Ради чего вставлялся штекер в гнездо? Делалось это не только с целью облегчить адаптацию личности к новым, после слияния, условиям жизни. Процедура действовала облагораживающе, очищающе, из сознания каждого нового связного удалялось все, что в данную эпоху мы считали асоциальным и угрожающим спокойствию общества.

Например, сейчас я, обладая определенными качествами Винтона, был способен на такие поступки, при одном упоминании о которых Ланж Младший или Энгель содрогнулись бы в ужасе; не исключено, что кто-нибудь из них даже грохнулся бы в обморок. Но мне-то эти качества пришлось как нельзя кстати, иначе нечего было и думать о схватке с Блэком. Впрочем, меня тоже передергивало от отвращения при мысли о том, что придется воспользоваться этими допотопными средствами, придется проявить жестокость, насилие... Но ведь и мой враг был анахронизмом. Другие методы борьбы с ним обречены на провал.

Что же таилось за теми четырьмя выдернутыми штекерами? Это меня не на шутку тревожило. Я помнил, кем был недавно, знал, кем стал теперь, метаморфоза эта произошла со мной вполне безболезненно, и все мои поздние «я» (Ланж Младший, Энгель, Кэрэб) вспоминались просто как перепады мимолетных настроений. Также и не уничтоженные Винтоном качества личности Джордана прижились во мне, а те, что были загнаны в подсознание, просвечивали, как сквозь темную воду, лишь в моменты эмоционального

напряжения. Тогда Джордан становился моим демоном-искусителем и пытался оказать на меня влияние. Кстати, в общих чертах мнение о нем я уже составил. Похоже, это был изрядный сукин сын, отнюдь не обремененный грузом моральных запретов.

Вот я и опасался: а не может ли так случиться, что четверо моих наидревнейших предков поддержат не меня, а Блэка? Я всю жизнь чуть ли не за волосы поднимал себя над собой! И не сиди во мне неукротимая воля к самосовершенствованию, что тогда? Неужели я был бы подобен Блэку? Ведь мы — одна плоть, одна кровь. Я не понимал, как такое возможно, но опровергнуть этот факт не мог. В сущности, нас отличала друг от друга лишь приверженность разным идеалам. И вот за эти идеалы мы, две ипостаси одной и той же личности, готовы в буквальном смысле слова перерезать друг другу горло!

Чувство, переполнявшее меня сейчас, было очень сходно с тем, что недавно заставило Энгеля бежать вдоль ряда трезвонящих телефонов. Только теперь я знал точно, что, сними я тогда трубку — и ответил бы мне мой собственный голос.

Напряженно вглядываясь в пелену тумана перед собой, я трусил по этой странной местности, то и дело огибая воронки или груды каменного щебня. Я старался не терять самообладания и все время был начеку, потому что ощущение опасности начало во мне усиливаться.

Миновал небольшой кратер с оплавленными краями. Почти сразу за ним начался подъем, и я долго взбирался по склону холма, оскальзываясь на каменных обломках, пока не достиг вершины — в трех четвертях мили отсюда явственно различались те самые развалины.

Я тотчас спрятался за камень и уже украдкой стал изучать открывшуюся панораму. Равнина, озаренная лунным сиянием, лежала пустая и голая, разве что изредка пролетали над ней какие-то крошечные существа, может быть, птицы, они то снижались почти до самой земли, то взмывали к небесам.

Развалины все так же оставались в тени. Я еще на мгновение задержал на них взгляд, а потом обернул-

ся. Черный корпус Нулевого крыла с желтым квадратом окна посередине стены, обращенной к равнине, находился от меня на порядочном расстоянии. Снова повернулся к развалинам и тут наконец увидел его.

Он вынырнул из-за невысокого зубчатого хребта, который зигзагообразно разделял равнину.

Я немедленно бросился в погоню, скатился с холма, рискуя свернуть себе шею и увлекая за собой шумные оползни мелкого блестящего гравия. Больше не было надобности скрываться, я засек его, засек!

Лишь только рельеф местности выровнялся, перешел на бег. Теперь мне стало ясно, почему Блэк покинул стены Дома. Он стремился к развалинам крепости, и это меня испугало сильнее, чем если бы он неожиданно выскочил мне навстречу. Нужно было помешать ему добраться туда. Ведь он знал о прошлом семьи больше меня, и я подозревал, что там, в развалинах, у него припрятано какое-то оружие, благодаря которому он получит надо мной превосходство.

С холма вниз, а потом опять в гору. Все вокруг было завалено щебнем, оплавленными каменными обломками. Бежать стало труднее, но я не сбавлял темпа и постепенно его нагонял. Интересно, заметил он преследование? И когда? Может быть, всего минуту назад? Неважно. Я, хотя уже порядком запыхался, был ближе к нему, чем он к своей цели.

Блэк снова обернулся и — увидел меня! Замер на миг, а потом припустил в прежнем направлении. Не имело смысла открывать по нему огонь. Мы были слишком далеко друг от друга. Выругавшись, я тоже поднажал из последних сил. Нельзя было показывать ему, что я выдохся. Он должен был поверить, что сил у меня достаточно и я догоню его, как бы он ни старался ускользнуть.

Блэк опять обернулся, а я, весь в мыле, был от него уже на расстоянии слышимости человеческого голоса. Он постоял, как бы раздумывая, потом побежал снова.

И тогда я почувствовал себя увереннее. Ощутил необыкновенную легкость в ногах и понесся за ним как угорелый. У меня открылось второе дыхание.

Блэк тоже это почувствовал: он обернулся и тут же резко ушел вправо, к гряде огромных валунов. От-

лично, я сделал то же самое. Мне надоело осторожни-
чать, — даром, что ли, на мне был панцирь, надежная
защита от его пуль. Держа револьвер двумя руками,
подлетел к валуну, за которым он скрылся. Еще через
секунду был уже по ту сторону валуна. Но Блэка там
не оказалось. Он успел отбежать на добрую сотню яр-
дов. Выстрелил в меня и тотчас спрятался за камень.
Я не стал отвечать выстрелом на выстрел. Берег пат-
роны. К тому же с такого расстояния попасть в движу-
щуюся цель очень трудно. Ждал, когда он высунется.

И вот он высунулся, и мы выстрелили одновре-
менно. Я получил чувствительный удар в грудь, а он
отделался легким испугом.

В бешенстве я ринулся вперед, посылая в него пу-
лю за пулей. Блэк на этот раз не отступил. В панцирь
еще два раза сильно стукнуло, но и он дернулся после
одного из моих выстрелов, и это меня воодушевило.

И снова мы выстрелили одновременно. В мозгу с
левой стороны что-то ослепительно вспыхнуло, я за-
кричал и рухнул на землю. Револьвер выпал из неме-
ющих пальцев...

Но я еще не верил, не хотел верить, что проиграл!

Услышал над ухом лязг затвора. Повернул голову
и увидел носки его башмаков. Правая рука мне не по-
виновалась, но ведь нельзя, нельзя было ждать, пока
он перезарядит револьвер и снова нажмет на спуско-
вой крючок!

Левой рукой обхватил его ногу чуть выше лодыж-
ки, тоже, кажется, левую. Он попытался вырваться —
не вышло. Приподнял другую ногу, намереваясь
пнуть меня — и в этот момент я рывком повалил его
на землю. Он упал, а я, отпустив его, успел выхватить
из внутреннего кармана куртки кинжал. Но дотянуть-
ся до его горла или сердца был не в состоянии. Он уже
приподнимался с земли. Единственное, что я мог бы
еще сделать, это перерезать врагу артерию на ноге,
навалиться на него, придавить к земле и не отпускать,
пока он не истечет кровью.

Я занес руку с кинжалом, но он блокировал удар,
более того — вцепился в мое запястье. Он тоже был
ранен, на левом боку темнело кровавое пятно, но сил
у него было все-таки больше, чем у меня. Свободной

рукой Блэк начал методично, один за другим, отгибать мои пальцы, сомкнутые вокруг рукояти кинжала. Уже теряя сознание, я понял: мне с ним не справиться.

Блэк наконец завладел кинжалом, и теперь острие моего же оружия было нацелено в мое горло. Вот она, ирония судьбы. А я-то был так уверен, что пристрелю его. В этом случае мне осталось бы лишь не поддаться процессу слияния, и тогда с моим врагом было бы покончено навеки.

Как же это?..

А когда стальное жало коснулось моего горла, я увидел его глаза. И не было в этих глазах торжества, а только смертельная усталость и еще почему-то страх...

Глава 10

Тишина, ослепительный свет, кровь. И боль...

Слишком поздно. Слишком поздно...

Сопротивляться слиянию... Нет! Поддаться ему?

Головокружение...

И этот луч! Этот луч!

Я зажмурился. Одежда на мне была мокрой от пота и крови...

Мысли в потрясенном сознании мелькали беспорядочно, наслаивались одна на другую, переплетались, мне было не вырваться из замкнутого круга одних и тех же навязчивых образов.

Надо перестать думать, ограничить деятельность мозга простейшими функциями. Просто наблюдать и немедленно реагировать — похоже, это был единственный способ не сойти с ума.

Я ощущал боль в нескольких частях тела, но особенно в правой руке. Довольно долго смотрел на нее, прежде чем до меня дошло, что это действительно моя рука. Ее пальцы побелели от напряжения, продолжая стискивать рукоять кинжала, лезвие которого больше чем на две трети ушло в горло человека, лежащего поперек моих вытянутых ног. Левый глаз у него был выбит, щека, лоб и шея обгажены кровью.

Да, да, я вспомнил, что здесь произошло, но сразу же заставил себя не думать об этом и сосредоточиться на своей руке. Осторожно ее разжал — мелькнуло еще одно воспоминание, я его тоже вытеснил. Рука окончательно отпустила рукоять кинжала и легла вдоль тела. Пошевелил затекшими пальцами и невольно вскрикнул, ощутив болезненное наслаждение, когда мышцы руки расслабились.

Но этот луч...

Направленный прямо в лицо, он слепил мне глаза.

Я повернул голову вправо, влево, но он был столь ярок, что это мне мало помогло.

Решил перебраться куда-нибудь в тень. Помимо прочего, не хотелось лежать рядом с трупом. Спихнул его с себя, стараясь не поворачиваться лицом к свету.

Все тело ломило, а правый бок был влажен от крови и тупо ныл. Кое-как я поднялся на ноги, прислонился спиной к валуну, возле которого лежал только что. Дышать было трудно, воздух со свистом вырывался из легких.

Мне казалось, что я нахожусь в эпицентре ночного кошмара и мне уже никогда не проснуться. Я боялся вспоминать о том, что произошло, и уж тем более представить, что может со мной произойти в будущем. Лишь только голова перестала кружиться, я покинул это страшное место. Пошел навстречу огромной белой луне, висевшей над холмом.

Луч следовал за мной по пятам. У меня возникло желание спрятаться от него.

Резко, насколько был способен, я свернул вправо. Потом влево. Пытался ускорить шаг и все равно оказывался внутри светового пятна.

Меня охватило бешенство.

— Только ни о чем не думай! Ради Бога, ни о чем не думай! — громко сказал я себе и удивился непривычному тембру своего голоса. — Думать нельзя. Это вызовет страх, смятение... Размышляй о чем-нибудь предельно простом, сосредоточься на этом, а все остальное забудь.

Я следил лишь за тем, чтобы не упасть. Старательно отсчитывал пройденные ярды, смотрел только под ноги. Сконцентрировал внимание исключительно на своих ступнях, лодыжках, икрах...

«Но ведь иду-то я не в ту сторону...

Разве? Гм-м, как же я сразу этого не заметил?»

В самом деле, меня почему-то тянуло к тем развалинам...

Не думай о постороннем! Ищи укромное место. Сейчас главное — скрыться от этого вот уж действительно всевидящего ока.

Но...

Никаких «но». Бегом!

Я побежал. Пятьдесят ярдов. Сто. Теперь направо. Пятьдесят ярдов. Теперь налево. Пятьдесят...

Луч летел надо мной, озаряя мне путь. Моя длинная тень скользила по серебристой земле. Мне стало страшно. Я растерянно озирался в поисках укрытия.

И вот в сотне ярдов слева от тропы приметил нагромождение камней. Тяжело дыша, доковылял, протиснулся в щель между валунами. Машинально полез в карман за сигаретами. Их не было.

Все правильно, Винкель же не курил. Постой, постой... Выходит... Блэк... Нет!.. Не думай о постороннем!

Я закусил губу.

Здесь, среди камней, было темно и тихо, и я понемногу пришел в себя. Дыхание успокоилось, сердце стало биться ровнее. Боль в боку тоже несколько поухтихла, хотя рана и продолжала кровоточить.

«Я должен идти к развалинам крепости. Если бы не этот проклятый луч, я бы давно уже туда добрался.

Но зачем? Что я там забыл? Только что единственной моей заботой было укрыться от света...

Нет, погоди, погоди...

Ведь я же убил последнего из них. Я победил.

Нет.

Я наконец-то прикончил Блэка!

Да нет же.

Нет?

Вот оно что. Стало быть, врата ада разверзлись. Ну конечно, я и он были слишком истощены физически, чтобы сопротивляться слиянию.

Осознавая возможные последствия происшедшего, мне хотелось и хохотать, и одновременно вопить от ужаса. Ведь осознать — не означает примириться. Растерянный, я не понимал, что делать дальше.

«Кем же мне довелось стать в этот, теперь уже последний раз?»

Рассматривая случившееся с двух точек зрения (что следовало понимать буквально), я вынужден был прийти к заключению: теперь я — самый свой заклятый враг.

Кажется, я действительно засмеялся. Не исключено, впрочем, что это были глухие рыдания.

Независимо от собственной воли я блуждал в лабиринтах памяти и на каждом шагу натыкался на совершенно противоположные прежним истолкования и оценки любого своего прошлого поступка или даже побуждения.

Это было чересчур. Действительно чересчур. Меня разрывало на части. И помочь себе я ничем не мог. Какое бы решение ни приходило в голову, тотчас возникало великое множество противоречивых чувств, среди которых я смутно различал и ярость, и страх, и угрызения совести. Я был в полном смятении.

Спасение пришло извне. Вдруг раздался металлический скрежет. Пока отдаленный и здесь, на этой равнине, совершенно невыносимый. Моментаально я весь превратился в слух, все прочие чувства исчезли.

Пригнулся и выглянул из-за валуна. Внешняя его сторона была озарена, но мне посчастливилось занять такую позицию, благодаря которой мое лицо две или три секунды оставалось в тени. Потом луч меня, конечно, высветил и пришлось зажмуриться, но все-таки я успел установить происхождение этих странных скрежещущих звуков.

По равнине катился робот. Он был на гусеничном ходу и снабжен четырьмя длинными гибкими щупальцами-экстензорами. Фотоэлектрические его фары светились, а катился он в направлении валуна, за которым я прятался, и явно по мою душу.

Я недолго думая пустился наутек.

С холма вниз. Снова в гору. Опять вниз. Луч поначалу не отставал, но, опустившись в ложбину, я надолго оказался в тени.

Меня шатало от слабости. Отдуваясь, я прижимал руку к правому боку. Обнадеживало то обстоятельство, что всю оставшуюся часть пути предстояло спуститься. Там, внизу, серебрился в лунном сиянии огромный корпус Нулевого крыла. Я видел одинокое желтое окно и (это мне уже казалось) на влажной тропе цепочку своих следов, ведущих к нему...

Посмотрел назад. Робот стрекотал покуда по ту сторону холма. Туман, а также испарения, поднимаю-

щиеся от земли, фосфоресцировали. Влажная поверхность валунов блестела как черное стекло.

Поначалу я наивно полагал, что избавиться от моего механического преследователя не составит труда. Квадратный, однако, двигался с завидной скоростью. Все ближе слышался размеренный скрежет гусениц по кремнистому щебню. От этих скребущих, царапающих звуков мне становилось уже по-настоящему жутко, но благодаря им я мог хотя бы определить, на каком расстоянии от меня находится робот.

А еще я неожиданно осознал, что этот луч, сколь ни был мучителен для глаз его блеск, странным образом притягивает меня. Я постепенно догадывался, что со мной случилось, догадывался, почему решающая схватка не могла состояться ни в каком другом месте, кроме как на этой равнине. Ведь мой враг стремился к развалинам крепости. А теперь это стремление перешло ко мне. Но что же оно означало? Этого я еще не знал, хотя чувствовал, что в желании туда добраться не содержалось ничего опасного для моей жизни... для жизни последнего из всех нас. Неспроста ведь и луч возникал именно там, среди развалин. Ну конечно, он указывал мне направление! Это был зов, сигнал, обращенный ко мне. Именно ко мне и ни к кому другому. Правда, тот «я», который сейчас стремился к развалинам, уже не был тем «я», кому этот сигнал предназначался.

Ошеломленный этим открытием, я порывался бежать прочь. В то же самое время меня тянуло в сторону крепости. Я чувствовал, что не устою перед искушением.

И не устоял. Отбросил колебания и повернул к развалинам. На мое решение повлияло отчасти и то обстоятельство, что робот был уже очень близко.

Стальное чудище, несомненно, кто-то наводил на меня. Я не знал кто и поэтому почел за лучшее обратиться в бегство.

Но и скрежет сделался громче. Это означало, что робот увеличил скорость.

С беспокойством поглядывая через плечо, я перепрыгивал через трещины, взбирался на груды щебня, лез по камням, спрыгивал. Искал место, где еще не

рассеялся туман и куда не мог проникнуть таинственный луч, до сих пор вызывавший во мне противоречивые чувства.

Впрочем, рассчитывать на то, что мне повезет, приходилось все меньше, потому что рельеф местности снова выровнялся и луч вот-вот должен был меня обнаружить. Пока что световое пятно мелькало где-то далеко впереди.

Несколько раз я спотыкался и падал. С трудом поднимался, проклиная себя за медлительность и отсутствие привычки смотреть под ноги. Между тем робот явно меня догонял. Правда, нельзя было сказать, чтобы он всегда безошибочно определял направление, в котором я двигался. Нет, квадратный то и дело вилял, тормозил, крутился на месте, даже пятился. Воспользовавшись очередным моментом его замешательства, я решил вернуться к тем валунам, среди которых недавно укрывался. По моим предположениям, там ему было не пройти.

Но робот каким-то немыслимым образом на этот раз угадал мое намерение и покатился наперерез. Я начал серьезно сомневаться в своей способности от него оторваться.

Черт побери, что же мне делать?

— *Да выруби ты его, гурачина!*

Ого! Я даже вздрогнул от неожиданности — голос прозвучал из какой-то вовсе неведомой области моего подсознания.

— Как?

— *«Как!», «Как!» Поверни голову вправо. Стоп! Видишь вон ту скалу? Полезай на нее.*

— Но меня же будет отовсюду видно!

— *Делай, что тебе говорят. Так и задумано.*

Ну что же, мне оставалось лишь слепо повиноваться. Значит, у него имелся какой-то план. У меня-то не было никакого. В конце концов, кому доверять, как не собственным предкам? Подбегая к скале, я уже понимал его замысел. В данных обстоятельствах действительно ничего лучше не придумаешь.

Скрежет за спиной становился все громче. Я обернулся — робот был от меня в совсем уже опасной близости.

Опрометью кинулся к указанной предком скале, а когда подбежал к ней, у меня даже дух захватило — такую крутизну предстояло мне одолеть. Но делать было нечего — не оглядываясь, полез вверх.

— Да, бывает, что и страх окрыляет, — философски комментировал предок мои действия.

— Что верно, то верно, — пробормотал я, а потом слышал уже только шум крови в ушах да металлическое лязганье снизу.

«Неужели квадратный полезет за мной на скалу? Вряд ли. Я и за себя-то не поручусь, что у меня это получится. Скорее всего он попытается взять меня измором. Встанет под скалой и будет ждать, пока я не свалюсь».

Склон становился с каждым ярдом круче, и мне все чаще приходилось искать опору для рук и ног. Силы были на исходе, бок снова разболелся. Уже у самой вершины мне стало совсем худо, голова кружилась, я мог запросто сверзиться.

Хрипло дыша, перевалился наконец на широкую, с изрядным уклоном, площадку и тут же лишился чувств. Но пребывал без сознания недолго.

Скрежет гусениц заставил меня приподняться. Чтобы это сделать, мне потребовались немалые усилия. Руки и ноги были как будто налиты свинцом, голова раскалывалась. Обрывки воспоминаний, подобно фрагментам некоего полузабытого сна, соединялись друг с другом в смутной последовательности и вновь распадались вперемешку, прежде чем я успевал сообразить, что каждый из них означает.

На локтях я подполз к краю площадки, заглянул вниз и с ужасом убедился, что робот поставил-таки перед собой задачу взобраться на скалу. Самым поразительным было то, что ему это удавалось. Он вскарабкался уже на высоту пятнадцати футов, но в этом месте скала становилась почти отвесной, и гусеницы ожесточенно скребли камень, выискивая уступы, выступы, выемки. Он продвигался вверх очень медленно, то наступал, то отступал, но его экстензоры настойчиво ощупывали поверхность перед собой, не пропуская ни трещинки, ни даже самой незначительной выпуклости.

— А теперь врежь ему как следует!

— Не волнуйся, сделаем в лучшем виде, — процедил я сквозь зубы, осматриваясь в поисках подходящего камня. В основном они были или слишком большие или, наоборот, чересчур мелкие. Я лихорадочно соображал, какую применить тактику: сбросить на него одну солидную глыбину или закидать более-менее увесистыми обломками? Я выбрал последнее.

Встал на колени, потом на ноги. Набрал с дюжину камней потяжелее и сложил их в кучу у края площадки. К тому времени робот продвинулся вверх еще на ярд и снова шарил щупальцами впереди себя.

Я швырнул в него три обломка. Два — мимо, один угодил в гусеницу. Проклятье!.. Швырнул еще два — первый пролетел в дюйме от его головы (или как там эта штука у него называлась), второй — намного выше.

Робот нашел-таки, за что зацепиться, подтянулся и стал ближе еще на четыре или пять футов.

Шестым камнем я все же попал в его квадратную башку. Это был пока что единственный мой удачный бросок, но и его хватило, чтобы у меня появилась надежда. Я старался целиться как можно точнее и довольно часто попадал по голове, гусеницам, туловищу моего преследователя. Правда, заметного впечатления на него это не производило.

Он поднялся уже на двадцать пять футов и, судя по всему, не собирался останавливаться на достигнутом. Как он ухитрялся удерживаться на скале, мне было непонятно. Похоже, его гибкие блестящие щупальца обладали невероятной силой и цепкостью.

Камни у меня кончились. Я осмотрелся, приглядел здоровенный, как кочан капусты, обломок, двумя руками — еле-еле! — поднял его, швырнул и...

И попал! Квадратного крепко трянуло! Я был уверен, что сейчас он кувыркнется вниз, но, к моему изумлению, этого не случилось. Да, робот откинулся назад, однако вернул своему туловищу прежнее положение. И снова пополз вверх.

Я поднатужился и спустил ему навстречу камешек, который смело можно было назвать глыбой, он был раза в три больше предыдущего. На этот раз при ударе робот исторг сумбурное попурри из лязгов и

скрежетов. А затем как ни в чем не бывало продолжил подъем.

Все, я исчерпал свой арсенал. Камни, поднять которые мне было под силу, кончились. Впрочем... на верхнем краю площадки высился один, по форме очень подходящий. Если его своротить с места, он покатится. Если он покатится туда, куда я его направлю, робота на скале не удержаться.

К сожалению, камень не был идеально круглым, и я сомневался, покатится ли он в заданном направлении. Я все еще пребывал в нерешительности, когда робот внезапно дернулся, поднялся сразу на три или четыре фута, закрепился на занятой позиции и снова начал шарить щупальцами впереди себя. Он преодолел уже более половины расстояния, разделявшего нас.

Я бросился к камню. Сначала я не мог его даже пошевелить. Лишь после шестой или седьмой попытки, навалившись всей тяжестью тела, я сумел его сдвинуть. Руками толкать не было смысла — они меня не слушались. Кроме того, я был измотан болью в боку и непрекращающимися приступами головокружения. Однако тот факт, что камень, пусть всего лишь на дюйм, но сдвинулся с места, подействовал на меня вдохновляюще. Я снова навалился — и камень продвинулся еще на несколько дюймов. Тогда я лег, уперся спиной в выступ скалы и начал толкать его ногами. Каждое мое усилие отзывалось нестерпимой болью в боку, я громко стонал, но зато и камень двигался. Время от времени я смотрел вниз и видел, что щупальца уже высунулись из-за края площадки и шарят, шарят по ее поверхности!..

И вот камень качнулся и...

Нет, снова встал на прежнее место!

Еще усилие!

Еще!..

Камень готов был опрокинуться, но сил для решающего толчка у меня уже не осталось.

Двумя щупальцами робот уже зацепился за край площадки. Гудение его стальной утробы сопровождалось зловещим скрежетом гусениц... а я лежал в полуборочном состоянии, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой.

И вдруг ночной воздух озарился, и световое пятно заметалось вокруг меня по площадке, и вот уже я весь был облит этим невероятно ярким светом.

Я выругался, отвернул голову и неожиданно почувствовал прилив сил.

Содрогаясь конвульсивно, уперся ногами в камень. Стиснул зубы так, что они заскрипели. Пот ручьями потек по лицу, заливая глаза. Боль в боку пульсировала в такт биению сердца.

Камень продвинулся еще на два или три дюйма. Я расслабился и снова уперся в него ногами.

И вот наконец он достиг критической точки. Оставалось опрокинуть его вниз. Еще толчок — и камень медленно наклонился... на миг мне показалось, что он качнется обратно, но — нет, он все круче заваливался вперед...

Я в изнеможении упал на спину и что было дальше, мог бы и не увидеть, потому что голова моя, как у тряпичной куклы, безвольно легла на плечо... но тут луч снова полоснул меня по лицу, я отвернулся и стал свидетелем захватывающего зрелища: робот почти наполовину высунулся из-за края площадки; камень, вихляясь и грузно подпрыгивая, катился вниз. У меня похолодело внутри — неужели он прокатится мимо цели?

Бац! — камень угодил точнехонько в центр квадратной башки. Внутри ее что-то оглушительно треснуло, и тотчас камень и робот исчезли из моего поля зрения. Откуда-то снизу донеслось почти одновременно два гулких удара, и я потерял сознание.

Не знаю, сколько времени я пролежал в забытьи. Кажется, я спал, и мне снились звезды без числа; они, подобно блистающим островам, плавали в черных водах огромного озера (представить Вселенную бескрайним океаном я не решился даже во сне, сказывалось длительное пребывание в замкнутом пространстве Дома); а еще мне снились люди, странствующие от звезды к звезде, мирные, спокойные, мудрые люди... Мне было приятно видеть их, но приятно по двум взаимоисключающим причинам: либо моя деятельность по исправлению человечества привела-таки к желаемому результату, либо люди стали лучше без посто-

ронного вмешательства и гораздо раньше, чем я даже мог предположить.

В любом случае сон был замечательный, и я проснулся с сожалением. А разбудил меня снова луч.

Я поднял голову и сначала решил, что все еще сплю, потому что небо было усеяно теми же самыми, что в моем сне, звездами.

Приподнялся на руках, потом встал на колени. Опустил голову, чтобы луч не слепил глаза, и дополз до края площадки.

Робот, раскинув щупальца, лежал на спине у подножия скалы. Камень куда-то закатился, его не было видно.

Моя радость при виде поверженного противника довольно скоро сменилась унынием. В самом деле, что, как не сломанный механизм, представлял собою теперь я сам? Сохраняя в своей личности лишь самое существенное, я упрощал себя в каждом следующем поколении и действовал или, вернее будет сказать, функционировал исправно, пока не кончался завод. А потом — по новой.

Это же он функционировал... он, а не я!

Нет, черт побери, я! Именно я!

А может быть, мы?

Ладно, мы так мы, но я все же пытался понять, что со мной произошло. Итак, к моменту решающей схватки и последовавшего за ней слияния я, испытав ряд психических потрясений, усвоил воскрешенный мною отрицательный опыт Энгеля, Ланжа Младшего и Винтона, этот, мною же в незапамятные времена приобретенный и, стало быть, мне принадлежащий и лишь мне одному нужный опыт! И вдруг — слияние с незаконным связным, с врагом, и через него в меня хлынуло чуть ли не вообще все, что содержалось во мне изначально!

Впрочем, почему с врагом?

Нет, врагом я больше не был.

Ибо спустя лишь миг после слияния я уже другими глазами смотрел на это позорное наследие, доставшее мне от убитого Винтона и тех четырех, опытом которых я воспользовался посредством процедуры с выдергиванием штекеров... Правда, главное продол-

жало оставаться неясным. Я так и не понимал истинные мотивы, которые побуждали действовать этих исправителей человечества, считавших, что им все позволено.

Разумеется, и я стал таким же, как они. Иначе мне с ними было бы не справиться.

С ними?

С собой. Конечно, с самим собой.

Вот так-то лучше.

...Все нам было невдомек, почему мы вели себя именно так, а не иначе, и кому это на руку, и кем мы были на самом деле. Я, нынешний Блэк, действительно был тем недостающим клоном. Образец моей ткани некогда был изъят из Нулевого крыла в связи с преклонным возрастом и упадком жизненных сил Блэка тогдашнего. Для того чтобы осуществить передачу моей сущности в новую оболочку, потребовалось имитировать самоубийство, но сделано это было с величайшими предосторожностями и в строжайшей тайне. Нельзя было допустить, чтобы у членов семьи возникло желание слиться со мной (в этом случае они могли узнать мою истинную природу).

До этого я на протяжении многих поколений не выпускал их из поля зрения. Да, почти с самого начала. Это уже потом в памяти образовался провал. Но вот что я знал и помнил всегда: хотя в нас течет одна и та же кровь, мы враги, враги, потому что я — *против* идеи принудительного морального совершенствования. Наблюдая с неодобрением, как они проводят эту идею в жизнь, и не в силах будучи пока им помешать, я ждал своего часа. И все больше и больше узнавал о членах семьи благодаря их слияниям, в которых принимал безмолвное участие. Но должно было пройти немало времени, прежде чем мое неприятие их методов тотальной слежки и промывки мозгов достигло крайней степени. Тогда я понял, что пора вмешаться.

Ведь вначале предполагалось, что Дом будет служить лишь перевалочным пунктом на пути человечества к отдаленным планетам, на которых мы собирались его расселить. Дом был создан во времена одной древней войны, захлестнувшей Землю, это было мес-

то, где род человеческий мог бы перевести дух, прежде чем двинуться дальше.

Но моя семья постановила продлить пребывание людей в Доме на неопределенный срок из опасения, что безумие может охватить их вновь, на какие бы планеты они ни переселились. Семья считала, что человеческую природу должно и возможно изменить, а в результате сделала людей узниками или, вернее, вечными пациентами психушки.

Я-то полагал, что расселение человеческих сообществ на разных, отдаленных друг от друга планетах как раз и будет способствовать сохранению человека как вида, потому что при множестве вариантов развития хоть один да оправдает себя. Я был на Земле в ее последние дни, работал в спасательных командах и верил, что эта война — просто случайность. Ошибка, недоразумение, наконец, болезнь, но уж никак не правило. Даже если я тогда заблуждался, кто мне докажет, что одно и то же должно повторяться вновь и вновь. Я хотел вывести людей из Дома, чтобы они развивались естественно, а не по принуждению и сами решали, как им жить.

Деятельность членов семьи отличалась необыкновенной организованностью и разнообразием приемов, а у меня было лишь одно с ними общее — анонимность. Но уж ее я использовал в полной мере. Я был предельно осторожен, тщательно планировал каждую акцию и бил наперняка.

Правда, первый мой налет на Нулевое крыло был неудачен, но они все равно не сумели установить, кто и почему покушался на их жизнь. Обратиться к властям они не могли — опасались раскрыть себя. Да в этом не было и смысла — власти находились всецело под их контролем. Я изучал их методы конспирации и вскоре мог уже в этом с ними соперничать. А также перенял кое-что из прошлого опыта семьи. Жестокость, например. Впрочем, этому научиться было нетрудно.

Но и они изменились. И я понимал почему. Идея морального совершенствования, которую они лелеяли и пытались осуществить как в масштабах вида, так и на уровне отдельно взятой личности, идея эта их са-

мих и погубила. Они утратили способность за нее бороться, они стали слабы, и я победил. Правда, это была Пиррова победа.

Я тоже, как и они, понятия не имел, кто я такой в действительности. Мои самые ранние воспоминания связывались с «Подвалом» Первого крыла, где я работал техником по обслуживанию оборудования. Лишь гораздо позднее на основании наблюдений за жителями Дома я догадался о существовании семьи, а благодаря телепатическому дару выведал и цель, которую эти мерзавцы преследовали. И тогда я принял решение бороться с ними.

Мне пришлось многому научиться, чтобы стать достойным их противником. Я понимал, что, уничтожив семью, рискую никогда не узнать тайну собственного происхождения, но готов был этим пожертвовать. Впрочем, воскрешение памяти посредством выдергивания штекеров не принесло мне ничего нового о моем прошлом. Вот если бы я добрался до развалин, может быть, тогда... Я проявил к ним повышенный интерес еще там, в комнате отдыха, когда луч впервые заставил меня зажмуриться. И если бы я не тратил времени на возню со штекерами, мог добежать... не случилось бы то, что случилось...

Нет, не так, все не так.

Я должен был сделать то, что сделал. Теперь главное — держать все эти мои бесчисленные «я» в подчинении...

Я с удивлением заметил, что луч уже не вызывает у меня никаких других чувств, кроме раздражения...

У нас.

Ну да, у нас.

Нет, все-таки у меня.

Мы и есть «я».

Я глядел на робота и чувствовал себя таким же разбитым.

Зарыбило в глазах ← оказывается, световое пятно все еще металось по площадке, как будто кто-то нарочно раздражал мое подсознание тестом Роршаха. Голова опять начала кружиться.

Клочья тумана медленно проплывали над роботом. Ветер подгонял их, как пастух стадо овец.

Какое-то черное шустрое существо мелькнуло в воздухе.

Неподалеку от скалы возник шорох, послышались отрывистые хлопающие звуки. Потом снова стало тихо.

Краем глаза я видел, как постепенно тает ледяной диск луны.

У меня уже зуб на зуб не попадал от холода. Руки, вцепившиеся в камень, замерзли, я их не чувствовал.

— *Встань.*

— *Я...*

— *Спускайся и иди назад. Встань!*

— *Я устал.*

— *Давай поднимайся. Живее!*

— *Не уверен, смогу ли я.*

— *Сможешь, сможешь. Вставай же!*

— *Да и не хочется мне больше никуда...*

— *Никого не волнует, что тебе хочется, а что не хочется. Поднимайся!*

— *Зачем?*

— *Затем, что так хочу я. Встать!!*

— *Ну ладно, ладно, встаю.*

Я приподнялся на руках, потом кое-как встал на четвереньки.

— *Доволен?*

— *Да. Теперь встань на ноги.*

Я встал. Как только голова перестала кружиться, я окончательно уверился, что способен держаться на ногах. Я стоял спиной к развалинам и лицом к Нулевому крылу.

— *Вот туда-то тебе и нужно. Давай шагай.*

Я два или три раза глубоко вздохнул и подошел к краю площадки.

Спуститься со скалы оказалось не так трудно, как я ожидал. Последние восемь футов я, уже ни за что не цепляясь, просто скользил по пологому склону. Со скользнул и распластался на холодной земле.

— *Встань и иди.*

— *Дай ты мне хотя бы отдышаться, — проворчал я, однако покорно поднялся на ноги.*

Шел, сгорбившись, прижимая руку к правому боку, шатался, но — все-таки шел. Хорошо, что идти

нужно было все время вниз. Луч шарил по вершинам холмов, я был вне его досягаемости, и это меня немного ободряло.

Проковылял мимо робота, не удостоив его взглядом. Взбирался на холмы, спускался. Падал, вставал и снова продолжал идти. Впрочем, ходьба меня разогрела. Вскоре вдали показался черный параллелепипед Нулевого крыла. Желтое окно напомнило мне о Гленде, и тотчас мысли мои обратились к трагической гибели ее отца. Я был его другом, и я же его уничтожил. Нет, не я. Вернее, другой я. Не тот, который был его другом. Но и не нынешний.

Мне стало легче на душе. Не то чтобы меня перестали мучить угрызения совести, просто я уже не был тем, кем был тогда, во времена Кендалла... или несколькими днями или даже часами раньше... Видимо, многократное расщепление и восстановление моего «я» оказалось все же не столь губительно, как можно было предположить. Теперь я хотя бы отчасти понимал, кем был прежде. И это являлось началом понимания того, кто я сейчас.

Да, я поддерживал Кендала Глинна во всех его начинаниях, потому что видел в нем средство разрушить Дом. Но, помимо прочего, Кендалл был моим другом, и, когда семья подвергла его репрессиям, я взял Гленду к себе. Сначала у меня не было относительно нее никаких специальных планов; я сделал это единственно в память нашей дружбы с Кендаллом. Позднее, однако, когда я обнаружил в ней необыкновенные интеллектуальные способности, мне пришло в голову, что нелишне будет наряду с разносторонним образованием дать девочке также и представление о проектах ее отца и о всех тех надеждах, которые он с ними связывал. Зерна, как вскоре выяснилось, упали на благодатную почву, и тогда я изложил ей его концепцию с исчерпывающей полнотой. К тому времени, к стати, я настолько проникся идеями Кендалла, что считал их больше своими, чем его. Ничего удивительного в том, что я решил сделать Гленду своей сообщницей. Она безоговорочно разделяла мои взгляды, и я рассчитывал на ее помощь. Разумеется, всю грязную работу я взял на себя. Да, она ни-

чего не знала о моем намерении убить Энгеля и поставить Винкеля перед необходимостью убить меня. И вот мой замысел удался, и я победил... Собственно, у меня не было другого выхода.

Но если я победил, тогда почему меня больше не тянет к развалинам? Почему я возвращаюсь в Нулевое крыло?

Потому что...

— *Иди, иди.*

...для этого есть причина... вот только я не в силах ее вспомнить.

В голове было так же темно, как и вокруг. Вдобавок она адски болела.

— *А ты не думай ни о чем. Просто иди.*

Гленда! В ней все дело! Ведь она ждет меня. Я возвращаюсь, чтобы сказать ей, что весь этот ужас уже позади.

— *Встань!*

Странно, я даже не почувствовал, что упал. С трудом поднялся и почти сразу упал снова.

— *Осталось немного. Ты должен, ты обязан выдержать. Вставай!*

Я встал, готовый сотрудничать с этим предком, объединиться с ним... он, кажется, не желал мне зла...

Только вот ноги отказывались сотрудничать, подгибались, заплетались одна за другую.

Меня, как маятник, мотало из стороны в сторону. Я чувствовал, что с головой у меня неладно.

Впрочем, если это помогает мне двигаться в направлении Нулевого крыла, тогда все в порядке.

Еще одна попытка подняться с земли закончилась неудачей.

Хорошо, двигаться к цели можно и на брюхе. Стоит ли обращать внимание на такие мелочи. В предыдущих воплощениях бывало и покруче. Целеустремленность, одержимость идеей — вот что важно. Или, может, упрямство — самое подходящее слово?..

Окоченевшими руками загребая землю, я полз уже целую вечность. Вверх, вверх по склону. Вдруг снова я оказался внутри светового пятна, и мне почудилось, что я выполз на авансцену перед затаившей дыхание публикой.

А когда мои руки после третьей попытки не смогли подтянуть тело вперед даже на полдюйма, я поднял голову и увидел Нулевое крыло и посередине его черной стены желтое окно...

Оно было близко, гораздо ближе, чем раньше. Извиваясь, как раздавленный червь, я не мог сдвинуться с места.

Глупо умереть всего лишь в сотне ярдов от цели. Абсурд. Полный абсурд...

В последнем усилии я приоткрыл глаза...

Сколько уже времени я лежу здесь?

И неужели все зря, все напрасно?

Тело можно заставить двигаться, его можно хлестать, пинать, волочить, но приливы и отливы сознания подчиняются своим собственным законам...

Это был отлив...

ЧАСТЬ III

Пребывая вне времени и пространства, я, как сторонний наблюдатель, мысленным взором обзирал все, что со мной случилось.

Семья меня разморозила, подлечила и, нацелив, как боевую ракету, пульнула мной в Стайлера.

А Стайлер меня перехватил и начал мной манипулировать таким образом, что я, сам того не понимая, сделался действующим лицом некой пьесы, в которой он отвел мне роль Отелло... то есть, говоря проще, я должен был проявлять решительность в тех случаях, когда Стайлеру ее не доставало. Как, скажем, Гамлету.

Ведь это же он внушил мне телепатически свои пацифистские идеи и, если можно так выразиться, запрограммировал меня на исправление человечества!

Так вот, значит, в чем дело. Теперь мне все стало ясно. На каком-то раннем этапе моих опытов с клонированием Стайлер выкрал у меня образец моей ткани. Не сам, конечно, это сделали его роботы. Они у него есть и сейчас... а Нулевое крыло он подготовил к эксплуатации еще до моего появления на этой планете.

И вот однажды он из этого похищенного образца создал Блэка, вдолбил ему в башку взгляды, противоположные тем, которые внушил мне, и заслал в Дом, лишив памяти, зато снабдив мощным инстинктом самосохранения. Блэк должен был выполнять функцию моего «анти-я», контролируя мои действия, а то и вообще сводя их на нет, чтобы в Доме до поры до времени ничего не менялось. Это была как бы социологическая бомба замедленного действия.

Время пришло — и она взорвалась. Стена рухнула, Гленда была готова прийти на помощь человечеству во

всеоружии разработанных ее отцом проектов, а я... я оказался вне игры! Мне так и слышался голос Стайлера: «...а теперь добавьте восемь кубиков основания Блэка в кислоту ди Негри...»

Я пристально и в последний раз посмотрел на разноцветные лампочки. Потом протянул руку и отключил пульт.

Ладонь легла на мое плечо. Шлем мешал мне повернуть голову, но я знал, что это Гленда.

...Вспомнилось из моего сицилийского детства: крестьяне обрабатывают небольшое поле, а граница его обозначена столбиком, на который водружен череп какого-то животного...

— Ну, вот и все, — сказал я.

Ладонь вспорхнула с моего плеча.

— Кто ты теперь? — помолчав, спросила Гленда.

Черт побери, что я мог на это ответить?

— Имя мне было легион, — неуверенно начал я. — Из моих портретов можно составить галерею. Я был Блэком, Энгелем, Ланжем Младшим. Был Винтоном, Кэрэбом, Винкелем. И Джорданом, и Хинкелем, и Ланжем Старшим. А также еще многими и многими, о которых ты никогда не слышала. Раньше я бы ушел от ответа на твой вопрос, но теперь отвечаю, потому что снова стал самим собой. Я полагаю, что настало время сбросить личины... Знаешь что, зови меня Анджело. Все началось с него.

— Боюсь, что я тебя не понимаю. С тобой все в порядке?

— Да-да, не беспокойся. И спасибо за помощь. Ты сделала все, как нужно. Я сам добрался или ты меня защила?

— Я тебе помогла. Я наткнулась на тебя...

— Ты хочешь сказать, что вышла наружу?

— Да. Я надеялась придумать потом какое-нибудь оправдание. Но... там было так красиво!

Я потрогал бок.

— Ого, я вижу, ты меня заштопала.

— Ты истекал кровью.

— Наверное, так оно и было.

Я встал, пошатнулся, оперся о спинку кресла. Выдвинул ящик стола под коммутационной панелью.

— Что ты ищешь?

— Сигареты, страшно хочется курить.

— Они в той комнате, где я тебя ждала.

— Тогда пошли туда.

Я не позволил ей меня поддерживать. Мы вышли в коридор.

— Сколько же времени тебе потребовалось, чтобы затащить меня сюда и усадить в кресло?

— Больше часа.

Я кивнул.

— Ты заметила, что из развалин кто-то сигналил?

— Заметила, но, как только занялась тобой, перестала обращать на это внимание.

Мы вошли в комнату отдыха. Гленда взяла себе сигарету, подала пачку мне. Я нажал на кнопку в подлокотнике кресла — над развалинами, клубясь, пролетали облака, озаряемые снизу мутно-желтым сиянием.

Я с наслаждением затянулся, выпустил дым.

— Тебе действительно там понравилось?

— Да. А сейчас там еще красивее... восходит солнце.

— Отлично. Я хочу прогуляться. Не составишь компанию?

— Ты еще слишком слаб для прогулок.

— Поэтому я и прошу, чтобы ты меня сопровождала. Кроме того, мне может понадобиться секретарь.

Она подняла голову и, прищурясь, посмотрела на меня. Я улыбнулся.

— Подышать свежим воздухом всегда полезно.

Через выходной люк мы выбрались на равнину. Утро было ясное и прохладное.

— Никак не могу привыкнуть ко всем этим запахам, — сказала она, делая глубокий вдох. — Воздух, и правда, совсем не такой, как в Доме. А куда мы идем?

Я мотнул головой.

— Туда, за холмы.

— К развалинам? Но это очень далеко...

— А мы потихоньку, полегоньку. Спешить нам некуда. Времени теперь у нас навалом.

И мы двинулись к развалинам.

Гленда оказалась права, я был еще слаб. Мне приходилось часто останавливаться и ждать, пока не пройдет очередной приступ головокружения. К тому

же путь я выбрал окольный — не хотел проходить мимо того места, где среди камней осталось мое прежнее тело... Хотя я и не подавал виду, что мне больно, Гленда это почувствовала и взяла меня под руку. На сей раз я не стал сопротивляться.

— Помнишь, я подарил тебе на день рождения коньки? Тебе тогда стукнуло целых семь лет! А на следующий день ты упала и сломала ногу. Я поначалу решил, что это просто растяжение, но ты ее действительно сломала. И не позволила мне взять тебя на руки. Только держалась за мой локоть... совсем как сейчас. Не хотела, чтобы я видел, как тебе больно, но лицо у тебя было мокрое от слез, а губы ты искусала до крови. При падении ты порвала голубое платье, которое так любила... то, с желтой вышивкой на подоле...

Она крепко стиснула мой локоть.

С востока дул свежий ветер. Я высвободил руку и похлопал Гленду по плечу:

— Все позади.

Она кивнула.

Едва я это сказал, как увидел, что проклятый луч снова вырвался из развалин и ищет нас, ищет... Мы пробирались среди валунов, обходили кратеры и воронки, поднимались на холмы, спускались в ложбины.

— Смотри, птица! — закричала Гленда. — Такая симпатичная! Желтенькая!..

Утро наступило на планете, и ландшафт, служивший сценой для моего ночного кошмара, на глазах преобразался. Я и не подозревал, что эти холмы такие зеленые. Кучевые облака слева обещали дождь, да и ветер, изменив направление, задувал теперь с той стороны, но на востоке небо было по-прежнему чистым.

Луч, которым Стайлер всю ночь преследовал меня, остался позади — мы вошли в тень, отбрасываемую зданием, вернее, единственной его уцелевшей стеной, черной, с зияющим дверным проемом.

— Мы войдем туда? — спросила Гленда.

— Да.

Переступив порог, мы очутились в вестибюле с выгоревшими до черноты стенами и просевшим полом. Через дыры в потолке сквозило небо. Все вокруг было завалено мусором и каменными обломками.

— Зачем мы сюда пришли?

Я подал Гленде знак следовать за мной.

— Подожди немного, и все узнаешь. Говорю тебе, мне понадобится секретарь.

Однако попасть в помещение, которое я некогда штурмовал, оказалось невозможно — коридор был почти до потолка забит землей вперемешку со щебнем; это случилось, вероятно, вследствие оползней со склонов ближайшей к зданию гряды холмов. Все же нам удалось проникнуть в приемную. Здесь было сравнительно чисто, хотя очертания мебели лишь угадывались под чудовищным слоем пыли.

Выходит, я ничего не забыл из прошлого, потому что уверенно подошел к стене и извлек из ниши черный, похожий на огромного тарантула телефон. Поставил его на стол, вытащил из кармана носовой платок и начал стирать с аппарата пыль.

И вдруг он зазвонил.

Гленда вздрогнула и посмотрела на меня.

— Ну вот, — сказал я, отступая на шаг. — Теперь чисто. Подними трубку, пожалуйста.

Продолжая глядеть на меня с недоумением и тревогой, Гленда взяла трубку:

— Алло.

С минуту она слушала, потом повернулась ко мне, прикрыв микрофон ладонью.

— Он хочет знать, кто я такая.

— Ну и скажи ему, кто ты такая.

Она некоторое время разговаривала с тем, кто был на другом конце провода, потом снова посмотрела на меня.

— Он спрашивает, здесь ли Анжело ди Негри.

— Ты — секретарь Анджело ди Негри. Спроси, что ему нужно.

— Он хочет побеседовать с тобой о твоей работе.

— Я занят, — сказал я, стирая пыль с кресла. — Скажи ему, что всю информацию относительно нынешнего состояния Дома он может получить от тебя. Расскажи ему обо всем.

Она довольно долго говорила в трубку. Я успел тщательно очистить кресло, уселся в него; тут наконец Гленда снова повернулась ко мне:

— Он все еще надеется, что ты уделишь ему минутку-другую.

Закуривая, я отрицательно покачал головой.

— Передай ему, что взрывом разрушена стена в Пятом крыле и начался исход жителей из Дома. Скажи, что ты собираешься туда вернуться и заняться созданием систем жизнеобеспечения для вышедших наружу.

— Я?..

— Разве ты не об этом мечтала столько лет?

— Да, но...

— Может быть, ты недостаточно подготовлена, чтобы этим заняться?

— Надеюсь, что достаточно.

— Вот и обрадуй его.

Я выкурил одну сигарету, начал другую. Гленда что-то говорила в трубку, потом слушала, потом снова говорила. Наконец она дотронулась до моего плеча.

— Ему интересно, что ты думаешь о результатах его эксперимента? Как по-твоему, извлекло человечество урок из пребывания в Доме или осталось таким, каким было всегда?

— Черт побери, я не могу отвечать за все человечество! Даже относительно себя я не уверен, что чему-нибудь научился. Разве что узнал на собственном опыте, каково быть винтиком гигантской машины...

Она повторила сказанное мной чуть ли не слово в слово, потом опять обернулась ко мне.

— Он хочет услышать твой голос. Просит, чтобы ты сказал ему что-нибудь. Что угодно.

Я встал, потянулся.

— Передай ему, что мы квиты. Скажи, что ты очень сожалеешь, но мистер Негри по утрам не отвечает на звонки. И положи трубку.

Когда мы возвращались, я снова позволил Гленде поддерживать меня под локоть.

Солнце уже сияло всюду, но и тучи надвигались фронтом. Я подумал, что на обратном пути мы, наверное, здорово вымокнем, если дождь не пройдет стороной.

А еще я подумал: «Не один ли черт?..»

ГОСПОДЬ ГНЕВА

Глава 1

Вот! Пегая коровенка, белая с черными пятнами, тащит инвалидное кресло — тележку на велосипедных колесах. А он на тележке, посередке.

Нежась в лучах утреннего солнца на пороге церкви, лицом на север, в сторону Вайоминга, отец Хэнди углядел на дороге церковного служителя — корова голштинской породы трусила по ухабам, и шишковатая голова безрукого и безногого тела моталась то из стороны в сторону, то взад-вперед, выплясывая сумасшедшую джигу.

«Неважнецкий день, — подумал отец Хэнди. — Предстоит сообщить Тибору Макмастерсу малоприятную новость».

Священник юркнул обратно в церковь, дабы оттянуть встречу. Однако Тибор его не заметил. Калека был погружен в свои думы, к тому же его мутило — Макмастера всегда мутило перед началом работы. Видать, муки творчества. К горлу подступала тошнота и донимал надсадный кашель. Угнетал всякий запах, любой вид — даже вид собственной картины.

Отец Хэнди всякий раз дивился этому утреннему бунту тиборовских чувств — как будто калека охотно бы помер в течение ближайших суток.

Что до священника, то он безмятежно радовался солнышку, согревавшему их Шарлоттсвилль, городок в штате Юта. Воздух в церкви был напоен горячим ароматом высокого клевера, растущего на окрестных пастбищах. Вдалеке позвякивали колокольцы на шеях коров...

Одно скребло душу посреди этой гармонии — не столько вид Тибора, сколько сообщенные страдания.

Вон, позади алтаря, малая толика его работы — та, что уже закончена. Лет пять понадобится Тибору для ее завершения. Но что время в делах такой важности? Ведь это сотворится навечно... «Впрочем, нет, — подумалось отцу Хэнди, — се есть дело рук человеческих, а потому тлену обречено — это делается на века, для череды поколений».

Еще одно «впрочем» — это дело не рук. Иерархами решено было доверить сие работнику, «коего телесное состояние не позволяет преклонить колени или сотворить крест», то бишь безрукому и безногому. А коли не справится один, ему вослед придет другой безрукий-безногий, куда работа не будет завершена.

— Му-уууууу, — басовито отозвалась голштинка, когда Тибор, при помощи сделанной в Штатах айсибизмовской системы экстензоров, натянул поводья и осадил свою скакунью на заднем дворе церкви, где ржавел без дела, со спущенными шинами, принадлежащий отцу Хэнди «кадиллак» выпуска 1976 года, облюбованный в качестве насеста смешными милыми крохами — золотистыми цыплятами. Это мексиканское отродье светилось в темноте и немилосердно гадило...

«Ну и ладно, пусть себе гадят. Маленькая стая прелестных засранцев — потомков достославного Герберта Джи, который во время оно заклевал на смерть всех своих соперников и утвердился в роли патриарха. Был всем петухам петух! — с грустью припоминал его отец Хэнди. — Ныне Герберт Джи покоится в саду, где плоть его дожирают червяки да жуки. Жуки-мутанты. Жирные как не знаю что».

Священник на дух не переносил этих жуков — поразвелось тварей! Вон их сколько — и таких разных — прет отовсюду... Так что он души не чаял в любых жуко-едах и всем сердцем любил своих пернатых друзей. Птиц, смешно сказать, любил, а вот людей...

Но люди иногда являлись. Неизменно — во вторник, в день церковного праздника, установленного (сознательно, нарочито) взамен устаревшего христианского воскресенья.

Отец Хэнди, находясь внутри здания, в жилой пристройке, нутром чувствовал, как на заднем дворе Тибор распрягает свою голштинку. Затем инвалидная

коляска своим ходом, благодаря электромотору, катит в церковь — по специально сооруженному деревянному настилу. А сейчас калека, порыгивая, берет себя в руки — экие злые шутки играет язык, когда говоришь о калекке! — иначе говоря, собирается с духом, готовится продолжить прерванную вчера на закате работу

Отец Хэнди обратился к своей супруге Или:

— Будь добра, позаботься о горячем кофе для него.

— Хорошо, — ответила та.

Смирная пигалица, сухонькая и морщинистая. Не без брезгливости он наблюдал за движениями ее бессочного, дряблого тела, покуда она покорно доставала чашку и блюдце, — без любви делает, без тепла в душе, верная служанка своего мужа — и не более чем служанка.

— Доброе утречко! — весело крикнул Тибор.

Это в нем чуть ли не профессиональное — быть всегда веселым, даром что на душе кошки скребут и подташнивает от тоски.

— Черный, — сказал отец Хэнди. — Горячий. Уже готов.

Он посторонился, чтобы громоздкая тележка проехала по коридорчику в церковную кухню.

— Утро доброе, миссис Хэнди! — сказал Тибор.

Не оглядываясь — не любила она глядеть на калекку, Или Хэнди прошуршала:

— Доброе утро, Тибор. Мир тебе и да пребудет с тобой дух Святой.

— Мир или мор? — спросил Тибор, подмигивая отцу Хэнди.

Ответа не последовало — смирная пигалица прилежно хлопотала по хозяйству.

«Какие только формы не принимает ненависть, — думал отец Хэнди, глядя, как жена берет молоко с холода. — Сколько бывает оттенков и отточков в скрытом недружелюбии!»

Сам он любил ненависть откровенную — ее легко выплеснуть, извергнуть... А чтобы вот так — только через отсутствие ласки, через официальный тон...

Тибор приступил к сложному для него процессу питья кофе.

Перво-наперво, чтобы коляска не ерзала, Тибор ставил ее на тормоз. Затем с помощью нехитрого соленоидного переключателя, нажимая подбородком на кнопки пульта дистанционного управления, он переводил батарею на жидком гелии из режима обслуживания мотора тележки в режим постоянной работы манипуляторов-экстензоров. Аккуратного вида алюминиевые гидравлические манипуляторы удлинялись, и на их конце через воротца выскакивали шесть механических пальцев, соединенных тяжами с мускулами плеча. Сейчас эти пальцы пришли в действие и приподняли со стола пустую чашку. Тибор вопросительно уставился на хозяйку.

— Кофейник на плите, — промолвила Или с выразительной ухмылкой.

Пришлось снять тележку с тормоза, проехать на плите, снова жать подбородком на кнопки — обездвигивать кресло на велосипедных колесах и оживлять манипуляторы. Наконец кофейник оказался в шестипалом экстензоре. Алюминиевый манипулятор поднимал его рывочками, придрагивая, словно рука страдающего болезнью Паркинсона. Однако айсибиэмовская чудо-техника позволила наполнить чашку, почти не пролив кофе.

Отец Хэнди горестно крикнул и сказал:

— Не присоединяюсь к тебе, ибо сегодня ночью и давеча утром страдал желудочной коликой.

Он чувствовал себя физически разбитым. «Даром что у меня полный комплект членов, нынче с утра мне не лучше твоего — железы и гормоны как взбесились!»

Священник закурил сигарету — первую на сегодня. Затянувшись слабоватым, но настоящим табачком, он ощутил некоторое облегчение: клин клином вышибают — этот яд снижал содержание в крови прочих ядов.

Отец Хэнди приободрился, сел за стол напротив Тибора, который с неизменной развеселой улыбкой безропотно отхлебывал не в меру горячий кофе.

Однако, однако...

«Порой невнятная физическая боль есть наше предвиденье неприятностей, — думалось отцу Хэнди. — Не потому ли я так разбит с самого утра? И не потому ли так

плохо тебе, Тибор? Твоя улыбочка меня не обманывает. Предчувствуешь, чем я тебя огорошу — точнее, обязан огорошить? А выбирать мне не приходится, потому как я червяк, фитиолька — что прикажут, то и делаю. Один день в неделю, по вторникам, во время проповеди, моими устами глаголет истина — впрочем, и дня мне не дано, а только какой-то час».

— Ну, Тибор, — сказал отец Хэнди, — wie geht es Heute?

— Es geht mir gut¹, — незамедлительно отозвался Тибор.

Обычно они с наслаждением предавались воспоминаниям и вели ученые диалоги на немецком языке, охотно тревожа тени Гете и Гейне, Шиллера, Кафки и Фаллады. Оба жили для этого и этим. Теперь, когда только назревала очередная долгая работа, их общение носило характер почти священного ритуала, приготавливая духовную почву для работы. Когда же художник с головой уходил в работу, для бесед оставались только густые сумерки — за невозможностью долго рисовать при жидком свете керосиновых ламп или церковного камина. «Никудышное освещение, — временами жаловался Тибор и, привыкший преуменьшать свои горести, добавлял: — От него глаза подустают».

На самом же деле ему грозило превеликое несчастье: ежели, не приведи Господь, зрение испортится, ни очков, ни специалиста по их изготовлению он не сыщет. Насколько было известно отцу Хэнди, на просторах Вайоминга и Юты в последнее время не найти ни одной линзы.

А коли возникнет острая нужда в очках, Тибору придется отправиться в странствие. Отец Хэнди и думать не хотел об этом — чаще всего церковные служащие, насильно отправленные в путешествие, так и не возвращались. Причина их невозвращения оставалась загадкой: может быть, они оставались, потому что в других очагах цивилизации было лучше... Или их

---

¹ «Как поживаешь сегодня?» — «Отлично» (нем.)

не отпускали обратно из мест, где было еще хуже? Судя по сообщениям радио — новости передавали ежедневно в шесть часов вечера — в некоторых районах было лучше, в других хуже.

Теперь мир был дискретным, состоял из множества островков цивилизации. Все связи между ними были разрушены. Те самые связи, которые создавали прежнее хваленое повсеместное «единообразие».

— «Ты понимаешь?» — речитативом пропел отец Хэнди строчку из «Руддигора».

Тибор тут же прекратил пить кофе и пропел в ответ следующую строку:

— «Пожалуй, понимаю. Всенепременно долг исполнить надо!»

Он даже поставил чашку обратно на стол, защелкав своими манипуляторами.

— «Закон относится ко всем...» — продолжил отец Хэнди.

Как бы про себя, с подлинной горечью, Тибор допел:

— «...кто уклониться от него не смог!»

Он повернул голову в сторону священника и уставился на него долгим взглядом, нервно облизывая губы.

— В чем, собственно, дело? — наконец спросил калека.

«А дело в том, — подумал отец Хэнди, — что я не свободен; я частица большой системы — последнее звено цепи, которое ходит ходуном, приплясывает и гоношится, когда всю цепь дергают там, вверху, на другом конце. Мы веруем, сам знаешь, что на том конце обретается Нездешнее, коего смутные распоряжения мы честно стараемся понять и выполнить, ибо верим — знаем! — что его хотения не просто непреложны, но и справедливы».

— Мы не рабы, — произнес он вслух. — Хотя все мы — слуги. Мы вольны оставить службу. И ты — тоже. Даже я мог бы покинуть свой пост, если бы посчитал нужным. — «Но этого не сделаю — давным-давно принял окончательное решение и связал себя самого тайной клятвой». — Вот ты, зачем ты здесь работаешь?

Тибор ответил с осторожностью:

— Ну, потому что вы мне платите.
— Плачу, но не принуждаю.
— Есть-то надо. Какой я никакой, а пищу потребляю.

Отец Хэнди произнес приподнятым тоном:

— Нам ведомо, что ты мог бы без труда найти работу — где угодно и какую угодно. Твоим талантам всюду найдется применение, даром что ты... увечный.

— Дрезденская оратория, — вдруг произнес Тибор.

— А? Что? — растерялся священник.

— Как-нибудь, — сказал Тибор, — подключите генератор к электронному органу, я сыграю вам ее и вы ее узнаете. Дрезденская оратория, она поднимает дух. Она указывает горе. Туда, в высь небесную, откель вас вашей выгнали.

— О, совсем не так! — запротестовал отец Хэнди.

— О, совсем так! — ядовито возразил Тибор, и его исхудалое лицо пошло морщинами от разом закипевшей ярости, ибо дело касалось кровных его убеждений. — Пусть оно и «доброе», это ваше милосердное могущество. Все равно оно *вынуждает* вас делать некоторые вещи, которым и название подыскивать нет охоты. Скажите мне прямо: мне что, надо закрасить уже нарисованное? Или заказ на фреску отменяется вообще?

— Нет, речь идет о завершающей части фрески. Уже сделанное — великолепно. Мы послали цветные снимки на тридцатимиллиметровой пленке. От них пришли в восторг. Ну, сам знаешь, кто — Попечители Церкви.

Тибор задумчиво произнес:

— Чудеса! Можно добыть цветную пленку, можно где-то проявить ее... А вот газет больше нет и в помине.

— Велика беда! Слушай радио — последние новости передают в шесть вечера, — наставительно сказал отец Хэнди. — Вещают из Солт-Лейк-Сити.

Он уповал, что Тибор подхватит разговор. Но ответной реплики не последовало. Человек-обрубок по-малкивал и сосредоточенно пил кофе.

Тогда отец Хэнди спросил:

— Знаешь, какое самое древнее слово в современном английском языке?

— Нет, — коротко отозвался Тибор.

— Могущество, — торжественно произнес отец Хэнди. — Ему соответствует немецкое слово «*macht*»¹. Однако слово «могущество» восходит даже не к прагерманскому. Его происхождение еще древнее — от хеттского языка!

— Гм, гм.

— Исходное слово — *tekkis*, то есть «сила».

Тут отец Хэнди опять сделал паузу, чтобы Тибор поддержал разговор. Не дождавшись ответной реплики, он вдруг пропел двустипше из моцартовой «Волшебной флейты»:

— «Что ж приумолкла ты? Пристало женщинам болтать, мужчинам же — делами заниматься!»

Тибор угрюмо отозвался:

— А разве это не вы болтаете?

— Что ж, я лясы точу, а делами заниматься предстоит тебе, — вздохнул отец Хэнди. — Что-то я хотел сказать... Ах да, баран!

На пятиакровом пастбище, за церковью, паслись шесть его овец.

— Вчера Теодор Бентон одолжил барана для моих овец, — сказал отец Хэнди. — Баран староват, с седой бородкой... Ну так вот, прибежала собака, этот рыжий ирландский сеттер Йейтса, и попробовала напасть на стадо. Да ты видел этого сеттера — он что ни день гоняет моих овец.

Калека неожиданно заинтересовался и поднял голову:

— Ну и что баран?

— Собака пять раз приближалась к стаду. И пять раз баран начинал медленно-медленно двигаться в сторону собаки, оставляя стадо за своей спиной. Собака, разумеется, тут же останавливалась, когда замечала, что баран направляется к ней. Ей не хотелось познакомиться с его рогами. А баран тоже останавли-

¹ Английское слово «*might*» — могущество — созвучно немецкому «*macht*».

вался — и делал вид, что пасется. — Отец Хэнди улыбнулся, припоминая эту сцену. — Что за умница старик! Я видел, как он пасется, а один глаз косит на собаку. Собака то лает, то скулит, а он знай себе пощипывает травку. Тут собака начинает опять красться к овцам. Баран начеку и двигается в ее сторону. Собака останавливается... Но в последний раз собака применила другую тактику — ринулась вперед бегом. И оказалась между бараном и овцами.

— И стадо начало удирать?

— Да. А собака — ну, ты сам знаешь их повадки, они это умеют, — валит овцу, а потом убивает ее или калечит, и первым делом полосует ей брюхо, выворачивает внутренности. — Отец Хэнди помолчал. — Ну так вот, про этого барана. Он очень старый. Он не мог догнать собаку и заступиться за овец. Он просто повернулся и смотрел на происходящее.

Оба собеседника какое-то время задумчиво молчали.

— А способны ли они думать? — спросил Тибор. — Я имею в виду баранов.

— Понятия не имею. Зато знаю, о чем думал я. Хотел бежать за ружьем. Чтоб убить собаку. Я должен был ее убить.

— Будь я на месте барана, — сказал Тибор, — и мне довелось бы наблюдать, как собака пробегает мимо меня и накидывается на овец, а я мог бы только наблюдать...

Он растерянно замолчал.

— Ты бы подумал: «Лучше бы мне умереть, чем вот так стоять!..»

— Вот именно.

— Стало быть, смерть действительно иногда благо, как мы учим Служителей Гнева. А не зло, как учат христиане. Помнишь, как в послании Павла: «Смерть! где твое жало? Ад! где твоя победа?»¹ Надеюсь, ты улавливаешь мою мысль?

Тибор медленно произнес:

---

¹ Первое Послание к Коринфянам, 15:55.

— Вы хотите сказать: не можешь выполнить свою работу — лучше умри... И какую работу должно исполнить мне?

«На фреске, — подумал отец Хэнди, — тебе предстоит изобразить Его лик».

— Его, — сказал он. — Как он выглядит.

Тибор на какое-то время остолбенел. Потом спросил:

— Вы хотите сказать — изобразить Его в точности так, как Он выглядит?

— Нет, — ответил отец Хэнди, — дать свое видение.

— У вас что — есть фотография? Или видеоматериал?

— Мне дали фотографию, чтобы показать тебе.

Тибор ошарашенно уставился на него.

— Вы это серьезно? У них есть фотография Господа Гнева?

— У меня есть трехмерное фото — то, что до войны называли голографией. Это не фильм, но для дела, думаю, достаточно.

— Дайте взглянуть.

В голосе Тибора мешалось удивление, страх и оскорбленное чувство художника, которому слишком грубо указывают, что и как делать.

Отец Хэнди сходил в свой кабинет и вернулся с папкой, из которой он достал трехмерную фотографию Господа Гнева и протянул ее Тибору. Тот ухватил ее механическими пальцами.

— Се наш Господь, — торжественно изрек отец Хэнди.

— Да, вижу, вижу, — закивал Тибор. — Какой изгиб черных бровей. Какие завитки смоляных волос... А глаза! Вижу в них боль... Но он же улыбается!

Внезапно его экстензор вернул фотографию священнику.

— Нет, я с этого рисовать не стану.

— А почему?

Но отец Хэнди отлично понимал резонность тиборовского «нет»: фотография ни в коей мере не схватывала божественной сущности; это был снимок человека — просто человека. Да и странно было бы, если бы

кусок целлулоида, покрытый нитратом серебра, мог уловить таинство божественной сущности.

— Эта фотография была сделана, — сказал отец Хэнди, — во время пира на открытом воздухе на Гавайях. Он вкушал местное блюдо из осьминога и курицы с листьями таро. Наслаждался жизнью. Видишь это жадное выражение разыгравшегося аппетита — как неестественно искажены черты Его лица сим чисто плотским чувством! Он отдыхал воскресным полуднем перед произнесением речи на факультете тамошнего университета — не помню названия. Это было в счастливую пору шестидесятых годов.

— Вы сами виноваты в том, что я не могу выполнить работу, — пробурчал Тибор.

— У плохого мастера всегда инструмент виноват.

— Вы не мой инструмент, — ответил калека. Опустив манипуляторы на сиденье тележки, он добавил: — Вот мои инструменты. Я их не виню. Я ими пользуюсь — как могу. А вы... вы мой наниматель. Вы ставите передо мной огромную задачу, но даете один паршивенький цветной снимок. Да разве я могу?..

— Странствие. Попечители Церкви постановили так: если фотографии недостаточно — а это так, и все мы отлично это понимаем, — тогда ты должен отправиться в странствие и путешествовать, пока не найдешь Господа Гнева. Они прислали письменное распоряжение на этот счет.

Тибор изумленно замигал. Таращась на отца Хэнди, он запротестовал:

— Но моя метабатарея! А ну как она выйдет из строя в дороге!

— В этом случае вины свой инструмент, — произнес отец Хэнди. Величаво-спокойная интонация этой фразы далась ему не без труда.

Или подала голос от плиты:

— Уволь его. Пошли к черту.

— Я никого не увольняю, — обратился к ней с укором отец Хэнди. — И посылать к черту — это очень по-христиански. Пора бы тебе запомнить: у нас нет понятия ада и чертей!

Вслед за этим он повернулся к Тибору и произнес величайшие стихотворные строки всех времен и наро-

дов, коих общий смысл оба мужчины улавливали, но коих скрытая суть ускользала от них, как рыба у того рыбака, что взял на ловитву сеть со слишком крупной ячеей.

Отец Хэнди произнес эти слова во весь голос, яко соединяющие их с Тибором за тем, что те, христиане, величали вечерей любви. Но в этих строках был явлен смысл более высокий: в них была Любовь, Человек и Красота — новая Троица.

Ich sih die liechte heide
in gruner varwe stan.
Dar suln wir alle gehen,
die sumerzit enphahen.

После того как священник это произнес, Тибор солидно кивнул и снова занялся сложным процессом поднесения чашки к своим губам. Когда хитрый механизм установил чашку в нужном положении, калека-художник стал медленно отхлебывать кофе. В комнате воцарилась тишина. Даже Или, представительница болтливой части человечества, хранила молчание.

Снаружи громко сопела и недовольно пофыркивала, переминаясь с ноги на ногу, пегая коровенка, возящая тиборовскую тележку. «Наверное, ищет чего поест, — подумал отец Хэнди, — и ничего не находит. Ей пища нужна только для тела, нам нужна пища и для души. Иначе помрем. Нам никак нельзя без этой фрески. Придется Тибору совершить странствие длиной в тысячу миль — а ежели его голштинка падет в дороге или батарея перестанет работать, тогда и мы погибнем вместе с ним — *“в смерти не пребудет один”*».

Он мог только гадать, ведомо ли это самому Тибору. Ах, если бы знание этого помогло Тибору! Но скорее всего не поможет.

Поэтому отец Хэнди промолчал. В этом мире ничто не помогает.

Глава 2

Ни тот ни другой не ведали, кто был автором этого старинного стихотворения на средневековом немецком языке, для перевода которого имевшийся у священника современный словарь был непригоден. На пару они все же перевели четверостишие — где догадались, где восполнили пробел воображением, где провели логическое дознание. Хотя дословный перевод не удавался, они были уверены, что улавливают общий смысл. Глядя на их потуги, Или насмешливо фыркала.

Там было что-то про чашу, которая стоит под палящими лучами солнца, однако каким-то дивным образом продолжает ярко зеленеть. И выходило, что всем нам предстоит направиться туда... в самом скором времени? Указан срок — летом. Но что случится летом? Мы туда отправимся летом? Или летом прибудем туда?

Отец Хэнди и Тибор чувствовали итоговую правду, абсолютную истину этих слов, но, по своему невежеству и отсутствию источников, на которые можно опереться, приходилось домысливать. И лето в их сознании становилось временем, когда предстоит выйти и прийти — отправиться в путешествие в этот иссушенный солнцем лесной край и достичь конечной цели, конечного обретения. Они — опять-таки нутром — ощущали, что обретение жизни и уход из жизни одномоментны, тем не менее разумно объяснить сей феномен не могли, а потому он пугал их. Однако они раз за разом возвращались к этой теме, ибо не достигали понимания — быть может, это непонимание и было бальзамом для них, благодатным спасением, и разговор они

заводили ради того, чтобы лишний раз подтвердить наличие благости непонимания.

«Теперь, — думал отец Хэнди, — мы с Тибором нуждаемся в *mekkis* — силе, что снизойдет с Неба и пособит нам...»

В этом пункте Служители Гнева сходились с христианами: благая сила сосредоточена на Небесах, на *Ubrgm Sternenzelt*, по выражению Шиллера, то есть после звездного шатра. Зная современный немецкий язык, они точно понимали смысл шиллеровского выражения — горние высоты располагаются выше звезд.

«А вообще-то странно целиком полагаться на четверостишье, значение которого остается темным, — размышлял отец Хэнди, разворачивая старую карту с указанием всех бензозаправочных станций вдоль дорог — такие карты до войны раздавали автомобилистам бесплатно. — Все эти бесчисленные бензоколонки — не знаки ли это беды, не признак ли сползания человечества в пропасть маразма? Да, времена мечены расцветом дурного — не то чтобы те времена были паршивые, мы сами были гадкими, дурными — зло гнездилось в нас».

Сейчас он совещался с Доминусом Маккомасом — своим начальником, согласно иерархии Служителей Гнева.

Доминус восседал перед ним — большой, не холодный и не горячий¹ — и скалил до странности крупные зубы. Казалось, зубы даны ему как атрибут профессии и он трудится преимущественно ими, готовый в клочья изорвать все живое и неживое, что попадает в поле его зрения.

— Карл Люфтойфель, — сказал Доминус Маккомас, — был настоящий сукин сын. Если говорить о его человеческой ипостаси.

Он поторопился присовокупить это уточнение, ибо негоже выражаться подобным образом о божественной части Господа Гнева, бого-человека.

---

¹ Библейская ассоциация. Не холодный и не горячий — одно из самых жестких обвинений в Библии.

— И бьюсь об заклад два к одному, — продолжил Маккомас, — что он использовал *сладкий* вермут для мартини.

— А вы сами пили когда-нибудь сладкий вермут — чистый или со льдом? — осведомился отец Хэнди.

— Сладенькая моча, — громыхнул Маккомас своим жутким придушенным баском, упоенно ковыряя между зубами кончиком спички. — Я не преувеличиваю. То, что они закупили, ничуть не лучше лошадиной мочи.

— Мочи лошадей, страдающих диабетом, — уточнил отец Хэнди.

— Да, тех, что мочатся одним сахаром! — хохотнул Маккомас.

В его круглых глазах на мгновение заплясали чертики. Обычно же эти глаза источали опасность; блудливые и переменчивые, постоянно не то чтобы налитые кровью, а красноватые — наподобие металла в месте короткого замыкания. Подобный, как бы расхристанный взгляд и вечно не более чем до половины застегнутая ширинка были характерными особенностями маккомасовского облика.

— Стало быть, ваш богوماз, — скрипучим баском продолжил Маккомас, — отправляется в Лос-Анджелес. На своих двух... колесах. Надеюсь, маршрут под горку?

На этот раз он расхохотался всерьез, так что обрызгал слюной полстола. Сидящая в уголке комнаты Или подняла глаза от вязания и глянула на Маккомаса с таким откровенным презрением, что отец Хэнди даже заерзал на стуле от неловкости и нарочито углубился в изучение засаленной дорожной карты.

— Карлтон Люфтойфель, — ни к кому не обращаясь, задумчиво произнес отец Хэнди, — был председателем Комиссии по разработке новых видов энергии с 1982 года и вплоть до начала войны. На самом же деле они трудились над созданием ГРБ.

Он замолчал, рассеянно водя пальцем по карте.

Да, Карлтон Люфтойфель был отцом ГРБ — глобальной рассредоточенной бомбы, которая предназначалась не для взрыва в определенном месте Земли, а для тотального заражения одного из слоев атмосферы.

Согласно тогдашним воззрениям военных теоретиков — до Третьей Мировой войны, у этой бомбы были громадные преимущества. Ее нельзя было уничтожить подобно тому, как ракеты сбивали антиракетами, — когда даже самые быстрые бомбардировщики (а к 1982 году бомбардировщики летали с фантастическими скоростями) истребляли при помощи, смешно сказать, бипланов. Да-да, тихоходных бипланов с летчиком-камикадзе.

Эти чудо-бипланы появились в 1978 году. Серийное название — «Заслон-III». Что-то вроде громадного рукотворного пеликана, в брюхе которого немыслимое количество топлива. Аппарат петлял и кружил низко-низко над землей на протяжении многих месяцев, а пилот жил в его кабине так же естественно, как наши пращурь на деревьях.

На биплане «Заслон-III» имелась высокоэффективная аппаратура слежения, которая засекала пилотируемый бомбардировщик на любой высоте — даже на самой немыслимой. «Заслон-III» начинал стремительно подниматься в верхние слои атмосферы еще тогда, когда самолет противника находился за тысячу миль от него. Подъем осуществлялся за счет интенсивного выброса сжатого газа из сопла между крыльями. Пилот «Заслона-III» мог почти в мгновение ока поднять аппарат в безвоздушное пространство — и врезаться в бомбардировщик противника. На борту находилось более чем достаточно приборов, которые исключали возможность разминуться с целью. В итоге погибали трое — пилот биплана и два пилота бомбардировщика. Три человека — вместо миллионов. Город, который был обречен на гибель, как ни в чем не бывало жил прежней суетливой жизнью, зажигал огни и матерился в автомобильных пробках...

А тем временем над американской землей продолжали нести непрерывное дежурство десятки других аппаратов серии «Заслон-III» — месяц за месяцем, опускаясь на землю для дозаправки по скользящему графику. Они кружили над просторами страны подобно некоторым стервятникам, которые, кажется, всю жизнь проводят в поднебесье.

Однако эта идиллия не могла продолжаться вечно. И действительно она закончилась довольно быстро.

Антиракеты и аппараты серии «Заслон-III» эффективно отражали удары противника некоторое время, оттягивая последний ужас, но День Гнева все же наступил.

Наступил для всей планеты, ибо ГРБ — гнусное роковое безумие — никого не помиловало.

Карлтон Люфтойфель взорвал свою негодяйскую бомбу на околоземном спутнике на расстоянии пяти тысяч миль от Земли.

По расчетам каких-то недоумков, США должны были выйти сухими из воды: предполагалось, что Соединенные Штаты и дальше будут цвести, неким мистическим образом огражденные от всеобщей гибели. Очевидно, уповали на карнавальные шапочки, выданные под Рождество всем патриотически настроенным гражданам. Под видом карнавальных шапочек американцев снабдили аппаратиком, который, будучи надет на голову, вводил прямо в вену головного мозга вещества, восстанавливавшие стремительно гибнущие красные кровяные тельца. Но этих шлемов, которые напоминали небольшой пылесос, почему-то надеваемый на голову, — этих спасительных шлемов, разумеется, на всех не хватило. Многие так и сгнули, не успев его получить во время той жуткой эпидемии неизлечимой Krankheit — как бишь это по-английски? — да, болезни. Впрочем, и та фирма, что продала Пентагону и Белому дому энное количество этих карнавальных шапочек, исчезла, словно ее и не было. И не потому, что ядовитые осадки разъели спинной мозг ее сотрудников. Они погибли от прямых попаданий ракет с ядерными боеголовками. Как ни шустрила американская ПВО, как ни металась в небе над страной антиракеты — все равно через систему тотальной защиты прорвалось более чем достаточно ракет противника.

Один мудрый человек сказал: быстрее всех бежит тот, кто не оглядывается. Ракеты Китайской Народной Республики явно не оглядывались. Вопреки расчетам американских ученых, китайские ракеты решительным образом не пожелали любезно повременить у границ США и подставить свою оперенную задницу

для пинка американским ракетам. Миллионы китайцев сыграли в ящик, так и не узнав радостной новости, что ракеты, произведенные на их полукустарных подземных фабриках из металла, сваренного в доменках на задних дворах крестьянских домов, оказались вполне эффективны: их качество заслужило бы одобрительные кивки научных светил Америки — не будь эти светлые головы оторваны этими самыми ракетами.

«Но кто скажет, — заключил отец Хэнди свои горестно-иронические воспоминания, — какое из примененного оружия было самым омерзительным, самым "грязным"»?

Проглядывая еще несколько дорожных карт — таких же засаленных и протертых на сгибах, он думал: «ГРБ, созданная под началом Господа Гнева, была ответственна за большую часть смертей — эта бомба угробила примерно миллиард земель. Однако ГРБ, детище Карлтона Люфтойфеля, ныне обожествленного под именем Господа Гнева, была самым мерзостным оружием, даром что оказалась главным убийцей».

Нет, по мнению отца Хэнди, гнуснее всего был другой вид оружия. Хотя от него погибло «всего лишь» несколько миллионов человек, именно этот способ массового убийства произвел самое угнетающее впечатление на отца Хэнди. Эта штукавина сияла и воняла как дохлая макрель в лунном свете, по выражению одного американского конгрессмена. Подобно ГРБ, эта жуть состояла на вооружении армии США.

Разновидность отравляющего вещества нервно-паралитического действия. А действие было такое — клетки одних внутренних органов человека пожирали клетки других внутренних органов.

— Ладно, — пророкотал Доминус Маккомас, по-прежнему ковыряясь в своих лошадиных зубах, — если ваш богомаз справится с заданием, я буду только рад. На месте Попечителей Церкви мне было бы до одного места, в какой мере степени нарисованный Люфтойфель окажется похож на себя. Меня бы устроила любая самоуверенная заплывшая жиром порочная рожа — ну, что-то вроде упоенной морды свиньи, когда она нежится в луже грязи.

В этот момент его собственная рожа баaldeющей в грязи свиньи сияла таким самодовольством, что отцу Хэнди невольно подумалось: «Вот его бы лицо да на фреску».

Как ни странно, Господь Гнева рисовался воображению именно таким — точной копией Маккомаса.. Однако с цветного снимка глядели исполненные затаенного страдания глаза человека, у которого в глубине души страшный разлад — до того страшный, что он заметен даже в тот момент, когда человек упивается жареным дыпленком под экзотическим соусом — с традиционной гавайской гирляндой цветов на шее и юной девицей по правую руку от него (пусть и не красавицей)... У мужчины на фотографии были густые блестящие спутанные волосы. Щеки отливали синевой, хотя было заметно, что он недавно тщательно выбрился. Эта синева — подкожная темнота там, где росла борода, — не была его виной, но была — знаком. Знаком чего? Темнота, тьма, не есть зло. Именно тьму имел в виду Мартин Лютер, когда начинал перевод «Бытия» — первой книги Моисеевой — словами: «Und die Erde war ohne Form und leeg»¹. «Leeg» — «пуста». Вот эта-то пустота и есть — тьма. «Leeg» созвучно английскому слову «layer»²... Да, слой негативной пленки — если на нее попадет свет, то в результате химической реакции она станет совершенно мутной, обретя качество полной пустоты, глаукомной слепоты. Что-то вроде эдиповых странствий — все, что он видел, — точнее, не сумел увидеть. Глаза его не утратили способность видеть — просто были безнадежно зашорены чем-то вроде мембраны. Вот почему отец Хэнди не ненавидел Карлтона Люфтойфеля — миллиард погибших от ГРБ отошел в мир иной не столь ужасно, как те миллионы, которых американский нервно-паралитический газ обрек на самопожирание.

---

¹ «Земля же была бесформенна и пуста». (нем.) В каноническом переводе эта фраза звучит чуть иначе, загадочнее. Приводим ее полностью: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною». (Бытие 1:2.)

² Layer — слой (англ.).

А впрочем, все это положило конец войне. После выпадения смертельно ядовитых осадков силы для ведения войны истощились. Война закончилась за недостатком вояк. «*De mortuis nil nisi bene*», — подумал отец Хэнди, — то есть о мертвых только хорошее. А что хорошее о них можно сказать? Ну хотя бы это: вы умерли из-за идиотов, которых сами избрали себе в правители и защитники и в сборщики умопомрачительных налогов. Остается только гадать, кто был дурее — избранники или избравшие? В итоге погибли и те, и другие. И Пентагон, и Белый дом, и такие прочные убежища для особо важных персон — от них и руин не осталось, развеялись пылью... Нет, *de mortuis nil nisi malum*, — мысленно исправил он древнюю мнимую мудрость, — о мертвых только плохое. Так-то оно ближе к жизни. Покойники были дураками — их непроходимая глупость достигала истинно сатанинского масштаба!»

Инертность человеческого стада была просто-таки восхитительна! Почитывали газетки и таранились в ящик для дураков и пальцем о палец не ударили даже после того, как Карлтон Люфтойфель в 1983 году произнес в Шайенне свою программную речь, которую журналисты окрестили «Речью о ложной магии цифр». В этом выступлении Карлтон Люфтойфель без обиняков заявил следующее: великим заблуждением является то, что для выживания нации во время тотальной войны необходимо некое минимальное число спасшихся. Сила и жизнеспособность нации лежит не в конкретных человеческих единицах, а в ее «ноу-хау» — то есть в накопленных знаниях и методике их применения.

Это было сказано с большой помпой, вдохновенно, округло, и вызвало немало одобрительных кивков с самых разных сторон. Его речь приравнивали по значению и отчетливости формулировок к знаменитой Фултонской речи Черчилля — декларация холодной войны, оглашенной несколькими десятилетиями раньше.

Согласно теории Люфтойфеля, коль скоро всеобъемлющие банки информации упрятаны под землей на глубине нескольких миль, то они сохранятся при любом ходе событий. А раз они не погибнут ни при каких

обстоятельствах, то «все наши американские непреходящие ценности, в том числе и непримиримая ненависть к известным врагам, сохранятся в веках, ибо могут быть легко усвоены через любой промежуток времени новопришедшими поколениями, начало которым положит горстка выживших».

На деле же у «новопришедших поколений» нет ни средств, ни досуга добраться до подземных шахт, где собраны сокровища информации, потому как у этих людей есть забота поважнее — об этой заботе Люфтойфель позабыл в своих расчетах. Элементарная проблема: прокормиться. Именно нехватка пищи подхлестывает такие опасные странствия между очагами цивилизации — они предпринимаются для расчистки новых участков для земледелия, для изыскания способов защитить растительность и скот в условиях отравленной окружающей среды. Все интересы нынешних людей вращаются вокруг свиней, коров и овец, вокруг зерновых и бобовых, капусты и морковки — вот те «американские непреходящие ценности», которые вышли на первое место. Нет дураков корпеть над извлечением патриотических идеалов из таких эпических стихотворных благоглупостей, как уитьеровские «Занесенные снегом»¹...

— А я вам скажу так, — ворчливо произнес Маккомас, — никуда своего богомаза не посылайте. И вообще поручите работу над фреской человеку с полным комплектом конечностей. Уверяю вас, все будет шито-крыто. А этот ваш увечный на дурацкой коровьей упряжке проедет от силы сотню миль, а потом упрется в бездорожье, грохнетя в канаву — и путешествию конец. Не воображайте, что вы оказываете ему великую услугу, Хэнди, делаете избранником и все такое. На самом деле вы просто посылаете безрукого-безногого бедолагу на верную гибель — а ведь он, признаться, недурно владеет кистью...

---

¹ Джон Гринлиф Уитьер (1807 — 1892) — американский поэт. В «Занесенных снегом» детально, с большой теплотой воссоздан патриархальный быт Новой Англии времен первопоселенцев.

— Недурно! — возмутился отец Хэнди. — Да он самый талантливый художник среди Служителей Гнева! Только недалекие люди могут называть его богомазом.

«Закороченные», докрасна раскаленные глаза Маккомаса зловеще уставились на отца Хэнди. Он тщетно искал хлесткие слова для ответа на подначку.

Но тут Или сообщила:

— К нам припожаловала мисс Рей.

— О-о! — протянул отец Хэнди и немного растерянно заморгал. Ибо именно Лурин Рей была тем существом, кем отец Хэнди невольно поверял все доктрины Служителей Гнева. И выводы бывали очень тревожными и противоречивыми.

Вот она идет, рыжеволосая и такая легкотелая, что ему иногда кажется — стоит ей захотеть, и она без усилия взмлет в небеса... Всякий раз, когда отец Хэнди неожиданно видел Лурин Рей, в его голове мелькала мысль о ведьме — уж очень *воздушная* она особа. Лурин Рей пешком, считай, не ходит — вечно верхом появляется. Может, это создает обманчивое впечатление *надземности* — хотя женщина она атлетического сложения и в ней мало от порхающего эфемерного создания. Видать, кости у нее полые, как у птицы, оттого и походка такая прыгуче-легкая. В который раз он объединял в своих размышлениях женщин и птиц. Недаром в песенке ловца птиц поется: «Для щebetуний сеть соъем, а там, глядишь, мы сеть спроворим, чтоб женушку себе словить или хотя б милашку». Глядя на нее, отец Хэнди всякий раз ощущал, как в нем просыпается что-то козлиное, греховное — в глубине своей натуры он обнаруживал шевеление грубо-плотских, дурных инстинктов.

Прискорбный факт, спору нет. Однако он привык к этому всплеску плотских эмоций. Говоря по совести, он наслаждался обществом Лурин Рей — ну да, наслаждался, чего себя обманывать.

— Доброе утро, — приветствовала его Лурин. Потом она заметила Доминуса Маккомаса, которого терпеть не могла, и наморщила носик и лицо — часть веснушек забежало в морщины. Вся она состояла из оттенков светло-рыжего: что волосы, что кожа, что

губы, которые сейчас искривились презрительной усмешкой.

Стоя спиной к Маккомасу, она скорчила физиономию и насмешливо заголила свои зубки — маленькие и ровненькие. Такие аккуратные режущие штучки, а не целая дробильня во рту, как у некоторых. На иную посмотришь — и вспомнится, что ее пращурьы такими же зубищами раскусывали доисторические семена с кожей почти каменной твердости.

Есть зубы массивные, созданные для перемалывания пищи. Не зубы, а жевательные жернова. У Лурин же легкие, *кусательные* зубы. Она не ест, она *пощипывает* — или клюет. А впрочем, он не знает — только догадывается. Ничего он о ней не знает, ибо опасается приближаться к ней и приглядываться, вечно кладя между собой и ею непреодолимую дистанцию.

Совокупность догматов церкви Служителей Гнева естественным образом приводила к августинскому¹ взгляду на женщину, к которому подмешан страх перед мнимо слабым полом; на это накладывались иступленные догмы ярчайших еретиков разных времен — манихеев², французских альбигойцев³ и катаров⁴, которые сходились в мнении, что всякая баба есть сосуд дьявольский. Однако во времена этой философской нетерпимости к женщине трубадуры и рыцари не переставали славить и обожествлять Прекрасную Даму. *Domina*⁵ — такая соблазнительная, полная жизненного начала... даже те *dominae* из Каркассонна, те безумицы, что носили сердца своих

¹ Блаженный Аврелий Августин (354—430) — христианский теолог и церковный деятель, один из «отцов» христианской церкви.

² Манихейство — религиозное учение. В основе — дуалистическая борьба добра и зла, света и тьмы как изначальных и *равноправных* принципов бытия.

³ Альбигойцы — участники еретического движения на юге Франции в XII—XIII вв.

⁴ Катары — приверженцы ереси XI—XIII вв. Считали материальный мир порождением дьявола, осуждали все земное, призывали к аскетизму. Многие взгляды альбигойцев почерпнуты из верования катаров.

⁵ *Domina* — на латинском языке значит и «женщина», и «властительница». Множественное число: *dominae*.

умерших возлюбленных в небольших коробочках, украшенных драгоценными камнями.

А вспомнить рыцарей-катаров, которые дошли до такой глупости — или кретинизма? — как высушивать кал своих возлюбленных и возить с собой по свету в эмалированных коробочках!.. Это почти извращенное поклонение женщине и любви вообще было жесточайшим образом искоренено папой Иннокентием III — и, вероятнее всего, поделом.

Но надо отдать должное: невзирая на некоторые перехлесты, альбигойские рыцари-поэты знали истинную цену женщины. Она не слуга мужчине и даже не «слабый пол», происшедший из ребра Адамова и столь падкий до соблазна. Женщина — это...

«Да, это хороший, серьезный вопрос, на него с кондачка не ответишь, — думал отец Хэнди, поставив стул для Лурин и наливая ей кофе. — Скажем, в этой легкокостной двадцатилетней вертушке, веснушчатой, рыжеволосой, с "интересной" бледностью лица наличествует некое высшее достоинство. Достоинство такое же надмирное, безусловное, высшее, как у *mekkis* самого Господа Гнева. Но в чем заключается это достоинство? Не в *mekkis*, не в *Macht*, не во власти. Скорее в неизбывной загадочности. Следовательно, дело в присутствии некоей гностической мудрости, за оболочкой столь хрупкой, столь восхитительной скрыт колодезь некоего знания... должно быть, рокового знания. Это занятно — выходит, истина может быть самым неотторжимым имуществом. Женщине ведома истина, она живет с ней и ею, — и тем не менее эта истина ее не убивает. Однако для окружающих эта истина смертельна — когда женщина извергает ее из себя».

Тут отцу Хэнди припомнилась вещая Кассандра, греческие жрицы — дельфийские оракулы. Дрожь страха пробежала по его спине всякий раз, когда он думал о женщине, несущей в себе роковую истину.

Однажды вечером, после нескольких глотков вина, он сказал Лурин:

— Ты несешь в себе то, что апостол Павел нарекал «жалом».

— Жало смерти есть грех, — тут же вспомнила Лурин.

— Вот именно, — кивнул отец Хэнди.

И сие жало заключено в ней, но для нее безвредно, как для змеи — ее собственный яд... как для атомной боеголовки, находящейся в хранилище, — ее собственный заряд... Что нож, что меч имеют два конца — рукоять и лезвие. Гносис — знание — женщина держит за безопасный конец, за рукоять, всегда готовая пустить его в дело. Вот она взмахивает разящим концом — и по стальному лезвию, чудится отцу Хэнди, бегут искры отраженного огня...

Но в чем, собственно, заключается грех для Служителей Гнева? Разве что в выборе конкретного оружия. На ум сразу приходят неврастеники и явные психопаты из ныне отошедших в небытие корпораций и правительственных органов. Теперь все они покойники. Инженеры, чертежники, изобретатели, чиновники, вершители судеб всех рангов и степеней... из всех уже растет травка. То, что они сделали, было, несомненно, грехом. Но ведь они не ведали, что творили. Сказал же Христос — Господь той, ветхой секты — о своих мучителях и убийцах: «Прости им, отче, ибо не ведают, что творят». Не знанием, а *отсутствием знания* вошли эти люди в историю, — они, распявшие Сына Божьего, делившие одежды Его, бросая жребий, и коловшие его под ребра на кресте.

По мнению отца Хэнди, в трех местах Библии, которую он внимательно читал вопреки запрету Служителям Гнева изучать христианские священные тексты, сосредоточивалась истина: а именно, в Книге Иова, в Книге Екклесиаста и в увенчании библейской мудрости — Посланиях апостола Павла к Коринфянам. На сем христианство себя исчерпало. Ни Тертуллиан, ни Ориген, ни Августин, ни Фома Аквинский, ни даже божественный Абельяр — на протяжении почти двух тысяч лет никто не добавил ни йоты к исходному знанию.

«А теперь, — думал отец Хэнди, — мы обладаем *конечным знанием*. Катары подходили к истине ближе прочих, угадали ее важнейшую составную — что не добро правит миром, что мир находится целиком и полностью во власти супостата, врага рода человеческого —

словом, во власти Зла. Они не сумели развить эту мысль и угадать все до конца — хотя в Книге Иова все уже содержится. Они не сообразили, что сам якобы Всемилостивый, добрый Бог — и есть Господь Гнева, средоточие всемирного зла, которое правит миром».

— Помните, как шекспировский Гамлет окоротил Офелию? — ворчливо сказал Маккомас рыжеволосой девушке. — «Сомкни уста свои и в монастырь ступай».

Лурин, попивая кофе, прощепетала простодушнейшим голоском:

— В монастырь, где вы настоятелем, — с превеликим удовольствием!

— Глядите, какова! — возмущенно обратился Маккомас к отцу Хэнди.

— Вижу, вижу, — вкрадчиво согласился тот. — Вижу, что вам не подвластно заставить человека быть таким или другим согласно вашему волеию. В людях есть неотменимая онтологическая природа.

Маккомас насутился и спросил:

— Это что за зверь такой?

— Онтологическая природа, — с медовыми интонациями в голосе пояснила Лурин, — другими словами, врожденный характер человека. То, что мы есть на самом деле. Эх вы, невежа и деревенщина на Божьей службе!

Повернувшись к отцу Хэнди, она обронила:

— Я приняла окончательное решение. Принимаю христианство. Буду ходить в их церковь.

Маккомас хрипло расхохотался — грубо, утробно. Так бы, наверно, смеялся динозавр своим животным нутром.

— А что, разве в округе сохранилась хоть одна христианская церковь? — отсмеявшись, спросил он.

— Они такие добрые, жалостливые, — сказала Лурин.

— А куда им деваться, — возразил Маккомас, — надо же людей к себе заманивать. Мы, в отличие от них, не жалеем. Люди приходят к нам за защитой! От Него.

Тут он ткнул большим пальцем вверх. На самом же деле это был нелепый жест. Ибо Господь Гнева — в своей нечеловеческой ипостаси, то есть не в облике

Карлтона Люфтойфеля, в коем он являлся на Землю, но в качестве духа-теkkis — обретается повсюду. Вверху, справа, слева, внизу — везде. И в могиле, куда нам всем суждено рано или поздно сойти.

Последний и самый страшный противник, признанный апостолом Павлом, — смерть — все же в итоге торжествует. Апостол Павел жил и умер, так ничего и не добившись.

И вот сидит рядом двадцатилетняя девица, Лурин Рей, попивает кофе и хладнокровнейшим образом объявляет, что присоединяется к христианам — уходит в эту дискредитировавшую себя, ветхую и дышащую на ладан секту, идеалы которой безнадежно увяли. Собственно, христианство — пережиток прошлого. Оно уже явило свое гнилое, хилое и гнусное нутро.

Ибо разве не христиане придумали все это оружие массового уничтожения? Разве не потомки тех, кто с постными рожками распевал сладенькие лютеранские псалмы, создавали на заводах германских картелей дьявольские орудия, применение которых показало истинное лицо христианского, с позволения сказать, Бога?

На самом деле смерть не противник, не главный враг, как ее изображал апостол Павел. Смерть есть сбрасывание оков и избавление от Бога Жизни — от Deus Igae, от Господа Гнева. Лишь умерев, можно освободиться от Него, правящего миром живых. Только смерть избавляет.

Да, Бог Жизни, оказывается, и есть Бог Зла. И единственный Бог. Земля — Его мир, и единственное царство. А мы, все мы, суть Его слуги. Все сотворенное нами на протяжении многих тысяч лет, все навороженное нами на протяжении многих тысяч лет — это по Его велению, согласно Его приказам. А наградой нам было то, что лежало в Его природе и было сущностью его приказов, — Iga. То есть Гнев. Зло велел творить — и жестоко «наградил» отличившихся.

Но вот сидит девчушка по имени Лурин. И опять все теории поруганы. Опять концы с концами не сходятся...

Позже, когда Доминус Маккомас, приволакивая ноги, засеменил прочь по своим делам, отец Хэнди спросил Лурина:

— Почему?

Лурина пожала плечами.

— Люблю добрых людей. Мне по душе святой отец Абернати.

Отец Хэнди угрюмо воззрился на нее.

Джим Абернати был священником местной шарлоттсвилльской христианской церкви. Доктор богословия. Препоганый человечиска. К тому же и на мужчину этот Абернати мало похож. Больше напоминает кастрата — вполне может участвовать в гонках мерингов, по выражению из филдинговского Тома Джонса.

— И что он тебе дает? — спросил отец Хэнди. — Учит искусству самоутешения? Дескать, думайте о хорошем и все уладится само собой...

— Нет, — возразила Лурина.

Тут вмешалась Или и прокаркала:

— Да просто она спит с ихним прихожанином! Ну, с Питом Сэндзом. Да ты его знаешь — молодой совсем, а плешивый, и рожа в прыщах.

— У него стригущий лишай, — поправила Лурина.

— Ты бы достала ему фунгицидной мази, что ли, — предложила Или. — Пусть втирает в волосы. А то подхватишь от него.

— Нужен ртутный препарат, — сказал отец Хэнди. — Купи у странствующего разносчика товаров. Стоит примерно пять американских серебряных полу-долларов...

— Сама знаю! — зло огрызнулась Лурина.

— Полюбуйся на нее! — сказала Или.

Он и сам видел. Характер!

— Да, он не *gesund*¹, — кивнула Лурина.

Пит Сэндз не входил в число прямых жертв войны, чье здоровье было подорвано или тело изувечено — как, скажем, у массы «неполных людей», то есть безруких и безногих. Но он был из числа кранкеров — людей с поврежденным здоровьем. Совершенно очевидно:

¹ Здоровый (нем.).

голова странноватой формы, отсутствие волос, рябой, прыщавое лицо.

«Возвращаемся к англо-саксонским крестьянам с изъеденными оспой рожами, — с неожиданной злобой подумал отец Хэнди. — Неужели это ревность?»

Или сказала Лурин, выразительно кивнув в сторону своего мужа:

— Отчего бы тебе не спать с ним? Он по крайней мере gesund.

— Ой, да что вы говорите! — воскликнула Лурин обычным тихим голосом, в котором, однако, как дальний гром, рокотала злость. Когда Лурин сердилась по-настоящему, все ее лицо вспыхивало, а сама она сидела неподвижным каменным истуканом.

— Да я не шучу! — сказала Или громким визгливым голосом, забирая с каждым слогом все выше.

— Ради Бога! — взмолился отец Хэнди, пытаясь успокоить вдруг взъерепенившуюся супругу.

— А чего она сюда приперлась? — уже почти орала Или. — Объявить, что отрекается от нашей веры? Да начхать нам на нее. Пусть себе переходит хоть в магометанство!.. А вздумает шурухаться с этим недоноском Абернати — на здоровье! Только какой он мужик — одно название!

Яростный тон ее слов досказал все, что она недосказала. Бабы это умеют — есть у них такое врожденное искусство: одним тоном передать то, на объяснение чего мужчина затратил бы два воза слов. Мужчины могут только хмыкать и ворчать, как тот же Маккомас, или выражают свои эмоции невразумительным коротким хихиканьем, как сам отец Хэнди. Скудненькие средства самовыражения.

Стараясь, чтобы его слова прозвучали как речь умудренного жизнью человека, отец Хэнди спокойно спросил Лурин:

— Хорошо ли ты обдумала свой поступок? Ты делаешь необратимый шаг. Ты зарабатываешь на пропитание тем, что прядешь и шьешь, а потому зависишь от заказов членов нашей общины. А община отвернется от тебя, ежели ты подашься к этому Абернати...

— Существует же свобода совести! — сказала Лурин.

— Ох, и повернется же язык! — почти простонала Или.

— Послушай, — произнес отец Хэнди. Он ласково взял ладони девушки в свои и продолжил терпеливым тоном: — Нет нужды переметываться к христианам и принимать их вероучение только потому, что ты спишь с Сэндзом. «Свобода совести», на которую ты ссылаешься, есть также и свобода не принимать чуждых тебе взглядов. Понятно? Ну же, дорогая, будь умницей, пораскинь мозгами.

Ей было двадцать. Ему — сорок два. А внутри он ощущал себя на все шестьдесят.

Держа ее ладони в своих, он видел себя старым немощным бараном, существом хилым, ветхим, отжившим... И внутренне съежился, представив себя со стороны именно таким — бессильным маразматиком. Но он все же продолжал свою речь.

— Они верили в своего добренького Господа без малого две тысячи лет. Но теперь мы знаем, что они заблуждались. Господь существует, но он... Да что мне тебе объяснять, ты сама знаешь. Даром что была еще ребенком во время войны, но ты не могла не запомнить мили и мили золы — все, что осталось от бесчисленных погибших... Невообразимо, как ты можешь — в здравом уме и твердой памяти, не кривя душой, не поступаясь ни разумом, ни моральными принципами, — принимать учение, которое учит, что *добро* сыграло решающую роль во всем происшедшем! Тебе понятен ход моих мыслей?

Лурин не вырывала своих рук из его рук. Но сидела как каменная. Если бы не тепло ладоней, он бы решил, что держит покойника — до того она была неподвижна, зажата. Наконец ее неестественная, покойничья окаменелость вызвала в нем невольную брезгливость — и он отпустил ее руки.

Она сразу же занялась недопитой чашкой кофе. Внешне ее движения были исполнены покоя.

— Что я вам скажу, — произнесла Лурин ровным голосом, — никто из нас не сомневается, что председатель Комитета по разработке новых видов энергии Карлтон Люфтойфель действительно существовал. Но он был человек. Просто человек. Никакой не Бог.

— Это была лишь оболочка человека, видимость человека, — сказал отец Хэнди. — Сотворенная Господом. По образу и подобию Его, если использовать вашу христианскую терминологию.

Она молчала. Ей было нечего возразить.

— Дорогая моя, — сказал отец Хэнди, — верить в устарелые догматы Ветхой Церкви — значит бежать от правды. Бежать от настоящего. Это мы, наша церковь пытается жить в настоящем, в этом мире, смело взирать в лицо происходящему и бесстрашно оценивать происшедшее. Мы честны перед собой. Да, говорим мы, все живое находится в руце безжалостного, злобного божества, которое не успокоится, пока не сотрет нас с лица Земли: одного за другим, одного за другим — или всех скопом. Но чтоб никого не осталось! Было бы славно верить в Бога смерти, но, увы, увы...

— А может, Бог смерти и существует! — вдруг перебила его Лурин.

— Это кто же? Плутон? — рассмеялся отец Хэнди.

— А ну как Господь разрешит нас от мук? — спросила она твердым голосом. — Я попробую найти такого Бога в христианской церкви. Как бы то ни было...

Она быстро стрельнула глазами в сторону священника — такая маленькая, решительная и милостивая, — и заранее покраснела, прежде чем произнести то, что произнесла:

— Не желаю я обожествлять психопата и бывшего высокопоставленного чиновника. Это то, что я называю неразумием. Это... — Лурин взмахнула руками, ища нужное слово. Потом закончила тихо, будто саму себя пыталась убедить: — Это неверно.

— Однако он живет, — сказал отец Хэнди, — и это факт.

Она подняла на него растерянные и полные грусти глаза.

— Как ты знаешь, — продолжил священник, — мы намерены поместить на фреске в церкви Его портрет. И для этого посылаем иконописца, талантливую художника, дабы он нашел Его. В нашем распоряжении есть карты... Да, можешь назвать это крайне прагматичным подходом в делах религиозных. Абернати так и заявил

мне однажды. Но скажи мне пожалуйста, что он прославляет? Ничто, фук! Докажи мне обратное!

Отец Хэнди с силой ударил кулаком по столу.

— Ну, — нисколько не оробев, ответила Лурин, — может, все это...

— Прелюдия? Прелюдия к истинной жизни, которая грядет? Да ты сама-то всерьез веришь этому? Послушай, голубушка, апостол Павел верил, что Христос вернется на Землю еще при его жизни, что «царство Божье» на Земле наступит уже при нем — то есть в первом веке нашей эры. *И оно что, наступило?*

— Нет, — выдохнула девушка.

— Все, что ни писал, ни говорил и ни думал апостол Павел, — все зиждилось на заблуждении. А вот мы строим свою веру на фактах. Нам достоверно известно, что Карлтон Люфтойфель представлял на Земле Господа — и явил нам истинную сущность Бога, которая оказалась ужасной, мерзкой. Тому свидетельство во всем, что тебя окружает, — в каждой горсти праха, в каждой развалине. Четырнадцать лет своей жизни ты наблюдаешь проявления черной природы Господа. Кругом только мерзость, мерзость и мерзость! Был бы у нас тут хоть один психиатр, он бы тебе открыл глаза, он бы сказал, чем ты занимаешься. То, что ты делаешь, называется бегством от реальности!

Отец Хэнди замолчал, обессиленный своей речью.

— А спать ей приходится — с Сэндзом! — ввернула Или.

Ответом ей было молчание. Ведь то, что она сказала, — тоже голый факт. Факт — это существование, ее словом не отодвинешь не скроешь. Факт можно опровергнуть только большим фактом. Ни Лурин Рей, ни Ветхая Церковь таким фактом не обладают. У них лишь набор красивых слов, вроде «вечеря любви», «всепрощение», «милость», «вечное спасение».

Отец Хэнди веско сказал:

— После того как человек пережил оружие массового уничтожения, глобальную рассредоточенную бомбу и прочие прелести, он более не может доверять просто словам и жить одними словами. Понятно?

Лурин кивнула. Выглядела она потерянной, смущенной и очень несчастной.

Глава 3

Во время войны было произведено изрядное число различных наркотических веществ поражающего действия. Во всеобщем послевоенном хаосе кто-то где-то отыскивал остатки этой дряни. Питер Сэндз проявлял живой интерес к подобным наркотическим веществам, потому что они — или хотя бы некоторые из них — обладали кое-какими достоинствами, даром что создавались как оружие против врага: лишали человека воли, нарушали пространственную ориентацию, дурманили сознание и т. п.

Уж как там на самом деле — неизвестно. Однако Сэндз верил, что если обращаться с подобной наркотой осторожно, брать малые дозы, принимать эти яды в особой последовательности, то можно добиться эффекта обычных наркотиков, не рискуя протянуть ноги. Скажем, малые дозы нарушали пространственную ориентацию, но обостряли общую чувствительность, давали чувство полета. Зелененькие метамфеты, ярко-красные таблетки всяческих «...зинов», белые плоские диски кодеина, еще какие-то крохотные желтые фигушки — в зависимости от силы их действия, Сэндз делил их когда пополам, когда на четыре части. У него имелся тайный склад с широчайшим набором наркотиков, о котором он не говорил никому. По мере сбора своей коллекции Сэндз активно экспериментировал.

В глубине души он был уверен, что так называемые галлюцинации, вызываемые некоторыми из этих наркотиков (он не уставал напоминать себе, что годны для употребления лишь некоторые из его находок), — так вот, на самом деле это не галлюцинации, а прорыв

в иные слои реальности. Одни из этих слоев его пугали, другие казались вполне приятными.

Как ни странно, ему нравилось попадать именно в пугающие слои реальности. Сам он предполагал, что длительное пуританское воспитание пробудило в нем мазохистские наклонности. Так или иначе, Сэндз предпочитал остороженько применять те вещества, которые ненадолго швыряли его в царство ужасов. Заходить слишком далеко или оставаться слишком долго он не хотел — достаточно время от времени как бы в щелочку заглядывать в это царство ужасов.

Тут он был в чем-то похож на своего отца. Питер помнил, как однажды, еще до войны, отец опробовал электрошоковую машину в парке аттракционов: бросаешь десятицентовик в щель, берешься за две ручки и начинаешь потихоньку разводить их в стороны. Чем больше разводишь, тем сильнее разряд. В итоге определяешь, какое напряжение можешь вынести до того, как отпустишь ручки. Маленький Питер с восхищением глядел на папу — залитое потом лицо натужно покраснело, но он только сильнее сжимает ручки — и расстояние между ними медленно и неуклонно растет.

Конечно же, машина была непобедима.

Отцу в итоге пришлось отпустить ручки — вскрикнув от уже совершенно невыносимой боли. Но пока он боролся с непобедимой машиной, он был восхитителен. Разумеется, он слегка рисовался перед своим восьмилетним сынишкой — и действительно произвел на мальчика огромное впечатление своей силой воли и выносливостью.

Сам Питер прикоснулся к ручкам на полмгновения и в страхе шарахнулся прочь — он бы и секунды такого ужаса не вынес! Тем больше он восхищался выдержкой отца.

Но склад смертельно опасных наркотиков, принадлежавший повзрослевшему Питеру Сэндзу, был под стать бессмысленному единоборству его отца с электрошоком. Питер, с тщательностью и осознанностью алхимика, дозировал и смешивал свои сокровища. Он никогда на принимал наркотики в одиночестве. Всегда рядом должен быть кто-то, кто сможет в пожарном порядке запихнуть ему в рот стандартное

противоядие — фенотиацин, если «путешествие» уведет Питера слишком далеко — ввысь или вглубь или куда оно там уводит...

— Наверно, я долбанутый, — как-то признался он Лурин Рей в порыве искренности.

Тем не менее свои опыты Сэндз не прекратил. Он неизменно осматривал товар всякого бродячего торговца, проходившего через Шарлоттсвилль. Находил нужное — и покупал. Его и без того большие фармацевтические запасы постоянно пополнялись новинками: он уже научился с одного взгляда определять примерный состав любой таблетки, любой капсулы, даром что ассортимент был огромный и непосвященные просто терялись. А Питер запросто определял или угадывал производителя, назначение и состав большинства таблеток и капсул. В этом вопросе он стал ходячей энциклопедией.

— Если ты понимаешь, что у тебя на этом крыша поехала, тогда брось это! — сказала ему Лурин.

Но он бросать не хотел, потому что у него была цель. Он не просто одурманивал себя. Он искал. Искал нечто. Ему казалось, что лишь тоненькая перегородка отделяет его от чего-то важного, значительного. И Питер стремился с помощью своих опасных препаратов проломить эту перегородку — или отодвинуть тяжелый занавес — и прорваться к важному...

По крайней мере эти рациональные доводы он приводил себе в пользу продолжения экспериментов. «Стал бы я валандаться с этими галлюцинациями, — говорил он себе, — если бы не имел в виду высокой цели!»

Ведь опыты приносили мало приятного: иногда он испытывал острейший страх и полное помутнение рассудка, часто — депрессию, а изредка — даже приступы вызванного химией кровожадного буйства.

Чего же он взывает так упорно? Наказания?

Он думал об этом часто и всякий раз отвечал: «Нет». Он не стремился изуродовать себя, разрушить свой организм, навредить своей печени или почкам. Перед применением каждого нового вещества Сэндз прилежно прочитывал вложенные в коробочки описания состава и способа применения, внимательно изу-

чал список возможных побочных эффектов. И, уж конечно, он не хотел становиться буйным и в приступе психоза поранить или убить кого-нибудь. Скажем, ту же милую бледенькую Лурин. Однако...

Свою мысль он пояснил Лурин следующим образом:

— Мы способны зреть Карлтона Люфтойфеля — для этого нам достаточно наших органов чувств. Но мне чудится, что существует реальность иного порядка, которую не увидишь невооруженным глазом. Что-то вроде того, как мы, к примеру, не воспринимаем ультрафиолетовое и ультракрасное излучение — что не мешает этим излучениям невидимо существовать...

Лурин слушала его, свернувшись калачиком в кресле напротив и покуривая алжирскую трубку, сделанную из корня верескового дерева. Она набивала эту трубку довоенным давно пересохшим голландским плиточным табаком.

— Чем гробить себя этими «колесами», — сказала она, — ты бы лучше придумал инструменты для регистрации наличия иных слоев реальности — или что ты там ищешь. Куда проще считать информацию с приборов. И безопаснее.

Она постоянно боялась, что Питер однажды не вернется из своего наркотического «путешествия». Ведь говоря по совести, эти наркотики вовсе и не наркотики, а оружие нервно-паралитического воздействия, которое должно вызывать необратимые неврологические и метаболические нарушения в организме человека, — причем точный механизм разрушительного действия был зачастую неизвестен даже самим производителям... Вдобавок на каждого человека эта дрянь воздействует по-своему, что только усугубляет опасность.

— У меня нет ни малейшего желания считывать показания каких-то приборов, — ответил Сэндз. — Мне не фиксация факта нужна. Мне необходимо... — Он поискал нужное слово, потом закончил с энергичным жестом: — Мне необходимо самому пережить!

Лурин тяжело вздохнула.

— В таком случае не торопи события, — сказала она. — Сиди и жди. Оно придет когда-нибудь.

— Меня «когда-нибудь» не устраивает, — возразил он. — Я ждать не могу. Потому как по эту сторону могилы без усилия в иной слой реальности не проникнуть.

Смерть была врагом, которого Служители Гнева восславляли и почитали спасением, высшей милостью. Но в то же время Служители Гнева, будучи теми, кто не погиб во время войны, не очень-то логично воображали себя Избранными, некоей элитой, которую их Господь Гнева помиловал.

Питер Сэндз очень хорошо улавливал эту логическую ошибку в философских построениях Служителей Гнева.

Если Господь Гнева был злым Богом, как о том твердили исповедовавшие Его веру, *то он бы оставил в живых не самых добрых, а самых порочных!* Стало быть, согласно их же логике, Служители Гнева — самые мерзкие люди на Земле. Подобно самому Карлону Люфтойфелю, они оставались в живых, ибо были настолько дурны, что им было отказано в целительном бальзаме смерти.

Эти сумасшедшие выкрутасы логики раздражали Питера. Поэтому он снова занялся таблетками, разложенными на столе его небольшой комнаты.

— Ладно, — вздохнула Лурин, — если ты такой упрямый, скажи мне, что именно ты пытаешься отыскать? Должен ты как-то представлять то, что ищешь! Или хотя бы представлять его ценность. Ведь ты к тому же потратил уйму серебра на эти опасные разноцветные фиговинки — бродячие торговцы дерут три шкуры за каждый пустяк... Объясни мне — и, может быть, я сегодня вечером присоединюсь к тебе. У меня так паршиво на душе.

Сегодня она объявила отцу Хэнди, что намеревается перейти в христианство. Но она пока ни словом не обмолвилась об этом решении ни Питеру, ни Абернати. Это было характерно для нее — сидеть между двух стульев... тянуть резину и не принимать окончательного решения.

Лоб Пита бороздили морщины. Он пытался ответить на вопрос Лурин предельно четко:

— Однажды я видел то, что называют der Todesstachel. По крайней мере твой дружок отец Хэнди и этот иконописец Тибор назвали бы эту штуку именно так. Они обожают немецкие теологические термины.

— Что значит этот «Todesstachel»? — спросила Лурин. Слово она слышала впервые, хотя знала, что его первая часть «Tod» обозначает «смерть».

Пит ответил с мрачной торжественностью:

— Жало смерти. Но тут есть тонкость. Сейчас увидишь. Жало обозначает такую штуковинку, через которую пчела или иное насекомое впрыскивает свой яд в тело другого живого существа. Но это современное значение слова, в старину слово « жало » понимали иначе. Скажем, когда во времена короля Якова ученый философ переписывал фразу из Библии: «Смерть, где твое жало?» — в его восприятии она звучала совсем иначе... Как бы это поточнее... Ага! Звучала она так: «Смерть, где твой укол?» Тогда слово « жало » значило то же, что сейчас « укол » в сочетаниях испытать « укол совести » или « укол самолюбия », ощутить « укол гордости ». Словом, получить удар кончиком чего-нибудь острого, копьеобразного. В прямом и переносном смысле. К примеру, в старину про дуэлянта не говорили: «Он уколол своего противника шпагой». Говорили: «Он ужалил своего противника шпагой». То есть апостол Павел не имел в виду, что смерть жалит, подобно скорпиону — жалом в хвосте, из которого впрыскивается жгучий яд. Он имел в виду, что смерть *пронзает*.

Апостол Павел имел в виду то, что сам Сэндз понял во время очередного эксперимента с наркотиками.

Дело происходило в маленькой комнатке Лурин. Питер принял какую-то гадость, которая сделала его предельно агрессивным. Он метался по луриной комнатке и крушил все и вся. А когда девушка попыталась остановить его, сделал уж и вовсе невероятное — поднял на нее руку. И вот в этот-то момент, когда он ударил ее, он был ужален — ужален в старинном смысле слова, то есть ощутил укол, как будто его тело пронзил остроконечный кинжал — зазубренный, как острога, которым рыбаки убивают очень крупную рыбу, попавшую к ним в сети.

Едва ли за всю жизнь Питер испытал более острое физическое ощущение — оно было реальнее реального. Когда «острога» вошла в его тело, он сложился вдвое от чудовищной боли. Лурина, которая до этого то присаживалась, то отскакивала, ускользя от его кулаков, остановилась как вкопанная. Она поняла, что ему совсем нехорошо, и позабыла об опасности.

Казалось, эта острога — металлический зазубренный крюк на длинном-предлинном древке, конец которого уходит аж в Небеса. Корчась от нестерпимой боли, Пит все же заметил в то жуткое мгновение Тех, Кто держал тот, дальний конец копья, на миг ставшего мостом меж двумя мирами — земным и небесным. Это были три существа с глазами, вроде бы излучавшими тепло, но совершенно бесстрастными. Они не стали провоцировать острогу в его теле. Они просто не отпускали ее до того момента, пока он, медленно продравшись сквозь чашу боли к обыденной реальности, не очнулся окончательно. Это-то и было целью «пронзения» — пробудить его от сна, заставить очнуться от того сна, коим спит все человечество и от коего все, согласно слову апостола Павла, однажды в мгновение ока пробудятся. «Говорю вам тайну, — сказал апостол Павел, — не все мы умрем, но все изменимся — вдруг, во мгновение ока, при последней трубе»¹.

Но что это была за боль! Адская! Неужели лишь боль такой силы способна пробудить его? Неужели каждому из нас предстоит испытать подобное страдание? Неужели это зазубренное копьё когда-нибудь еще раз вопьется в его плоть? О, как он этого страшился!.. И в то же время сознавал, что те трое, Святая Троица, были правы, причиняя такую адскую, невыносимую боль. Это необходимое действие. Ибо должно пробудить его. Все же, все же...

Сейчас он достал книгу, открыл ее и стал читать вслух для Лурина, которая любила, когда ей что-нибудь читали — впрочем, недолго и без декламации. Не называя автора, Питер прочел небольшое простенькое старинное стихотворение.

---

¹ Первое Послание к Коринфянам, 15:51.

Прясть мне, матушка, нету моченьки.
 Все во рту горит, изболелись рученьки.
 Ах! кабы ведать тебе всю боль мою,
 Что из тела вынимает душу самою.

Захлопнув книгу, он спросил:

— Ну, как тебе?

— Ничего.

— Сафо. В переводе Лендора. Наверное, сам придумал большую часть — восстановил из «обрывка фрагмента». Но мне напоминает трогательную сцену из первой части гетевского «Фауста» — Гретхен за прялкой.

Ему вспомнилось: «Meine Ruh ist hin. Mein Herz ist schwer. — Покой меня покинул. У меня тяжело на сердце». Занятное совпадение чувств. Знал ли об этом Гете? Стихотворение Сафо лучше, потому что короче сцены у Гете. Большой плюс, что стихотворение переведено на английский, — в отличие от этого Служителя Гнева, от отца Хэнди, Пит не получал никакого удовольствия от древних или незнакомых ему языков, даже побаивался их темных глубин. К примеру, мог ли он забыть, какая огромная часть оружия массового уничтожения была произведена в Германии людьми, говорившими на немецком языке!

— Кто такая эта Сафо? — спросила Лурин.

— Древнегреческая поэтесса. Один из самых тонченных поэтов в мировой истории, — ответил Пит. — Даром что до нас дошли только фрагменты ее произведений. Целиком от античности сохранились лишь третьесортные стихи Пиндара.

Говоря это, он разглядывал свои запасы таблеток. Какие принять сегодня? В какой комбинации? С чем сделать попытку добраться до иного мира, в существовании которого не сомневался? Возможно, этот загадочный, неведомый мир находится по ту сторону смерти. Как знать, как знать...

— Расскажи мне, — внимательно наблюдая за ним, попросила Лурин, раскуривая дешевенькую алжирскую вересковую трубку, которую она купила у странствующего торговца (хорошие английские трубки ей были не по карману), — про тот раз, когда ты принял метамфетамин и увидел самого дьявола.

Он рассмеялся.

— Что тут смешного?

— Будто ты сама не знаешь, какой он! Раздвоенный хвост, копыта, рожки и вся обычная дребедень.

Но Лурин смотрела на него очень серьезно.

— Я знаю, он не такой. Расскажи мне еще раз.

Пит не очень-то любил вспоминать видение, в котором ему предстал Антихрист, которого Мартин Лютер называл «нашим старейшим лютым врагом». Прежде чем ответить девушке, Пит сгрел в ладонь несколько заранее отобранных таблеток, проглотил их и запил стаканом воды.

— По твоим словам, у него горизонтальные глаза, — сказала Лурин. — Глаза без зрачков. Одни страшные вытянутые белки.

— Да.

— Он застыл над горизонтом. Совершенно неподвижный. Ты говорил, что он вечно в таком положении. Он был слепой?

— Нет. К примеру, он заметил меня. И он видит всех нас на протяжении всей нашей жизни. Не спускает с нас глаз. Ждет.

«О-о, как они не правы, эти Служители Гнева, — подумал Пит. — После смерти мы можем оказаться во власти Врага рода человеческого. И тогда смерть окажется — может оказаться — не избавлением, не освобождением, не концом, а ужасом, настоящим порабощением и — лишь началом».

— Видишь ли, дьявол помещается так, что глядит точнехонько вдоль поверхности Земли, словно она плоская и его взгляд пронзает все пространство, уходя в бесконечность, как лазерный луч. Такое ощущение, что его взгляд ни на чем не сфокусирован — видит все, ни на что не будучи устремлен.

— А сейчас ты что проглотил?

— Нарказин.

— «Нарк» — значит какое-то снотворное. А «зин» — наоборот, стимулянт. Оно что, стимулирует сон?

— Это вещество угнетает функции больших полушарий мозга и активизирует, раскрепощает зрительный бугор — таламус.

Обмен веществ в мозгу человека, функционирование сосудов головного мозга — изучение всего этого было любимым занятием Пита. Он отлично знал, где и что расположено в голове и какую гигантскую роль играет правильное кровоснабжение каждого участка мозга. Достаточно определенной части мозга недополучить крови — порой совсем чуточное количество, — и добрый, милый и отзывчивый человек способен превратиться в ограниченного, подозрительного тирана и подлеца, почти параноика. Вот почему Пит принимал наркотики с такой осторожностью. Он норовил целенаправленно воздействовать на избранные участки мозга. Прежде всего хотел воздействовать на секрецию своих адренаинопроизводящих желез — и при этом не слишком сужать кровеносные сосуды мозга. Амфетамины как раз сужали сосуды, а потому были весьма опасны. Они способны необратимо разрушить личность человека, который ими балуется.

Три главные фирмы по производству химического оружия массового поражения обнаружили эту особенность афметаминов еще в шестидесятые и семидесятые годы — и в восьмидесятые годы, по заказу Пентагона, произвели изрядные количества этих веществ.

Но, с другой стороны, метамфетамины подавляли секрецию адреналина, что для некоторых людей являлось сущим благом. Была разгадана природа шизофрении — вслед за природой рака. Доказали, что рак вызывается определенным вирусом, а шизофрения — прямой результат перепроизводства серотонина, с избытками которого мозг не способен справиться. Избыток серотонина приводит к появлению галлюцинаций — настоящих галлюцинаций, хотя граница между галлюцинациями и видениями религиозного характера довольно зыбкая.

— Не понимаю тебя, — сказала Лурин. — Ты принимаешь эти чертовы пилюли, а потом видишь какую-нибудь жуть — скажем, самого Сатану. Или ту страшную острогу, которую Святая Троица вонзила тебе в бок. Несмотря на это, ты повторяешь свои опыты снова и снова. И тебе не надоедает — так рисковать, чтобы макнуться носом в дерьмо!

Она смотрела на него не столько с осуждением, сколько озадаченно.

— Мне нужно дойти до истины, — объяснил Пит. — И ничего больше. Проводить опыты и обрести знание — разве не это равносильно «быть», обозначить свое существование в мире? Я хочу быть — во всей полноте слова!

— Кто же сомневается в том, что ты есть! — сказала она. В ней было много практического здравого смысла.

— Послушай, — возразил Пит, — Господь — настоящий Господь, библейский, в Коего мы веруем, а не Дурацкий Карлтон Люфтойфель, — этот Господь взыскует каждого из нас. Библия — не что иное, как описание того, как Бог взыскует человека. Не человек взыскует Господа, а Господь ищет человека! Улавливаешь? И я хочу пройти как можно дальше навстречу Господу, чтобы облегчить Ему встречу со мной!

— Но как вышло, что человек и Бог разлучились, потерялись?

Лурин смотрела на него наивно, по-детски распахнутыми глазами, словно ожидала, что он вот-вот расскажет ей всю-всю правду про самое главное в жизни.

Пит таинственно промолвил:

— В результате ссоры, которая произошла в такой седой древности, что суть ее уже позабыта. Ведь началось с того, что Господь поместил человека в таком месте, где мог общаться с ним ежедневно, всечасно, без помех. Господь и человек общались запросто — как ты и я сейчас. Но потом что-то случилось — неизвестно когда и неизвестно что. Господь и человек вдруг как бы свернулись в клубок — каждый замкнулся на себе, как лейбницева разобщенные и по природе своей неспособные к общению монады или гегелевские «вещи в себе». Господь и человек остались более или менее рядом в пространстве, но каждый из них утратил способность воспринимать что-либо извне. Один из них был поражен некоей формой шизофрении, а именно — аутизмом, то есть полностью замкнулись в своей внутренней жизни, решительно отстранились от внешнего мира — что называется, умерли для окружающего мира. А может, они

оба разом обезумели и замкнулись, «умерли» друг для друга. А потом...

— А потом человек был изгнан. Не в переносном смысле, а в прямом. Выгнали его взашей, турнули вон из Рая.

— Да, — кивнул Пит, — очевидно, человек сделал что-то нехорошее — или Бог вообразил, что человек сделал что-то нехорошее. Мы не знаем толком, что это могло быть. Так или иначе, человек впал в грех — не то подвигнутый на это своей натурой, не то соблазненный некоей внешней силой, которая не могла быть чем-то иным, кроме как созданием Господа или частью его Творения. Вот таким образом человек потерял непосредственный контакт с Богом и перестал быть венцом Творения, будучи низведен на уровень одного из созданий Господа. Нам же предстоит пройти этот путь в обратном направлении.

— И ты вознамерился проделать его с помощью таблеток?

Сэндз ответил прямодушно:

— Иного способа я, увы, не знаю. У меня не бывает *естественных видений*. Но я полон желания пройти весь тот путь, о котором я тебе говорил, дабы встать лицом к лицу с Богом, как человек однажды уже стоял — до того как отрекся от этой привилегии. Я ни на секунду не сомневаюсь в том, что это произошло неспроста: человека что-то поманило — или кто-то поманил — прочь от Бога, к иным занятиям. *Человек добровольно отказался от тесных отношений с Богом, будучи уверен, что нашел нечто лучшее.*

Говоря наполовину сам с собой, Питер добавил:

— И вот мы отгородились от Бога, замкнулись на себе — и оказались вместе с Карлтоном Люфтойфелем, глобальной рассредоточенной бомбой и химическим оружием массового поражения.

— Мне нравится мысль, что нас соблазнили, — сказала Лурин. Она опять раскурила свою погасшую трубку. — И всем людям нравится. К примеру, эти таблетки соблазняют тебя. Так что ты продолжаешь поддаваться вечно существу в мире соблазну. У людей вроде тебя в жилах течет кровь луговых собачек — вы любопытны до потери разума. Достаточно шумнуть

возле их норки — и, глядишь, они уже высунули головушку, чтобы чего не пропустить. А ну как что-то интересное! — Она задумчиво помолчала, потом продолжила: — Чудо. Вот чего ты жаждешь. Его же страстно желал и тот, первый, в райском саду. До войны это называли «впечатляющим событием». Я называю это синдромом ожидания кролика из любой шляпы. — Лурия усмехнулась собственной шутке. — И вот еще что я тебе скажу. Знаешь, почему тебя так тянет на подвиги? Ты хочешь стать вровень с ними.

— С кем?

— Ну, с крепкими ребятами, с героями. Это от высокомерия, от суетного тщеславия. В один прекрасный день Человек зыркнул на Бога и сказал себе: «Едрен корень! Почему этот тип Господь, а я вроде как прах у его ног!..»

— И, по-твоему, я сейчас как раз это и делаю?

— Неплохо бы тебе поучиться тому, что Христос называл «кротостью». Могу поспорить, ты и понятия не имеешь, что такое «кротость», что значит «смирять гордыню». Ты помнишь довоенные супермаркеты? Когда кто-либо с тележкой пролезает к кассе впереди тебя, без очереди, а ты смиренно пропускаешь его — это, наверно, и есть твое представление о вершине «кротости». На самом же деле кроткий обозначает «ручной» — как ручной зверь. Или даже дрессированный — да-да, именно дрессированный зверь.

Пораженный ее словами, Питер тихо ахнул:

— Да ну?

— И в это же понятие входит умение проглатывать унижения, бесконечно прощать, бесконечно терпеть. В это понятие кротости входят даже паршивенькие качества — слабость, глупое мягкосердечие. Но если определять очень коротко, то кротость — в корне своем — обозначает утрату агрессивности. В Библии она имеет узкоспецифическое значение: полное прощение причиненного тебе насилия. — Лурия рассмеялась от того, что у нее все так складно получается. — А ты дурачок! Разводишь турысы на колесах, а на самом деле не смыслишь ничего!

— Что-то не заметно, — сухо произнес Пит, — что общение с этим педантом отцом Хэнди сделало

тебя кроткой. В любом из множества смыслов этого слова.

Девушка искренне расхохоталась — да так, что чуть не задохнулась.

— О Господи! — сказала она между приступами смеха. — Не хватало нам сейчас подраться из-за того, кто из нас более кроткий! Но, черт возьми, я все же *гораздо* более кроткая, нежели ты!

Лурин продолжала кудахтать и раскачиваться, упиваясь нелепостью их спора.

Но Пит больше не замечал ее. Таблетки начинали действовать, и он весь ушел в себя.

Внезапно он увидел человека со смеющимися глазами. «Это сам Христос», — почему-то сразу решил Пит.

Разумеется, это он! На мужчине с золотисто-пепельными волосами была тога и греческие наголенники. Был он молод, широкоплеч, а на устах его играла ласковая счастливая улыбка. В руках он держал, прижимая к груди, увесистую огромную книгу с застежками. Если бы не характерные античные наголенники, его можно было принять за древнего саксонца — особенно благодаря небрежно постриженным волосам.

«Иисус Христос!» — ахнул про себя Пит.

Белобрысый мускулистый молодой человек — батушки, да он сложен как кузнец! — отстегнул застежки на книге и раскрыл ее. На двух широких листах протянутой ему книги Пит увидел рукописный текст на каком-то неизвестном языке. Он стал читать: «KAI THEOS EIN HO LOGOS».

Для Пита это была китайская грамота. Слова медленно проплывали перед ним в его видении — написанные вроде бы очень четко, но совершенно непонятные. Какие-то загадочные *koimeitheimetha... keoiesis... tithaimi...* Он даже не мог толком понять, что это — какой-то язык? Или просто набор буквенных символов? Или бессмысленная чепуха, характерная для сна?

Белобрысый молодой человек захлопнул книгу — и внезапно исчез. Исчез так, как исчезало изображе-

ние с экрана, когда телевизоры еще существовали, — мгновенно и бесшумно.

— Тебе не следует слушать всю эту дребедень! — произнес голос внутри Питовой головы, словно его собственные мысли вышли из-под контроля и начали самостоятельную жизнь, заговорили вслух. — Все эти таинственные письма — только для того, чтобы задурить тебе мозги. Он ведь даже не назвался, этот тип! Да-да, он не счел нужным назвать свое имя!

Но голос шел все же не из головы. Пит обернулся и увидел в воздухе за своей спиной расплывчатые очертания небольшого глиняного горшка, который качался вверх-вниз, как поплавок на воде. Это был непритязательный предмет — обожженный, но некрашенный горшок. Сделанный, считай, из грязи, предельно утилитарный, этот предмет поучал его: не благоговей! не разевай рот в почтительном восторге перед непонятым! Питу, который действительно возблагововел, эти слова пришлось по вкусу.

— А вот я назовусь, — сказал горшок. — Меня зовут О Хо.

Пит подумал про себя: «Видать, китаец».

— Я сделан из глины и потому несколько не выше обычных смертных, — продолжал горшок по имени О Хо в манере приятельского разговора. — И я не считаю, как некоторые, что назвать себя — значит унижить себя. Ты — Питер Сэндз, я — О Хо. Тот, кого ты видел, тот парень со здоровенным древним манускриптом — это обитающий на берегу Океана Знаний дух ноосферы, прибывший сюда из шумерских времен. Эти духи под именем Терапевтов — «ухаживающих» — помогали греческому богу врачевания Асклепию, коего в Древнем Риме называли Эскулапом. Древним египтянам они были известны под именем Тотов — духов или плазменных сгустков мудрости. Когда же эти духи занимались строительством — а они славились блестящими зиждательными способностями, покровительствовали ремеслам — они представлялись египтянам в качестве бога Птаха, а грекам — в качестве бога Гефеста. На самом деле у них вообще нет имени, ибо они просто составные вселенского разума. А вот у меня

есть имя, как и у тебя. Меня зовут О Хо. Запомнил? Очень простое имя.

— Конечно, запомнил, — сказал Пит. — О Хо. Это китайское имя.

Горшок запрыгал пуще прежнего, его очертания стали расплываться все больше и больше, пока он не исчез совсем. При этом он быстро говорил:

— О Хо¹. Хо О. О-о-о! Эй! Вперед! Ого! О Хо Он! Вспомни о Хо Он, Питер Сэндз, когда тебе случится беседовать с доктором богословия Абернати. Вспомни о сосуде скудельном, о маленьком глиняном горшке, который сделан из праха земного и может быть, подобно тебе, разбит и обращен в прах в любой момент, бессильный пережить род человеческий.

— Хо Он! Вперед, Хо Он! — покорно отозвался Пит.

— Все доброе, не обвиняясь, называет себя по имени, — произнес уже невидимый О Хо Он — теперь лишь голос, мысль, ментальная составляющая разума Пита Сэндза. — А те, на ком нет благословения Божия, те утаивают свое имя. Мы с тобой похожи, ты и я, мы в некоторых отношениях одно и то же, ибо сотворены из той же глины, Питер Сэндз! Я сказал тебе, кто я; и я знаю тебя от начала века.

«Какое глупое имя — О Хо!» — подумал Пит.

Дурацкое имя для брэнного, непрочного горшка. А впрочем, эта штуковина со странным именем ему понравилась — она не смотрела на него свысока, говорила как с равным. И, как ни странно, демократизм горшка был для Пита притягательнее трансцендентальной зауми, темной вязи иноземных слов в той тяжелой книге на застежках. Что проку в непонятных словах? Их смысл был темен, недоступен. Что Питу, что скудельному сосуду О Хо не дано было понять глубины премудрости.

Но тут Пит как-то особенно ясно осознал, кого он видел до встречи с горшком. То был Иисус Христос.

---

¹ Имя горшка на английском — О Но. «Но» означает и «эй!», и «ого!», и «вперед!». И сам горшок охотно обыгрывает все значения своего необычного имени.

«Я сразу догадался, кто этот белобрысый. Он выглядел именно так, как *должен* выглядеть Христос!»

— Хочешь еще что-нибудь узнать до того, как я покину тебя? — спросил Пита невидимый горшок — как бы изнутри его головы.

— Скажи мне самую-самую важную вещь — такую, которая важна при любых обстоятельствах. Но только не солги!

О Хо на некоторое время задумался. Потом произнес:

— Святая София возродится. Прежде мир ее не принимал.

Пит непонимающе мигнул. Кто такая эта святая София? С тем же успехом горшок мог сообщить, что святой Витт намеревается снова поплясать... Видать, это глупая шутка...

Горькое разочарование наполнило душу Пита Сэндза. Ну вот все и кончилось — такой же глупостью, как имя этого скудельного шутника. Пит ощутил, что новый знакомый покинул его, — на жалкой бессмысленной ноте.

И сразу же после этого действие наркотиков закончилось. Он больше ничего не слышал и не видел, кроме обычного, бытового. Он обвел глазами свою комнатку: знакомые микрокассеты, проектор, заваленный всякой дрянью пластиковый стол... Потом Пит увидел Лурин, которая курила трубку, ощутил запах прессованного табака... Голова трещала.

Пошатываясь, Пит поднялся. Он знал, что в реальном времени прошло только мгновение — и Лурин со стороны казалось, что ровным счетом ничего не произошло.

А в сущности ничего и не произошло. Она права.

Можно ли назвать событием то, что случилось? Ведь Христос не объявил о себе, не открылся. Впрочем, нечто важное все же случилось — и очень желанное. Познавательные, «проникательные» способности Пита явно увеличились.

— Иисус! — произнес он громко.

— В чем дело? — спросила Лурин.

— Я видел Его, — сообщил Пит. — Он существует. Он всегда присутствует в мире — был и будет.

Пит нетвердыми шагами прошел в кухню, налил себе крохотную порцию виски — от силы граммов двадцать — из драгоценной довоенной бутылки.

Когда он вернулся в комнату, Лурин читала аляповатый журнальчик, опечатанный на мимеографе, — эти листки жители их горного района бережно передавали из города в город.

— Ну ты даешь! — сказал Питер. — Сидишь себе как ни в чем не бывало!

— А что мне, по-твоему, делать? Разразиться аплодисментами? Визжать от восторга?

— Но ведь это архиважно!

— Ты его видел. Я — нет.

И она снова уткнулась в журнальчик, напечатанный в Прово, штат Юта.

— Но он же присутствует в мире и тебя ради! — сказал Пит.

— Ну и замечательно, — кивнула Лурин с отсутствующим видом.

Питер сел. Его мутило, он ощущал убийственную слабость — чертовы побочные эффекты от приема таблеток.

После продолжительного молчания девушка заговорила снова, но с прежним отсутствующим видом.

— Служгнева отсылают иконописца Тибора Макмастера в Странствие. Дабы он отыскал Господа Гнева, запечатлел его образ в своей памяти и нарисовал на храмсте.

— Черт возьми, что такое «храмсте»? Я не понимаю этот ваш нелепый «служгневский» жаргон!

— Храмсте — это настенная храмовая фреска, — кратко пояснила Лурин. — По их мнению, ему предстоит пройти по меньшей мере тысячу миль. Мне кажется, они хотят, чтоб он дошел до самого Лос-Анджелеса.

— А мне-то что! Плевал я на это, — с яростью в голосе сказал Пит.

— Я думаю, — продолжила она, откладывая журнальчик и задумчиво сдвигая брови, — тебе тоже следует отправиться в Странствие. Милях в пятидесяти отсюда ты подрежешь ногу корове, которая тащит тиборовскую тележку. Или закоротишь его метабатарейку.

Она говорила совершенно серьезным тоном, взвешивая каждое слово.

— *Но чего ради?*

— Чтобы он не смог добыть материал для этой фрески.

— Опять-таки меня это никак не колышет!..

Сэндз осекся. Кто-то подошел к двери его жалкого жилища. Сперва послышались шаги, потом залаял Том-Шустрик. Раздался звонок, и Пит поднялся открыть.

За дверью стоял его начальник, доктор богословия Абернати, священник Шарлоттсвилльской Всеобъемлющей Христианской церкви. На нем была черная сутана.

— Извиняюсь. Я не слишком поздно? — Его круглое, похожее на сдобную булку личико, выглядело архиблагообразным, когда он осведомлялся, не помешал ли своим приходом.

— Заходите, пожалуйста, — сказал Пит, широко открывая дверь перед священником. — Ведь вы, святой отец, уже знакомы с мисс Рей.

— Благослови вас Господь, — лучезарно улыбнулся Абернати, кивнув девушке.

Она поспешно встала.

— Добрый вечер, святой отец.

— Слышал я, — сказал Абернати, — что вы намерены присоединиться к нашей вере, пройти конфирмацию и принять причастие.

— Э-э... — неуверенно начала Лурин. — Я действительно была... да вы ведь знаете... Словом, я не была удовлетворена — да и кому охота молиться бывшему председателю правительственной комиссии по разработке новых источников энергии!

Абернати прошел на кухню, чтобы вскипятить воду для кофе. Вернувшись, он сказал:

— Мы с радостью примем тебя в лоно нашей церкви.

— Спасибо, святой отец.

— Но чтобы стать прихожанкой нашей церкви, ты должна сперва пройти полугодичный курс интенсивного религиозного обучения. Тебе предстоит изучить множество тем: святые обряды, таинства, главные

догматы нашей религии. Ты узнаешь, во что и почему мы веруем. Я дважды в неделю провожу дневные занятия со взрослыми. — Немного застеснявшись, он уточнил: — С одним взрослым. Но ты быстро нагонишь пропущенное — у тебя такой живой, восприимчивый ум. А пока что ты можешь посещать церковные службы... Хотя тут должно быть без обид — до конца обучения ты не вправе подходить к алтарю и причащаться святых даров.

— Да, разумеется, — кивнула она.

— Ты крещеная?

— Я... — поначалу заробела Лурин. — Говоря почестному, сама не знаю.

— Мы окрестим тебя особым обрядом, который применяем для тех, кто, быть может, уже однажды был крещен. Окрестим водой. А все остальное — розовые лепестки и все прочее, что использовали до войны в Лос-Анджелесе, — не имеет особого значения... Кстати, насчет Лос-Анджелеса, до меня дошли слухи, что Тибор намеревается совершить Странствие. Раз это дошло до моих ушей — стало быть, это не держат в секрете. Опять же по слухам, Попечители Церкви Гнева снабдили его картами, фотографиями и другой необходимой информацией, чтобы отыскать Люфтойфеля. Искренне надеюсь, что его королева не падет в пути.

Заварив кофе и вернувшись в комнату, священник обратился к Питу Сэндзу:

— Как насчет партии в покер? Втроем, конечно, не совсем то, но мы могли бы сыграть по маленькой — на старые медные центы.

— О'кей, — кивнул Пит.

Пока он ходил за колодой и коробкой фишек, Абернати придвинул к столу три стула: самый удобный — для Лурин Рей.

— Только никакой болтовни во время игры! — строго приказал Пит своей подружке.

Когда карты были розданы, снаружи донесся колокольчик коровы, которая тащила тележку Тибора Макмастера. Снаружи было темно, и дорогу перед тележкой освещала ее единственная фара.

Корова остановилась у двери, и Абернати торопливо положил свои карты на стол.

— Пойду открою, — сказал он.

Он вскочил, чтобы впустить внутрь прославленного художника, работавшего на Служителей Гнева.

Сидя на тележке, Тибор Макмастерс наблюдал за игрой и дивился происходящему. Игроки постоянно что-то приговаривали — каждый произносил свой неповторимый набор фраз, которые, как быстро заметил калека, большого смысла не имели — были скорее просто междометиями, шумовым оформлением игры. Все внимание игроков было сосредоточено на картах, однотипные реплики служили средством еще больше углубиться в игру.

Переговорить с христианским священником Тибору удалось лишь во время небольшого перерыва.

— Святой отец, — сказал он, неприятно удивившись нервической визгливости своего голоса.

— Да, я слушаю, — отозвался Абернати, пересчитывая голубые фишки.

— Наверно, вы уже слышали, что я должен направиться в Странствие.

— Слышал, слышал.

Тут Тибор произнес заранее продуманную фразу, каждое слово которой было десять раз взвешено:

— Сэр, если я перейду в христианство, мне не понадобится совершать Странствие.

Беспечный вид разом слетел с Абернати. Он быстро поднял глаза на Тибора, оглядел его цепким взглядом и спросил:

— Вы что, до такой степени боитесь?

Теперь и остальные уставились на Тибора — он ощутил на себе неподвижные изучающие взгляды Лурин Рей и Питера Сэндза.

— Да, — ответил он предельно просто.

— Зачастую, — произнес Абернати, беря новую колоду и начиная энергично тасовать ее, — опасения и страх суть только проявления нашего скрытого чувства вины — весьма косвенное проявление.

Тибор на это ничего не сказал. Он ждал более отчетливой реакции, внутренне приготовившись выслушать любые неприятные слова — и выслушивать их, быть может, довольно долго. Священники народ странный, и весьма болтливый. В особенности христианские священники.

— В вашей Церкви Служителей Гнева, — сказал Абернати, — не существует традиции публичной или тайной исповеди.

— Вы правы, не существует. Однако...

— Я не намерен оспаривать решения вашей церкви или сманивать на свою сторону ее прихожан, — твердым тоном продолжил Абернати — с металлическими нотками в голосе. — Вы служите отцу Хэнди, а стало быть, он волен посылать вас, куда ему заблагорассудится.

— А вы вольны подчиниться ему или оставить службу, — добавила Лурин. — Отчего бы вам просто не уйти со службы?

— Куда мне уйти? — спросил Тибор. — На все четыре стороны? В безвоздушное пространство?

— Христианская церковь, — вещал Абернати, — всегда готова принять в свое лоно любого человека. Вне зависимости от состояния его души и внутренней готовности к глубокому восприятию нашей веры. Достаточно лишь желанья принять христианство. Но в данном случае — а сейчас я говорю не от себя лично, а как рупор божественного голоса, — я подозреваю, что, открывая двери нашей церкви, я дам вам возможность увильнуть от исполнения вашего духовного долга... Или, если говорить предельно точно, дам вам возможность осознать самому и признаться в том мне, что в глубине души вы пестуете желание увильнуть от исполнения своего духовного долга.

— Но это же долг перед ложным учением! — удивленно запротестовала Лурин Рей. Ее темно-рыжие брови недоуменно взлетели. Она обратилась к Тибору: — Похоже, перед нами проявление солидарности всех священников. Что-то вроде «профессиональной этики».

Она рассмеялась.

— Почему вы не захотели встретиться со мной на исповеди, в храме? — спросил Тибора Абернати. — Вы имеете право исповедоваться мне, даже не будучи христианином. Одно с другим не связано, как подчеркивали отцы нашей церкви.

Тибор лихорадочно соображал, боясь ляпнуть что-нибудь неподобающее, и наконец проронил с предельной осторожностью:

— Я, знаете ли... Словом, я не нашел, в чем мог бы исповедоваться.

— В чем признаться — всегда найдется, — изрекла Лурин. — Святой отец вам подскажет. Даже подхлестнет.

Ни Абернати, ни Пит Сэндз не сказали на это ни слова. Но по тому, как они в унисон молчали, можно было решить, что они согласны со словами девушки.

Тибор подумал: «Наверное, святой отец — профессионал в своем деле, понаторел в искусстве исповедовать. Хорошие адвокаты или доктора умеют разговаривать своих клиентов; вот и святой отец мастак вытягивать из души человеческой самое сокровенное. Будет вести потихоньку, направлять, подсказывать. Дойдет до самого потаенного, донырнет до самой глубины твоей души... Пожнет там, где не сеял».

— Позвольте мне хорошенько обдумать это, — произнес Тибор.

От его первоначальной решительности мало что осталось. Планы переметнуться в христианство, дабы избежать предстоящего вскоре Странствия, сама мысль о котором заставляла шевелиться волосы на голове, — эти планы теперь показались ему опрометчивыми, уступив место жестоким сомнениям, касавшимся самих основ его ренегатского решения. К величайшему изумлению Тибора, то, что виделось ему ловким выходом, было встречено в штыки и признано недопустимым именно тем человеком, которому это решение Тибора больше всех на руку, — не считая, конечно, самого Тибора. А почему это было бы так выгодно священнику христианской церкви... ну, это без слов ясно всем присутствующим.

Исповедоваться? Да не ощущал он никакой вины за собой — и жало смерти не маячило перед ним. Все, что

он ощущал в последнее время, так это растерянность и страх. И ничего более. Естественно, он жутко и даже патологически боялся Странствия, предпринять которое ему не столько посоветовали, сколько приказали. Но при чем тут скрытая вина, якобы являвшаяся косвенной причиной преувеличенного страха?! Вот они, средневековые логические фортели ветхой церкви!.. А впрочем, впрочем... Тибор нехотя признался, что в этой мысли Абернати что-то есть. Хотя — как знать? — быть может, он просто ошарашен неожиданностью этой версии, и она кажется ему верной исключительно благодаря своей неожиданности.

Поскольку мужчины словно в рот воды набрали, Лурин взяла разговор в свои руки.

— Акт исповеди, — очень раздумчиво произнесла она, — имеет странное влияние на человека. Кажется бы, исповедовался, сбросил груз души, получил отпущение грехов — и грехи себе дальше. Ан нет. Не ощущаешь свободы грешить. На самом деле ощущаешь... ну, как бы это сказать...

Она нетерпеливо взмахнула рукой — дескать, вы сами меня понимаете. Однако Тибор ее не понимал. Тем не менее важно кивнул, будто до него что-то дошло. Кивая, он воспользовался возможностью — самое время, ведь они обсуждают именно этот скользкий и занимательный вопрос, вопрос греховности, — и в миллионный раз присмолился взглядом к высокой полной груди рыжеволосой собеседницы.

На Лурин была усевшая от многочисленных строк белая хлопчатобумажная блузка, и ее соски, не стесненные лифчиком, остро выдавались через ткань, отбрасывая на стену копьеобразные тени, — и на стене каждый сосок был размером с круглый электрический фонарик.

— На самом деле ощущаешь, — подхватил ее мысль Пит, — что твои дурные мысли и дела *проартикулированы*, то есть выражены в слове. Тем самым они как бы обрели форму, стали осязаемыми. А потому стали как бы менее страшны, ибо превратились — внезапно — в слова. Да, они перешли в форму Логоса... — Подумав, он добавил: — А Логос — это нечто хорошее.

Сэндз ласково улыбнулся Тибору, и того вдруг окутало внезапной волной восприятия всего могущества христианского миропонимания. Душевная боль заметно утихла — в ответ на пролитый бальзам слов. Он ощутил, что устаревшая церковь все еще сильна — если и не своими философскими доктринами, так хотя бы своим умением утешать. Философия христианства — сущий вздор. Но какая другая философия, позвольте спросить, разумна и по-настоящему убедительна? Особенно после той вселенской мясорубки, которой оказалась последняя война.

Опять троица за столом — светская троица, с одной ипостасью женского рода, — занялась досужей игрой в карты. Казалось, с обсуждением насущных, коренных вопросов бытия было покончено. А Тибора сейчас интересовали только эти вопросы.

Но тут Абернати вдруг проронил, поднимая глаза от карт в своей руке:

— Занятно. В моей религиозной школе могут теперь оказаться сразу *трое* взрослых. Вы, Тибор, присутствующая здесь мисс Рей и еще один довольно странный человек, который учится у меня на протяжении некоторого времени. Все вы его хотя бы мельком видели — это Уолтер Блассингейм. Происходит что-то вроде возрождения исконной веры.

Сказал он это довольно бесстрастным тоном, который никак не выдавал его чувств, — быть может, следствие увлеченности карточной игрой.

Тибор громко произнес:

— *Erbarme mich, mein Gott.*

Он полагал, что, говоря по-немецки, он говорит сам с собой. Но, к его удивлению, Абернати кивнул. Священник явно понял смысл этой фразы.

— Язык «*Krupp und Sohnen*», — ядовито проронила Лурин. — Язык «*I. G. Farben*» и «*A. G. Chemie*». На этом мерзком языке говорили в семействе Люфтойфелей со времен *Адама* Люфтойфеля — точнее, со времен *Каина* Люфтойфеля.

— «*Erbarme mich, mein Gott*», — поправил ее Абернати, — это не на языке германских милитаристов. И не на языке бесстыжих производителей химического оружия. Это *Klagengeschrei* человеческого

существа — вопль человека о помощи свыше. Сказанное Тибором значит, — пояснил священник Лурин и Питу, — «Спаси меня, Господи!»

— Или «будь милостив ко мне, Господь!»

— «Erga omnes», — сказал Абернати, — обычно означает «будь милостив». Но данная фраза исключение — это идиома. Страдания идут не от Бога. А потому бессмысленно просить Бога быть милостивым. Его должно просить о спасении.

Доктор богословия внезапно швырнул карты на стол и энергично промолвил, обращаясь к Тибору:

— Завтра утром, Тибор, в десять, в моем кабинете. Мы повидаемся с глазу на глаз, я объясню подробнее касательно таинства исповеди, а затем мы пройдем в храм, где находятся Святые Дары. Разумеется, ты не сможешь преклонить колени, но Господь, думаю, не прогневадается на тебя за это. Безногий не способен преклонить колени.

— Хорошо, святой отец, — согласился Тибор. Как ни странно, у него уже сейчас стало легче на душе. Как будто с его манипуляторов-экстензоров сняли непомерный груз, удержание которого пожирало энергию метабатарей, заставляло зловеще дымиться трансформатор, изнашивало сцепление, корежило соленоиды его тележки...

Но до этого момента он даже не знал, что сей непомерный груз существует.

— Три мои королевы, — сказал Абернати Питу, — бьют твои карты. Извини.

Он забрал себе смехотворно маленькие ставки.

Тибор обратил внимание, что количество фишек у Абернати неуклонно увеличивается — священник постоянно выигрывал.

— А можно мне сыграть? — спросил Тибор.

Игроки переглянулись с довольно отрешенным видом, словно не до конца осознавали присутствие постороннего в комнате, а уж его вопрос и вовсе недо-слышали.

— Хотите войти в игру — выкладывайте доллар серебряной мелочью, — сказал Пит. Он бросил фишку на свободное место на столе. — Пусть она символизирует доллар, который вы должны банкometу. У вас

имеется доллар? Не бумажный, мы принимаем только монеты.

— Докажи Тибору, что ты говоришь не просто так, — мягко вмешался священник. — Покажи ему, что у тебя есть.

— Пожалуйста, я всегда могу доказать, что не блефую, — сказал Пит. Он запустил руку глубоко в карман и вытащил несколько коричневых бумажных свертков, в которых находились столбики десятицентовых монет.

— Ух ты! — удивился Тибор.

— Я никогда не проигрываю в блэк-джек, — сказал Пит. — Я просто удваиваю ставки, пока не сорву весь куш.

Он развернул коричневую бумагу и высыпал на стол горку монет. Это были серебряные десятицентовики — настоящие, с давних-предавних времен.

— Теперь, когда вы знаете, против каких капиталов предстоит играть, — вам не захотелось играть? — спросила Лурин Рей, насмешливо поводя рыжими бровями.

Но у Тибора в кармане имелось достаточно денег — тридцатипроцентный аванс за фреску от Церкви Служителей Гнева. До сих пор он не истратил ни цента — ибо опасался, что в один ужасный день придется возвращать аванс, не выполнив по какой-то причине работу. Однако сейчас он заливчатским движением манипулятора извлек из кармана шесть серебряных четвертаков. Пока Пит Сэндз подсчитывал количество красных и голубых фишек, которые причитались Тибору за полтора доллара, тот подкатил свою тележку к столу и установил на тормос на удобном расстоянии. Партия продолжилась — теперь играли вчетвером, а это уже настоящая игра!

Глава 4

Позже, когда хорошенькая рыжеволосая Лурин Рей ушла, а Тибор Макмастерс укатил на своей тележке, влекомой голштинкой, Пит Сэндз решил обсудить свое наркотическое видение с доктором богословия Абернати.

Тот не одобрил его исступленных опытов с наркотиками.

— Если ты не прекратишь баловство с видениями, я в конце концов рекомендую тебе не появляться в церкви и перестану причащать!

— Вы хотите лишить меня допуска к величайшему, святому таинству? — ахнул Пит, не веря ушам своим. Похоже, этот невысокий краснолицый немолодой толстячок, вечно держащий голову по-петушину, сегодня временно не в духе — впрочем, он постоянно слегка угрюм.

— Да-да, — ворчливо продолжал священник, — если у тебя регулярные видения, то тебе совсем не нужно посредничество служителя церкви или спасительная сила святого причастия...

Пит перебил его:

— Хотите я расскажу, как Он выглядит?

— Я и не подумаю обсуждать Его внешний вид! — запальчиво возразил Абернати. — Еще чего! Он не какая-нибудь экзотическая бабочка, о раскраске которой позволительно дискутировать!

Но Пит был парень не промах и быстро нашелся:

— Тогда примите мою исповедь, святой отец. Прямо сейчас.

Он шустро опустился на колени и в ожидании сложил руки перед грудью.

— Я неподобающе одет.

— Вздор!

Патер Абернати горестно вздохнул, сходил в прихожую, вынул из чемоданчика белую накидку, надел ее и вернулся уже в подобающем виде. Развернул стул и сел спиной к Питу. Перекрестившись и молча сотворив молитву, он произнес:

— Да услышат уши Твои кроткую исповедь сего человека, грешного раба Твоего, который оступался, но ныне восхотел вернуться в лоно Твоей бесконечной милости...

— Вот как Он выглядит... — начал было Пит.

Патер Абернати перебил его и чуть громче прежнего закончил:

— ...поскольку сего человека, Твоего грешного раба, распирает сейчас от суетной гордыни и он воображает в своем непроходимом невежестве, что он имел случай воочию видеть Твой лик — хотя грош цена этим видениям благодаря химическим веществам или магическим действиям, на коих не почит церковное благословение...

— Он постоянно присутствует в мире, — сказал Пит.

— Во время исповеди не рассказывай о действиях других — даже о Его действиях!

Пит одним духом выпалил:

— Я униженно признаюсь в том, что я по доброй воле глотал наркотические таблетки, воздействие которых непредсказуемо, с целью покинуть наш обычный мир и заглянуть в мир запредельный, идеальный, что было грехом с моей стороны. Далее я искренне сознаюсь, что верил и все еще верю в истинность моего видения, что я действительно видел Его, а если я ошибаюсь, то умоляю Его простить меня, но если ты был все-таки Он, тогда Он, скорее всего, хотел...

— Прах и в прах возвратишься, — перебил Абернати. — О человек, как ты ничтожен! Господь наш Вседержитель, открой внутреннее сердце сего придурка для Твоей безмерной премудрости, гласящей, что ни один человек не вправе зреть Тебя и после этого заурядными прилагательными описывать Твой лик и Твою сущность!

— Далее я признаюсь, — сказал Пит, — что решительно восставал и решительно восстаю против того, что мне запрещают вести самостоятельный поиск индивидуального пути к Господу, и я свято верю в то, что один отдельно взятый человек способен единолично найти дорогу к Господу! Мимо посредничества священника, мимо святых таинств, мимо самой церкви! Кротчайше признаю, что верю во все вышесказанное, знаю, что это все от лукавого, и все же продолжаю в это верить.

Некоторое время оба, разгоряченные, сидели в полном молчании. Первым подал голос Пит Сэндз. Более спокойным тоном он сказал:

— Забавно, что вы упомянули это место «прах и в прах вернешься». Мне это напомнило слова О Хо о том, что он сотворен из прах земного.

Патер Абернати резко повернулся к прыщавому богоискателю и пристально уставился на него.

— Вы что? — заробел Пит.

— Ты сказал, О Хо?

— Ну да. В моем видении был глиняный горшок, который назвался этим именем. Глупый горшок, дурацкое имя. Когда наглотаешься этих галлюциногенов, иногда такой вздор примерещится. Очевидно, я ошибся в пропорции и глотнул слишком много доверенного наркотика, который нарушает пространственную ориентацию...

Патер Абернати произнес до странности мрачным голосом:

— Это греческое.

— Г-г-греческое?

— Я не ручаюсь за абсолютную точность, но это имя Господа, которым он называется в Библии, — в греческом переводе. Яхве — это иудейский глагол, примененный в Ветхом завете, — в том месте, где Он беседует с Моисеем. Это форма глагола «есть» — «есть сущий», описывающего Его природу. «Я Тот, через кого все существование» — вот предельно точный перевод имени Яхве. Бог открыл свое имя, дабы Моисей мог рассказать народу о природе — то есть онтологии, говоря научно, — Господа. Но Хо Он... — священник задумался. — Хо Он означает что-то вроде

Суть Сути. Или Самое Святое? Или Вознесенное Выше Всего? А может, Конечная Сила?

Пит от души рассмеялся.

— Да это же просто махонький глиняный горшок! К тому же вы сами пренебрежительно относитесь к моим наркотическим галлюцинациям. Вначале этот горшок назвался «О Хо», потом «О-о-о!», а под конец «Хо Он».

— Но ведь это все имеет смысл на греческом языке!

— А кто такая святая София? — осведомился Пит.

— Никогда не слышал о святой с подобным именем.

Пит тем временем тихонько посмеивался, как обыкновенный наркоман, со смаком подробно вспоминающий недавно пережитый кайф.

— Не существует святой Софии? — недоуменно спросил он. — Глиняная шельма мнит себя Господом, а упоминает вымышленную святую — надо думать, это шуточки неправильного сочетания таблеток. Но я не жалею — было клево. Такое стоит испытать хоть раз в жизни. Однако и вы правы — тут не без вмешательства темных сил... Горшок сказал, что эта святая София возродится.

— Я еще раз проверю по книгам, — сказал Абернати, — хотя уверен, что такой святой не было...

Он вышел в прихожую, покопался в своей сумке и принес большую истрепанную книгу — какой-то религиозный справочник.

— Святая София, — провозгласил он, полистав справочник, — это храм!

— Храм?!

— Да, очень знаменитый собор, разрушенный во время войны. Построен по личной инициативе римского императора Юстиниана. Греческое название — Аггия София. Видишь, опять греческое наименование, как и Хо Он. «Аггия София» обозначает «премудрость Господня». Стало быть, она возродится? То есть восстанет из руин?

— Хо Он сказал мне именно это.

Абернати сел и вкрадчиво спросил Пита:

— Ну а что еще тебе говорил этот Хо Он, этот глиняный сосуд?

— Больше ничего такого. Очень много ворчал. Ах да, еще он добавил, что прежде святую Софию мир отторгал.

— И ты больше ничего не извлек полезного из его речей?

— Нет, вроде бы все...

— «Аггия София», — сказал священник, — можно перевести и как «слово Божье». Тогда, в расширительном толковании, оно обозначает Христа. Это как бы шифр внутри шифра, шифрованная цепочка: «Аггия София», святая София, — «премудрость Господня» — Логос — Христос. А поскольку мы верим в Троицу, то это же значит — Господь. «Божья мудрость искони»... Об этом подробно в Книге Притч, 8:22—31. Там замечательно сказано: «Господь имел меня началом пути Своего. Блаженны те, которые хранят пути мои!» Твой горшок говорил занимательные вещи!

— Но такой святой никогда не существовало, — возразил Пит. — Горшок разыграл меня. Вешал лапшу на уши.

— Ты по-прежнему творишь прелюбы с Лурин Рей? — внезапно осведомился священник. В его голове почувствовалась неожиданная твердость.

— Э-э... ну да, — пробормотал Пит.

— Так вот какой дорогой приходят к нам новообращенные!

Пит облизал пересохшие губы и миролюбиво возразил:

— С кем не получается, с тем и не получится. Я имею в виду, что надо радоваться каждому, кто приходит к нашей вере, каким бы путем он к ней ни пришел.

— Я повелеваю тебе, — сказал Абернати, — прекратить спать с этой девушкой, с которой ты не состоишь в законном браке!

Воцарилось молчание — как говорится, ни гласа ни вздыхания. Оба мужчины — молодой и пожилой — сверлили друг друга взглядом и дышали, как быки перед случкой. Их лица налились кровью — казалось, не будь такой разницы в возрасте, они бы кинулись выяснять отношения кулаками. В каждом было задето муж-

ское, глубинное. Каждый ощущал свою исключительную правоту и наличие высшего оправдания своим действиям, что не прозвучало в разговоре, но присутствовало в напряженной атмосфере их беседы.

— Да, касательно видений, — сменил тему Абернати. — Пора тебе отказаться от них. Совершенно. Ты признался на исповеди, что употреблял наркотики, вызывающие видения. Я повелеваю тебе отдать все эти наркотики мне.

— Что-о?

Священник подтвердил свои слова решительным кивком.

— Немедленно!

Он протянул руку.

— Эх, какая нелегкая толкнула меня сказать об этом на исповеди! — воскликнул Пит дрожащим голосом. Как он ни петушился, он не мог взять себя в руки. — Послушайте, давайте заключим соглашение. Я прекращаю спать с Лурин, а вы оставляете мне таблетки...

Пастор громыхнул:

— Я в большей степени встревожен твоими проделками с наркотиками. Тут вмешался сам Сатана — осмеянные, однако не утратившие могущества темные силы.

— Да вы... — Пит в отчаянии взмахнул рукой. — Да вы никак рехнулись...

Требовательная длань была все так же простерта перед ним. В ожидании.

— «Темные силы»! — с отвращением передразнил Пит. — Лихо вы повернули дело! Мне никак вас не победить. И мне...

«Что-то я зарапортовался!» — мрачно подумал Пит. Сглупа он нарочно перевел отношения со святым отцом в официальную плоскость. И сам себя наказал: Абернати из добродушного человека превратился в бескомпромиссного священника и в этом качестве побивал его своим трансцендентальным могуществом.

— Епитимья, — произнес Пит вслух. — Ладно, сдаюсь. Выходит, мне придется отдать вам всю эту чертову химию. Сегодня вечером вы одержали классную победу — радуйтесь! Стоит вступать в лоно хри-

стианской церкви — она отначит у тебя все, что тебе дорого, вплоть до свободы своим умом взysкивать пути к Господу! У меня такое впечатление, что вы не очень-то дорожите прихожанами, не боитесь их отпугивать... К слову, я до сих пор не могу прийти в себя от того, как вы расхолодили Макмастера. Это даже странно. Ведь вы ему так прямо и рубанули — дескать, возвращайся-ка ты к отцу Хэнди, выполняй его поручение и думать забудь о переходе в христианство! Неужели вы хотите именно этого — чтоб он остался со Служителями Гнева, отправился в это Странствие, от которого он так отчаянно норовит отвертеться? Довольно оригинальный способ руководить церковью — не удивительно, что вы то и дело теряете потенциальных прихожан!

Абернати не убирал своей выжидательно протянутой руки.

Но этот вопрос сверлил мозг Пита — вопрос, почему Абернати не воспользовался удачным случаем, почему не принял иконописца с распростертыми объятиями. Ну да, Тибора жизнь прижала к стене, вот он и задергался. И в христианство удумал переметнуться из вульгарно корыстной цели. Велика беда! Ведь это было плевым делом — обласкать его и окончательно сманить от Служителей Гнева. В обычном случае Абернати записал бы Тибора в число своих прихожан без секундного колебания. На глазах у Сэндза не раз происходил такой быстрый прием внезапно обратившихся в новую веру — Абернати никогда не тянул когта за хвост и мгновенно реагировал на благоприятные обстоятельства.

— Вот что, — сказал Пит вслух. — Я вам отдам все таблетки в том случае, если вы объясните мне откровенно, почему вы отвергли Макмастера, когда он восхотел найти прибежище в христианстве? Согласны? По рукам?

— Он обязан проявить мужество. Он обязан подняться на высоту поставленной перед ним задачи. Это его святой долг. Пусть это долг перед ложной и вздорной, шутовской религией. Тем не менее долг следует выполнять.

— Да что вы мне очки-то втираете! — воскликнул Пит.

Это объяснение, по его мнению, звучало совершенно фальшиво. Сейчас, когда они были наедине и после события прошло некоторое время, это объяснение звучало вдвойне фальшиво.

Получалось, что на прямой и настоятельный вопрос о причине Абернати ответил, что причины, в сущности, не было. В глубине души Пит не сомневался, что святой отец попросту умалчивает об истинной причине.

— Соблаговоли отдать наркотики, — отчеканил Абернати. — Я сказал тебе откровенно, почему я отверг соблазн обратиться в христианство одного из самых лучших фресковых живописцев в районе Скалистых Гор. Выполни и ты свое обещание...

— Просите что угодно, — тихо промолвил Пит.

— Что? — переспросил Абернати, растерянно мигая и приставляя ладонь лодочкой к уху. — Ах, ты имеешь в виду: берите у меня что угодно, кроме химических препаратов.

— Готов отказаться от Лурин и прибавить чего пожелаете, — произнес Пит чуть слышно, голосом человека при последнем издыхании.

Он даже не знал, расслышал ли священник все слова этой фразы. Но интонация была настолько выразительной, что не стоило труда догадаться о содержании Питовой мольбы. Разумом Пит понимал, что так вот канючить — стыдно. Но ничего поделать с собой не мог. Таким жалким, таким униженным и потерянным он, похоже, никогда еще не был — даже в разгар чудовищной войны.

— Гм, гм, — произнес Абернати. — Значит, и Лурин, и все что угодно... Вот так предложение! Звучит грандиозно! Выходит, ты до такой степени привык к какому-то одному наркотику или ко всем сразу, что теперь готов ради них на все. Я прав?

— Нет, не ради наркотиков, — ответил Пит. — Но ради того, что мне эти наркотики открывают.

— Дай-ка подумать...

После продолжительного молчания Абернати сказал:

— Что-то у меня сегодня вечером плохо варит голова... Пора на боковую. Утро вечера мудреней. Возможно, завтра я решу, как нам с тобой поступить.

«Голова у тебя сегодня варит отлично, — подумал Пит. — Обвел меня вокруг пальца и, плюс к тому, все серебро у меня выиграл — чтоб его нелегкая взяла!»

— Кстати, — внезапно спросил священник, — как эта рыжеволоска в постели? Грудки у нее такие же твердые на ощупь, какими кажутся?

— Она подобна морскому приливу, — мрачновато изрек Пит. — Или ветру, летящему над равнинами. Ее груди как холмы цыплячьего жира. Ее чресла¹...

— Так или иначе, — широко ухмыляясь, сказал Абернати, — ты получил удовольствие от того, что познал ее. В библейском смысле слова.

— Вы действительно хотите знать, что она собой представляет? — спросил Пит. — Средненькая. У меня в общем-то было немало женщин. Одни из них были лучше ее в постели, другие хуже. Вот так-то.

Абернати продолжал ухмыляться.

— Что тут смешного? — задиристо осведомился Пит.

— Возможно, именно так, со смешком, голодный расспрашивает о том, какие закуски стояли на шведском столе, — сказал Абернати.

Пит вспыхнул, сознавая, что этого никак не скрыть, ибо обычно он заливается краской до самой лысоватой макушки.

Он раздраженно передернул плечами и, отвернувшись, спросил:

— А вам-то что? Зачем спрашиваете?

— Просто любопытно. — Священник почесал подбородок и убрал с лица улыбку. — Я человек любопытный; знания о плотских радостях, даже из вторых рук, все равно знания.

— Вероятно, многолетнее выслушивание чужих исповедей способствует развитию болезненного любо-

---

¹ Пит передразнивает библейскую «Песнь Песней».

пытства, — обронил Пит, по-прежнему не глядя на Абернати.

— Даже если так, это нисколько не оскверняет обряд таинства исповеди.

— Я знаю, что говорили вальденсы¹. Я хотел сказать...

— Ты хотел сказать, что я вроде тех, кто в дырочку подсматривает за голыми бабами. — Абернати удрученно вздохнул, поднялся со стула, одернул сутану. — Ладно, я пошел домой.

Пит проводил священника до двери, а заодно и выпустил на двор Тома-Шустрика, чтоб тот сделал свои обычные вечерние дела.

Повсюду пыль была прибита росой. Но копыта голштинки поднимали дорожную пыль, которая летела в лицо Тибору. Он отворачивал голову в сторону и обозревал утренний пейзаж.

«Какие цвета! Сколько красок!.. Господи Иисусе! Какие краски!» — думал Тибор.

Утром мир красок живет особой жизнью: эта влажная зелень листьев, эта пастельная маслянистость серо-голубых перышек сойки, этот насыщенно-сочный цвет конских яблок, — все и вся смотрится иначе! Чудесное преображение длится часов до одиннадцати. Потом буйство красок вроде бы остается, но магия как бы ускользает из мира — влажная магия утра.

Девять тридцать. Западный край неба подернут дымкой тумана. Она напомнила Тибору тени на репродукциях картин Рембрандта. Проще простого подделаться под колорит и стиль этого художника. Толкуют о каких-то особенных глазах на его портретах... И что публика в них находит? Что хочет, то и находит. Потому что Рембрандт дает только тени, тени и

---

¹ Вальденсы — приверженцы средневековой ереси (зародилась в конце XII века в Лионе, зачинатель Пьер Вальдо). Призывали к «евангельской бедности». Выступая против католической церкви, отвергали необходимость духовенства как особой категории. Упоминная вальденсов, Пит Сэндз наносит походя очередную обиду священнику.

тени. Ничего больше. Он не утренний художник, а потому ничего не стоит писать точнехонько в его манере. А вот картины этих истинно утренних художников, импрессионистов, которые образовали единое направление, быть может, только потому, что жили в одном районе Парижа и сидели рядом за столиками в кафе «Gai Bois» — их картины черта с два подделаешь. Они умели увидеть необычайность утреннего мира — и норовили ухватить его, пробуя то одни приемы, то другие, ходя кругами вокруг совершенства.

Тибор упоенно наблюдал за птицами, впитывал прелесть их полета. Ах, утро даже слишком хорошо! Так бы и нарисовал всю эту благодать акварелью! Или нет, лучше не пожалеть сил и нарисовать маслом — слой за слоем, слой за слоем, как это ни трудно.

Рисовать, рисовать — работой отстраняя от себя...
Что отстраняя?

Корова тихонько всхрапнула, и Тибор отозвался ласковым, столь же нечленораздельным звуком.

Господи! Знал бы кто, как он ненавидел работать при искусственном освещении! Да, церковного полумрака, освещенного свечами или факелами, достаточно для проработки деталей, для росписи темных углов или фризмов, — словом, для работы над второстепенным. Но произведение в целом — *das Dinge selber* — должно быть дитя света, творение утра.

Мысли, улетевшие так далеко, вернулись к земному, насущному — и утренние краски на время как бы поблекли.

Дом Абернати располагался за холмом, примерно в миле отсюда. С такой скоростью он прибует туда к десяти. И что потом? Тибор снова отгонял размышления на эту тему — тем, что стал мысленно рисовать дерево. Однако на новосозданном рисунке наступила вдруг осень, листья увяли и облетели.

Так что же потом?

Он вторгся в его сознание неожиданно — образ Бога любви и милосердия. Буквально несколько дней назад. Если его примут в лоно христианства и окрестят, ему, как он это понимает, даже не придется исповедоваться и получать отпущение грехов. Когда-то еретики-анабаптисты решительно отрицали таинство

исповеди. Лично он ничего против исповеди не имеет, вот только не хочется выворачивать глубины своей души, разнагишаться перед кем-то в сутане — признаваться в тайном вожделении, говорить о том, как его воображению рисовались груди Элен — подобные облакам, или молочная кожа на животе Лурин, или как он мысленно впивался в медовые губы Фэй. Совсем не тянет рассказывать о том, как он присваивал холсты и мраморные блоки для создания собственных, а не заказных произведений.

Что сказал бы на все это доктор богословия Абернати? А, вилы ему в бок! Ничего этого он не услышит! Сегодня же будет так: Абернати елейным голоском посоветует ему и то, и се, всучит катехизис для внимательного изучения, дабы позже проэкзаменовать, совершить обряд крещения и объявить христианином. Все пройдет без сучка, без задоринки...

Но что же в таком случае портило радость от этого замечательного утра?

Ночью ему снилась его настенная роспись. Пустое место в центре, где следовало изобразить Карлтона Люфтойфеля, буквально вопияло о заполнении. Глаза на фотке, которую подсунул Доминус Маккомас, упрямо глядели мимо Тибора. Никак этот человек не хотел посмотреть ему прямо в глаза. Ну да ладно, рано или поздно их взгляды встретятся. Стоит только увидеть этого человека, поймать его взгляд — не ускользающий, как у героев Рембрандта, нет! — а точно сфокусированный взгляд Господа Гнева, и вобрать в свою память каждый мускул, каждую черточку Его Лица, — как они двигаются, как изменяются, что напряжено, что расслаблено; стоит ему хорошенько рассмотреть Его мешки у глаз или синие круги под Его глазами, прочувствовать параллелограммы Его лба и все прочие составляющие лица, в открытую обращенного к нему хотя бы на мгновение-другое в утреннем свете, — о, тогда вакуум в центре картины будет немедленно заполнен! Если Тибору доведется хоть однажды увидеть это лицо, тогда и весь мир вместе с ним увидит это лицо — через призму тиборовского видения, благодаря его шестипалому манипулятору...

Он сплюнул на дорогу, облизал губы и прокашлялся. Восхитительное утро действовало на него слишком пьяняще.

Голштинка — милая его Кори — обогнула холм. До жилища Абернати оставалось не больше мили.

Вкатившись в кабинет священника, Тибор пытли-во вглядывался в хозяина.

— Спасибо за кофеек, — сказал он, принимая чашку кофе и проворно проделывая все нужные операции, чтобы сделать пару освежающих глотков.

Абернати добавил в свою чашку сливок и сахара и шумно помешивал кофе.

Какое-то время они сидели молча, потом Абернати проронил:

— Короче говоря, вы намерены перейти в христианство.

Вопрос угадывался не по интонации, а по тому, что брови священника слегка взметнулись вверх — словно вопросительно.

— Да, я проявляю известный интерес к этому. Вчера вечером я уже имел случай сказать...

— Помню, помню, — кивнул Абернати. — Само собой разумеется, мне в высшей степени приятно, что наш пример столь вдохновил вас. — Он отвернулся от Тибора и, пристально глядя в окно, выпалил размеренной скороговоркой: — Способны ли вы поверить в Господа Всемогущего, Творца всего сущего на Небесах и на Земле, пославшего нам сына своего Иисуса Христа, Господа нашего, рожденного непорочно Девой Марией и преданного пыткам Понтием Пилатом, распятого, умершего и погребенного, а затем на третий день воскресшего из мертвых?

— Думаю, что да, — произнес Тибор. — Да, верю.

— Веруете ли вы в то, что Он однажды вернется, дабы судить всех живущих и мертвых?

— Если очень постараюсь — поверю, — отозвался Тибор.

— А вы, что бы там ни было, человек честный, — признал Абернати. — Теперь я скажу вам вот что: по слухам, мы мертвой хваткой впиваемся в каждого, кто

проявит хоть малейший интерес к нашему вероучению. Это вздор. Я с удовольствием приму вас в лоно нашей церкви — но лишь убедившись, что вы поступаете сознательно, взвешенно, не с кондачка. Могу подсказать вам существенный аргумент *против* перехода: наша церковь неизмеримо беднее церкви Служителей Гнева. Если вы ищете материальной выгоды — забудьте дорогу к нам. Мы не то что настенных росписей не можем себе позволить — даже иллюстрировать святыя книги нам не по карману.

— О материальных выгодах, святой отец, я думаю как раз менее всего.

— Ладно, — сказал Абернати, — я просто хотел убедиться, что между нами нет недопонимания.

— Да, я уверен, что поступаю не вслепую.

— Итак, вы служите в церкви Господа Гнева, — произнес Абернати, подчеркивая каждое слово.

— Я взял у них аванс, — сказал Тибор, — и должен выполнить работу.

— А что вы на самом деле думаете о Люфтойфеле? — спросил Абернати.

— Я ведь его никогда не видел. А рисовать предпочитаю того, кого видел своими глазами. Фотография, что они мне дали, могла бы помочь лишь в том случае, если бы я увидел Люфтойфеля — хотя бы краем глаза, хотя бы на мгновение-другое.

— А как он вам — в качестве Бога? — спросил Абернати.

— Да как вам сказать... шут его знает.

— А как человек? — не унимался священник.

— А шут его знает...

— Если вы пока толком не разобрались в своих чувствах, стоит ли вам пороть горячку? — усомнился Абернати. — Когда по-настоящему припрет, тогда и примете окончательное решение.

— Штука в том, что ваша религия предлагает больше, — сказал Тибор.

— Например?

— Любовь, веру, надежду.

— Но деньги-то у них вы взяли, — сухо констатировал Абернати.

— Взял, — кивнул Тибор. — И даже успел заключить с ними договор.

— По условиям которого вы не можете отвернуться от Странствия? — спросил Абернати.

— Угу, — со вздохом отозвался Тибор.

— Если вы сегодня перейдете в истинную веру, как быть с этим вашим договором?

— Откажусь.

— Почему? — продолжал допрос святой отец.

— Потому как не желаю пускаться в Странствие.

Оба сделали несколько глотков кофе — в полном молчании.

— Вы считаете себя порядочным человеком, — наконец проговорил Абернати. — Порядочный человек выполняет взятые на себя обязательства. А вы хотите изменить своему слову и переметнуться к нам.

Тщательно избегая взгляда Абернати, Тибор вымолвил:

— Я могу вернуть им аванс.

— Это само собой, — сказал Абернати, — ибо и в Святом Писании сказано: «Не укради!» От выполнения этой заповеди никто не изъят — в том числе и Служители Гнева. Поэтому у вас только два варианта действий: или вернуть взятые деньги, или выполнить заказ и довести работу над фреской до конца. Кстати сказать, как был сформулирован заказ?

— Расписать церковь — и чтоб был изображен сам Господь Гнева.

— Вот оно как... И где же ваш Бог живет?

— Этот вопрос выше моего разума, — сказал Тибор и отхлебнул кофе.

— Разве Он, будучи жителем Вечности, не вездесущ? Разве он не присутствует в любом месте и в любое время? — спросил Абернати. — Мне казалось, что Служители Гнева и христиане в этом вопросе сходятся.

— Да вроде бы так, — пожал плечами Тибор. — Но это касается Его как Всемогущего Бога...

— Ну да, Его можно отыскать где угодно!

— Святой отец, что-то я не попеваю за ходом вашей мысли...

— А что, если вы не сумеете найти Его? — спросил Абернати.

— Тогда я не смогу завершить церковную роспись, — сказал Тибор.

— И как же вы поступите в таком случае?

— Что ж, буду зарабатывать на пропитание тем, чем зарабатывал прежде: малевать вывески, дорожные знаки, красить дома. Деньги за фреску, разумеется, верну...

— Зачем же такие крайности! — воскликнул Абернати. — Поскольку Господь Гнева — ежели он и *впрямь* Господь — обретается в любой точке им же сотворенного мира, то его трудно не найти, коли заняться поиском всерьез.

Несколько растерянно, но не без скрытого восхищения, Тибор произнес:

— Боюсь, что я все еще не совсем уразумел смысл ваших слов...

— А вдруг Его лик привидится вам на облаке? — сказал Абернати. — Или на соляных глыбах Большого Соленого озера — ночью, при свете звезд? Или в предвечернем мареве летнего дня, когда жара только-только спадает?

— Это будет зыбкое видение, — сказал Тибор. — Догадка, а не истина. Словом, подделка.

— Почему вы так уверены?

— Потому как я всего лишь смертный, а значит, способен ошибаться. Если мне предстоит угадывать, я могу и сплоскать.

— Но ежели Он пожелает быть увиденным и изображенным верно — разве он позволит вам ошибиться! — возликовал Абернати. — Неужто ваш Господь попустит существование своего искаженного портрета!

— А шут знает... Наверное, не попустит... Однако же...

— Ну так чего ради тратить столько времени, сил и нервов, — воскликнул Абернати, — ежели можно выполнить эту работу таким вот образом — и не рвать себе душу в клочья!

Тибор какое-то время остоленело молчал. Затем буркнул:

— А по мне, это не дело. Не по правде.

— Да бросьте вы! — сказал Абернати. — Какие тут сомнения? Вы же сами понимаете — Он может быть кем угодно, Он может быть каким угодно! Скорее всего, вам никогда не отыскать настоящего Карла Люфтойфеля!

— Какие сомнения? А вот такие — не по правде это, и все тут. Мы договорились, что в центре фрески я изображу Господа Гнева — совершенно реалистично, подобающими красками, точно. И стало быть, мне позарез надобно хоть разок глянуть на него.

— Да неужто это *действительно* важно? — стоял на своем Абернати. — Вы подумайте: много ли людей до войны знали, как он выглядит? И выжил ли хоть один из тех, кто помнит его в лицо? Предположим, Люфтойфель действительно еще жив. Но узнали бы его сегодня — спустя многие годы — те, кто его знал прежде?

— Да я не про то, — сказал Тибор. — Я понимаю, что могу изобразить какое угодно лицо — никто меня за руку не схватит. Мне ничего не стоит перенести лицо с фотографии на стену. Штука в том, что это будет вранье. Это не будет правдой.

— Правдой? — запричитал Абернати. — «Это не будет правдой!» Не смешите меня!.. Что такое правда в этом случае? Неужели хоть один истинный верующий в Господа Гнева перестанет верить или станет верить меньше от того, что лицо на церковной фреске не будет *подлинным*? Да конечно же, нет! Сто раз нет! Поверьте, я не пытаюсь унизить этими словами «конкурирующую» религию. У меня этого и в мыслях нет. Я просто очень и очень высоко ценю вас. А Странствие — дело архирискованное. Чтобы не сказать гибельное. Ну, угробите вы себя во время этого путешествия — кто от этого выиграет? Никто. А ежели вы погибнете — это будет потеря? И душу живую задарма погубят, и хорошего художника. Мне больно думать, что мы потеряем вас вот так — ни за что ни про что.

— Я бы не стал называть это «задарма», — энергично возразил Тибор. — Тут речь идет о чести. Мне заплатили за определенную работу, я дал слово. И — видит Бог, ваш или ихний! — я намерен выполнить

свою работу добросовестно. Потому как я всегда работаю по совести.

— Ну-ну, не кипятитесь, — сказал Абернати, шуточно поднимая руки, как будто сдаваясь. Он неспешно отхлебнул кофе и продолжил: — Гордыня, кстати, тоже грех. Из-за своей гордыни Люцифер был низвергнут с Небес. Я бы даже сказал, что из семи смертных грехов непомерная гордость есть наихудший грех. Гнев, скупость, зависть, похоть, лень, обжорство — все это относится к взаимоотношениям человека с себе подобными и с миром в целом. А вот гордыня — это нечто абсолютное по своей мерзости, ибо она есть субъективное отношение человека к самому себе. И потому она — грех самый лютой. Ведь гордыня не нуждается в основаниях гордиться. Это верх нарциссизма, верх самолюбования. У меня такое ощущение, что вы — жертва именно такой греховной гордыни. Вы упиваетесь своей честностью, не можете налюбоваться своей идеальной честностью!

Тибор рассмеялся. Потом принялся за кофе. Возня с чашкой давала ему возможность подумать.

— По-моему, вы распекаете меня зазря, — сказал он наконец. — У меня нет ни малейших оснований гордиться.

Поставив на стол чашку, Тибор нарочито вытянул перед собой металлический манипулятор.

— Судите сами, мне ли любоваться собой! Да я же, черт побери, наполовину робот. Любой из перечисленных вами грехов мне ближе, чем гордыня.

— Ну, тут я с вами мог бы спорить до хрипоты, — сказал Абернати.

— Я в общем-то пришел не спорить о моем характере, а поговорить касательно религии...

— Да-да, вы правы, правы, — кивнул Абернати. — Но разве мы до этого момента говорили не о религии? Я лишь пытаюсь представить вам в правильном свете вашу предстоящую работу — так сказать, поместить ее в контекст реальности: убрать те искажения, которые она претерпела в вашем сознании. Хотите еще кофейку?

— Да, будьте добры.

Пока Абернати наливал кофе, Тибор смотрел в окно. «Близится одиннадцатый час, — думал он, — момент истины для всего мира. И что-то действительно произошло. А что — пожалуй, я никогда так и не пойму».

Отпив горячего кофе, Тибор вернулся мыслями к предыдущему вечеру.

— Святой отец, — промолвил он после долгого молчания, — я затрудняюсь определить, кто из вас прав — вы или они. А может, мне и не дано этого понять — до самого смертного часа. Но не могу я обмануть, если сказал, что сделаю. Будь заказчиком христианская община — я бы точно так же держал слово перед вами.

Абернати солидно помешал сахар в своей чашке, сделал пару маленьких глотков.

— Мы бы по крайней мере не очень горевали, кабы вы не отыскиали Христа вживе для нашей «Тайной Вечери», а просто написали его впечатляющее изображение — в согласии со своим воображением и талантом. Я отнюдь не отговариваю вас от работы на Служителей Гнева, выполнение которой вы считаете своим моральным долгом. Но мне кажется, что вы досадно заблуждаетесь и создаете себе искусственные трудности. Смотрите на это проще. И сразу станет легче.

— Не легкости я ищу, святой отец, не легкости.

— Эк вы все поворачиваете! — крикнул Абернати. — Послушать вас, я говорю ужасные вещи. Стоит ли истолковывать мои слова так превратно? Повторяю, по моему разумению, у вас есть возможность избежать искусственных трудностей...

— Иначе говоря, вы предлагаете мне явиться в город после непродолжительного отсутствия и объявить, что я видел Господа Гнева, а потом быстро намазывать его — и с плеч долой. Так?

— Если говорить без обиняков, — сказал Абернати, — то мое мнение: да. При этом вы никого не обманете.

— Даже себя самого?

— Эхе-хе-хе, уж эта ваша гордыня! — вздохнул Абернати. — Уймите вы ее!

— Не хочу вас обидеть, сэ, — сказал Тибор; — но так дело не пойдет. Извините, не могу я поступить таким вот образом.

— Экий вы! Отчего же «не могу»?

— Потому как это не по правде, — устало повторил Тибор. — Не такой я человек, чтоб на подобные хитрости идти. Честно говоря, ваше предложение принудило меня серьезней задуматься о христианстве. Похоже, я повременю с решением креститься.

— Как вам угодно. Меня ваши колебания не удивляют. Согласно нашему вероучению, всякую бессмертную душу постоянно подстерегают опасности и соблазны.

— Но ведь вы веруете в возможность конечного спасения каждого человека, не так ли?

— Правильно, — сказал Абернати. — Кто приобщил вас к этому взгляду, который исповедуют иезуиты?

— Фэй Блейн, — сказал Тибор.

— Ах, она...

— Что ж, спасибо за кофе, сэ. Полагаю, мне пора...

— Позвольте дать вам катехизис — почитаете в дороге.

— Да, буду весьма благодарен.

— Признайтесь, Тибор, вы меня не любите — и не уважаете?

— Разрешите мне оставить свое мнение при себе, святой отец, — сказал Тибор, не потупляя глаз.

— Ладно, оставайтесь со своим мнением, а книжку — возьмите.

— Спасибо, — кивнул художник, беря катехизис ловкими механическими пальцами.

Абернати торопливо заговорил:

— Я открою вам одну вещь, которую вам бы следовало знать. Я набрел на это, когда читал одну книгу про верования древних греков. Был у них бог — Аполлон, славный своим постоянством. При любых обстоятельствах он оставался самим собой, не изменялся — был, так сказать, адекватен самому себе, ни под кого и ни подо что не рядился, никогда. — Священник кашлянул и продолжал еще большей скороговоркой: — Но

был у древних греков и другой бог — Дионис, бог-шалопай, бог безрассудный, бог метаморфоз — постоянный в своей изменчивости.

— Что такое «метаморфозы»? — угрюмо спросил Тибор.

— Изменения. Превращения. Перетекания из одной формы в другую. Так вот, ваш Господь Гнева тоже из разряда безрассудных богов. Стало быть, от него, как от Диониса, можно ожидать чего угодно — что он будет прятаться, камуфлироваться, принимать разные облики, дабы скрыться за маской, *лишь бы не быть тем, что он есть*. Как вам нравится поклоняться богу, который постоянно норовит быть не тем, каков он есть на самом деле?

Тибор глядел на него озадаченно.

Абернати был озадачен тем, что его собеседник так озадачен.

Потуги двух обычных людей, в общем-то не семи пядей во лбу, понять друг друга, что-то растолковать друг другу, достучаться друг до друга — закончились взаимной озадаченностью. Понимания не возникло.

— А-а, — сказал наконец Абернати, — эти рассуждения так утомляют... — Он поднялся со стула. — Когда вернетесь, заглянете ко мне?

— Может, и загляну, — произнес Тибор, приводя в движение свою тележку.

— Христианский Бог... — нерешительно начал Абернати. От него не укрылось, до какой степени измученным казался Тибор. Иногда не понимать — большая физическая работа: все равно что кирпичи таскать. — Христианский Бог — это Бог постоянства, Бог неизменный. «Я есмь сущий», — сказал Господь Моисею, согласно Библии. То есть «я — это я». Он ни во что не превращается, не скрывает своего существа. Это и есть наш Господь...

Оказавшись вне дома, Тибор обнаружил, что все волшебство утра улетучилось. Дело шло к полудню, солнце скрыло свой лик за куцым облаком, а его любушку Кори угораздило проглотить живого шмеля и теперь она маялась животом...

Глава 5

В свое логово он вернулся за полдень. Дверь бункера сперва сердито заворчала, когда он сунул палец в щель электронного замка, потом узнала изгибы и петли на его коже и наполовину откатилась вправо. Он боком проскользнул внутрь, пяткой наподдал дверь, и та покорно закрылась.

Поправив свой заспинный мешок с новым запасом гербицидов, он несколько секунд ощупывал недавно выросшую шишку над левым виском. Как и следовало ожидать, она ныла, и тупая боль разливалась по всей голове. Но его так и тянуло пощупать ее снова и снова. «Вот так же беспрестанно, — подумал он, — трогает щеку тот, у кого болит зуб».

Он проглотил еще одну таблетку из своих фармацевтических запасов, заранее зная, что почувствует лишь частичное облегчение. Затем двинулся вперед по всегда освещенному — всегда едва освещенному туннелю. Этот туннель вел к многочисленным помещениям бункера. По дороге в ту комнату, где он спал в последнее время, он споткнулся о маленький красный игрушечный грузовик. При падении быстро вскинул руку и успел защитить большую голову, но сильно ударился плечом о стену. От удара грузовичок загудел и покатился вперед по туннелю.

Мгновение спустя из комнаты с громким сопением выскочило грузное существо невысокого роста.

— Би-бип! Би-бип! — прокричало оно, топоча по коридору и подражая автомобильному гудку.

Он медленно поднялся — сперва на колени, потом встал во весь рост, доковылял до своей комнаты и заглянул в нее. Так и есть — комната превратилась в

настоящий свинарник. «Завтра надо перебраться в следующую, — подумал он, — благо здесь их предостаточно. Проще сменить комнату, чем заниматься уборкой».

Он швырнул мешок на ближайший стол и бесильно рухнул на кровать, прижимая лоб тыльной стороной ладони правой руки.

На его лицо упала тень — стало быть, он в комнате не один. Не открывая глаз и не меняя позы, он устало прохрипел:

— Алиса, ведь я же приказал тебе: не разбрасывай игрушек в коридоре! Я же дал тебе такой красивый ящик специально для игрушек! Если не научишься держать их в одном ящике — отберу все игрушки.

— Нет! — почти провизжала Алиса. — Би-бип!..

Он слышал, как она бежит, шлепая босыми ножками по полу, — собирает игрушки. Потом раздался скрип.

Он опоздал прикрикнуть на нее, и теперь сжал зубы, с ужасом ожидая неизбежного. Да, последовало оглушительное «бац!» — как удар грома для его больной головы. Это Алиса с грохотом захлопнула крышку ящика. Казалось, звук сперва эхом разнесся по всему бункеру, а потом долго не смолкал под сводами его собственного черепа.

У этой девицы хоть кол на голове теши — не переучишь. Она не виновата, но ему-то от этого не легче! Три недели назад он привел Алису в свою берлогу — слабоумную девушку, которую жители Штуттгарта просто изгнали из поселения. Он и сам толком не понимал, зачем ее притащил — то ли посочувствовал несчастной, то ли захотелось иметь при себе живую душу. А может, и то, и другое. Но теперь-то он отлично понимал, отчего те люди поступили с ней так жестоко. Жить рядом с ней постоянно было выше человеческого сил — хоть на стену лезь! Как только ему станет лучше, он непременно ответит девушку на то же место, где ее нашел — запутавшейся в колючках приречных зарослей и ревевшей в голос.

— Извини, — раздался тоненький плаксивый голосок. — Извини, папочка!

— Я не твой папочка! — резко ответил он. — Будь добра, съешь шоколадку и отправляйся спать!

Ему вдруг безумно захотелось выпить стакан ледяной воды. Дурацкое желание!.. Теперь он весь покрылся потом, хотя внутри него царил мороз, ужасающий мороз! Он сцепил дрожащие руки на груди. Все тело била мелкая дрожь. Он зашарил руками в поисках одеяла, кое-как натянул его на себя, укрывшись до самого подбородка.

Алиса тихонечко напевала в соседней комнате. От этого ему почему-то было немного легче.

А потом он вдруг оказался в своем офисе — весь ужас состоял в сознании того, что лихорадка еще не имеет полной власти над ним и он как бы еще не бредит. К нему приблизилась секретарша с кипой бумаг на подпись — в руке с ярко-розовыми коготками эти бумаги образовывали бутон огромного цветка. Она без умолку тараторила о чем-то — говорила много, возбужденно, а он периодически отвечал, кивал или отрицательно тряс головой, совершал массу жестов — не снимая трубок, нажимал кнопки телефонов, чтобы удерживать звонивших на связи; поглаживал переносицу; дергал себя за мочку уха. Он говорил, однако не понимал ни своих слов, ни слов секретарши, ни того, что ему сообщали по телефонам. Он даже самих телефонных звонков не слышал — только видел помигивание лампочек на аппаратах и был исполнен ощущения отчаянной спешки, неуспевания, отрезанности от мира, своей никчемности и бессилия. А Долли Райбер — так звали секретаршу — все говорила и говорила как заведенная.

И тут он наконец заметил — спокойно, с хладнокровием ученого, — что у нее собачья голова и ее говор мало-помалу переходит в отрывистый лай (как раз лай он воспринимал отчетливо, хотя как будто через слой воды). Он улыбнулся, протянул руку, чтобы погладить ее по шерсти на загривке... но тут секретарша с собачьей головой вдруг превратилась в Алису, которая с любопытством склонялась над его кроватью.

— Я же сказал тебе, что хочу поспать!

— Извини, папочка, — запричитала идиотка.

— Ладно, ступай.

Ее фигурка удалилась, а он нашел в себе силы отстегнуть пояс с амуницией, содрать с себя одежду. Ледяной воды больше не хотелось. Все снятое он бросил у изголовья своей кровати.

Он вытянулся на постели, предавшись свободному течению мыслей, которые причудливо вихрились на фоне пульсирующей боли.

Крысы! Ох уж эти крысы!.. Их было много, они обступали его, придвигались все ближе и ближе... Он потянулся за напалмом. Но крысы вдруг возопили:

— *Избави нас, о избавь нас от гнева Твоего!*

Он расхохотался и вкусил от принесенного ими.

— Временно избавляю, — проронил он, после чего небо взорвалось, рассыпалось и остались лишь медленно плывущие размытые пятна, по большей части красные, хотя имелись среди них и совсем бесцветные.

Он ничего более не ощущал — живя растением меж этих бесформенных проплываний, а затем — или *до* тем? или *после* тем? впрочем, какая разница — потом, потом! — затем услышал и скорее ощутил, чем увидел, свет прямо внутри своей головы, пульсирующий и такой приятный-приятный, и его сознание какое-то время купалось в этом свете — сколько-то часов или сколько-то секунд (какая разница — часов, секунд!), после чего — чего? — он почувствовал, что губы его двигаются, произносятся неслышные слова, — он был так далеко от себя, что не слышал собственных слов, а вслед за тем — за чем? — чужой голос произнес:

— Папочка, а что такое «Заслон-III»?

— Спи, черт бы тебя побрал! Спи! — шепотом рывкнул он, и произнесенное губами наконец-то стало слышным.

Шарк-шарк прочь. Крысы... Избави нас... «Заслон-III»... Свет... Свет?... Свет!

Свет был нестерпимо ярк — словно вспыхнул неоновый огонь, такой же пульсирующий. Ярче и ярче. Красный, оранжевый, желтый. И белый! Белый и слепящий. Он колыхался в чистейшем кипенно-белом свете. Он упивался пребыванием в свете. Но это длилось лишь мгновение. Одно-единственное мгновение.

Свет ослабевал, и он зрел, как оно приближается. Оно скользило по воздуху в его сторону. Он весь съежился, скукожился, норовя полностью ступешаться, стать невидимым, неслышимым, неощутимым, но оно начало свой неумолимый торжественно-медленный спуск — прямо к нему.

— Господи! — возопил он всем своим существом, а оно приближалось неумолимо, приближалось, приближалось... и вот уже совсем рядом.

Венец с железными зубьями пал на его голову, — и зубья впились в его плоть. Но венец продолжал сжиматься — как кольцо из сухого льда вокруг головы.

Оружие! Где оружие? Если у него было оружие, то он, разумеется, попробовал избавиться от венца — и ничего не получилось. Сжимается, тупой болью пронзает, и давит, давит, — сознание его вдруг вернулось к реальности, к бункеру, хотя мучительное давление осталось.

— Алиса! Алиса, ради всего святого!..

— Да, папочка! Что ты хочешь? — донесся ее голосок.

— Зеркало! Мне нужно зеркало! Достань то, маленькое, которое в туалете, и принеси! Только быстро!

— Зеркало?

— Да, зеркало! Шпигель! Отражение! Куда смотрят, чтобы себя увидеть!

— Хорошо.

Топот ножек прочь.

— И нож! Прихвати нож — наверное, понадобится! — таким же слабым голосом прокричал он вслед Алисе — без особой надежды, что она расслышит его слова.

Спустя мучительную вечность Алиса вернулась.

— Принесла.

Он выхватил у дурочки зеркало, поднес его к голове и уставился на свой лоб, скосив левый глаз.

Вот оно! В центре опухоли над виском появилась черная полоса.

— Слушай, Алиса. — Голос его пресекся. Он вдохнул побольше воздуха и продолжил: — В кухне... знаешь ящик, где мы держим ножи, вилки и ложки?

— Вроде бы да...

— Иди в кухню, вынь этот ящик из шкафа и принеси сюда. Весь ящик, со всем содержимым. И неси аккуратно, гляди не опрокинь! Хорошо?

— Кухня. Ящик. Кухня. Ящик. Ящик в шкафу...

— Да! Только быстренько! Одна нога здесь, другая там. Смотри, не оброни!

Она убежала, вскоре послышался глухой удар и звон. Алиса надсадно заревела,

Он рывком опустил ноги с кровати — и рухнул на пол. Немного придя в себя, медленно пополз на кухню.

Оставляя влажные следы потных рук на кафеле, он добрался до вываленной на пол кухонной утвари.

— Папочка, не бей! — скулила забившаяся в угол кухни Алиса. — Извини, я больше не буду. Папочка, не бей!

— Все в порядке, — сказал он. — Возьми себе еще шоколадку.

Он подобрал два ножа разных размеров и пополз с ними обратно к своей кровати.

Медленный путь назад и отдых заняли едва ли не десять минут. Почувствовав некоторую твердость в руках, он левой рукой поднял зеркало к голове, а в правой зажал нож. До боли закусил губу. Первый надрез нужно сделать молниеносно.

Он тщательно нацелил лезвие точно на черную полосу.

Кажется, он закричал от боли даже раньше, чем полоснул себя по лбу.

Девочка прибежала в комнату в полной панике, в голос рыдая. Но и он обливался слезами. И не мог произнести ничего утешительного для нее.

— Папочка! Папочка! Папочка! — твердила она между всхлипами.

— Рубашку дай!

Алиса выдернула рубаху из стопки одежды и протянула ему.

Он почти весело промокнул рубахой кровь на лбу, а рукавом вытер невольные слезы. Затем снова закусил губу и, по металлическому привкусу, определил, что она уже прокушена. Он вытер струйку крови у рта.

— Послушай, Алисочка, ты славная девочка, и я совсем не сержусь на тебя.

— Не сердисься?

— Ни капельки. Ты молодец. Ты хорошая. Очень. Но сегодня ночью ты пойдешь спать в другую комнату. Потому что я буду делать себе бо-бо, ужасно шуметь, будет много кровищи — не хочу, чтоб ты все это видела. Да и ты сама вряд ли захочешь.

— Не сердисься?

— Нет. Но прошу тебя, уйди, пожалуйста, в нашу старую комнату. Только на одну ночь.

— Мне там не нравится.

— Только на одну ночь.

— Хорошо, папочка, — сказала она. — Ты меня поцелуешь?

— Конечно.

Алиса наклонилась к нему, а он ухитрился повернуть свою голову так, чтобы девушка не сделала ему больно и не испачкалась кровью. Поцеловав его, она ушла — не произведя больше никакого шума. Какое облегчение!

На вид Алисе было года двадцать четыре. Однако, невзирая на широкие плечи и заплывшую жиром талию, у нее было лицо ребенка — этакая невинная мордашка керувимчика с полотна Рубенса.

После ее ухода он немного передохнул, потом опять поднял зеркало. Надрез все еще сильно кровоточил. Изучая рану, ему пришлось несколько раз промокать кровь. «Удачно сработано, — решил он. — Первый надрез получился по-настоящему глубоким. Теперь, если хватит духу...»

Он взял нож и нацелил на место повыше черной полосы. Что-то внутри него — там, на бессознательном, животном уровне, где обычно гнездятся все страхи и боль, — орало от ужаса, но он сумел на одну единственную секунду заглушить этот истощный вопль в себе — и этого мгновения хватило, чтобы сделать второй разрез.

Зеркало и нож разом выпали из его рук. Он схватил уже волглую от крови рубаху, промокнул ею окровавленный лоб — и потерял сознание. Ни света. Ни венца с железными зубьями. Ничего.

Пролежав без сознания Бог весть сколько времени, он наконец пришел в себя, стащил рубаху со своего ли-

ца, тупо заморгал, облизал губы, на которых запеклась кровь. Мало-помалу приподнял зеркало и взглянул на себя. Так, ему удалось подрезать эту дрянь с двух сторон. Взял в скобки. Сделал первый шаг. Теперь надо идти вглубь — ковырнуть как следует...

И он ковырнул.

Всякий раз, когда лезвие задевало выступающий кусок металла, было сводящее с ума ощущение гула, как будто его череп — кафедральный колокол после удара исполинского языка. Приходилось на несколько минут останавливаться, чтобы прийти в себя.

Он беспрестанно стирал с лица то кровь, то слезы, то пот. Но своего все же добился.

Мало-помалу он оголил достаточно металла и смог прочно подцепить эту штуковину ногтями. Искусанная нижняя губа превратилась в кровавое месиво, и теперь он кусал свой язык. Взялся попрочнее, примерился и потянул — мощным, стремительным рывком.

Когда он очнулся и, собравшись с силами, взглянул в зеркало, штуковина была выдвинута из раны миллиметров на пять-шесть.

Он смочил слюной еще не залитую кровью часть рубахи и попытался протереть лицо. После этого сжал металлический край кончиками пальцев и рванул что было мочи. Снова крошечная темнота.

Лишь после пятой попытки он выдернул изо лба почти пятисантиметровый металлический шип. Искаженное невыносимой болью лицо было залито потом и кровью. Над левым виском зияла страшная рана. Но сам он мгновенно заснул — умиротворяющим сном без сновидений. Точнее, провалился в черную яму, ниже того слоя, где водятся благостные сны.

Она подкралась к нему на цыпочках — с типично детским, даже в выражении лица подчеркнутым усердием не шуметь. Глядя на него — на это осунувшееся измученное лицо, на окровавленный шип, зажатый в его правой руке, на зияющий лоб, Алиса молча покусывала костяшки пальцев. Ей хотелось скулить и плакать, но не хотелось сердить папочку, а потому она кусала себе пальцы — лишь бы не взвыть.

Но все это было так похоже на канун дня всех святых — на папочке была страшная-престрашная маска.

Ее взгляд скользнул по окровавленной рубашке. Такая мокрая...

— Папочка... — прошептала Алиса. Она взяла сухое полотенце, набросила его на лицо папочки и легкими проворными движениями — словно паучок бежит по паутине — стала промокать все, все, все нехорошее, что было у него на лице, похожее то ли на грязь, то ли на кишение насекомых.

Немного погодя она отняла рубашу от его лица — ей случилось обрезать руку, и она знала, что ткань может присохнуть к телу, если держать ее слишком долго. Будет больно отдирать.

Теперь он выглядел более-менее чистым и не таким страшным.

Полотенце Алиса унесла с собой, в старую комнату, потому что оно касалось его, а он давал ей игрушки и шоколад, и поэтому она хотела иметь что-нибудь от него, чего он не захочет обратно — зачем ему это грязное полотенце?

Спустя много-много времени, разглядывая это полотенце, развернутое на постели, она с радостью и изумлением заметила, что на нем отпечаталось его лицо. На полотенце был отчетливо виден его лик — каждая черточка была как живая. Такой удивительно точный портрет!

Разве что глаза — глаза не были похожи. Глаза были как бы горизонтальные щели, слепые прорези без зрачка, которые глядели вдоль поверхности мира, словно вся Вселенная была одной бесконечной плоской равниной и взгляд мог беспрепятственно путешествовать до бесконечности, до самых пределов беспредельности...

Ей было противно то, какими оказались его глаза на полотенце, поэтому она поспешила сложить и спрятать подальше это полотенце — на дно своего ящика с игрушками. Там оно и осталось, навеки ею позабытое.

На сей раз Алиса закрыла крышку ящика совершенно бесшумно — что-то на нее нашло, и она вспомнила, чему ее учил любимый папочка.

Глава 6

Вот! Человек на четвереньках мечется в глубокой водосточной канаве. Темные глаза его шарят в поисках лазейки. На спине — перекрестье холщовых ремней рюкзака. Над ним блещут молнии, по нему хлещут струи дождя. А у следующего поворота тот — те? то? — настороженно наблюдает за ним, ибо тот — те? то? — знает, что он движется сюда, полуобезумевший от яростной боли в голове. И тот — те? то? — принюхиваясь к воздуху и взирая на место, где соитие бури и почвы рождает жидкую грязь, видит, как голова и плечи мужчины появляются из-за поворота, — и прячется.

Человек нашел открытый люк водостока и прополз в него.

Метров через шесть он включил свой ручной фонарик и осветил потолок. Теперь он стоял, прислонившись спиной к стене в подземном туннеле под холмом. Он вытер лоб рукавом, стряхнул воду с волос и кое-как обсушил ладони, потерев ими о влажные штаны.

На несколько мгновений его лицо исказилось от боли. Потом он потянулся в висевший за спиной рюкзак, достал баночку с таблетками, проглотил одну. Над ним громыхало — и эхо раскатывалось по подземелью. Он чертыхнулся, яростно потер виски. Но боль не унималась, возвращалась снова и снова. Обиженно всхлипывая, он упал на колени.

Дальше он пробирался на четвереньках. Пол шел под уклон вверх. Заметив это в свете фонарика, он встал на ноги и поплелся вперед, пока не вышел к чему-то вроде довольно большой подземной камеры. Запах стоков здесь чувствовался острее, но было про-

сторнее, можно сесть и привалиться спиной к стене. Он сел и выключил фонарик.

Немного погодя таблетка начала действовать, и он облегченно вздохнул.

Вижу, что пришедшее сюда слабосильно.

Он расстегнул кобуру и снял револьвер с предохранителя.

Оно слышало меня и убоялось.

Затем последовала мертвая тишина, которую нарушали лишь отдаленные удары грома. Так он просидел примерно час, пока не задремал.

Разбудил его, надо думать, какой-то звук. Если то был звук, он был неуловим для сознания.

Оно проснулось? Каким образом оно способно услышать меня? Поведай мне: каким образом оно способно услышать меня?

— Я тебя слышу, — сказал он. — И я вооружен.

По пробуждении его мысль и рука разом машинально метнулись к револьверу. Пальцы проворно нащупали курок.

(Образ стреляющего пистолета и ощущение презрительного восторга от того, что восемь падут бездыханными, прежде чем он выронит оружие из рук.)

Левой рукой он снова включил фонарик. Поводив лучиком по подземной комнатке, он заметил в углу несколько парных опаловых бусинок.

Мелькнула мысль: там еда! Мне надо подкрепиться до того, как я вернусь в бункер! Они сгодятся в пищу.

Не ешь меня.

— Ты кто? — спросил он.

В своих мыслях ты называешь меня крысами. Наверно, ты вспоминаешь то, что написано в книжке «Пособие по выживанию для воздушных десантников»: там велят сперва отрезать одну из моих голов, ибо именно в голове содержатся ядовитые вещества, а потом вспороть кожу на животе и сделать надрезы до кончиков всех четырех лап. Если проглотить все правильно, шкурка снимется без усилий. Брюхо надо взрезать, удалить все внутренности. Затем тельце разрывают вдоль позвоночника и обе

части зажаривают на небольшом костре, предварительно насадив на палочки.

— Тютелька в тютельку, — сказал он. — Только ты называешь себя «крысы». Я не понимаю, к чему тут множественное число.

Я — это все мы.

Он продолжал таращиться на бусинки-глаза, которые находились метрах в семи от него.

Теперь я догадался, каким образом ты слышишь меня. В тебе боль, много боли. И именно она странным образом делает тебя таким восприимчивым.

— В моей башке засела чертова уйма металлических осколков с того времени, как взорвался офис. Ума не приложу, какое это имеет значение, но, возможно, это все из-за них.

Да. Могу с точностью сказать тебе, что один из металлических шипов находится близко к поверхности и скоро выйдет наружу. Тогда ты обязан разорвать себе кожу когтями и извлечь его.

— Нет у меня когтей... Впрочем, что это я — а ногти! Так вот отчего такие дикие головные боли. Еще один осколок колобродит у меня в башке... К счастью, я могу воспользоваться ножом. Но как же мне хреново пришлось, когда я извлекал тот, первый осколок!

Что такое нож?

— Сталь, острый, сверкающий, с ручкой.

А где можно достать нож?

— Можно его найти, купить, украсть, наконец сделать самому.

А у меня ножа нет. Зато я нашел твой. Я не знаю, как купить, или украсть, или сделать нож. Поэтому я заберу твой.

Тем временем опаловых бусинок становилось все больше, и они понемногу продвигались в его сторону. Он понимал, что против них револьвер бессилён.

Голову пронзила чудовищная боль, и белые вспышки перед глазами превратили его в слепого. Когда он пришел в себя и зрение вернулось, он увидел перед собой тысячи крыс — со всех сторон.

Он вскочил и заметался.

Сорвал с пояса гранату, вырвал чеку и бросил ее в самую гущу копошащейся массы крыс.

Три секунды ничего не происходило — крысы на- двигались все так же неумолимо.

Слепящая желтая вспышка — словно солнце с поlyingающими краями. Но эта вспышка не погасла, свечение не ослабевало на протяжении многих минут. Белый фосфор! Затем он швырнул в крыс напалм. Он расхохотался, глядя, как зверьки горят, визжат, впиваются когтями друг в дружку. А впрочем, смеялась и ликовала лишь часть его сознания. Орды крыс отступили, но боль в голове вернулась. Теперь это была особенно острая, рвущая боль в области левого виска.

Больше не делай этого — пожалуйста! Я просто не понимал, кто Ты такой.

— Провалиться мне на этом месте, если я не сделаю то же, если вы посмеете опять напасть на меня!

Нет, я не стану. Я принесу Тебе крыс, чтобы Ты мог поест. Я принесу тебе молоденьких жирных крыс. Только избавь нас от гнева Твоего!

— Ладно, согласен.

Сколько крыс Ты желаешь?

— Шести будет достаточно.

Принесу самых отборных, самых упитанных.

Шесть крыс были принесены ему. Он обезглавил их, снял с них шкурки, вычистил и зажарил на спиртовке, которую носил в своем рюкзаке.

Желаешь еще крыс? Я положу к Твоим стопам все, что пожелаешь!

— Нет, пока ничего не нужно, — сказал он.

Ты уверен? Не желаешь ли еще полдюжины?

— Я сказал, пока мне достаточно.

Ты пробудешь здесь, пока буря не утихнет?

— Да.

Но тогда Ты покинешь меня?

— Да.

Вернись ко мне когда-нибудь, пожалуйста. У меня всегда найдутся для Тебя жирные хорошие крысы. Мне очень хочется, чтобы Ты вернулся. ...И избавь нас от гнева Твоего, о Ты, коего в боли своей Ты называл Карлом Люфтойфелем.

— Посмотрим, посмотрим, — сказал он, расплываясь в улыбке.

Глава 7

Тибор Макмастерс недурно смотрелся в своей тележке — он катил вперед даже не без некоторой помпы. Влекомая верной голштинкой, тележка бодро погромыхивала по ухабам дороги, оставляя за собой мили заросших сорняками пастбищ. Равнины поросли особыми сорняками — жароустойчивыми, твердыми. Теперь это область крайне засушливых земель, непригодных для земледелия.

По мере продвижения вперед Тибор ободрялся все больше и больше: ведь он таки начал Странствие, и оно обязательно будет успешным! Вера в успех крепла с каждой новой милей пути.

Он не очень-то боялся разбойников и грабителей, отчасти потому, что вряд ли найдутся дураки, чтобы разбойничать на больших дорогах, которыми никто практически не пользуется... Логика отметала подобного рода страхи: нет путешественников — нет и грабителей.

— О друзья! — громко декламировал Тибор, на ходу переводя первые строки шиллеровской «Оды радости». — Долой печаль! Напротив, воспоем...

Он осекся, потому что дальше не помнил. Тьфу ты, нечистая сила, как наша память порой кобенится!

Солнце палило нещадно — блесна из добела раскаленного металла, что качается в волнах прилива и отлива бытия.

Калека кашлянул и сплюнул, а коровенка все так же споро шагала вперед.

Э-эх, куда ни глянешь, повсюду следы разрушения. Кругом сорняки да сорняки — ишь, какое им приволье! Все позаброшено, никому ни до чего нет дела.

Теперь он повторил строку Шиллера — мысленно, раздумчиво, на языке оригинала:

— O Freunde! Nicht diese Tone. Sondern...

А ну как нынче вывелась новая порода дорожных головорезов — невидимая! А что — какая-нибудь мутация... Теперь мутации на каждом шагу. Похоже, все кругом какое-то *мутонутое*.

Эта мысль — про невидимых разбойников — застряла у него в голове. Он ее повертел и так, и сяк, отметил для памяти как очень забавную.

Вздор. Ему нечего бояться людей. Страшиться следует одного: дикости окрестных мест. В особенности его пугала возможность того, что более или менее нормальная дорога возьмет и закончится. Да что там: достаточно нескольких глубоких канав поперек дороги — и поворачивай оглобли! Раз плюнуть — угодить в какую-нибудь яму и отдать концы среди окрестных неприветливых огромных валунов. Не самый лучший способ распротиться с жизнью. Впрочем, и не самый худший.

Дорогу преграждали поваленные стволы. Тибор чуть натянул поводья и заставил голштинку замедлить шаг. Щурясь на ярком солнце, он внимательно приглядывался к завалу.

Похоже, деревья упали сами собой в самом начале войны. Лихие люди к этому не имеют отношения.

Его тележка подкатила к первому стволу и остановилась. Хм-м. Поверх стволов навален щебень и земля — своего рода узкий мостик. Будь у него ноги или путешествуй он на велосипеде — вмиг бы переехал и оказался по ту сторону завала. Но он на большой тележке, неповоротливой, неустойчивой. Такой утлый переезд не для нее.

— Язви твою душу! — в сердцах сказал Тибор.

Он сидел в неподвижной тележке. Ветер тихо пошвыстывал между поваленными стволами. Человеческих голосов не слышать. Откуда-то очень издали доносится неясный звук — не то собака воеет, не то какая-то птица постанывает. Издалека невнятно — «У-у, у-у».

Тибор досадливо сплюнул и еще раз осмотрел завал и мосток через него.

«Авось пронесет, — подумал он. — А что, ежели, не приведи Господь, застряну? Эх, была не была!»

Он вцепился манипулятором в рулевое колесо, причмокнул — и голстинка тронулась с места. Тележка еще прокатилась по бурьяну, росшему на дороге, и въехала на узенькую насыпь из щебня и земли поверх древесных стволов. Ее колеса заходили ходуном, поднимая облачка рыжеватой пыли и обеспокоенно поскрипывая.

И вот тележку повело, одно колесо не уместилось на щебенке, соскочило с ненадежного мостка, угодило между стволов...

Словом, застрял.

«Да, недалеко же ты уехал», — насмешливо подумал он. Но уже в следующее мгновение его захлестнул животный, тошнотворный страх.

К горлу подступило что-то кислое, грудь и плечи словно горели, кровь прилила к голове — он почти ошалел от позора. Застрять так недалеко от дома — какое гадкое унижение! «Вдруг кто-нибудь увидит меня тут — в полуопрокинутой тележке, пойманного, как медвежий язык в расщепленной колоде. То-то они будут ржать. Животы понадрывают. Посмеются надо мной — да и проедут мимо. Нет, окстись! Разумеется, они помогут. Что это со мной — неужели я стал так цинично смотреть на род людской? Помогут, конечно же, помогут!»

Чтобы отвлечься от своей беды, Тибор достал замусоленную ветхую ричфилдовскую карту и стал изучать ее — вдруг да и найдется какая-нибудь подсказка, как выйти из убийственного положения.

Он быстро сориентировался, где именно находится. Пройдено миль тридцать—тридцать пять. Не густо. Самое начало пути.

Тем не менее он уже в мире, который резко отличался от привычного шарлоттсвилльского. Да, всего лишь тридцать миль — и нате вам, совсем иной мир. И таких совсем других миров, быть может, тысячи и тысячи, непохожих друг на друга, живущих как бы в параллельном, заштатном времени и пространстве. Вон их сколько на карте — названий, которые что-то значили в прежние времена. А теперь тут что-то вроде

лунного пейзажа, с кратерами. Ишь, как здесь повыворотило — ямищи до самехонькой коренной породы. Да, кратеры глубиной до базальтового слоя.

Тибор огрел голштинку кнудом. Пока она тянула вперед, он перевел рычаг скоростей на обратный ход и, сжав зубы, продолжал орудовать рычагом — то заклинивал ход, то отпускал колеса. Тележку мотало вверх-вниз словно на приливной волне.

Пылища поднялась жуткая, запахло паленым смазочным маслом... а толку чуть.

Со стоном калека убрал манипулятор с рукояти коробки скоростей. «Ну что — пожито, попито, пора и дуба давать?» — жалобно проскулила одна часть его мозга. Но тут же другая часть сознания стала ерничать и издеваться над ним самим. «Не нужно никаких посторонних зубоскалов — он самостоятельно исхлещет себя сарказмами лучше самого жестокого насмешника. Что — помиратеньки будешь, обрубок безмозглый? Поделом, дурень, поделом!»

Он принялся осатанело жать кнопку гудка. Гудок был электрический, зычный, и Тибор заставил его работать без перерыва и на полную мощность. Под конец гудок выл как сирена скорой помощи в былые времена. Но Тибору этого показалось мало, он бросил кнопку гудка и схватил громкоговоритель, который взял с собой именно на этот случай — на случай крайности.

— Эге-ге-гей! Есть тут кто? Слушай меня!

Эхо замечательно усиливало его голос, и без того усиленный громкоговорителем. Тибор стал кричать дальше, не жалея легких:

— Меня зовут Тибор Макмастерс, я откомандирован в Странствие Служителями Гнева. Я калека и застрял на дороге. Умоляю, помогите мне!

Он замолчал и прислушался. Только ветер шуршит в зарослях высокого бурьяна. Безлюдная, безмолвная равнина, залитая ядовито-оранжевым солнечным светом.

И вдруг — голос. Несомненно, чей-то голос.

— Помогите! — завопил Тибор в громкоговоритель. — Я заплачу звонкой монетой! Договорились? Ну что, идет?

Он снова прислушался. На сей раз до него донеслось сразу несколько голосов — визгливо-пронзительных. Слов не разобрать — к далеким голосам припутывается эхо и шуршание ветра в бурьяне.

Он схватил бинокль и стал озирать окрестности.

Голая, уродливо-голая степь — где сорняки, где выжженные пустоши. Гигантские кратеры — красноватые глиняные пятна — почти не заросли, повсюду проступают оплавленные участки; а вот развалины построек где занесены землей, где скрыты ползучими сорняками.

Далеко-далеко Тибор высмотрел робота, который вспахивал землю большим металлическим крюком, приваренным к его «талии», — очевидно, этот крюк изготовили из детали какой-нибудь сломанной машины. Занятый своим делом, робот не обращал ни малейшего внимания на вопли Тибора. Железка, она и есть железка. Только существо из плоти и крови понимает, что такое отчаяние и беспомощность, и способно отзываться на зов.

А робот упрямо вспарывал землю ржавым крюком. Шел он вперед медленно, молча, без жалоб, сложившись почти пополам от непомерного усилия.

Тибор тихо ругнулся. Но тут он увидел их — тех, чьи голоса давеча насмешливо дразнили его слух.

Со стороны руин к нему мчались вприпрыжку десятка два чернокожих пацанов. Они визгливо-пронзительно переключались и пересмеивались.

— Куда держите путь-дорогу, сын Гнева? — крикнул Тибору ближайший мальчишка, продираясь через заросли бурьяна и перепрыгивая через ямы.

На вид мальчишка, одетый в длинную латаную-перелатаную красную рубаху, был настоящий африканец. Он подскочил к тележке и, словно резвящийся щенок, стал бегать и прыгать вокруг нее, притаптывая бурьян у поваленных деревьев.

— На запад, — ответил Тибор. — Все время на запад. Но вот угораздило застрять.

Теперь к нему подтянулась вся стайка мальчишек, и он оказался в кольце сорванцов. Это были настоящие дикарята: непрестанно между ними возникали потасовки, они носились сломя голову с места на

место, кричали, толкались — словом, никакой дисциплины.

— Ребята, кто из вас уже ходил к первому причастию?

Ребята вдруг перестали возиться. Они неловко молчали, виновато переглядываясь. Ни один не решился ответить.

— Никто? — удивленно спросил Тибор.

«И это всего в тридцати милях от Шарлоттсвилля! Боже, мир наш развалился, как машина, съеденная ржавчиной».

— Стало быть, вас никто не знакомил со Словом Божьим, как это всегда делается перед первым причащением? Ну и ну! Как же вы, будучи такими невежами, намерены соотносить свои поступки со вселенской волей? И как вы собираетесь узнать о Божьем промысле? — Он возмущенно погрозил своими механическими пальцами мальчишке, который стоял ближе к тележке, чем остальные. — Готовитесь ли вы постоянно к грядущей жизни? Бежите ли вы скверны? Регулярно ли очищаетесь от своих прегрешений? И как часто вы поститесь, как часто воздерживаетесь от плотских утех? Стережете ли таких грехов, как любодеяние, многознайство и праздность?

Ответ был настолько очевиден, что ребята захихикали и снова принялись возиться и толкаться.

— Мотыльки! — возмущенно громыхнул Тибор и фыркнул от омерзения. — Ладно, остолопы, освободите меня, чтоб я мог ехать дальше. Давайте, давайте, я приказываю!

Ребятишки сгрудились у задка тележки и подналегли на нее. Однако колеса только бились о древесный ствол, преграждавший дорогу, и не двигались дальше.

— Зайдите-ка спереди, — велел Тибор, — да поднимите тележку. Ну-ка, все разом взяли — па-а-аднимай!

Ребята покорились, хотя без особой радости.

Тибор поставил рычаг управления на первую скорость. Мотор взревел — и тележка перевалила через первый ствол. Но снова застряла. Опять «на-а-авались», рев мотора — и тележка одолела следующий

ствол. Однако перед третьим она вновь застряла и стала заваливаться назад. Мотор то пыхтел, то визжал, из него вырывались клубы голубоватого дыма.

Все же мало-помалу усилиями ребят, голштинки и электромотора тележка преодолела завал и вновь оказалась на нормальной дороге. Негритята помогли Тибору преодолеть короткий подъем на пологий холм.

С вершины холма ему открылся иной пейзаж.

На полях работали как люди, так и роботы. На тонком слое почвы, которую можно было назвать плодородной лишь с большой натяжкой, качались редкие колосья низкорослой пшеницы. Даже на вид почва была непригодной для земледелия — слишком много в ней металлических осколков. И все же люди ковырялись в этой неблагодарной почве, поливали ее из оловянных банок или пластмассовых контейнеров, найденных среди руин. Один-единственный вол тащил через поле грубо сколоченный воз.

На другом поле женщины руками вырывали сорняки. Двигались они медленно, бестолково — изнуренные, страдающие от кишечных заболеваний, связанных с грязной водой, антисанитарными условиями жизни. Ни на одной не было обуви. Резвые мальчишки, помогавшие Тибору, видно, еще не успели подцепить аскарид, а не то вид у них был бы такой же вялый, как у других детей, которых он видел в полях.

Тибор воздел глаза к небу, затянутому тучами, и возблагодарил Господа Гнева за то, что его, Тибора, миновала чаша сия. Жить среди этой бесплодной пустыни было бы нестерпимо тяжело. Здешних мужчин и женщин словно жарят на адской жаровне — надо думать, из их душ давно выпарилось все дурное, они предельно, удивительно чисты... Вон под кустиком лежит младенец рядом со своей спящей матерью. По его лицу ползают полчища мух — по закрытым глазам, по щечкам. Его мать раскидалась во сне, дышит тяжело, с присвистом, рот открыт, и в него заползают мухи, кожа у нее бледная, землистая, на щеках — нездоровый румянец. Живот у бабы под платьем пузырится — гляди-ка, опять беременна! Еще одну бессмертную душу вызовут из небытия на муки. Беременная заворочалась во сне, и ее исполинские набрякшие груди,

рвущие засаленный лиф грязного платья, грузно заколыхались.

Мальчишки, выручившие незнакомого калеку, собрались было разбежаться, когда Тибор остановил их строгими словами:

— А ну-ка, вернитесь, ребята! Задам-ка я вам несколько вопросов, а вы — отвечайте. Знакомы с катехизисом¹?

Детишки, потупив глаза, стояли кружком вокруг странного безрукого и безногого дяди. Однако сперва один поднял руку — дескать, знаком. Потом второй.

— Так-так, — сказал Тибор. — Вопрос первый. *Кто вы такие?* Вы суть мимолетные эпизоды во вселенной гармонии. Вопрос второй. *Что вы собой представляете?* Неизмеримо малое пятнышко в мире, размеры коего неподвластны воображению. Вопрос третий! *Что есть цель жизни?* Выполнить волю космических сил. Вопрос четвертый! *Где...*

— *Где вы были?* — пробормотал, перебивая его, один из негритят. И сам же ответил: — Мы были среди бескрайних степей. И каждый поворот колеса продвигает нас вперед или повергает во прах.

— Вопрос пятый! — выкрикнул Тибор. — *Что определяет ваше направление у следующего перекрестка?* Ваше поведение в сей земной юдоли.

Вопрос шестой! *Что есть правильное поведение?* Полное подчинение вечной силе Господа Гнева, от коего исходит Божий промысел.

Вопрос седьмой! *Каково значение страдания?* Им очищается душа.

Вопрос восьмой! *Каков смысл смерти?* Разрешить человека от оков этого бытия и возвести на новую ступень бытия.

Вопрос девятый!..

Но тут Тибору пришлось прерваться.

К его тележке приближалась немолодая женщина довольно грозного вида. Тиборовская чуткая голштинка, повинувшись инстинкту, пригнула голову и сделала

---

¹ Катехизис — изложение основ вероучения в форме вопросов и ответов.

вид, что невинно пасется, — хотя местный жесткий бурьян ей был не по зубам.

— Нам надо бежать, — хором прокричали негрятя. — До свидания!

Их разом как ветром сдуло. Только один на секунду задержался и шепнул Тибору:

— Вы с ней не балясничайте! Моя мама говорит, кто с ней свяжется, того она проглотит без остатка. Всосет — как не было! Так что вы берегитесь!

— Ладно, поберегусь, — отозвался Тибор.

По телу его пробежала дрожь. Казалось, воздух кругом потемнел, словно вот-вот нагрянет ураган, и Тибору вдруг стало зябко.

Он догадался, что это за женщина

Ему бы следовало пройти по разрушенным улицам к каменным руинам здания с надломленными колоннами, служившего ее обиталищем. Эти руины и путь к ним ему не единожды описывали устно. В Шарлоттсвилле все подходы к этому месту были хорошо известны и даже занесены на подробнейшую карту. Тибор в свое время не пожалел труда, внимательно изучая эту карту, так что знал наизусть маршрут, которым идти не следовало, ибо он мог оказаться роковым. Тибор знал, что огромные двери в то здание рухнули и лежат у входа — расщепленные взрывом. Он знал даже то, как выглядят мрачные коридоры, ведущие в подземелье.

Сперва пройти по просторным темным комнатам, где царят летучие мыши, где все затянуто паутиной и живет пугающее эхо, потом спуститься вниз... И там он найдет ее — там всякого путника поджидает Супер-М — всезнающая гигантская электронно-вычислительная машина, построенная ради сохранения всех знаний, накопленных человечеством. Поджидает, дабы ответить на три вопроса, которые задаст этот путник. И горе тому, кто не сумеет задать хотя бы один вопрос, на который у Супер-М не найдется ответа. Эти допросы — с предсказуемым исходом — были источником питания Супер-М. В буквальном смысле слова.

— Кто здесь? — произнес женоподобный робот, приближаясь к тиборовской тележке. Это была мобильная часть Супер-М, который обретался в бункере глубоко под землей.

У Тибора язык присох к гортани.

— Кто здесь? — снова прогремела псевдоженщина. В ее голосе чувствовался металлический призыв. Голос был густой, властный, лишенный тепла человеческой речи; казалось, такой же вечный и неостановимый, как сам его нечеловечески могучий носитель — инженерное воплощение неминуемой судьбы.

Тибор перетрусил, что называется, до потери пульса. Так он никогда в жизни не пугался. Даже у древесного завала на дороге его ужас был смягчен горьким юмором.

Сейчас ему было не до иронии.

Калека неловко заворочался в своей тележке, щури глаза и стараясь разглядеть в первых сумерках страшную собеседницу. У нее было плоское лицо — точнее, черты его были словно вбиты внутрь. Лицо ходячей части Супер-М создатели не потрудились оснастить сложной человеческой мимикой. Но поскольку подобие лица все же имелось, Тибору казалось, что оно злобно отлынивает от попыток что-то выразить. Эти наблюдения лишь усугубляли его ужас и заставляли дрожать еще сильнее.

— Я... да я... — Он громко сглотнул, выдавая свой страх. Потом закончил тихой скороговоркой, на одном дыхании: — Я пришел, дабы выразить вам свое почтение, Супер-М.

— Приготовил вопросы для меня?

— Да, — поспешно и твердым голосом солгал он, потому что на самом деле надеялся тихонько проскочить мимо того места. Для того и карту изучал так до тошно — чтобы ненароком не «засветиться». Ан нет — попался!

— Ты задашь свои вопросы внутри помещения, — сказала Супер-М, кладя механическую руку на край тележки.

— Мне нет никакой нужды идти в помещение! — решительно возразил Тибор. — Вы можете ответить на мои вопросы и здесь.

Он понимал, что из бункера ему уж точно не выбраться. Поскольку Супер-М не настаивала, то он прокашлялся и сглотнул слюну — лихорадочно вспоминая точную формулировку первого вопроса.

Три вопроса были записаны на бумажке. Он прихватил их с собой на случай, если не удастся разминуться с Супер-М, которая поджидает всех странников, проходящих по этой дороге. Слава Богу, что у него с собой эти вопросы, составленные отцом Хэнди. Эта страшная штуковина в конце концов затащит его к себе в бункер, но Тибор решил сопротивляться до последнего.

— Как вы появились на свет? — спросил он.

— Это твой первый вопрос?

— Нет, нет! — проворно отозвался он. Разумеется, это не было его первым вопросом.

— Что-то я тебя не узнаю, — очень бытовым тоном сказала мобильная часть сверхкомпьютера. Сейчас в ее голосе звучали не стальные, а визгливые, оловянные нотки. — Ты нездешний?

— Я из Шарлоттсвилля, — ответил Тибор.

— И ты совершил это путешествие с целью задать мне несколько вопросов?

— Да, — ничтоже сумняшеся солгал он.

Тибор сунул механическую руку в карман и пощупал для собственного ободрения однозарядный короткоствольный крупнокалиберный пистолет, выданный ему отцом Хэнди.

— У меня есть пистолет, — брякнул он.

— Да ну? — тон реплики был отрешенно-саркастический.

— До сих пор я никогда не стрелял из пистолета. У нас есть запас пуль, но я не знаю, годны ли они.

— Как тебя зовут?

— Тибор Макмастерс. Я неполный, то есть у меня нет ни рук, ни ног.

— Фокомелус, — сказала Супер-М.

— Простите... не понял, — запинаясь, пробормотал он.

— Ты совсем молодой. Я немного различаю твои черты. Часть моих приборов погибла или была повреждена во время Катастрофы, но я все же не совсем

слепая. Вижу, на тебе одежда военного. Где ты ее раздобыл? Ведь твое племя не производит подобных вещей, так?

— Не производит. Это действительно военная форма. Судя по расцветке, форма солдата войск ООН. — Дрожа всем телом, он спросил хриплым голосом: — Правда, что вас сотворил сам Господь Гнева — своими собственными руками? Правда ли, что он изготовил вас, дабы испепелить весь мир? И придал вам жуткую способность — разлагать все живое на атомы, из которых вы повторяете, наращиваете собственное «тело»? Правда ли, что Господь Гнева, создав пожирателя материи, тем самым исказил Божественный замысел? Мы знаем, что вы собой представляете, — завершил он свою сбивчивую речь. — Но мы не знаем, как вы функционируете.

— Это и есть твоей первый вопрос? Он останется без ответа — во веки веков. Ответ так ужасен, что тебе лучше его вовсе не знать. Люфтойфель был безумцем — и заставлял меня делать безумные вещи.

— Помимо Господа Гнева вас до Войны навещали и другие люди, — сказал Тибор. — Они приходили послушать.

— Как тебе известно, — сказала Супер-М, — я существую уже длительное время. Я помню времена до Катастрофы. И могу многое порассказать о тогдашней жизни. Мир был совсем-совсем другим. Сейчас вы, люди, ходите бородатыми и охотитесь в лесах на диких зверей. А до Катастрофы лесов почти не было, одни города да фермы. И все люди ходили бритыми. Некоторые из них носили белые халаты. Это были ученые. Славный народ. Меня построили инженеры — они тоже относились к разряду ученых. — Она сделала паузу. — Фамилия Эйнштейн тебе что-нибудь говорит? Альберт Эйнштейн.

— Нет.

— Он был самым великим ученым. Вот только со мной он никогда не советовался, потому что умер до того, как я появилась. А я могла ответить даже на такие вопросы, которые ему так и не пришло в голову задать. Компьютеров существовало много, но ни один

не мог сравниться размерами со мной. Все ныне живущие на Земле слышали обо мне, не так ли?

— Да, — сказал Тибор. В голове у него колотилась только одна мысль: как и когда он сможет убраться подальше отсюда. Угроздило его попасть в тенета к этой сверххреновине! Сколько времени он теряет на пустые, но неизбежные разговоры! Хотя — Бог с ним, со временем, лишь бы в живых остаться!

— Ну, что ты хотел узнать в первую очередь? — спросила Супер-М.

В его душе опять заворочался спящий, животный страх.

— Дайте подумать. Мне надо очень точно сформулировать свой вопрос.

— Да, тебе бы стоило сформулировать его чертовски точно, — изрекла машина голосом, лишенным даже подобия выразительности. Гляди-ка, она еще и шутить пробует!

Горло Тибора враз пересохло. Сиплым, чужим голосом он сказал:

— Первым я задам самый простенький вопрос.

Тут он вытащил бумажку из нагрудного кармана, поднес ее поближе к глазам, набрал побольше воздуха в грудь и прочитал вопрос:

— Откуда берется дождь?

Гробовое молчание.

Трепеща от ожидания, он не утерпел и сказал:

— Ну так как? Можете ответить на этот вопрос?

— Дождь, в сущности, берет начало над поверхностью Земли — преимущественно над гладью океанов. Влага поднимается вверх, к небу, в результате процесса, называемого «испарение». Активный агент этого процесса — солнечное тепло. Океанская влага поднимается вверх в виде мельчайших капелек воды. Эти капельки на большой высоте встречаются с холодными слоями воздуха. И происходит конденсация. Влага собирается в то, что люди называют облаками и тучами. Когда собирается большое количество влаги, она проливается вниз крупными каплями. Это и есть дождь.

Калека почесал свой подбородок механическим пальцем левого экстензора.

— Гм, гм. Ясненько. А вы совершенно уверены, что это так? — с искренним недоверием спросил Тибор.

Впрочем, в словах сверхкомпьютера ему почудилось что-то знакомое. Не исключено, что давным-давно, в лучшие времена, Тибор слышал подобное, ныне забытое объяснение феномена дождя.

— Следующий вопрос, — сказала Супер-М.

— Этот вопрос потруднее, — предупредил Тибор.

Его голос опять стал сипловатым от волнения. Супер-М справилась с первым вопросом — насчет дождя, пусть-ка попробует осилить следующий!

— Скажите мне, — медленно произнес он, — что заставляет солнце двигаться по небу? Почему оно не падает на землю?

Передвижная часть компьютера стала издавать причудливые жужжащие звуки — что-то вроде смеха.

— Ответ тебя очень удивит. Солнце вообще не движется. Правильнее сказать, то перемещение, что видят люди, вовсе не является движением. Люди наблюдают за движением Земли вокруг Солнца. Поскольку люди находятся в позиции неподвижных наблюдателей, им чудится, что перемещается солнце. Смехотворное заблуждение. Вокруг Солнца вращаются по эллиптическим орбитам девять планет. Земля — одна из них. Полагаю, что это исчерпывающий и удовлетворительный ответ на твой вопрос.

Сердце Тибора упало. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы взять себя в руки, справиться с холодным огнем, пробежавшим по всему его куцему телу.

— Иисусе! — произнес он вполголоса, обращаясь не то к себе, не то к почти безлицей механической мегере, стоявшей возле его тележки. — Что-то мои вопросы не того... Впрочем, задам третий, последний.

Но эту сволочь ничем не смутить — непременно ответит, так ее растак!

— Думаю, с этим вопросом вы сядете в лужу, — произнес он вслух. — Ни единое живое существо ответа на него не ведает. Ну-ка: что было началом Вселенной? Ведь вас при начале мира не было — так? Стало быть, вы ничего про это знать не можете!

— Есть несколько теорий касательно происхождения Вселенной, — ни на мгновение не смутившись ответила Супер-М. — Согласно самой убедительной гипотезе началом мира был Большой Взрыв...

— Никаких гипотез, — решительно перебил ее Тибор.

— Но...

— Только факты!

Повисла тишина. Оба молчали. Немного погодя невнятно-женская фигура «ожила», если этот глагол приложим к машине.

— Возьмем, к примеру, образцы лунного грунта, доставленные на Землю в 1969 году. Их возраст указывает на то, что...

— Вывод давайте, вывод! — снова перебил ее Тибор.

— Вселенной минимум пять миллиардов лет.

— Нет, так не пойдет! — сказал Тибор. — На самом деле вы не знаете. Вы не помните. Та ваша часть, которая знала верный ответ, погибла во время Катастрофы.

Он рассмеялся — надеясь, что его смех покажется со стороны раскатисто-триумфаторским. Но вышел неуверенный смешок, который быстро и стыдливо увял на его губах.

— Вы впали в маразм, — продолжил Тибор чуть слышным голосом, робея от собственной наглости. — Да-да, как облученный старик. От вас осталась пустая хитиновая оболочка, вы лишь обманчивая видимость кладезя всех знаний!

Он понятия не имел, что значит «хитиновая», но употребил это слово для пущей красоты, потому что отец Хэнди имел привычку употреблять его в подобных случаях — с явным осуждением в голосе.

В этот решающий момент Супер-М заколебалась. Эта гадина не совсем уверена в том, что правильно ответила на вопрос. И действительно, следующую фразу Супер-М произнесла странно дрожащим голосом — свидетельство ее растерянности.

— Спустишь на один уровень со мной и покажи мне недостающий или поврежденный блок моей памяти.

— Совсем рехнулась. Как же я его найду! — сказал Тибор и искренне расхохотался.

— Похоже, ты прав, — пробормотала Супер-М.

Псевдоженщина была полна сомнений и даже отступила на несколько шагов от его тележки и коровы.

— Я хочу употребить тебя в пищу, — сказала она без особой уверенности в голосе. — Спустишься на землю и следуй за мной в бункер, чтобы я могла разложить тебя на атомы, как я разлагала всех тех, кто приходил по этой дороге прежде.

— Ишь, чего захотела, образина! Накось, выкуси! Не дожدهшься!

Тибор поспешно запустил свои механические пальцы в карман, выхватил пистолет и прицелился в управляющий блок Супер-М — в электронный мозг мобильной части сверхкомпьютера.

— Пиф-паф, — сказал он со смехом, — и тебе конец!

— Нет, не надо, — ровным тоном попросила Супер-М. — Лучше стань моим помощником. Будешь обслуживать меня. Пойдем вниз, и я тебе покажу...

Тибор выстрелил только один раз. Пуля угодила в металлическую голову и пробила ее. Псевдоженщина закрыла глаза, потом быстро открыла их и долго пристально глядела на Тибора. Потом повела глазами влево-вправо, будто ни на что не могла решиться. Кончилось тем, что она заморгала и стала оседать, пока не рухнула в высокий бурьян.

Тибор протянул к ней манипуляторы, схватил и попытался поднять. Смертельно опасная «образина» теперь превратилась в аккуратную грудку металла — что-то вроде большого сложенного раскладного стула. Пропади она пропадом! На кой она ему? «Если и сумею поднять, — подумал он, — коровенка моя может не справиться с таким грузом ни на что не годного железа».

Тибор тронул спину голштинки кнутовищем. Она не заставила просить себя дважды — потащила за собой тележку с калекой.

«А я таки вывернулся, не пропал».

Стайка негритят расступилась, пропуская тележку. Все время, пока шло его единоборство с Супер-М,

они стояли поодаль и внимательно наблюдали, чем все кончится. Отчего она не раскладывает на атомы этих несмышленишей? Загадка.

Корова неспешно вышла на дорогу и затрусила вперед. Мухи жужжали в воздухе и облепляли ее тело, но голштинка величаво игнорировала навязчивых насекомых, как будто и она понимала, какую великую победу они с Тибором только что одержали.

Глава 8

Корова поднималась все выше и выше. Путь лежал по расщелине между скалами. Справа и слева из земли торчали корни высохших деревьев. Тележка двигалась по изгибам пересохшего русла извилистой реки.

Спустя некоторое время у земли закружился туман. Голштинка захыхалась от подъема и остановилась передохнуть. Тибор ее не тревожил.

Первые капли отравленного дождя прошелестели по листьям бурьяна. Ветер раскачивал мертвые стволы деревьев.

Тибор слегка тронул спину голштинки кнутовищем, и она покорно двинулась вперед.

Тележка покинула пересохшее русло и, перевалив через холм, очутилась на каменистом поле, заросшем подорожником и одуванчиками. Повсюду виднелись высохшие стебли сорняков, впереди — остатки сломанной изгороди.

Тибор вынул замасленную карту и принялся ее изучать. Сомнений нет. Вскорости он повстречает южные племена, а затем...

Голштинка провезла тележку через широкую дыру в изгороди и остановилась у полуразрушенного колодца, наполовину заваленного камнями и землей. Сердце Тибора учащенно забилося от волнения. Что там впереди? Руины здания, торчащие во все стороны деревянные балки, битое стекло, покореженная мебель. А вон обгорелая старая автомобильная шина, изгнивший матрас на ржавых пружинах кровати... По краю поля стояли ряды старых деревьев — теперь сухие безлистные остовы. Все деревья в округе были именно такие — безжизненные черные палки с ветвя-

ми, многие из них выворочены из земли непрерывными ветрами.

Тибор направил тележку к бывшему саду. Ветер порывисто дул ему в лицо, принося струи зловонного тумана. Кожа калеки стала влажной и поблескивающей от оседающего на ней тумана.

— Тпру, — сказал Тибор, натягивая поводья.

На протяжении долгого времени он рассматривал старое иссохшее яблоневое дерево. Никак не мог отвести глаза. Вид этого дряхлого дерева — в отличие от остальных деревьев наполовину живого — и притягивал его, и сердил. «Единственное из всех цепляется за жизнь, — подумал он. — Все проиграли битву за жизнь, а оно продолжает прозябать — такое убогое, такое уродливое...»

Дерево действительно выглядело малопривлекательно: голые ветви, почерневшая кора. Только кое-где трепещут на ветру одинокие листики да упрямо не желают падать несколько уже высушенных, сморщенных яблок. Эти яблоки выглядели позабытыми-позаброшенными сиротами — и ветер-то их лущит, и дождь-то их мочит, и туман донимает своими холодными щупальцами... Внизу, меж камней, застряли старые полусгнившие листья.

Тибор в задумчивости протянул экстензор, механическими пальцами сорвал листок с яблони и вперился в него взглядом.

«Какого рожна я тут делаю?» — мелькнула внезапная мысль.

Корявое почерневшее дерево грозно накренилось от порыва ветра. Узловатые сучья истошно заскрипели. Тибор невольно отпрянул — до того противный звук издал этот древесный старец, цепляющийся за ненужную жизнь.

Близилась ночь. Стремительно темнело. Следующий порыв холодного ветра полуразвернул Тибора в тележке. Он заворочался, завозился, с трудом вернулся в прежнее положение, одергивая манипуляторами свое задравшееся пальцецо. Долина погружалась в густые сумерки. Скоро наступит непроглядная темнота.

В тумане и сумраке яблоневое дерево казалось зловещим, суровым. Ветер сорвал с него еще несколь-

ко листов, и те медленно закружились к земле. Один листок пролетел совсем недалеко от головы Тибора — он попытался поймать его, но механические пальцы схватили пустоту.

И такая тоска его взяла, беспричинная, острая, и такую усталость, смешанную со страхом, он вдруг ощутил, что тут же сказал самому себе: «Надо поскорей убираться отсюда!» — и хлестнул коровенку кнутом.

Но тут его взгляд упал на одно почти живое яблоко на ветви, и он внутренне успокоился — так же внезапно, как до этого ошалел от вдруг поднявшегося из нутра сознания своего сиротства.

Тибор привел в действие рацию, притороченную к тележке в отделении за его спиной.

— Святой отец, — сказал он. — Сил нет продолжать.

Он подождал; ответом было лишь потрескивание. Он стал нетерпеливо крутить ручку настройки, чтобы поймать в эфире хоть чей-нибудь голос.

«Не с моим счастьем. Что ж это за доля такая мне выпала — тащить на плечах все горести мира, такую неподъемную ношу! Не поднять и не бросить. А сердце ноет и разрывается».

И еще он подумал: «Ведь ты сам хотел чего-то в этом роде. Ты хотел чего-то нескончаемого — или полной нескончаемой радости или совершенной нескончаемой скорби. Вот и получил — нескончаемую скорбь. Иного на сем пути обрести ты и не мог. Потерялся на закате, в тридцати милях от родного дома. Ну, куда теперь двинешь, дурачина?»

Тибор снова нажал кнопку микрофона и хрипло произнес:

— Отец Хэнди, нет моей мочи терпеть все это. Тут кругом все мертвое. Ничего, кроме тлена и смерти. Вы меня слышите? Вы меня понимаете?

Он перешел на волну, где должен был слышать голос святого отца. Опять помехи. И молчание.

Во сумраке то яблоко влажно посверкивало и теперь казалось почти черным. На самом деле оно, конечно, красное. Очевидно, гнилое, только отсюда не

видать. Но как оно себя предлагает, как оно хочет быть съеденным, убитым...

Кто знает — быть может, это волшебное дерево. Ему не доводилось прежде видеть волшебных деревьев, а отец Хэнди не единожды рассказывал о них.

«Если я съем это яблочко, произойдет что-то очень хорошее. Христиане — тот же отец Абернати — твердят, что в яблоке — зло, оно есть сатанинский плод, и вонзить зубы в него — значит впустить в мир грех. Но мы-то в это не верим, — сказал он себе. — А коли эта история с яблоком не враки, то приключилась она в незапамятные и в другой стране».

У Тибора целые сутки не было ни крошки во рту. Он изрядно проголодался.

«Сорву-ка я это яблоко. Но есть его не стану».

Он потянулся, сорвал экстензором вожделенный плод и приблизил его к глазам, осветив маленьким шахтерским фонариком, закрепленным на шлеме. И в этот момент...

Да, что-то явственно двигалось на периферии его зрения. Он проворно повел глазами в сторону.

К нему приближались двое.

— Добрый вечер, — сказал тот, что был особенно тощий. — Вы не из наших мест, да?

Оба незнакомца подошли вплотную к тележке, и калека направил фонарик на их лица. Две особи мужского пола, высоченные — под два с половиной метра, худые, покрытые ороговевшей голубовато-серой кожей, которая напоминала золу. На руках по шесть-семь пальцев — и по несколько лишних суставов.

— Здравствуй, — выдавил Тибор.

У одного в руке был тесак для рубки сучьев. У второго, одетого в ветхие штаны и изодранную холщовую рубаху, руки были пусты. Оба — кожа и кости. Причем почти буквально кожа и кости, мяса совсем не заметно. Тело из одних острых углов. Глаза большие, полные любопытства. Веки до странности массивные. Можно не сомневаться, что и внутри у них все так же причудливо — иной обмен веществ, иная система пищеварения, возможно, даже иная клеточная структура. А потому кормиться они могут уже совсем другим — к примеру, окрестной глиной с

личинками, раскаленной лавой или растворенным металлом.

Два монстра с интересом рассматривали пришельца.

— Гляди-ка, — сказал один. — Никак человекоподобный человек!

— Можно и так выразиться, — отозвался Тибор.

— Меня зовут Джексон, — подхватил тот, что был совсем тощий и выглядел помоложе. — А моего друга зовут Поттер.

Тибор не очень ловко пожал сперва одну тощую руку, покрытую голубовато-серой ороговевшей кожей, потом другую.

— Добро пожаловать, — сказал Поттер, широко открывая свои покрытые чешуйками губы. — Можно взглянуть на вашу повозку? Э-э, да вы к ней привязаны! Никогда не видели подобной штуковины.

«Мутанты, — классифицировал их Тибор про себя. — Ящероподобные мутанты». Он старательно подавил брезгливое отвращение и навесил улыбку на губы.

— Я бы с радостью показал вам тележку, ребята, — сказал он, — да вот только больно трудно мне из нее выбраться. У меня нет конечностей. Видите, две железные хваталки — вот и все, что у меня есть.

— Ага, — понимающе кивнул Джексон. — Ну и дела. Видим, видим.

Джексон хлопнул голштинку по боку. Она тихо замычала и подняла голову. Во мраке было видно, как коровенка мотает хвостом.

— И быстро она возит вас? — спросил Джексон.

— Более-менее.

Левый экстензор Тибор опустил в карман, где лежал уже перезаряженный пистолет. В случае чего он уложит хотя бы одного из них.

— Я живу милях в тридцати отсюда. Мы свой поселок зовем Шарлоттсвилль. Слышали о таком?

— А то как же, — сказал Джексон. — И сколько вас там?

— Сто пять человек.

Тибор счел за благо сильно преувеличить размеры населения родного городка. Авось не посмеют убить

жителя большого поселения — побоятся, что кто-нибудь из ста пяти шарлоттсвилльцев явится и отомстит.

— Вы как умудрились выжить? — спросил Поттер. — Ведь тогда всю округу сровняли с землей.

— Мы прятались в подземных шахтах, — объяснил Тибор. — Точнее говоря, наши предки прятались. Успели убраться под землю перед самой Катастрофой. У нас в городке жизнь сносная — ничего устроились. Огородничаем в теплицах, есть кой-какая техника, насосы для воды, компрессоры, электрогенераторы. Есть даже токарные станки. И ткацкие.

Он не стал уточнять, что электрогенераторы работали на мышечной силе и только половина теплиц функционировала нормально. Девяносто лет прошло после Катастрофы — металл и пластик поизносились, невзирая на постоянную починку и заботливое отношение. Все в их городке ветшало и приходило в негодность.

— Вишь ты! — покачал головой Поттер. — Дейв Хантер оказался дураком набитым.

— Дейв? Это тот — большой, жирный? — спросил Джексон.

— Дейв говорит, — сказал Поттер, — что за пределами наших мест больше не осталось человекоподобных людей.

Он с любопытством разглядывал тиборовский шлем с фонариком.

— До нашего поселка час езды на вездеходе, — продолжил Поттер. — Мы с Джексоном выехали охотиться на вислоухих зайцев. У них вкусное мясо, но тащить их непросто — каждый весит килограмм десять.

— И как вы на них охотитесь? — спросил Тибор. — Не с тесаком же гоняетесь!

Поттер и Джексон рассмеялись.

— Смотрите. — Поттер запустил ручищу в карман и достал длинный медный прут. Карман, видать, был преглубокий — да и рука была некороткой.

Тибор осмотрел прут в свете фонарика. Сделан вручную. Кропотливо обработанная мягкая медь. С одной стороны заостренный наконечник. Словом, что-то вроде дротика.

Из другой штанины Поттер извлек некое подобие небольшого арбалета.

— Вкладываем и стреляем, — пояснил он. — Бьет наповал.

— Занятно, — сказал Тибор нарочито беззаботным тоном. Вглядываясь в неясные очертания голубовато-серых лиц, мало похожих на человеческие, он спросил: — А «человекоподобные люди» есть тут поблизости?

— Хрен тут, а не человекоподобные. Ни одного нету, — ответил Поттер.

— Слушайте, — оживился Джексон, — оставайтесь с нами на время! Мы верим, что такие, как вы, приносят удачу нашему племени. Наш Старик будет очень рад приютить вас: вы первый человекоподобный человек, которого мы видим за последнюю пару лет. Как вам наше предложение? Мы будем о вас заботиться, кормить, приносить всякие растения и животных. Давайте поживите у нас недельку!

— Спасибо, ребята, но не могу, — сказал Тибор. — У меня срочное дело. Но вот на обратном пути...

Он порылся в своем вещевом мешке и вынул фотографию Карлтона Люфтойфеля.

— Поглядите, никогда не видели этого человека?

Поттер и Джексон внимательно изучили лицо на фотографии.

— Человекоподобный человек, — протянул Поттер. — Говоря по совести, вы все для нас на одно лицо. Возвращая фотографию Тибору, Джексон заметил:

— А вот наш Старик вполне может узнать этого типа. Идемте с нами. Это большая удача — иметь у себя в гостях взаправдашнего человека. Ну, соглашайтесь!

— Нет, — сказал Тибор, решительно мотнув головой. — Мне надо ехать дальше и непременно разыскать этого мужчину.

Джексон видимо огорчился.

— Послушайте, хотя бы на самое короткое время. Хотя бы переночуйте! Мы вам натащим еды — такой, что едят люди вроде вас.

— Вы уверены, что в округе нет человекоподобных людей? — гнул свое Тибор. При этом он тронул бок голштинки кнутовищем.

— Долгое время мы считали, — сказал Поттер. — что их тут совсем нет. Потом стали ходить неясные слухи, будто живут здесь какие-то. Но только слухи.

Джексон показал сперва в одном направлении, потом неопределенно махнул рукой на юг.

— Нет тут настоящих людей. — Неопределенно махнув рукой на запад, Джексон добавил: — Где-то там живет племя роллеров. — Столь же неопределенно указав на юг, он сказал:— А там обитает два племени багсов. Все они мало похожи на стандартных людей. По округе иногда шастают бегуны. А на севере в норах — подземное племя. Живут как кроты и слепые как кроты.

Джексон и Поттер разом передернули плечами при воспоминании об этих подземных жителях.

— Терпеть не могу все их буры и копалки! — воскликнул Джексон. — А впрочем, все не без странностей. Я думаю, мы вам кажемся... ну, по меньшей мере очень странными.

Тибор постарался сменить тему разговора.

— А что это за особенная такая яблоня? Не то ли это дерево, с которым связано иудейско-христианское представление о змие, соблазнившем человека в райском саду?

— По нашим представлениям рай земной находится на востоке — примерно в ста милях отсюда, — ответил Джексон. — Ведь вы христианин, да?

Тибор кивнул.

— А фотография, что вы нам показали...

— Это христианский святой? — подхватил Поттер.

— Нет, — твердо покачал головой Тибор. «Просто-таки поразительно, — подумал он, — здешние жители, видно, и слухом не слышали про Служителей Гнева, а Шарлоттсвилль знают только по названию. Впрочем, и мы практически ничего не знаем о них».

Тут к ним приблизился третий полуящер.

— Здравствуйте, стандартный, — промолвил он приветливо помахав рукой-лапой. — Прости за любо-

пытство, я подошел поглядеть, какой он — нормальный человек.

После внимательного осмотра полуящер заявил:

— Ну, не так уж вы от нас и отличаетесь. Вы можете жить на поверхности земли?

— Еще как можем, — ответил Тибор. — Но я, так сказать, не образцовый человек. Я «неполный», то есть у меня нет всех конечностей. Сами видите. — Тут он и третьему полуящеру показал фотографию Люфтойфеля. — Не видали такого? Только хорошенько напрягите память. Для меня это очень важно.

— Хотите разыскать его? — спросил новоподшедший. — Яснее ясного, что вы совершаете паломничество. Иначе чего ради вы, безрукий-безногий, предприняли бы многотрудное путешествие — да еще и ночью не прекращали двигаться вперед!.. Ну и хитрая у вас тележка! Неужели вы ее сами соорудили — не имея рук! Или ее построил для вас кто-то другой? А если вам сделали такое занятное средство передвижения, значит, вы человек для кого-то ценный.

— Я художник, — простодушно пояснил Тибор.

— А-а, верно я угадал. Вы человек ценный. Послушайте, «неполный», а вы в курсе того, что за вами следят?

— Что? — сразу же поверил и всполошился Тибор. — Кто?

— Другой стандартный человек, — сказал полуящер. — Но он едет за вами на машине с двумя колесами — такая штуковина с цепью и педалями. Не помню, как называется. Весолипед, что ли.

— Велосипед!

— Ну да, он самый.

— Вы можете меня спрятать? — спросил Тибор и только тогда подумал: «Э-э, да они разыгрывают меня, чтобы затащить к себе в поселок, что, согласно их поверью, приносит удачу».

— Конечно! Запросто! С удовольствием! — в три голоса ответили его новые знакомые.

— С другой стороны, — быстро пошел на попятный Тибор, — один человек никогда не убьет другого человека.

Он и сам понял, какую глупость он сморозил. Человеку убить человека — самое плевое дело. По крайней мере так раньше было. «Вон какую бойню развязали», — подумал он, имея в виду Катастрофу.

Полуящеры о чем-то тихо совещались между собой. Затем Джексон обратился к Тибору с подчеркнuto небрежным вопросом:

— Слушайте, а у вас есть металлические деньги?

— Нет, — настороженно ответил Тибор. Разумеется, он лгал. У него был запас пятидесятицентовых монет в потайном ящичке тележки.

— Я спрашиваю, — продолжил Джексон, — потому что у нас есть собака на продажу.

— Что? — переспросил Тибор.

— Собака.

Джексон и Поттер тут же скорыми шагами скрылись в темноте. Наблюдая за их уверенной походкой в почти крошечной темноте, Тибор пришел к выводу, что у полуящеров и зрение мутантное и они отлично видят в темноте — как коты.

Оставшийся полуящер занялся разведением костра. Собирая сучья, он спросил Тибора:

— Вы что, никогда собаки не видели?

— Видел, но уж очень давно, — машинально солгал Тибор. Он тянул время, чтобы обдумать ситуацию.

— Собака — ваша преданная собака — сумеет отогнать другого человека, если вы дадите ей соответствующую команду. Разумеется, собак надо прежде дрессировать. На эволюционной лестнице они существа низшего порядка — по сравнению с людьми и с нами. Это не те изысканные собаки, которых люди держали у себя дома до Катастрофы. Это одичавшие собаки, которых нужно опять приручать.

— А сможет собака помочь мне в поисках того, кого я ищу?

— Дайте-ка еще раз взглянуть на его физиономию. Ага. Значит, вот кто вам нужен. А он хороший человек?

— Э-э, трудно сказать, — уклончиво ответил Тибор.

— За него обещана награда?

Тибор на секунду задумался, потом торжественно провозгласил:

— Пятьдесят центов!

— Да ну! — Чешуя на полуящере встала дыбом от возбуждения. — За живого или за мертвого?

— Он бессмертен.

— Бросьте. Все смертны.

— А вот он не умрет.

— Он что, из этих? Сверхъестественный?

— Да, можно и так выразиться, — кивнул Тибор.

— Никогда не видел сверхъестественных существ. Ни разу в жизни.

— Но у вас же есть религия, так?

— Да. Мы поклоняемся рассвету.

— Странно, — произнес Тибор.

— Когда солнце утром встает, — сказал полуящер, — зло удирает из мира. Вы верите, что на солнце есть жизнь?

— Наверяд ли. Уж очень там должно быть жарко.

— Но тамошние жители могут быть из алмазов.

— Нет, ничто не выживет при такой температуре.

— А как быстро движется солнце?

— Несколько миллионов миль в час.

— На самом деле оно больше, чем кажется, — сказал полуящер, пытливо глядя на своего собеседника.

— Намного больше. Почти миллиард миль в диаметре.

— Вы там бывали? — простодушно спросил полуящер.

— Да я же говорил: ничто там не выживет. Кроме того, там ничего твердого, все так раскалено, что существует в газообразном состоянии. Так что на солнце и встать-то некуда... Послушайте, кто же может меня преследовать? Разбойник? Тот человек, который идет следом за мной — как он выглядит?

— Молодой.

— Ба! Пит Сэндз! — вдруг осенило Тибора.

В этот момент из темноты вынырнули Поттер и Джексон.

У Поттера на руках было большое серое животное, оно скулило и вырывалось. Тибор внимательно изучил животное, направив на него фонарик.

Собака перестала скулить, обнюхала его — и вдруг завилыла хвостом.

— Э, да вы понравились Тоби! — сказал Джексон.

— Мне бы очень хотелось иметь собаку, — с дрожью в голосе сказал Тибор.

Это было бы здорово — иметь такого же друга, как верный Том-Шустрик Пита Сэндза. Какое-то странное хорошее чувство приятно шевельнулось в глубине тиборовской души, и с самого дна его сознания всплыла надежда, которая, можно сказать, искони покоилась там с камнем на шее.

— Гав-гав! — проговорил он, протягивая манипуляторы и осторожно подхватывая ими небольшого рыжего пса — мохнатое чудо с дружелюбно виляющим хвостом. — Да неужто вы расстанетесь с таким славным песиком!

Джексон, чуждый всякого политеса, произнес:

— Человекоподобных людей следует защищать. Это закон. Нас учат ему чуть ли не с грудного возраста.

— Чтобы они снова могли заселить всю планету, — подхватил Поттер. — Чтобы передали потомству свои неповрежденные гены.

— Что такое гены? — спросил Тибор.

Поттер неопределенно махнул рукой:

— Будто вы сами не знаете. Такие штуковинки, которые есть в мужской сперме.

— А что такое сперма?

Трое его необычных собеседников вполне по-человечьи рассмеялись. Но рассмеялись смущенно и ничего не ответили на прямой вопрос.

Тогда Тибор спросил:

— А что ест эта собака?

— Что попало. Она сама кормится. Так что тут без проблем.

— И сколько она проживет?

— Ха! Кто же ее знает. Может, двести лет. А может, триста.

— Тогда она меня переживет, — сказал Тибор.

Как ни странно, эта мысль огорчила его — даже настроение разом упало. Снова он ощутил себя слабым и одиноким. «Что это я так легко раскисаю, — с возмущением подумал он. — Еще не получил собаку,

а уже разнюнился по поводу предстоящей черт знает когда разлуки. Я ведь человек, а не слизняк какой-то. По крайней мере в глазах этих симпатичных страшилищ я человек высшей пробы. Они почитают меня. Поэтому мне надо испытывать гордость от присущей человеку способности привязываться и любить и любоваться силой своих эмоций, а не предаваться горестным мыслям о том, что всякая дружба кончается за могилой».

Тем временем костер разгорелся. Стало уютней в ночи. Но тут все три полуящера внезапно круто отвернулись от тележки и напряженно уставились в темноту. Что-то они там увидели.

— Что случилось? — встревоженно спросил Тибор. Его манипулятор сжал пистолет в кармане.

— Багсы, — лаконично ответил Поттер.

— Сукины дети! — пробормотал Джексон.

Багсы! Ужас какой!

Тибору доводилось слышать об этих совсем уж жутких мутантах — человеко-насекомых с многофасеточными глазищами, как у мух, и ярким панцирем. Даже страшно подумать, что такие мерзостные существа могли произойти от млекопитающих — и всего лишь за несколько десятилетий. Да, радиация чудовищно ускорила и исказила эволюцию видов. Еще девяносто лет назад у нас были одинаковые предки. А теперь у этих багсов — жало с ядом! Какое поругание привычного миропорядка! Какое поругание Божьей воли!

— Что вы тут делаете? — прогремел дребезжаще-металлический голос.

Тибор увидел совсем рядом несколько вроде бы человеческих фигур — на двух ногах, прямоходящие. Они сошлись на свет его фонаря.

— Гы-гы, ящеры! — саркастически продребезжал один из багсов. — И, чтоб я сдох, обрубок человека!

Пять багсов обступили костер и стали греть свои...

«Боже мой! — только и мог подумать Тибор, разглядев их хорошенько в свете костра. — Боже мой!»

Итак, багсы стали греть свои до смешного уязвимые тела — достаточно было ударить багса кулаком по мягенькому брюшку, и он складывался пополам от боли. А удар посильнее мог и вовсе вышибить из него

душу — Боже мой, и у этих тварей не иначе как есть душа! Хрупкость тела выработала соответствующие нормы поведения у багсов: вся их сила заключалась в языке — в умении складно говорить и добиваться своего с помощью красноречия. Умение багсов кому угодно заморочить голову спасало их в послевоенном жестоком мире. Они были самыми великими лгунами на Земле.

Эти пятеро вроде бы не имели при себе оружия. Так что сгрудившиеся у тележки полуящеры, которые поначалу ступевались, теперь заметно расслабились, страх улетучился. Теперь на их стороне был их исполинский рост и сила шестипалых лап.

— Привет, клопики, — сказал Джексон, вполне дружелюбно кивая людям с естественным панцирем. — Всегда хотел спросить: откуда у вас легкие? Странное дело! У насекомых никаких легких не имеется. Это против природы.

Поттер подхватил его шутливую интонацию:

— Давненько я не ел суп из багсов.

Ошарашенный Тибор тихонько спросил Поттера:

— По-моему, это не шутка. Вы что, в самом деле употребляете багсов в пищу?

— А что тут такого? — так же тихо ответил Поттер, наклоняясь к Тибору. — В самые трудные времена случается... но вкус у них преотвратный!

— Вы бы заткнулись, уроды чешуйчатые! — огрызнулся один из багсов. Похоже, эти пятеро не очень-то испугались воинственных гигантов, потому что спокойно грелись и не помышляли о бегстве.

— Эй, ящеры, где вы свои хвосты потеряли? — сказал другой багс.

— Да нет, — возразил ему третий багс, — у них что-то виднеется за задницей. А, это ж их елда! Вы же знаете, ребята, что у ящеров член находится за спиной.

Багсы хрипло заржали.

— Слышал я про одного ящера, — сказал один из них, — которого муж застал со своей женой за этим самым делом. Ну, любовник, ясное дело, попробовал драпануть, а муж возьми и наступи ему на торчащую сзади елду! Попался, голубчик!

Багсы опять загоготали. Похоже, они от души развлекались тем, что полуящеры языки проглотили от возмущения.

— Ну и что случилось, когда муж наступил на член любовника? — спросил рассказчика другой багс. — Член отвалился?

— Разумеется, отвалился. Так и лежал в грязи до самого заката — никак угомониться не мог, все корчился в агонии. Но что за беда — у них же члены снова отрастают, если оторвать.

Поттер процедил сквозь зубы:

— Самое время поставить на место двуногих блох. Послушать этих заносчивых засранцев, так краше их нет никого на свете.

Он поглядел на багсов исподлобья, потом зашарил глазами в поисках чего-нибудь тяжелого, чтобы запустить в обидчиков. Но не торопился лезть в драку, и багсы казались совершенно спокойными — ни один из них даже не шелохнулся.

И тут Тибор понял, почему они держатся так нагло и самоуверенно. Они явились не одни. За ними следовало два десятка бегунов.

Глава 9

С бегунами он встречался не впервые. Попрыгунчики изредка заглядывали в Шарлотсвилль — их там никто не трогал. Вообще в местах, где обитали бегуны, царил дивный мир и покой, образцовая миролюбивая атмосфера, что было напрямую связано с добрым нравом самих бегунов.

И сейчас на Тибора смотрели снизу миролюбивые добрые мордашки. Эти существа были небольшого роста — примерно метр двадцать. Упитанные, кругленькие, покрытые густой шерсткой. Глаза-бусинки, подвижные принюхивающиеся носы и несоразмерно большие ноги, как у кенгуру.

Тибор в который раз подивился резвым эволюционным энтелехиям¹, толчком к которым послужило именно то, что было, казалось, убийственным для любой жизни.

Сколько разнообразнейших видов человека возникло — и в какой короткий срок! Будто природа сделала отчаянную и могучую попытку преодолеть последствия глобальной войны: радиацию, гибель большинства людей и бесчисленное множество пролитых и распыленных токсинов.

— Да будут ясными ваши мысли, — произнесли бегуны слаженным хором, поводя длинными усами.

Один из них осведомился у Тибора:

---

¹ Энтелехия — в древнегреческой и средневековой философии обозначение активного начала, превращающего возможность в действительность, или нематериальное жизненное начало, направляющее развитие организмов.

— Как случилось, что у вас нет ни рук, ни ног? Вы очень странная особь!

— Война, — неопределенно отозвался Тибор, пресекая чрезмерное любопытство бегунов.

— А вы знаете, что ваша тележка неисправна? — поинтересовался другой бегун.

— Да что вы говорите! — удивленно воскликнул художник. — Она отлично едет. Довезла меня сюда — а это много миль.

Он сразу же поверил добродушному бегуну, и его охватила паника.

— Здесь поблизости есть ПАМЗ — полностью автоматизированный мини завод, — сообщил самый крупный бегун. — У него нынче почти нет работы — не то что в былые времена. Этот ПАМЗ может что угодно починить — если хорошенько его попросить. Вероятнее всего, он без труда заменит износившиеся части вашего колеса. И почти за бесценок.

— Ах, беда-то какая! — запричитал Тибор. — Да, колеса действительно мало смазывали — они могли и поизноситься. Поттер, приподними-ка, пожалуйста, этот край тележки. Вот так, спасибо... — Калека покрутил оторвавшееся от земли колесо. — Вы правы, надо чинить. И где этот... как его... ПАМЗ?

— В нескольких милях отсюда, — сказал самый крохотный из бегунов. — Поезжайте за мной. — Он двинулся вперед в темноту, остальные бегуны потянулись за ним. Крохотуля оглянулся и уточнил: — Поезжайте за нами. Ведь вы, ребята, тоже со мной?

— А то как же! — хором ответили все бегуны. Похоже, они держались тесной группой и все делали сообща.

Тибор тихонько спросил Поттера и Джексона:

— Можно доверять этой публике?

Сейчас его воображению рисовалась страшная картина: как эти милые бегуны увлекают его в глухомань, где убивают, чтобы присвоить замечательную тележку. Время такое крутое, что даже таким мохнатым очаровашкам не очень-то доверяешь.

— Этим доверять можно, — сказал Поттер. — От них никакого вреда. Чего не скажешь про этих вонючих багсов!

Тут он наподдал ногой одного из них, другие бросились врассыпную — подальше от его чешуйчатой задней лапы.

— К ПАМЗу! К ПАМЗу! — весело распевали бегуны, вприпрыжку несясь впереди тележки.

Голштинка, равнодушная к калейдоскопу новых престранных знакомцев, резво шла по полю, изредка мыча, — ей были не по душе эти прогулки в темноте. Тибор тихо лежал в тележке, нервы его были снова предельно напряжены.

— Мы прыг-прыг — одна нога здесь, другая там! Мы прыг-скок к замечательному ПАМЗу, где дешево починят тележку безрукого-безногого! — распевали бегуны, пересмеиваясь и от избытка чувств бегая кругами вокруг движущейся тележки. — Душка ПАМЗ, прилежный электронный малый, гарантийный даст талон: на миллион миль или на тыщу лет — смотря по тому, что раньше истечет: километраж или годаж.

— Увидимся, когда вы будете возвращаться, — крикнул Тибору вслед Джексон. — Обязательно возьмите для верности письменную гарантию у этого самого ПАМЗа!

— Вы хотите сказать, что меня там могут надуть? Ответа он не расслышал.

До ПАМЗа они добрались на рассвете. До неприличия ярко окрашенные облака плыли по небу, словно нарисованные озорным ребенком. Птицы и квазиптицы щebetали в кустарнике, растущем по бокам тропы.

— Где-то тут, совсем близко, — сказал Эрл, предводитель бегунов, и остановился. Имя Тибор узнал, прочитав в лучах рассвета надпись на его комбинезоне. — Погодите, сейчас соображу.

— А как насчет перекусить? — спросил Эрла один из его товарищей.

— У ПАМЗа должно найтись что-нибудь съедобное, — сказал Эрл, мудро покачивая мохнатой головой. — Вперед, дружище! — скомандовал он Тибору, сопроводив свои слова энергичным взмахом лапы.

Во время ночного путешествия колесо тиборовской тележки скрипело все жалобней и жалобней —

большая удача, что бегуны подметили опасность, когда Тибор еще ни о чем не подозревал!

— Здесь повернем направо, — сказал Эрл, приближаясь к зарослям тысячелистника, — а потом резко налево.

Его хвост замелькал среди кустов.

— Ага, вот и вход! А тележка может проехать вот здесь.

— Дорого обойдется? — настороженно спросил художник.

— Да ни во сколько, я думаю, — ответил Эрл, бжавший перед тиборовской тележкой. — Сюда нынче никто не заглядывает. Разруха и запустение. Так что ПАМЗ, вероятнее всего, только порадуется работе. Ему без дела и без компании, должно быть, скучно. Он, хоть и электронный, но, полагай, не каменный. Чувства имеет. Своего рода.

Миновав прогал между кустами, тележка Тибора выехала на большое ровное поле. Казалось, здесь всю растительность как ножом срезало. Центр проплешины занимал внушительных размеров плоский металлический диск; наверху имелась крышка. Весь ПАМЗ находился под землей, а металлический диск был только его макушкой.

Никакого движения. Тишина. Лишь злое поскрипывание металла в лучах рассвета.

— Привет, — сказал Тибор, обращаясь к ПАМЗу.

Бегуны даже припрыгнули от ужаса.

— Не разговаривайте с ним подобным тоном, — тихо подсказал Эрл, нервно подергивая усами. — Побольше почтения, а не то эта штуковина поубивает нас! Она ведь производила оружие и ремонтировала военную технику. Запрограммирована в том числе и на отражение диверсий и вражеских нападений! ПАМЗ мнителен и недоверчив — и вообще у него премерзостный характер.

— Добрый день, — сказал Тибор. — Всячески рад приветствовать вас, о высокоумный электронный брат по разуму.

— Если вы будете витийствовать или почтительно хамить, — мягко произнес Эрл, — она нас всех укокошит!

Тон бегуна был спокойный, очень терпеливый, — словно он ребенка поучал.

«А может, — подумал Тибор, — я и есть ребенок относительно этой «штуковины». Растерянный, беспомощный ребенок. Эта «штуковина», как ни крути, почище мутантов, которые хоть как-то похожи на людей — так что некий подход всегда можно найти».

— Мой друг, — обратился Тибор к ПАМЗу, который до сих пор не подавал никаких признаков жизни, — не можете ли вы помочь мне?

Эрл тихонько застонал.

— Тогда сами обращайтесь к нему! — раздраженно бросил Тибор.

«К какому количеству словесных па надо прибегнуть, чтобы разбудить интеллект этой причудливой конструкции, созданной во время Войны? Замучишься делать колена!»

— Послушайте, — твердо сказал Тибор, обращаясь разом к Эрлу и ПАМЗу, — мне действительно нужна помощь, но я не собираюсь рассыпаться мелким бесом, юлить и канючить только для того, чтобы мне починили одно чертово колесо. Овчинка не стоит выделки!

«Да гори оно все синим пламенем, — подумал он. — Подобные штуковины смешали человеческую расу с дерьмом, а я перед ними буду хребет гнуть!»

— Всемогущий ПАМЗ, — зычно провозгласил Эрл, — мы пришли, дабы просить у вас поддержки. Этот несчастный безногий и безрукий человек не сможет завершить свое путешествие без вашей любезной помощи. Правое переднее колесо его тележки подвело его в трудную минуту.

Тут Эрл замолчал и внимательно прислушался, вытянув свою узкую голову, которая сильно напоминала собачью морду.

— Вот оно! — восхищенно пискнул самый маленький бегун, явно зачарованный величием опасного момента.

Крышка ПАМЗа распахнулась. Из его глубины лифтоподобный механизм выдвинул длинный металлический стержень, на конце которого было что-то вроде репродуктора. Репродуктор заходил из стороны

в сторону, потом раструбом точно нацелился на Тибора.

— Если вас угораздило забеременеть, — скрежещущим голосом произнес репродуктор, — я могу предложить вам старинные средства: мышьяк, настой из ржавчины, воду, которой обмывали покойников, сухие толченые почки мула, пену с верблюжьих губ. Что вы предпочитаете?

— Нет, — сказал Эрл. — Беременность не имеет места. У повозки этого человека сносилось колесо. Будьте добры слушать внимательнее, сэр.

— Я никому не позволю разговаривать с собой в подобном тоне! — рявкнул ПАМЗ. — Я требую надлежащего уважения!

Секундой позже тот же лифт выплюнул из недр минизавода второй металлический стержень — с носиком на конце. Похоже, это был газораспылитель.

— Я расцениваю ваши слова как государственное преступление, — сказал ПАМЗ. — Это словесная диверсия — подрыв в моем лице авторитета военно-промышленного комплекса. Вас ожидает смерть. Приговор обжалованию не подлежит.

При этом из газораспылителя ПАМЗа вылетело облачко сероватого дыма. Бегуны попятились.

— Я вас научу вежливости, хамье двуногое!

Последние слова потонули в шипении. Тибор не был даже уверен, что расслышал правильно. Из репродуктора неслись отрывистые клокочущие звуки — должно быть, что-то сломалось в речевом оборудовании ветхого минизавода. Оба стержня беспорядочно заерзали вверх-вниз — один хрипел, другой поплеывал крохотными облачками газа. С отравляющим газом тоже что-то было не в порядке. Затем стержни замерли, а из глубины заводика потянуло темным дымком. Оттуда же посыпался противный скрежет — видать, зубчатая передача где-то полетела.

Тибор осведомился у Эрла:

— Почему он настроен так враждебно?

В то же мгновение из недр ПАМЗа вырвались целые клубы черного дыма.

— Я не настроен враждебно! — яростно проорал репродуктор. — Ах ты, хренов сукин сын, в Бога душу

твою мать!.. Я очень дружелюбен — и в порошок сотру любого, кто думает иначе!

Шипение, еще больше дыма, подземный нарастающий рокот, который завершился жутким грохотом, как будто на протяжении нескольких секунд захлопнули одну за другой тысячу металлических крышек на контейнерах с мусором.

— Мне кажется, вы убили его, — пискнул бегун-кроха.

— Боже мой! — с отвращением выдохнул Эрл. — А впрочем, он скорее всего и не смог бы вам помочь. — Но голос Эрла горестно задрожал, когда он добавил: — Похоже, это я все испортил... Что нам теперь делать?

— Пущусь дальше в путь, — со вздохом сказал Тибор.

Он тронул спину голштинки своим манипулятором. Корова с коротким «му» развернула тележку и потащила в том направлении, откуда они приехали.

— Погодите! — воскликнул Эрл, поднимая свою мохнатую руку. — Давайте попробуем еще раз! — Он вытащил из кармана еще довоенную записную книжку и ручку. — Попробуем подать нашу просьбу в письменном виде — как делалось раньше. Опустим заявку в щель. Если и это не сработает, тогда уйдем восвояси.

Он медленно написал что-то, неумело водя пером по бумаге, затем вырвал страничку и направился с ней к открытому люку ПАМЗа.

— А стоит ли наступать на грабли во второй раз? — пискнул бегун-кроха. — Лбы у нас не чугунные.

— Верно! — сказал Тибор. — Оставьте этого электронного психа в покое.

Его тележка катила прочь. Неисправное колесо противно подвывало.

— Очевидно, вся беда в репродукторе, — отозвался Эрл. — Если мы сумеем...

— Всего доброго, — решительно сказал Тибор.

Вскоре бегуны скрылись за кустами. Тележка покатила по дороге.

Тибора вдруг объяла меланхолия, приятное обволакивающее чувство безмятежного уныния. Откуда взялось это странное чувство? Неужели это бегуны его навяляли? От этих суетливых существ исходит та-

кой покой... По непроверенным слухам, они одним своим теплым взглядом могут умирять тайфуны. А вот с ПАМЗом что-то не справились. И все же приятно, что есть внутренне уравновешенные существа — посреди повсеместного хаоса.

Тележка погромыхивала, влекомая неумолимой коровенкой, а Тибору вдруг припала охота петь — и он затыкнул:

Освети тот угол, во коем ты...

Следующие слова этого старинного церковного гимна позабылись, поэтому он затыкнул другой:

Се мир отеческий. Каменья,
дерева и ветр...

Нет, не то. И он попробовал свой излюбленный старинный псалом номер сто:

Восславим же Его, источник всех милостей
и благ. Всякая тварь земная восславляет Его.
Хвала тому, кто над нами, на небесах.
Возблагодарим Отца, и Сына, и Духа Святого.

Но, похоже, он перевидал слова и получалось не очень складно. Зато на душе сразу полегчало.

Тут Тибор обратил внимание на то, что злополучное колесо больше не подвывает. Он свесил голову и взглянул на ступицу. Ничего себе! Колесо вообще заклинило.

«Эх, мало было печали, так черти еще накачали! — с горечью подумал он, натягивая поводья. — Тпру, милая!.. Ну, пегашка ты моя волоокая, далеко мы с тобой уехали, да не очень».

Тибор сидел неподвижно и впитывал в себя окрестные звуки: шелест кустарника и скрип деревьев на ветру, попискивание каких-то зверушек — одни проворно бежали по своим делам, другие — всякая мелкота — весело резвились на утреннем ласковом солнышке. Все они — дети мира сего, даром что тела их изуродованы, вид у них гротескный, гены порченые. Но и у этих смешных или страшных уродцев есть право веселиться на припеке.

Совы позасыпали. Правда, проснулись краснохвостые ястребы. Где-то вдали умиротворяюще красиво пела птица. А пела она — словами: «Освети тот угол,

во коем ты...» Потом какая-то невнятица — и дивной трелью: «Хвала тому, кто дал крыло, и древо, и камень. Благодарим! Твитти-туддл, твитти-туддл!» И птица начала пение сначала, повторяя все прежде спетое Тибором.

Эге, да это мутант — квазиптица. Интересно, она понимает, что поет? Или она вроде попугая? Кто ж знает... Он не может пойти к кусту и глянуть на нее — природа ходилок не дала. Ну а теперь вот еще и колесо заколдобило, будь оно неладно. «А мне было бы полезно побеседовать с квазиптицей. Вдруг ей доводилось встречать Господа Гнева, и она знает, где его искать!»

Тут в зарослях справа от него началось какое-то шевеление, оттуда показалось нечто большое. Тибор вытарасился в сторону зарослей — и глазам своим не поверил.

Там, свившись витками, лежал громадный червь — размером поболее питона. Червячище, медленно развиваясь, пополз в сторону остолбеневшего художника. Страшилище — то ли человекообразный червь, то ли червеобразный человек — тащило вперед с небольшой скоростью, оставляя за собой заметный маслянистый след на траве. По мере приближения оно начало пищать — тоненьким пронзительным голоском.

Тибор совершенно растерялся — сидел, пришибленный, и ждал, что будет дальше.

Маслянистые струйки с червячищи, попадая на листья — серые, зеленые, рыжие, — сперва окрашивали их словно лаком, затем листья на глазах скручивались, будто облитые кислотой. По дороге исполинский червь задевал деревья, и с них сыпались мертвые плоды. Когда эта тварь доползла до дороги, от ее фырканья завихрилась пыль.

— Эй ты! — прошипел червячище. — Я могу тебя убить!

«Господи, и этот налаживается меня прикончить! Что ж вы все, сукины дети, повадились меня убивать!» — внутренне возмутился Тибор.

Червяк подполз совсем близко, остановился и заколотил хвостом по дороге, поднимая пыль в сторону пришельца. Затем подполз к луже и стал молотить хвостом по ней так, чтоб брызги летели в Тибора.

— Убирайся отсюда и оставь меня в покое! Я здесь охраняю сокровище. Ты бы и хотел добраться до него, но — накось, выкуси! Понял? Слышь меня? Вали отсюда!

Тибор крикнул:

— Да не могу я уехать!

Голос его дрожал, тело так трясло, что манипуляторы не сразу вытащили пистолет. Наконец он извлек оружие и прицелился в голову монстра-мутанта — получеловека-получервя.

— Слышишь ты, безрукий-безногий, я — порождение навоза! — заорал червовек. — Я родился в результате вашей дерьмовой войны. Это и твоя вина, что я такой уродливый. Ты только посмотри, какая мерзостная тварь перед тобой!

Червовек вытянулся и высоко поднял голову, как танцующая кобра. Его голова качалась в каком-то метре от Тибора. По извивающемуся телу текла зловонная жидкость.

Тибор от ужаса и отвращения закрыл глаза.

— Нет, ты гляди, гляди! — неистовствовал червовек.

— Ах ты, червяк глупый! — прохрипел Тибор, бессмысленно размахивая пистолетом.

Червяк-то червяк, но и человек, однако же! А в человека Тибору не стрелялось. Он беспомощно мотал головой, ожидая, что челюсти страшилища сомкнутся на его горле. Вот она — смерть неминуемая! Он покорно закрыл глаза. Но и с закрытыми глазами ощущал, как у самых его губ мечется раздвоенный язык монстра.

— Я отравляю тебя! — злорадно провозгласил червовек. — Чувствуешь вонь — это мой пот! А сам я бессмертен, как все по-настоящему уродливое! Я есть Вечный Червь! Я буду жить, сколько будет существовать Земля!

Кольцами страшилище обвилось вокруг тележки и коровы. Когда червовек начал обвиваться и вокруг неполноценного тела калеки, Тибор включил генератор электрического поля — в последней безнадежной попытке спастись.

Послышалось жужжание, посыпались искры — и червь стремительно отпрянул.

— Ага! — воскликнул обнадеженный Тибор. — Вот тебе пяток ампер! Не нравится? Сейчас прибавлю! Тибор увеличил мощность электрошока.

Червовек далеко отвел голову, чтобы одним мощным ударом покончить с художником.

«Нет, тварь, уж если кому и помирать, так лучше ты подохни!» — подумал Тибор.

Мерзостный зубастый клюв червя устремился к голове Тибора — но словно ударился об электрическое поле и остановился на полпути. Этого мгновения было достаточно для Тибора, чтобы высмотреть мягкое, незащищенное место на шее червя, прицелиться и нажать на курок.

— Я спокойно спал! — провыл червь. — Зачем ты разбудил меня?

Выстрел отбросил его от Тибора. Заметив кровь у себя на шее, червовек запричитал:

— Что ты наделал! Что ты наделал!

Червовек корчился, обливаясь кровью, однако подбирался для новой атаки. Тибор, не глядя на противника, с лихорадочной поспешностью перезаряжал пистолет.

Новая атака. Снова мягкое место на шее прямо перед Тибором. И он опять выстрелил. И опять попал.

— Не убивай меня! — всхлипывая от боли, провыл червовек. — Дай мне мирно спать у моих сокровищ!

С этими словами он повалился в пыль, высвободив и тележку, и корову из своих страшных объятий. Он прерывисто, свистяще дышал и тарачился на Тибора.

— Что я сделал тебе? Зачем ты меня убил? — шипел червовек из последних сил. — Разве я причинил тебе зло?

— Нет, — сказал Тибор. — Ты мне зла не причинил.

Он видел, что противник ранен смертельно, и сердце его стало биться спокойнее.

— Извини меня, — продолжил Тибор, кривя душой. — Один из нас должен был... — При этом он поспешно перезаряжал пистолет. — Прости, но из нас двоих может выжить только один.

С этими словами он выстрелил червю между глаз. Тот захлопал веками. Потом Тибор заметил, как зрачки червя расширяются, стекленеют... Конец.

— Вот ты и помер, Вечный Червь, — устало сказал Тибор.

Червовек молчал. Он был мертв.

Тибор протянул манипулятор и закрыл глаза мертвеца.

Тут ему пришла в голову блестящая идея. Этот червяк весь в масле — а именно смазки не хватает колесу тележки. Тибор провел манипулятором по телу червя, собрал масло и смазал им ось. Теперь колесо вращалось нормально.

Немного успокоившись, Тибор вдруг припомнил странную фразу, оброненную червем: дескать, не мешай мне спать возле моих сокровищ. Сокровища? Это занято.

Тибор осторожно объехал труп червя и направился к тому месту, откуда выползла страшная тварь.

За кустами он обнаружил пещеру внутри невысокого взгорка. Внутри все провоняло маслянистой слизью.

Тибор приложил платок к носу, чтобы хоть как-то справиться с вонью, и осветил внутренность пещеры нашлемным фонариком.

Вот они — пресловутые сокровища. Ржавый потолочный вентилятор на верху целой кучи разных предметов. Искореженный корпус автомобиля — без двигателя, но с двумя вроде бы исправными фарами и целым номерным знаком. Электрооткрывалка для консервов. Два лазерных бластера времен Войны, без батарей. Матрасные пружины. Рваные жалюзи. Портативный транзисторный приемник без антенны.

Всякая дрянь. Ничего ценного.

Тибор ткнул корову в бок кнутовищем. Голштинка недовольно взмахнула хвостом и повернула к нему свою массивную голову. В ее глазах прочитывалось: «Совсем сдурил что ли?» Тем не менее она сделала несколько шагов в глубь просторной зловонной пещеры.

«Совсем как сорока, — подумал Тибор, — червяк тащил в свою нору все блестящее. И даже случайно не

приволок ничего сколько-нибудь ценного. И как давно эта тварь лежала тут, защищая свои «сокровища»? Быть может, несколько лет. Или десятилетий».

Вон еще мотыга. Потемневший от времени картонный плакат с изображением Че Гевары. Магнитофон без кассет. Пишущая машинка «Ундервуд», проломленная посередине. Ржавые и дырявые кастрюли. Клетка для транспортировки кота — прутья торчат во все стороны, как спицы. Искореженная плевательница и полуистлевший комплект журнала «Тайм».

Вот и все земные сокровища червовека. У него были только пружины от матраса. А матраса не было. Так и спал на голом полу.

Тибор горестно вздохнул. Этот самозванный дракон защищал кучу дерьма. Ну да ладно, теперь он помер...

Когда тележка выкатилась из пещеры, Тибор заметил на ветке ближайшего дерева ту самую птицу, что недавно пела гимны. Она вопросительно взирала на художника.

— Сама видишь, что я натворил, — хрипло сказал Тибор.

Труп червя вонял так отвратительно, что казалось, будто он уже начал разлагаться.

— Вижу-вижу, — ответила птица.

— Ты гляди, я теперь понимаю твой язык! — без особого удивления произнес Тибор. — И кажется, ты не попутайничаешь, а говоришь самостоятельно...

— Понимаете — потому что погрузили руку в выделения червя, — сказала птица. — Теперь вы можете понимать всех птиц, а не только меня. Но на любые ваши вопросы могу ответить и я.

— Ты знаешь, кто я такой? — спросил Тибор.

— Да, — сказала птица, перепрыгивая на ветку пониже и попрочней. — Вы Макмастерс Тибор.

— Надо говорить наоборот: Тибор Макмастерс. Тибор — это имя. Макмастерс — фамилия.

— Хорошо, — согласилась птица. — Вы странствуете в поисках Господа Гнева, дабы нарисовать его достоверный портрет. Это благородное дело, мистер Тибор.

— Мистер Макмастерс, — поправил Тибор.

— Да, — опять согласилась птица, — как вам будет угодно. Спросите меня, где вам его найти.

— А разве ты знаешь? — спросил Тибор, и сердце у него в груди тяжело бухнуло, потом словно превратилось в кусок льда, который распирал грудь.

Теперь ему со всей ясностью представился весь ужас встречи с Господом Гнева, которая прежде казалась лишь отдаленной и маловероятной перспективой. Он оцепенел от одуряющего страха.

— Конечно, знаю, — преспокойным тоном заявила птица. — Он совсем недалеко отсюда. Если желаете, я могу проводить вас к нему.

Глава 10

— Я... я даже не знаю... — промямлил Тибор. — Мне надо бы...

Он замолчал и задумался. «А не повернуть ли мне оглобли назад? Может, я и без того зашел слишком далеко. Меня уже несколько раз пытались убить... не пора ли внять намекам судьбы? Возможно, эта цепочка событий является подсказкой — дескать, остановись, куда не поздно».

— Погоди, дай подумать, — произнес он вслух. Он никак не мог принять решения.

— Позвольте мне сообщить вам еще кое-что, — сказала птица. — За вами следует человек. По имени Пит.

— До сих пор? — выпалил Тибор. Он не очень удивился, только немного встревожился. — Зачем? Почему?

— Этого я не могу уяснить себе, — раздумчиво произнесла птица. — Полагаю, вы сами это очень скоро узнаете. Как бы то ни было, он, как говорится, не желает вам зла. Ну так что вы решили, мистер Тибор? Готовы отвечать?

— А ты не в курсе, что случится, когда я повстречаюсь с Господом Гнева? Не убьет ли он меня? Не постарается ли каким-либо образом погубить?

— Поначалу он даже не сообразит, кто вы такой и зачем разыскали его, — заявила птица. — Поверьте мне, мистер Тибор, он больше не думает, что — как бы это лучше выразиться? — что кто-либо преследует его с дурными помыслами. Ведь столько лет уже прошло.

— Да, это похоже на правду, — сказал Тибор. Он глубоко вдохнул, чтобы набраться смелости для реша-

ющего вопроса. — Где он находится? Веди меня к нему. Но не очень торопись.

— Он в сотне миль к северу, — ответила птица. — Вы найдете или его, или того, кто похож на него... Точнее я не могу сказать...

— Почему ты не можешь сказать точнее? — спросил Тибор. — Я-то думал, тебе все и про все известно.

Птичьи эквивоки его угнетали. «Я перемазался слизью червя, — подумал он, — избежал стольких грозных опасностей — ну и что в результате? Что я получил? Шиш с маслом. Говорящую птицу. Которая якобы что-то там знает. В общем-то мы с ней похожи. Я что-то знаю, она что-то знает... У всех по клочку истины. Если ее клочок приложить к моему... Отчего бы и не попробовать?»

— Как он выглядит? — спросил Тибор.

— Погано, — ответила птица.

— То есть?

— У него изо рта воняет. Одних зубов нет, а те, что остались, почти коричневые. Плечи висят. Старый и жирный. Таким тебе придется рисовать его на фреске.

— Понятненько, — пробурчал Тибор.

Что ж, этого следовало ожидать. Видать, земное воплощение Господа Гнева не изъято от всеобщего закона увядания и старения плоти. В глазах Тибора Бог мигом стал ближе, человечней. Но поможет ли это при работе над картиной?

— А есть в нем хоть что-либо — ну, возвышенное?

— Может, он и не тот, кто вам нужен, — сказала птица. — Дело в том, что в нем возвышенного ни на грош. Извините, что я вынуждена так говорить. От правды никуда не уйдешь.

— Господи Иисусе! — с горечью произнес Тибор.

— Однако опять-таки подчеркиваю, — сказала птица, — я не гарантирую, что это именно тот, кого вы ищете. Предлагаю вам взглянуть самолично. Рассмотрите его дотошно, сравните со своими представлениями и решите сами, не полагаясь на мои слова.

— Это можно. Отчего бы и не взглянуть, — пробормотал Тибор.

На душе у него было по-прежнему муторно. Уж очень велика ноша на его плечах, уж очень много тревожений поджидает его впереди...

«Эх, поверну-ка я обратно», — в сотый раз подумал он. Надо выпутываться из этой истории, пока дело не повернулось совсем круто. Пока что ему везло. Но почему знать — вдруг полоса везения закончилась! Нельзя же до бесконечности испытывать терпение судьбы!

— Вы полагаете, что ваша полоса везения закончилась? — спросила птица, проникательная бестия. — Тут я могу вам сказать со стопроцентной уверенностью: ваши запасы везения еще не исчерпаны. Поверьте мне, вы будете целы и невредимы.

— Как мне верить тебе, если ты даже не знаешь толком: он это или не он.

— Гм-м, гм-м, — несколько смутилась птица. — Понимаю, к чему вы клоните. Но повторю снова: даю голову на отсечение, что ваша полоса везения не закончилась. Хотите верьте, хотите нет. В этом вопросе у меня полнейшая уверенность.

— А что ты за птица? — спросил Тибор. — То есть — какой породы?

— Голубая сойка.

— Ну и какая слава у голубых соек? Можно им доверять? В общем и целом.

— В общем и целом — можно, — заявила птица.

— А ты, часом, не исключение из рядов в общем и целом честных голубых соек? Исключение, которое доказывает правило? — осведомился Тибор.

— Нет, не исключение.

Птица вспорхнула с ветки и пересела к Тибору на плечо.

— Вы взвесьте хорошенько следующее. Кому вы можете доверять больше, чем мне, — если решите вообще кому-нибудь доверять? Я ждала, когда вы тут появитесь, долгие-предолгие годы. С незапамятных времен я ведала, что вы пройдете именно этим путем, а когда услышала, как вы вдали поете церковный гимн, я вся затрепетала от радости. Вот почему я немедля подавала голос, услышав, как вы с воодушевлением распеваете псалмы. Мне особенно понравился

старинный псалом номер сто. Он, честно говоря, мой самый любимый. Итак, вы склонны доверять мне или нет?

— Полагаю, птице, которая любит и поет церковные гимны, можно доверять, — сказал Тибор, размышляя вслух.

— А я именно такая птица!

Сойка взлетела. У нее каждое перышко дрожало от нетерпения отправиться в путь. Экая красивая птица! Какое нежное сочетание голубого и белого в ее оперении! И какая большая! Да, деваться некуда, придется поверить ей на слово.

«Возможно, мне надо обойти множество мест и увидеть множество людей, которые не окажутся Господом Гнева. И только потом я найду — настоящего. Не в этом ли смысл паломничества — в медленном обретении того, к чему стремишься!»

— Не знаю, выдержит ли колесо... — сказал Тибор. — Эта слизь вряд ли сойдет за настоящую смазку.

— С колесами проблем не будет, — заверила сойка. — Прокатишься с ветерком. Вперед!

Тибор покорно последовал за своей бело-голубой проводницей.

Солнце слало теплые длинные лучи с голубого неба. Было очевидно, что в это время суток самые необычные из здешних живых существ предпочитают прятаться. Тибор не увидел больше ни единого монстра. Как ни странно, это повергло его в еще большее уныние, чем парад страшилищ ночью и поутру. Одно утешало: сойка летела перед ним, указывая дорогу, и не пропадала из виду. И это главное. Она у него теперь как путеводная звезда.

Когда голстинка остановилась пощипать высокую красноватую траву, Тибор спросил у подлетевшей сойки:

— Вдоль этой дороги никто не живет?

— Местные нарочно не кажут носа на свет. Не любят показываться, — ответила птица.

— Они такие страшные на вид?

— Да. Того, кто привык к обычным формам жизни, их вид способен ужаснуть.

— Неужто пострашнее бегунов, человеко-ящеров и человеконасекомых?

— Пострашнее.

Но сама птица, похоже, местных тварей не боялась — попрыгивала по сухим листьям у дороги, поклевывала каких-то мошек и червячков.

— Тут есть один, который выглядит следующим образом...

— Не надо, не рассказывай, — взмолился Тибор.

— Вы же сами интересовались...

— Это я так... А от подробностей — избавь.

Он прикрикнул на корову, и та потащила тележку дальше. Птица вспорхнула и полетела вперед. Казалось, корова понимает, что надо следовать за птицей.

— Слушай, он выглядит очень ужасно? — спросил Тибор немного погодя.

— Кто? Господь Гнева? — отозвалась сойка, вернувшись к тележке и усевшись на плечо художника. — Он... не знаю, нужно ли говорить вам об этом... словом, он выглядит не совсем обычно. Он мужчина крупный, но, как я имела случай заметить, у него изо рта воняет. Человек вроде бы могучего телосложения, но сторбленный превратностями жизни. Человек вроде бы преклонных лет — и в то же время...

— Ну что ты плетешь! Ты даже не уверена, тот ли это человек!

— Уверена — до известной степени, — не обижаясь, ответствовала птица.

— Он живет среди людей?

— Верно! — сказала птица, довольная его сообразительностью. — В селении еще шесть десятков мужчин и женщин. И ни один из них не ведает, кто он такой в действительности.

— А ты-то откуда про него узнала? — спросил Тибор. — Если односельчане не догадались, кто он такой, ты-то как догадалась? По каким-либо безошибочным знакам на его теле?

Он надеялся, что это именно так. Было бы куда проще нарисовать убедительный портрет Господа Гне-

ва, будь у него на теле отчетливые знаки непринадлежности к дольному миру.

— На нем лежит печать смерти и отчаяния, — небрежно прочирикала птица, вспорхнула с его плеча и полетела вперед, делая кульбиты в воздухе. — Эта печать столь очевидна, что бросится тебе в глаза, как только мы прибудем на место.

Тибор наблюдал за птицей, которая угомонилась и летела теперь прямо перед тележкой.

— А поконкретней этой печати ничего нет? — спросил он.

— Впервые я увидела его два года назад, — сказала птица. — С тех пор я виделась с ним довольно часто. Однако я помалкивала о нем — на мои уста была наложена печать молчания, от которой я была разрешена лишь час назад. Я никому и словечка не проронила про него. Ей-же-ей! А когда вы испачкались в слизи того большого червяка, вы обрели способность понимать меня — и все узнали.

— Занятно, — сказал Тибор, погоняя корову. — Но ты ушла от моего вопроса.

— Я стараюсь отвечать на все ваши вопросы, — ответила птица. — Видите ли, мистер Тибор, вам вовсе не обязательно следовать за мной. Никто вас не заставляет. Я просто делаю полезное дело — так сказать, на общественных началах. Никакого навару я с этого иметь не буду. Разве что получила возможность поразмять крылья.

Сойка обиженно забила крыльями.

Лес, через который лежал их путь, постепенно редел. Впереди виднелись то ли горы, то ли гряда очень высоких холмов. Склоны этих холмов были бледно-соломенного цвета с вкраплениями темной зелени. Перед Тибором до самого подножия холмов простиралась большая долина — похоже, плодородная. Через нее пролегали почти не заросшие дороги. На одной из них, громко пофыркивая, медленно двигалось что-то вроде автомобиля. Стук мотора хорошо разносился в утреннем воздухе.

У перекрестка трех дорог виднелся поселок. Не то чтобы действительно очень большой, но по нынешним временам величины необычной. Некоторые здания

поражали своим размером — не иначе как небольшие фабричные цеха. Есть магазины и даже небольшой аэродром.

— Это Нью-Брунсвик, штат Айдахо, — объявила птица. — Мы пересекли границу штата — попали из Орегона в Айдахо. Улавливаете?

— Да.

Он хлестнул корову, и она побежала резвее. Теперь все колеса разом стали постукивать и поскрипывать — как то, которое ему лишь чудом удалось починить. Тибор слышал жалобы колес, но успокаивал себя: «До селения рукой подать, доеду. А там наверняка есть кузнец, который заменит ходовую часть каждого колеса. Если одному не хватало смазки, то и остальные скорее всего крутятся на пределе. Вот только во сколько обойдется такой основательный ремонт?»

— Ты сможешь устроить ремонт моей тележки по божеской цене? — спросил художник птицу.

— Где она теперь — божеская цена? — сказала птица. — Заводов больше нет, чтоб запчасти выпускать. Есть только крохотные мастерские в небольших поселениях с натуральным хозяйством. И все в дефиците. Но в Нью-Брунсвике целых две мастерские для починки довоенной техники.

— Моя тележка произведена после Катастрофы, — заметил Тибор.

— Они и с этим справятся.

— А сколько слупят?

— Попробуйте бартер, — посоветовала птица. — Жаль, что вы не прихватили что-нибудь из сокровищ червя. Могли бы совершить обмен.

— Да у него там одна ненужная дрянь! — воскликнул Тибор и удивленно спросил: — Ты хочешь сказать, тот металлолом здесь в цене?

«Если они умеют перерабатывать металлолом, — подумал он, — тогда здешние жители намного выше нас по уровню своего развития! А ведь я, в сущности, не так уж далеко уехал от дома! Да, соседи, но какая разница! Как же изолированно мы живем! И как мало знаем. Сколько полезных знаний утрачено!»

— Даже матрасные пружины тут бы очень сгодились, — сказала птица. — Они ведь стальные. И мест-

ные умельцы сделали бы из них инструменты. К примеру, ножи, вилки, стамески. Из цветных металлов можно изготовить спирали для женщин — это такие приспособления, чтобы женщины не беременели.

— Батюшки, — ахнул Тибор, — неужели они сознательно понижают уровень рождаемости — когда население всей планеты составляет лишь несколько миллионов!

— Слишком много рождается увечных, — объяснила птица. — Например, таких, как вы, — уж простите, что я так говорю. Так вот, в Нью-Брунсуике предпочитают совсем не рожать, чем плодить калек и мутантов.

Тибор пригорюнился.

— Они, наверно, выставят меня вон, как только увидят, какой я, — сказал он.

— Вполне вероятно, — безжалостно согласилась птица и полетела в сторону долины.

Пока они спускались с лесистой возвышенности в долину, птица тараторила вовсю, рассказывая на лету о всех необычных калек, рожденных в округе за последние несколько лет. Отвратительные подробности захватывали дух. Впрочем, Тибор слушал сойку вполуха: тележку немилосердно трясло на ухабах, порченные колеса не давали ему покоя. Все тело его болело. Он закрыл глаза и пытался расслабиться, подавить тошноту. Он догадывался, что его мутит не только от тряской дороги, но и от страха — он боится этого незнакомого Нью-Брунсуика. Каково ему придется среди огромного количества незнакомых людей? Ведь всю жизнь он провел в общине, где все друг друга знали. Что, если будет не найти общего языка? Даже в буквальном смысле! Потом он задумался над названием поселка: *Нью-Брунсуик*. Не исключено, что кто-нибудь там владеет немецким. Это поможет, если местный английский язык сильно отличается от шарлоттсвилльского. В разрозненных общинах язык претерпевает стремительные изменения — рождаются диалекты, которые порой различаются до степени полного взаимного непонимания.

А беспечная птица живописала всех когда-либо встреченных ею калек:

— ...у некоторых только один глаз — посередине лба. Кажется, это называют «циклопизм». А некоторые рождаются с сухой тонкой кожей, которая местами прорывается и открывает подкожный слой, поросший шерстью. Был один младенец, у которого пальцы росли прямо из груди, а рук и ног вообще не было. Представляете: десяток пальцев на ребрах! Прожил, как говорят, не меньше года.

— А он мог двигать этими пальцами? — рассеянно спросил Тибор.

— Да. И время от времени делал ими непристойные жесты. Все гадали, случайно или сознательно.

Тибор стряхнул с себя тошнотную одурь и спросил с некоторым интересом:

— Ну а еще каких уродов ты помнишь?

Порой этот предмет — по очевидной причине — вызывал у него болезненное любопытство.

— Случались трехголовые? Чтобы как драконы в сказках!

— Бывали и такие, — ответила птица, — только не в Нью-Брунсуике, а подальше на север, где уровень радиации был выше... Довелось мне видеть человека-страуса: длиннющие ноги, голые и тощие, тело в перьях, а шея как кишка...

— Хватит, хватит, — опять взмолился Тибор. — И без того тошно.

Птица хихикнула:

— Погодите, дайте рассказать про самого оригинального, которого я видела за всю свою жизнь. У него мозги были вне черепной коробки. Он их носил с собой — ха-ха — в горшке или в ведерке. И при этом они хорошо работали. Он заливал их специальным раствором, чтобы изолировать от атмосферы и поддерживать правильный кровообмен. Ему приходилось постоянно следить за тем, чтобы не порвалась связь между ним и горшком с мозгами. Достаточно было споткнуться и выронить горшок... Прожил он очень долго, но что это была за жизнь — в вечном страхе лишиться своих мозгов!..

— Заткнись! — выдал из себя Тибор.

Чувство омерзения одолело нездоровое любопытство. К горлу снова подступила тошнота. Он закрыл глаза и привалился к спинке своего сиденья.

Они двигались дальше в полном молчании.

Переднее правое колесо отвалилось внезапно, сразу. Оно покатило само по себе вниз по склону — и быстро пропало где-то далеко в траве. Корова замерла, заметив, что тележка за ней двигается как-то необычно, с креном.

Тибор произнес заплетающимся языком:

— Ну, похоже, мне теперь действительно хана.

Он всю жизнь предвидел, что смерть придет к нему в каком-нибудь смехотворном виде. Перед началом Странствия это чувство было вдвойне острее. И вот бывшие страхи воплощались в жизнь. Как будто он накликал беду своим непрерывным ожиданием беды. Он испытал животный страх, какой, наверное, испытывает зверь, когда его лапа попадает в капкан. Слепящая, безумящая паника. Зверь порой отгрызает собственную конечность, попавшую в капкан. «И я бы, наверное, сделал то же, — подумал Тибор, — будь у меня нога. Но тут ситуация, когда я бессилён что-либо предпринять...»

— Я позову людей на помощь, — сказала птица. — Вот только одна беда... — Тут она подлетела поближе и села к Тибору на плечо. — Беда в том, что лишь вы понимаете мою речь. Напишите записку, а я слетаю с ней в поселок.

Правым манипулятором Тибор достал блокнот с обложкой из черной кожи и шариковую ручку и написал: «Я Тибор Макмастерс, безрукий и безногий калека. Моя тележка застряла на склоне холма. Следуйте за птицей».

— Вот так, — сказал он, вырвал листок и сложил его вчетверо. Сойка схватила листок в клюв, взмыла высоко в теплое утреннее небо и устремилась в долину, где жили люди — или почти-люди.

Тишина.

«Может статься, я так и останусь тут, — подумал Тибор, — если никто не выручит. Тут будет моя могила. И здесь же похоронят мои упования и амбиции. Точнее, амбиции тех, кто использовал меня в своих

целях. А впрочем, нет. Я ведь и сам воспарял в мечтах и лелеял большие планы. Меня сюда на аркане не тащили — сам поперся, хотя отлично знал обо всех подстерегающих опасностях. Так что, кроме себя, винить некого. А все-таки досадно помереть, подойдя так близко к цели. Разумеется, если считать, что я действительно подошел к цели».

— Провались оно все пропадом! — громко воскликнул он.

Голштинка обернулась и вопросительно уставилась на хозяина. Тибор что было силы хлестнул ее кнутом. Корова жалобно замычала и налегла на постромки. Но передняя ось сразу же глубоко зарылась в землю, и тележка резко остановилась — не будь калека привязан к сиденью, он бы непременно вывалился на дорогу.

«Уж лучше не рыпаться», — подумал он. Остается только ждать. Если птица не вернется и не приведет кого-либо на подмогу, его ждет верная смерть. Досадно помирать в этом таком обыкновенном месте. Хотя где оно приятно — помирать? А с Господом Гнева если кому и суждено встретиться, то не ему...

«Ну, так что же теперь?» — спросил он себя. Он взглянул на часы: девять тридцать. Если кто и придет на помощь, так не раньше одиннадцати. А если к одиннадцати никто не...

«В этом случае я сдаюсь и выхожу из игры».

— Хотелось бы мне взглянуть на трехголового, — сказал Тибор вслух, обращаясь к своей верной голштинке. — Ты не переживай, пеструха. Если меня совсем припрет, я тебя отпущу на волю — тебе-то за чем со мной вместе помирать... Эх, коровка ты моя, коровка...

Хотелось думать о возвышенном и возвышенными словами. Но в голову лезли детские стишки. Всплыла не Бог весть какая оригинальная мысль, вычитанная где-то: «Когда придет время подводить счета земному существованию, важным окажется не то, победил ты или проиграл, но то, как ты вел игру». А что — хорошая цитата, уместная.

«Я вел честную игру, и достаточно искусно».

— Кабы наши желания были лошадьми, всякий нищий ездил бы верхом, — произнес он вслух. Тишина после этих слов была особенно заметной. Только его тяжелое дыхание и сопение голштинки, которая тянулась к аппетитному кусту у дороги.

— Проголодалась, милая? — сказал Тибор. Он и сам проголодался.

«Вот как мы оба можем помереть — от голода и жажды. Будем пить собственную мочу, чтобы протянуть подольше. Но и это нас не спасет. Жизнь моя в коготках и клюве существа, которое может уместиться в ладони. Сойка-мутант... а ведь сойки славятся своей лживостью и пронырством. Сойка — это ж бранное слово у людей. Должно быть, и эта надула»...

Тут он вернулся к видению, которое возникало в его сознании не единожды в последние несколько лет. Ему представился небольшой пушистый зверек. Этот пушистый зверек живет молчком, одиноко, в своей разветвленной подземной норе. И трудится, трудится, пока в один прекрасный день не прорывает хода к большой дороге. Там он устраивает что-то вроде прилавка, на который выкладывает все сделанное своими лапками — и ждет в молчании целый день покупателей. Время идет. Миновал полдень, опустились сумерки. А зверек так и не продал ничего из своей продукции. И вот горестная сценка: в полумраке зверек собирает товар и, угрюмый, разочарованный, молча убирается в нору — побежденный, но без единой жалобы на устах. Однако он побежден окончательно, безвозвратно — даром что поражение подкралось медленно, бесшумно...

«Вот я сижу и жду — как тот зверек при дороге. Жду-пожду — а толку никакого. Стемнеет, потом мигнет ночь, наступит рассвет. И новый день угаснет. А потом случится так, что я не проснусь к восходу солнца, и молчаливая надежда развеется — лишь стылое тело останется на тележке. Нет, голштинку надо отпустить, прежде чем я совсем ослабею. Хоть без нее тоскливей умирать, эгоистом я не буду. Какое странное это облегчение — сознание, что твои страдания видит другое существо, что ты не один. Ведь это, казалось бы, не должно облегчать страдания... Впрочем,

страдаю ли я? Нет. Просто душа моя останавливается, как остановлено в пространстве мое тело. Но неподвижность, если ее осознать всеми фибрами, разве она не есть горчайшее страдание?»

— Господь Гнева, — произнес Тибор вслух привычные слова литургии. — Приди ко мне. Покарай меня, но только возьми в Царствие Твое. Прими меня в небесный вертоград.

Тибор ждал с закрытыми глазами. Никакого ответа.

— Здесь ли Ты? — спросил он. — Ты, в руке коего и мое страдание, и мое избавление, разреши меня от нынешней муки. Твоей волей случилось сие со мной, но Твоей же волей влеком предпринял я труд сей... Вытащи меня из этой пакости, а, Господи? Ну, пожалуйста, очень прошу!

Он умолк — в ожидании. Ответа не было. Не прозвучал он ни свыше, не прозвучал он и внутри — в душе Тибора.

«Ах так! — подумал Тибор. — Тогда я посоветуюсь с тем, старинным Богом. То есть буду молить его дать мне ответ. Может, глава побежденной, отошедшей в прошлое религии окажется чутче».

И опять никакой реакции свыше. Хоть лбом о стену шаркнись — никакого результата!

«Но недаром же говорят, что пути Господа небыстры, — размышлял Тибор. — Время для Господа течет не с той же скоростью, что для нас, смертных. Что для нас вечность — для него мановение ока. Вот он и не спешит — по нашим меркам».

— Я сдаюсь! Возвращаю свой билет! — сказал он громко, не без скрытой угрозы. И стоило ему это произнести, как он действительно почувствовал непреодолимую усталость. Все тело его, все его клеточки, все жилки — сдавались, отказывались от борьбы.

«А может, это и есть то облегчение муки, которого я так домогался. Быть может, Он в итоге дарует мне хорошую смерть — скорую и безболезненную? Так умерщвляют любимых домашних животных — переводя в сон, а из сна в смерть...»

Прямо над Тибором в небе вдруг вспыхнуло яркое сияние. Полуслепленный, он уставился на источник

света, приложив к глазам в виде козырька свой левый манипулятор.

Световое пятно стало снижаться к нему. Мало-помалу оно приобрело матово-красный цвет — это был крупный пульсирующий диск. Казалось, он горячий и все больше накаляется изнутри, пламенея откровенной злостью. И с какого-то момента диск зазвучал — шипением ракеты, рассекающей воздух, или раскаленной болванки, брошенной в воду. На лицо калеки упало несколько капель теплого тумана, который клубился вокруг диска.

Тибор невольно отпрянул.

Слепящий диск остановился неподалеку и стал обретать некую форму. Постепенно в нем все отчетливее проступали черты человеческого лица: глаза, рот, уши, спутанные волосы. Губы зашевелились и что-то неслышно произнесли.

— Что? — переспросил Тибор, который смотрел на диск, высоко задрав голову.

Теперь он различал на диске рассерженное лицо. «Чем я прогневал его? Ведь я даже не знаю, кто он и зачем он...»

— Ты кощунствовал и насмеялся надо мной! — прогремел зычный раскатистый голос. — А я — твоя свеча, слабый свет, ведущий к большему свету. Смотри, что я мог бы сделать для тебя, если бы пожелал спасти тебя. Это очень просто... Молись! Пади на колени и молись, простерев руки ко мне!

— У меня нет ни рук, ни ног, — сказал Тибор.

— Об этом не беспокойся, предоставь это мне, — произнесло облитое светом лицо.

Тибор ощутил, что он поднимается, выходит из тележки и садится в траву. НОГИ. Он встал на колени. Он видел, как ноги под ним сгибаются. Тут ему бросились в глаза собственные руки, и он пошевелил пальцами. Поверх рук еще оставалась рама его манипуляторов.

— Вы Карлтон Люфтойфель! — выдохнул Тибор. — Ибо только Господь Гнева может сделать то, что вы сделали!

— Молись! — приказал освещенный лик.

Тибор заговорил невнятной скороговоркой:

— Я никогда не насмехался над самым могущественным существом Вселенной! Я молю не о прощении, я молю о понимании. Если бы вы знали мою душу...

— Я знаю твою душу, Тибор!

— О, навряд ли до конца. Я человек сложный, да и теология в наши дни такая запутанная! В своей жизни я совершил грехов не больше, нежели большинство людей. Молю, поймите, я совершаю Странствие, дабы найти ваше человеческое воплощение — и верно передать его в портрете...

— Знаю, — перебил его Господь Гнева. — Я знаю все, что известно тебе, а сверх того и еще многое. *Это я послал птицу.* Это по моей воле ты проехал так близко от червя, что побеспокоил его и он попытался сожрать тебя. Теперь ты больше понимаешь? Это я сделал так, что твоему правому переднему колесу потребовалась починка. Ты был под моим пристальным присмотром в течение всего твоего Странствия.

Тибор — с помощью своих новых рук — открыл багажник тележки, проворно извлек оттуда фотокамеру «Поляроид» и без промедления сфотографировал разъяренную физиономию на диске.

— Да ты никак сфотографировал меня! — прогремел голос свыше.

— Да, — сказал Тибор. — Чтобы удостовериться Твою реальность.

У него был еще десяток причин на то.

— Я совершенно реален, — с упреком прогремел голос.

— Зачем Ты делал все эти вещи? — спросил Тибор. — Почему я привлек к себе такое пристальное внимание с Твоей стороны?

— Ты для меня лишен значения. Но Странствие — это действительно важно. Ты намеревался найти меня и убить.

— Нет! — вскрикнул Тибор в ответ. — Я хотел только сфотографировать Тебя.

Тибор схватил кончик выползающей из камеры фотографии и нетерпеливо потянул на себя.

На снимке лик с диска получился необычайно отчетливым — лицо, искаженное дикой яростью. Все сомнения отпадали.

Да, это Карлтон Люфтойфель — это его лицо! Именно его он и разыскивал. Именно это лицо он должен был увидеть в конце своего Странствия, которое могло затянуться на неопределенное время.

Теперь же Странствие завершилось.

— Ты собираешься воспользоваться этим мгновенным снимком? — сказал Господь Гнева. — Мне это не нравится.

Подбородок на диске дрогнул... и фотография в правой руке Тибора свернулась в трубочку, задымилась и рассыпалась пеплом.

— А мои ноги и руки? — спросил Тибор.

— Они тоже принадлежат мне.

Господь Гнева смерил его взглядом. Потом повел глазами чуть вверх, и Тибора подняло вверх как тряпичную куклу. Он шмякнулся задом на сиденье своей тележки. И в следующее мгновение его ноги и руки бесследно исчезли — словно просто привиделись. Он полулежал на сиденье — ошарашенный, убитый горем. Всего лишь несколько секунд он был как все. Момент истины: ему явлено было счастье — и тут же его швырнули в привычное ничтожество.

— Господь! — едва слышно возопил калека.

— Ну что, открылись у тебя глаза? — спросил Господь Гнева. — Теперь ты осознаешь мое могущество?

— Да, — процедил Тибор.

— Ты закончишь Странствие?

— Я... — Он осекся. После паузы он не очень твердо сказал: — Нет еще. Птица сказала...

— Птицей был я. И я помню, что я сказал. — Господь подавил новую вспышку гнева и продолжил: — Птица подвела тебя поближе ко мне — так, чтобы я мог лично пообщаться с тобой. Я хотел встретиться с тобой. Я искал встречи с тобой. У меня две ипостаси. Одну из них ты видишь сейчас. Она вечна, она бессмертна — таким было тело Христа после его воскресения. Тогда, когда Тимофей встретил Христа и вложил персты в его раны.

— Фома, — сказал Тибор. — Это был Фома.

Господь Гнева нахмурился — стал мрачнее тучи. В следующую секунду его черты на диске стали расссыпаться.

— Итак, ты видел эту мою ипостась, — произнес Господь Гнева. — Но есть и другая ипостась — физическое тело, которое стареет и обречено вернуться в прах... тленное тело, по выражению апостола Павла. *И это тело ты найти не должен.*

— Ты думаешь, что я его уничтожу? — спросил Тибор.

— Да.

Лицо уже исчезло. И последнее «да» было едва слышным выдохом.

Над Тибором снова невинно голубело чистое небо — исполинский купол, сработанный в незапамятные времена то ли гигантами, то ли богами.

Тибор снял манипулятор с пистолета, который он тайно сжимал все время после того, как был повергнут в тележку — вновь лишенный и ног и рук. А что бы случилось, если бы он набрался мужества и выстрелил? «Да ничего не случилось бы, — подумал Тибор. — То, что я видел, действительно было бессмертной и неуязвимой ипостасью — тут сомневаться не приходится. Да и не поднялась бы у меня рука. Так что это был пустой блеф. Но Господь Гнева не мог это знать — разве что он так же всеведущ, как христианский Бог согласно верованиям христиан. А случись мне действительно убить его — что бы случилось? — не унималась мысль. — Как бы мир существовал — без Него? Ведь в наши трудные времена и так не за что уцепиться душой!.. Так или иначе, этот сукин сын убрался подобра-поздорову, — сказал себе Тибор. — И мне не пришлось стрелять. Но при определенных обстоятельствах я бы... выстрелил. Вот только при каких обстоятельствах?»

Он закрыл глаза, потер веки механическими пальцами, в задумчивости повертел из стороны в сторону свой нос.

«Если бы Он вознамерился уничтожить меня? Нет, не только в этом случае. Тут дело заключается в переливах характера Люфтойфеля — в том, как он проявит себя передо мной, а не во внешних обстоятельствах. Господь Гнева не есть разлитая в пространстве сила. Он — личность, со своим характером. Когда-то он делал кое-какое добро людям, потом во время

Войны мало-мало не истребил все человечество. Это Господь, которого надо задабривать и ублажать, чтобы он не казал свой дурной нрав. Да-да, похоже это и есть ключ. Иногда Господь Гнева нисходит до делания добра. Иногда ему желается творить зло. Я могу убить его именно при этих обстоятельствах — когда в его действиях проявится злой умысел... Но когда он будет в процессе делания добра, у меня рука на него, конечно, не поднимется — даже перед лицом собственной неминуемой гибели».

«Масштабный поступок — замочить Бога, — подумал Тибор. — Есть чем пощекотать гордыню. Самое оно для психа с манией величия. Но — не для меня. Я никогда не метил в Наполеоны. И свой шесток знаю хорошо. Пусть типчики вроде Ли Харви Освальда, который когда-то давно убил президента Джона Кеннеди, — пусть подобные выблядки совершают грандиозные убийства. А ведь убийство лишь тогда чего-то стоит, если оно в основе своей грандиозно».

Тибор вздохнул. Короче, свиделись и расстались. Но событие — было! Долгие годы Тибор был Служителем Гнева, однако не имел ни одного мистического опыта, как ни молился. То, что случилось, навеки перевернуло ему душу. Такое не забыть. Если, скажем, вы вдруг обнаружите, что композитор Гайдн был женщиной, вам этого факта уже не забыть.

Подлинный мистический опыт — такое потрясение, которое забыть — и избыть — уже невозможно. Философ Уильям Джеймс когда-то говорил что-то в этом роде.

«Он дал мне недостающие конечности, а потом взял обратно и руки, и ноги. И как у Него совести хватало! А еще — Бог! Самый заурядный садист. О, какое это блаженство было бы — перестать валяться чурбаном в тележке, иметь возможность ходить, брать. Я бы пошел к океану, я бы плавал на волнах... И, Боже, как здорово я бы рисовал! О, я бы весь мир поразил своим искусством! Разве можно по-настоящему рисовать с помощью манипуляторов?! Сколько я мог бы еще достичь! — простонал он про себя. — А как там насчет сойки-врушки? Вернется ли она? Если она и в самом деле была лишь марионеткой в руке Божьей, тогда она

уж точно не вернется. И что мне тогда делать — если она не вернется?»

Эксперимента ради калека включил репродуктор и прокричал в него:

— Внимание! Внимание! Тибор Макмастерс застрял на холме и ему грозит смерть. Помогите, ради всего святого! Слышит меня кто-нибудь?

Он выключил репродуктор и молча шарил глазами по местности. Вот и все, что он может сделать для своего спасения. Не слишком много.

Так он и сидел в своей тележке — понурившись, в плену горестных мыслей.

Глава 11

Пит Сэндз обратился к детишкам:

— А ну-ка, припомните, вы не видели безрукого-безногого калеку в тележке, которую тащит корова? Его нельзя не запомнить! Он должен был проезжать тут вчера, перед самым вечером. Ну, вспомнили?

Он внимательно вглядывался в ребячьи лица, пытаясь угадать, не скрывают ли они чего-нибудь. Не исключено, что они сознательно не хотят говорить о Тиборе. Кто их знает, может, они его убили!

— Если расскажете, получите хороший подарок, — продолжил Пит, засовывая руку в карман своего пиджака. — Глядите! Настоящая твердая карамель из настоящего белого сахара.

Он протянул длинную конфету стайке окруживших его ребят, но ни один из них не принял подарок от чужака. Негритята внимательно смотрели на него — снизу вверх, словно пытались уловить скрытые намерения незнакомого дяди.

Однако самый маленький негритенок не утерпел в конце концов и протянул руку к конфете. Стоило Питу отдать вожаденную карамелину, как мальчуган быстро попятился назад и спрятался за спинами товарищей. Вот так — ни информации, ни конфеты.

— Я ваш друг, — сказал Пит, возбужденно взмахнув руками. — Я ищу этого калеку, чтобы оказать ему помощь. Тут в округе беспокойно — его могут остановить, отобрать тележку. Корова может споткнуться и упасть и вывернуть его на землю... Вы только представьте, как он лежит у дороги — один-одинешенек — и умирает медленной смертью!

Некоторые из темнокожих мальчишек заулыбались.

— А мы знаем, кто вы такой, — сказал один из них. — Вы пащенок старикашки Абернати. Вы верите в Ветхого Господа. А вот тот калека, он учил нас катехизису!

— Он проповедовал вам Господа Гнева?

— И вам бы в него следовало верить, — сказал другой мальчик. — Здесь царство *Его*, а не того недотепы с креста.

— Это вы так думаете. Точнее, это вам взрослые внушают, — сказал Пит. — Я же думаю иначе. Я общаюсь с тем, кого вы называете Ветхим Богом, уже много лет. Я его хорошо знаю. Он вовсе не недотепа.

— Но вашему Богу было слабо устроить классную войну! — сказал тот же мальчик с насмешливой ухмылкой.

— Он сумел сделать куда больше, — возразил Пит. — Он создал Вселенную и все, что в ней есть. Все мы обязаны своим существованием ему и только ему. Временами он вмешивается в наши жизни, дабы помочь нам. Он может спасти всех нас — и каждого из нас в отдельности... А если он сочтет нас недостойными, то способен лишить своей милости и благодати и оставить во грехе. Неужели вам приятнее жить в раздоре с Богом и во грехе? Я надеюсь, вы этого не желаете, ибо печетесь о своей бессмертной душе!

Пит раздражался все больше. Эта упрямая мелюзга бесила его. Остолопы! А с другой стороны, больше никто не может подсказать ему, проезжал ли Тибор по этой дороге.

— Мы молимся тому, кто что захочет, то и сделает! — взвизгнул другой замурзанный негритенок,

Остальные поддержали его и закричали, перебивая друг друга:

— Да, мы славим того, который может сделать что угодно и с кем угодно!

— Того, который все-все может!

— Вы филотаны! — изрек Пит.

— Что это такое, мистер?

— Смертолюбы. То есть люди, обожествляющие смерть. Вы славите своего злейшего врага — того, кто

пытается отнять у вас жизнь. Это самая чудовищная ересь, бытующая в современном мире... Ладно, спасибо вам, хоть и не за что.

Сэндз пошел прочь скорым шагом, сгибаясь под тяжестью своего рюкзака. Ему хотелось побыстрее уйти от этого сборища невежественных упрямец.

Дети улюлюкали и хохотали за его спиной. Но скоро им надоело, и они побежали по своим делам.

Вот и хорошо.

Пит остался наедине с собой.

Отойдя подальше от селения, он присел на обочину, порылся в своем рюкзаке и достал оттуда передатчик, установил его на что-то вроде треноги, вытянул антенну и повертел ручку.

— Отче Абернати, — сказал он в микрофон, — докладывает Пит Сэндз.

— Слушаю тебя, Пит, — прозвучал в наушниках голос отца Абернати.

— Я уверен, что попал на след. — Пит рассказал о встрече с детьми, на которых церковь Служителей Гнева уже оказала свое тлетворное влияние. — Они проговорились, что он учил их катехизису. И вообще само их упрямое молчание говорит о том, что им есть что скрывать. Они покрывают Тибора. Так что я на правильном пути.

— Удачи тебе, — сухо произнес отец Абернати. — Послушай, Пит, если найдешь его, не делай ему ничего худого.

— Почему это? — возмутился Пит. — В нашей беседе, не далее как день или два назад, вы говорили...

— Я никогда не приказывал тебе преследовать Макмастера. И никогда не советовал остановить его или причинить какое-либо зло.

— Согласен, вы такого не говорили. Но не ваши ли это слова: «Когда художник-калека вернется со свежей фотографией Господа Гнева и успешно завершит работу над фреской, это будет серьезной победой для церкви Служителей Гнева вообще и для отца Хэнди в частности». Разве по этим словам трудно догадаться о вашем истинном желании и о том, что именно пойдет на пользу Истинной Церкви!

— Нет греха страшнее, чем убийство. В Святом Писании сказано: «Не убий!» Так заповедано от Бога.

— Да я и не собираюсь причинить ему зло, — сказал Пит Сэндз. — На кой он мне сдался...

Про себя же подумал: «Если он мне и нужен, то только затем, чтобы он привел меня к так называемому Господу Гнева... Занятно, что я буду делать, если действительно повстречаю этого самого Господа Гнева? Ну да ладно, там видно будет».

— Как там Лурин? — спросил Пит, чтобы сменить тему разговора.

— Хорошо.

— Я знаю, зачем я иду и что делаю, — сказал Пит. — Так что, отче Абернати, позвольте мне довести до конца то, что я не могу не сделать. Вся ответственность лежит не на вас, а на мне. Извините за грубость, у меня своя голова на плечах.

— Да, — откликнулся отец Абернати, — но ответственность за тебя лежит на моих плечах!

Последовало короткое молчание.

— Я буду докладывать вам о происходящем дважды в день, — сказал Пит. — Уверен, что мы с Тибором сумеем прийти к соглашению. Впрочем, вероятность того, что Тибор Макмастерс разыщет Карлтона Люфтойфеля настолько ничтожно мала, что наш спор носит скорее академический характер.

— Я буду молиться за тебя, — молвил отец Абернати.

Связь прервалась — отец Абернати выключил свой аппарат. Пит заворчал, досадливо покачивая головой, и убрал передатчик обратно в рюкзак. Некоторое время он сидел ссутулясь, потом достал пачку «Pall Mall» и закурил драгоценную сигарету из своего скудного запаса.

«И какая нелегкая понесла меня на большую дорогу? — спросил он себя. — Добро бы послало начальство! Или меня действительно послало начальство — косвенным намеком во время того памятного разговора о Тиборе? А может, я просто неправильно истолковал невинные слова отца Абернати? Шут его знает... Если я совершу преступление, отец Абернати может, разумеется, ото всего отпереться — дескать,

никаких советов или поручений не давал. Скажет, как гангстеры говаривали в старину, «ни сном, ни духом». У церкви и «Коза ностры» есть кое-что общее: некое олимпийское равнодушие главных боссов к судьбам мелкой сошки. Все шишки передаются по иерархии вниз и валяются на какого-нибудь беззащитного, который обретаётся в самом низу пирамиды. А я и есть тот беззащитный в самом низу пирамиды, на которого положено вешать всех собак».

Подобные мысли Пит не любил и старался побыстрее их прогнать. Но они назойливо возвращались.

— Отче наш, иже на небеси, — мысленно обратился он к Богу, с наслаждением, неспешно затягиваясь сигаретой, — дай мне знать, как поступить. Надо ли продолжать слежку за Тибором Макмастерсом или следует бросить это дело из моральных соображений? Но тут есть и другая сторона: я могу в случае чего помочь Тибору — далеко ли он уедет, такой увечный, с этой своей жалкой коровенкой! Если его тележка сломается, если он угодит в канаву, или поранится, или застрянет где-нибудь на дороге, я ему помогу — это само собой. Поэтому нельзя сказать, что я следую за ним с низменными целями. Можно взглянуть на мой поход иначе: гуманные поиски несчастного калеки, который, быть может, уже к этому моменту представился в придорожной канаве... А-а, пропади оно все пропадом!»

Прервав свою сумбурную молитву таким неожиданным образом, Пит докурил сигарету, отбросил ее, но не встал с земли, а продолжал сидеть, погруженный в размышления.

День теплел. Густой кустарник вокруг кишел насекомыми и птицами. У земли шмыгали небольшие зверьки. Вся эта живность была движима энергией, которую вложил в нее Иегова, дабы всякая тварь могла наслаждаться бытием и защищаться от опасностей.

«И куда же мы теперь направим свои стопы? — спросил Пит сам себя. Он развернул карту и сориентировался на местности. — Я вот тут, поблизости от Супер-М... О, эту проклятую штуковину надо обойти десятой дорогой! А вдруг Тибор уже нарвался на нее?

Придется проверить — самому идти электронному черту в пасть».

— Дьявол ее заberi, эту Супер-М! — воскликнул он вслух. Думая об электронном монстре, который подкарауливает прохожих с довоенных времен, Пит осерчал и помянул черта — что христианину совсем не подобает.

Все кругом ветшает, ржавеет и ломается. Почему бы и этой штуковине не скапутиться! В чем тут Божий промысел, что эта убийца Супер-М продолжает существовать — смертельная угроза для всего живого в радиусе пяти миль?

«Нет, ни за какие коврижки не пойду я мимо этой суперкровососки. Если Тибор угодил в ловушку и его разложили на атомы — будем считать, что мне не повезло. Ну а если его еще можно спасти?.. Ведь я вроде бы намеревался помогать ему, оберегать его... Или это я говорил просто так, в виде отговорки? — В голове Пита царил сущий хаос. — Ладно, когда события припрут, тогда и узнаю, зачем я шел за Тибором. Подобно экзистенциалистам, я определю свои истинные чувства задним числом — вычислю их по уже совершенному поступку. А сейчас не стану гадать и копать в себе. Муссолини учил: мысли следуют за поступками. Впрочем, разве не то же самое говорил Гете в «Фаусте»? «In Anfang war die Tat» — «В начале было дело». Дело, а не слово, как стоит в самом начале Библии и как учил святой Иоанн. Божественный Логос и все такое. Постановление дела *до* логоса — не результат ли это просачивания в христианскую теологию доктрины древних греков?»

Пит Сэндз вынул из рюкзака бинокль и изучил местность до самого горизонта во всех направлениях. Мир — как перенаселенный зоопарк. Здесь кишат виды, которых нет в другом месте. А в другом месте — кишение видов, которых нет здесь. Сколько же нынче всяких жутковатых на вид существ, сколько еще не ведомы! Люди, полулюди, четвертьлюди, квазилюди, псевдоквазилюди... каких только разновидностей ното не существует! Нарисуй в воображении какого хочешь уroda — и обязательно встретишь его в природе.

Правее лежат владения Супер-М. Туда он ни ногой. Но каким путем идти в обход? Пит ворочал биноклем во все стороны, ребячливо наслаждаясь тем, как окуляры собирают солнечный свет. В полях работают люди и роботы — чуть ли не зубами грызут бесплодную сухую землю. Издалека даже не разберешь, где люди, где роботы... Те и другие из праха — и в прах вернуться. *Dann es geht dem Menschen wie dem Tier; wie dies stirbt, so stirbt der auch.* — Что будет с человеком, то будет и со зверем: яко один умрет, так и другой умрет.

«Что же это в конце концов значит — умереть? — размышлял он. — Искони все подлинно неповторимое гибнет. Природа работает с огромным запасом: производит уйму одинаковых тварей одного вида. Неповторимое — это серьезный промах, ошибка природы. Для выживания нужны сотни, тысячи, а то и миллионы одинаковых существ, которые несут одинаковые внутренние и внешние признаки: даже если из миллионов выживет одно, способное дать потомство, — природа одержит победу. Природа — расточительный полководец, который побеждает только потому, что не жалеет солдат. А я — я единственный и неповторимый и потому обречен на уничтожение. Всякий человек — единственный и неповторимый, а потому обречен исчезновению».

Грустная мысль.

Пит взглянул на свои наручные часы. Тибор в пути уже шестьдесят два часа. Какое расстояние может преодолеть коровья упряжка за шестьдесят два часа? Ого-го-го какое! Даже самым медленным размеренным шагом корова может уйти за такое время довольно далеко. Тибор теперь милях в сорока от Шарлоттсвилля.

Хотелось бы знать, догадывается ли Тибор о том, что его преследуют? А если догадывается, то как поступит? При нем есть пистолет — Или намекала на это. И Тибор использует оружие не обинуясь — когда дело идет о спасении жизни, всякий выстрелит.

В рюкзаке Пит лежал полицейский револьвер и четыре патрона к нему. «Таким калибром я разнесу его на куски, — думал Пит. — Да, если он выстрелит

в меня первым, я сделаю из него решето. Мы оба будем действовать в рамках самозащиты — повинуюсь инстинкту самосохранения, который в нас вложил сам Господь. Выбора у нас не будет».

Здесь, вне города, за пределами человеческого жилья, оба из них ведут отчаянный бой с Врагом рода человеческого. Единоборство не на жизнь, а на смерть. Мертвая плоть и того, и другого достанется Врагу, ибо он кормится телами живых, подгоняя их к могиле... Но придет час — и по мановению Господа все восстанут из могил. Завершится все воскресением — обретением вечного и бессмертного идеального тела, которому более не грозит разложение, которое более не изменяется к лучшему или к худшему. На кресте было распято существо, которое только воплощалось в человеческую плоть, но не было человеком. В это верят даже такие отпетые еретики, как Служители Гнева. Теперь в это верят буквально все на всей планете. Верят, не задавая вопросов... Очевидно, примерно такие же мысли посещали Тибора, когда он проезжал по этой дороге, подпрыгивая на ухабах в своей тряской тележке.

«Мы объединены, он и я, наличием единой нити в основополагающих догмах наших таких разных религий. До какой-то степени мы с ним одно: Макмастерс и я — мы единое целое. Нутром это чувствую. Но это единство непрочное, эфемерное. Как все неповторимое, оно обречено на гибель. Все хорошее обречено на гибель, — размышлял Пит. — По крайней мере в этом мире. Но в грядущем, ином мире все доброе будет пребывать вечно. Там доброе будет таким же неизменным и неистребимым, как в философских теориях Платона — вечные «идеи», образы вещей. В случае крайности тиборовская королева может нестись галопом. И Тибор может ехать так быстро, что мне за ним не поспеть. Если Тибор заметит за собой «хвост», он станет нахлестывать свою голштинку — и его уже не догнать. Но если хорошенько все взвесить... может, оно и к лучшему, если я безнадежно отстану? И он останется цел-здоров, и я невредим... Все будет по-прежнему. Впрочем, дудки. По-прежнему уже не будет. Ведь Тибор разживется фотографиями или видеопленкой с изображением Господа Гнева. И тогда —

что? Вот эта-то мысль и угнетает. Как знать, какой эффект это произведет на жителей Шарлоттсвилля. Трудно предсказать. Но все предсказуемые последствия — одно другого хуже».

«Странно, — думал он. — Как мы печемся о своем городишке. И нас мало волнует то, что Служители Гнева одержали победу во всем мире. Наши мысли вертятся только на крохотном пяточке родного нам пространства. Вот она — послевоенная разобщенность мира. Наши горизонты сузились, усохли; мир стал дискретным, а мы — близорукими. Мы вроде тех старух, которые копаются в земле своими заскорузлыми пальцами, раздутыми от артрита. Они перерывают в поисках съедобных корешков один и тот же махонький участок подле своего жилья, потому что не хотят — да и не могут — уйти дальше, где нашлось бы больше пропитания... Вот сижу я тут, далеко от своего «огородика», и трясусь как осиновый лист. Стра-а-ашно, и обратно в Шарлоттсвилль хоцца. И разве Тибор не то же сейчас испытывает? Мы несчастные усталые путники, которые мечтают об одном — поскорее вернуться в родные палестины».

В сторону Пита по иссохшей почве медленно брела босоногая женщина, простирая перед собой руки, будто слепая.

Это была мобильная часть Супер-М.

Глава 12

— Вам доводилось слышать об Альберте Эйнштейне? — осведомился робот, замаскированный под женщину.

Подвижная часть гигантского компьютера подкралась к погруженному в горестные размышления Сэндзу незаметно и железной — буквально железной — хваткой вцепилась в его руку.

— Теория относительности... — начал было Пит.

Но робот перебил его:

— Давайте спустимся в бункер и обсудим его теории.

— Э-э, нет! — возразил Пит и стал вырываться.

Он наслышался достаточно страшных историй про этот полуразвалившийся компьютер. С самого детства он страшился встречи с кошмарной Супер-М. И вот — ужас придвинулся вплотную.

— У вас нет права принудить меня спуститься вниз! — благим матом завопил он, вспоминая о кислотной ванне, куда Супер-М опускает своих жертв. Нет, лучше любой конец, чем такой!

Пит заметался, норовя высвободиться. Но не тут-то было.

— Спроси меня о чем-нибудь! — прогундосила псевдобаба, волоча его за собой.

Сэндз волей-неволей сделал несколько шагов за ней.

— О'кей! — процедил он. — Ответь мне, проезжал ли тут калека без рук и ног на небольшой тележке?

— Это твой первый вопрос? — глухо спросил робот.

— Нет. Это мой единственный вопрос. Я в твои игры играть не желаю! Играть в твои игры — себе дороже! У тебя привычка убивать людей. Я твои повадки знаю!

Как же Тибор изловчился выкрутиться в подобной ситуации, если и он попался этой железной дуре? Или он не выкрутился? Может, его уже плюхнули в ту ванну с кислотой?

Интересно, кто наполняет чертову ванну в нашу сумеречную эпоху? Это покрыто тайной. Возможно, и сама Супер-М этого не знает. И не исключено, что тот мерзавец, который впервые наполнил ванну кислотой, сам же первым угодил в нее. Страх Пита увеличивался с каждой секундой. Мысли начали мешаться от одуряющего страха. Сколько же ужасов ухитрилась наплодить Земля за эти несколько десятилетий — это ж обалдеть можно! Кругом метастазы ужаса!

— Да, — сказала Супер-М. — Калека без конечностей тут проезжал и прострелил черепную коробку одной из моих мобильных частей. Мозг был задет, и она погибла.

— Но у тебя остались другие передвижные части, — подхватил Пит. — Вроде этой, которая держит меня. Их у тебя много — передвижных. Ничего, в один прекрасный день придет человек — или иное существо — и покончит с тобой. Жаль, не я.

— Это твой второй вопрос? — спросила железная бабища. — Ты хочешь спросить: сможет кто-либо и когда-либо уничтожить меня?

— Это не вопрос, — в сердцах возразил Пит. «Это вера, — подумал он. — Святая вера в то, что зло рано или поздно будет повержено».

— Когда-то ко мне приходил Альберт Эйнштейн — получить консультацию, — сказала Супер-М.

— Врешь ты, — отрезал Пит Сэндз. — Он умер за много лет до того, как тебя построили. У тебя мания величия. На самом деле ты наполовину сломанная и заржавевшая машина. Ты уже не в силах отличить желаемое от реального. Ты свихнулась. — Терять ему было нечего, и он отводил душу: — Ты старая карга. Ты смердящий труп. В тебе застряла искра жизни, но и та догорает. Почему ты живешь за счет уничтоже-

ния органической жизни? Ты ненавидишь ее? Твои создатели научили тебя ненависти?

— Я хочу выжить, — сказал робот, держа его мертвой хваткой с бульдожьим упрямством.

— Послушай! — воскликнул Пит. — Я могу снабдить тебя кой-какой информацией, чтобы в будущем ты лучше отвечала на вопросы. Я прочту тебе стихотворение. Не гарантирую, что помню его дословно, однако за общий смысл ручаюсь. «На днях я вечность видел...»

Он осекся. «Видел» или «зрел»? Впрочем, какая разница! Супер-М вряд ли что-нибудь смыслит в поэзии. В ней теперь столько злобы, что, если в ее памяти и хранились стихи, они затерялись за ненужностью. О какой поэзии может быть речь в густом тумане ненависти!

— «На днях я вечность зрел...» — поправился он, и снова осекся, потому что дальше не помнил — то ли от волнения, то ли просто память заколдобило.

— И это все? — спросила Супер-М.

— Конечно же, нет. Я пытаюсь вспомнить, как там дальше.

— Стихи с рифмой?

— Нет.

— Тогда это и не стихи вовсе, — объявила Супер-М и поволокла его в сторону пещеры, служившей входом в подземный бункер, где таилось основное «тело» компьютера, наполовину изъеденное ржавчиной.

— Я могу снабдить тебя цитатами из Библии! — завопил Пит. С него пот лил ручьями — до того он перепугался. Как он ни вырывался, металлическая хватка не ослабевала ни на миг.

Супер-М относилась к диалогу с Сэндзом с идиотской серьезностью — как будто все ее существование зависело от произнесенного и услышанного. Впрочем, существование Супер-М действительно зависит от исхода их словесной схватки. Не физическая энергия нужна этой машине для поддержания своей жизни, а та духовная энергия, которую она извлечет из нервной системы своей жертвы, если та зазеваается, даст сломить себя и увлечь в гибельную нору.

Супер-М не трогает негрятя только потому, что они еще маленькие — их жизненный опыт и душевная энергия, так сказать, ей на один зубок.

Стало быть, в малости — спасение.

— Никто из ныне живущих варваров не слышал об Альберте Эйнштейне, — сказала Супер-М. — А этот человек стяжал истинное бессмертие, ибо он является подлинным творцом современного мира, если мы начнем отсчет времени с...

— Я же сказал тебе, что знаю об Эйнштейне и его научных работах! — перебил ее Пит Сэндз. — Ты что — глуховата? — Он закричал что было мочи: — Я отлично знаю, кто такой Эйнштейн!

— Ась?

Э-э, да эта дрянь и впрямь плохо слышит. Или у нее ослабела память, и она уже успела позабыть начало их разговора. Скорее всего, последнее.

Забыва. А что, на этом можно как-то сыграть!

— Ты не ответила на мой последний, третий вопрос, — сказал он твердо, предельно напрягая голосовые связки.

— Твой третий вопрос? — растерянно переспросила Супер-М. — А в чем состоял твой вопрос?

— Ну, ты даешь. Это не по правилам, чтоб я повторил свой вопрос.

— А что я ответила? — спросила Супер-М.

— Толком ничего. Все ходила вокруг да около. Больше издавала какое-то шипение и постукивание. Как будто магнитофонную пленку перематывала.

— Пленки у меня действительно крутятся — тут внизу. Но чтобы их наверху было слышно... — забормотала Супер-М. Ее хватка немного ослабела. Очень немного. Однако Пит уже догадался, что машина впадала в подобие человеческого маразма. Она не владеет ситуацией. Лишенная регулярного обслуживания программистов, она становилась с каждым годом все дебильней: монбланы информации смешались в ее исполтинском электронном мозгу.

— Ты сама перезабыла все об Альберте Эйнштейне! — отважно изрек Пит. — Ну-ка, расскажи мне о нем. Я весь внимание.

— Он создал единую теорию поля...

— В чем ее сущность?

— Я...

Тут ее механическая лапа сжалась сильнее на руке Пита. Как будто машина обретала новые силы и уверенность в себе. Супер-М пыталась сориентироваться в необычной ситуации. Ее жертвы редко защищались — а тем более столь изворотливо и напористо.

«Я ее переспорю, — подумал Пит. — Не даром я в детстве учился в школе у иезуитов. На сей раз моя вера поможет мне, ибо научила меня дискутировать. Вот и говорите, что теология — это пустые словесные упражнения, которые не имеют практического приложения. Конечно, та мрачная пещера, куда меня тащит эта железная бабища, — препоганое место для диспута».

— Давайте дадим точное определение понятия «человек», — сказал Пит. — Вначале попытаемся описать его как систему биологических взаимодействий...

Робот сжал его руку еще крепче.

Э-э, похоже, он допустил ошибочный ход — в этой теме машина чувствует себя как рыба в воде.

— Дай мне уйти, — сказал Пит.

— Совсем как в песне Боба Дилана, — сказала Супер-М. — «Дай мне уйти! Я дарил тебе свои мысли, а ты захотела всю мою душу». Я хочу всю твою жизненную силу, прохожий. Ты путешествуешь по лику Земли, тогда как я остаюсь на одном месте — одинокая и алчущая от голода. Я не получала пищи на протяжении многих месяцев! Поэтому ты мне крайне необходим.

Робот протащил его еще несколько шагов. Теперь темная дыра входа в пещеру зияла совсем рядом.

— Я люблю тебя, — с чувством произнесла Супер-М.

— Вы именуете то, что вы творите, любовью?!

— А разве Оскар Уайльд не говорил, что каждый человек убивает того, кого он любит? Я люблю в точном соответствии с этим высказыванием.

Тут робота странным образом трянуло, словно там, в бункере, в хитроумных цепях что-то стряслось.

— Ага, — произнесла Супер-М ровным машинным голосом, — доступ к информационному банку только что восстановился... Я знаю стихотворение, которое ты начал цитировать. «На днях я вечность

зрел...» Это Генри Воган. Стихотворение называется «Вселенная». Семнадцатый век, Англия. По сути дела, ты меня ничему научить не можешь и к моим знаниям тебе добавить нечего. Мне достаточно восстановить правильное функционирование памяти. К сожалению, некоторые части моей памяти остаются инертными, за что приношу свои извинения.

И машина с новой силой потащила его к роковой дыре.

— Я могу починить твою память, — в отчаянии выкрикнул Пит.

Он не рассчитывал на такое чудо, но робот остановился. Пит ощутил себя рыбой, которую тащили на крючке из воды. И вот леска вдруг на мгновение ослабела.

Компьютер, очевидно, размышлял.

— Нет, — наконец решила Супер-М. — Если ты окажешься внутри, ты можешь повредить меня.

— Разве я не человек? — сердито вскинулся Пит Сэндз.

— Человек.

— А разве у человека нет чувства чести? В целой Вселенной кроме человека нет другого существа, которое обладало бы чувством чести. — «Так-так, моя казуистика срабатывает, — удовлетворенно подумал он. — И какое счастье, что я ввернул иезуитскую мысль точно вовремя!» Теперь надо дожать, и он выпалил скороговоркой: — Где, в какой части Вселенной существует честь? Обрати свой взор вверх, к небу — разве птицы обладают честью? Взгляни вниз — разве растения или твари морские обладают пониманием того, что такое честь? Обойди всю Землю — и ты вернешься ко мне, потому что нигде более не найдешь честного существа.

Он замолк. Срабатывает или нет? Теперь все поставлено на одну карту — на эту вспышку красноречия.

— Я признаю, что я не на шутку встревожена, — сказала Супер-М. — На меня произвело гнетущее впечатление то, что даже безногий калека ухитрился удрать от меня. И при этом он уничтожил одну из моих передвижных частей. Он насмеялся надо мной и пошел дальше — целый и невредимый.

— Да, в прежние времена такого конфуза не могло случиться, — признал Пит Сэндз. — Прежде ты была могучей и неотвратимой.

— Мне больно даже вспоминать прежние славные времена!

— Вполне вероятно, что ты помнишь их не в полной мере. А вот я, я их помню очень хорошо.

Супер-М держала его за обе руки, но тут на нее словно столбняк нашел, и Пит сумел высвободить одну руку.

— Да отпусти ты меня, черт побери! — воскликнул он.

— Дайте-ка мне попробовать, — вдруг прозвучал рядом с ним негромкий мужской голос.

Пит резко обернулся. В нескольких шагах от него стоял совершенно нормальный человек — в пятнистых хаки и в металлической каске французского образца времен первой мировой войны. Весьма изумленный, Пит молча наблюдал, как незнакомец вынул из кармана небольшой разводной ключ и стал бесцеремонно крутить гайки на металлическом черепе страшной бабищи.

— Она вся заржавела, — сказал мужчина, не отрываясь от работы. — Она предпочтет отпустить вас, чем быть разобранной на куски. Ну как, Супер-М, договоримся — или разобрать тебя ко всем чертям?

Незнакомец рассмеялся здоровым смехом. В нем чувствовалась уверенная сила мужчины в расцвете лет.

— Убей ее! — сказал Пит.

— Нет. Она ведь живая и хочет жить. Нет никакой нужды убивать ее для того, чтобы освободить тебя.

Говоря это, мужчина проворно работал разводным ключом. Он уже снял крышку с металлического черепа.

— Еще один поворот моего ключа, — сказал он Супер-М, — и эти соленоидные переключатели закоротит. Ты сегодня уже потеряла одного своего мобиляка. Хочешь потерять второго? Разве у тебя их осталось так много, что ты можешь жертвовать ими направо и налево?

— Позвольте мне подумать некоторое время, — взмолилась Супер-М.

Мужчина в хаки закатал рукав и взглянул на свои часы.

— Даю тебе шестьдесят секунд. А потом продолжу разборку.

— Охотник! — взмолилась Супер-М. — Не уничтожай меня!

— Тогда отпусти парня, — сказал мужчина в хаки.

— Но...

— Никаких «но»!

— Надо мной будет смеяться весь цивилизованный мир!

— Не существует больше никакого цивилизованного мира. Есть только мы. И в руках у меня разводной ключ. Я нашел его в подземном бункере неделю назад и с тех пор...

Мужчина в хаки снова недвусмысленно потянулся к последнему болту.

В это мгновение «мобиляк» отпустил руку Пита, проворно сложил манипуляторы и что было силы ударил ими мужчину в хаки. Удар отшвырнул мужчину как щепку. Он неуклюже приземлился на колени — из его рта текла кровь. Казалось, он молится на коленях, но в следующую секунду он рухнул лицом в траву. Разводной ключ вылетел из его руки и валялся поблизости.

— Он мертв, — сказала передвижная часть Супер-М.

— Нет.

Опустившись на одно колено, Пит склонился над мужчиной. Его китель был залит кровью.

— Забери его вместо меня, — предложил Пит Супер-М, быстро отползая на четвереньках подальше от страшного робота.

— Я не люблю охотников, — сказала Супер-М. — Эти пакостники истощают мои батареи.

— Кто он такой? — спросил Пит, держась на порядочном расстоянии от Супер-М. — На кого он охотится?

— Он охотится на того безногого и безрукого калеку, который проходил здесь до тебя. Ему поручено

убить калеку — деньги после завершения дела. Все охотники работают за плату. У них нет убеждений — лишь бы деньги платили.

— Кто платит этому?

— Откуда мне знать. Ему платят — вот и все, что мне известно.

Продолжая пятиться, Пит сказал:

— Все эти бессмысленные убийства... Как они мне противны! И без того осталось так мало людей на планете!

И тут наконец он побежал прочь, со всех ног припустил.

За ним никто не гнался.

Оглянувшись, Пит увидел, что робот тащит бездыханное тело ко входу в пещеру. Супер-М потребит это тело, чтобы поддержать свое жалкое полусуществование. Раз жизнь еще не ушла из тела охотника, Супер-М высосет всю его психическую энергию. «Какая мерзость, — подумал Пит, содрогаясь от отвращения. И побежал еще быстрее. — А ведь этот мужчина в хаки пытался спасти меня. Чего ради?»

Пит остановился, сложил руки рупором и прокричал в сторону Супер-М:

— Эй ты, дура электронная, я отродясь не слышал об Альберте Эйнштейне!

Ответа не последовало.

Пит потоптался на месте и двинулся дальше — самым скорым шагом.

Глава 13

Пит энергично крутил педали — у него не шла из головы страшная картина: Супер-М, уволокаивающая охотника в свою берлогу. Какое счастье, что велосипед остался на месте и теперь можно удрать на предельной скорости!

За одним из поворотов извилистой дороги, петлявшей между каменистыми холмами, Пит внезапно наткнулся на группу небольших живых существ, которые занимали всю дорогу перед ним.

— Берегись! — машинально выкрикнул он, нажимая на тормоза и покрепче вцепляясь в руль.

Резко свернув в сторону, Пит наскочил колесом на камень. Он полетел в одну сторону, велосипед в другую. При падении Пит ободрал локоть, бедро и колено. Еще не почувствовав боли, он вскрикнул: «Багсы!» — и было непонятно, что в этом выкрике больше: удивления или омерзения.

Пока он вставал и отряхивался, морщась от боли, ближайший багс обратился к нему:

— Эй вы, большой человек, вы покалечили нашего товарища, и это вам даром не пройдет!

— Ах вы, муравьи поганые, — воскликнул Пит. — Чтоб вам пусто было! Вы сами затеваете игры на дороге и напрашиваетесь на неприятности!

— Не похоже, что сейчас час пик, — с достоинством возразил багс. Он опять переключил свое внимание на покрытый пылью коричневый шар диаметром сантиметров двадцать пять. Он пнул его ногой.

— Защищай ворота! — завопил другой багс.

— Сейчас я вам покажу, как играют мастера! — крикнул тот, что с мячом, и игра возобновилась с прежней страстью.

Тем временем Пит Сэндз достал из рюкзака передатчик — проверить, не пострадал ли тот при ударе о землю.

Обычные помехи и шип. Похоже, его бедро и спина пострадали при падении больше, чем передатчик.

Пит направился к своему велосипеду. Ему пришлось пройти мимо одного из багсов. Пит невольно поморщился — слабый ветерок донес мерзкий запах человеко-насекомых.

— Слушай, багс... — начал он.

— Осторожно! — крикнуло ему существо с хитиновым панцирем.

Пит проворно метнулся в сторону, но коричневый шар все же с силой ударил его по ноге.

Пит стрельнул глазами в сторону дороги. Багсы смотрели на него и хихикали.

— Вы это нарочно сделали, — сказал он, грозя им кулаком.

— Нет, они не нарочно, — сказал багс, стоящий рядом. — Приятель хотел передать пас мне — и промазал.

Багс отбил мяч своим товарищам и склонился над башмаком Пита, пытаясь стереть с него грязный след. Но только добавил грязи своими липкими лапами.

— Это же навоз! — возмущенно заявил Пит.

— А чем, по-вашему, должны играть в футбол навозные жуки — мочеными арбузами? Мы лепим мяч из навоза.

— Ладно, счищайте эту дрянь с моей ноги... Послушайте, вы доки в этом вопросе, подскажите мне: это коровий навоз?

— Так точно, — сказал багс. — Отличная коровья лепешка. Лепится хорошо и от лап отскакивает упруго. Конечно, материал для мяча не самый лучший, но сойдет.

— Стало быть, по этой дороге прошла корова?

Багс хихикнул.

— Вы правильно уловили связь между этими двумя вещами.

— Ну, спасибо, жучище, — сказал Пит. — Без тебя я мог бы прозевать такой недвусмысленный след. Видишь ли, я ищу калеку на тележке, в которую впряжена корова...

— Его зовут Тибор Макмастерс, — подхватил багс. — Мы давеча беседовали с ним. Наше собственное паломничество до некоторой степени напоминает его Странствие.

Пит занимался своим велосипедом — ставил на место свернутый вбок руль. Похоже, других повреждений не имелось. Он выкатил велосипед на дорогу.

— А ты в курсе, куда он направился дальше?

— Прямо по дороге.

— С ним все было в порядке, когда ты с ним беседовал?

— Он-то был в порядке. А вот тележка нуждалась в починке. Что-то там с передним колесом. И он вместе с бегунами направился к ПАМЗу — отремонтировать свою тележку.

— Где этот ПАМЗ?

— Сразу за холмами, — ответил багс, указывая лапой в нужном направлении. — Это недалеко отсюда. На дороге остались следы. И корова, и бегуны регулярно метят свой путь. Внимательно глядите и не собьетесь.

— Спасибо. Ты упомянул про ваше паломничество. Мне и в голову не приходило, что жуки тоже совершают паломничества!

— Да вот наша на сносках — скоро яйца будет откладывать. И хочет, чтоб все было как у людей, то есть с соблюдением всех наших религиозных обычаев. Чтоб многочисленные малыши появились на свет на Божьей горе и чтоб первым, что личинки увидят в своей жизни, был Господь.

— Ваш Бог восседает на горе — прямо у всех на глазах?

— Ну, не на горе, а на высоком холме или кургане, — ответил багс. — Но, разумеется, это только его смертная оболочка, преходящая земная ипостась.

— И как же он выглядит?

— Похож на нас, только размера огромного, как и подобает Богу. Его хитиновый панцирь намного проч-

нее нашего, но сам Он теперь уже сторбленный и дряхлый. Огромное количество фасеток в его глазах уже повытекло. Однако он еще бодрится. Наполовину его занесло песком. Но это не мешает ему проникать взглядом весь мир с высоты своего кургана — видеть то, что делается в наших норах и в наших сердцах.

— А где этот курган? — спросил Пит.

— Э-э, нет, не скажу. Это великая тайна багсов. Мы Его избранный народ и лишь нам открыт секрет местопребывания Его земной ипостаси. Всякий непосвященный осквернит Тело, похитит священное Имя.

— Извини, — сказал Пит, — я просто так полюбypoпытствовал.

— Это существа вашего вида сотворили такое с ним, — с горечью продолжал багс. — На том кургане он безотлучно из-за вашей проклятой войны!

— Я к той войне не имею ни малейшего отношения, — сказал Пит.

— Знаю, знаю, вы слишком молоды для этого, как и все живущие... Так что вы хотите от безногого-безрукого?

— Я хочу ехать рядом с ним, чтобы помогать в пути. Для калеки опасно путешествовать вот так — в полном одиночестве.

— Вы правы. Какой-нибудь недобрый человек может украсть его тележку, чтобы разобрать на запчасти. Или забрать корову — ради мяса. И правильно, что вы хотите помочь ему, мистер...

— Пит. Пит Сэндз.

— Короче, поспешите догнать калеку, мистер Сэндз, пока он не встретился с каким-нибудь проходимцем. Он небольшой — вроде нас, и его легко обидеть. А мне всегда жалко тех, кого легко обидеть.

Пит опять оседлал велосипед.

— Постарайтесь не переезжать лепешки, мистер Сэндз, — сказал багс ему на прощание. — Если их переехать колесом, они быстрее сохнут и хуже отдираются от земли.

— Хорошо, жучище. Я буду смотреть во все глаза... Эй, ребята, прочь с дороги, я еду!

Пит оттолкнулся ногой и закрутил педали.

— Пока! — бросил он багсам.

— Да хранит наш Господь бедного калеку, пока вы его не нашли! — покричал ему вслед тот багс, с которым он беседовал.

Несколько часов спустя Пит нашел ПАМЗ — следуя указаниям багса и ориентируясь по редким коровьим лепешкам.

«Сразу за холмами. Недалеко», — сказал багс. Но каменистым холмам, казалось, конца не было. Пит умаялся жать на педали, пока доехал до равнины, поросшей кустарником и высоким бурьяном. Трава была такой густой, что пришлось слезть с велосипеда и катить его рядом с собой.

К этому времени день уже клонился к вечеру, хотя было все еще тепло — от камней веяло жаром. На западе горел закат. Бурьян оплетал ноги, цеплялся за цепь велосипеда. Но в том же бурьяне виднелись четкие промятины от проехавшей здесь тележки. Пит шел по следу до самых зарослей тысячелистника. Твердые стебли мелодично постукивали о спицы.

И вот он наконец продрался через заросли, оказался на открытом пространстве и в центре пустыря увидел что-то вроде огромной металлической бочки, облитой лучами заходящего солнца.

Он положил велосипед на землю и стал осторожно приближаться к сверкающей металлической поверхности. Ему был известен дурной, вскидистый нрав ПАМЗов — они, как ковбой в незапамятные времена, сперва стреляют, а потом думают.

В нескольких шагах от высокого металлического диска Пит остановился и тихоенько прокашлялся. Гм, как же обратиться к ПАМЗу?

— Э-э... — робко начал он, — достопочтенный многопроизводитель...

Никакой реакции.

Пит почесал в затылке, потом какие-то торжественные формулы всплыли в его голове, и он продолжил:

— Ваше высококачество, повелитель конвейеров, станков и манипуляторов, а также премудрый хозяин оптовой и розничной сети продажи. О великий произ-

водитель товаров, в том числе и по заказу, гарантирующий ремонтное обслуживание без выезда на дом к клиенту, — к вам обращается один из скромных потребителей по имени Пит Сэндз. Нижайше прошу вас появиться, дабы я мог засвидетельствовать вам свое обалденное почтение.

Крышка ПАМЗа с грохотом отъехала в сторону. Из нее вынулся толстый стержень с репродуктором.

— Ну, что такое? — прогремело из репродуктора. — Что вам нужно на этот раз: смазать аборт или сделать колесо? Извините, я хотел сказать: сделать аборт или смазать колесо?

— Э-э, не совсем понял...

— Вы хотите сказать, что до сих пор так и не решили, что вам нужно: делать аборт или смазывать колесо? — прорычал ПАМЗ. — Да я вас сейчас испепелю разрядом тока!

— Нет-нет, погодите! Я...

Пит ощутил покалывание в подошвах. Оно продолжалось какую-то секунду. Пит испуганно попятился. Тем временем из люка показались легкие облачка темного дыма — резко запахло озоном и паленой изоляцией.

— Э! Э! Не балуйте! — тихонько забормотал Пит.

— Ну-ка вернись! — прогремел репродуктор. — Что у тебя там за спиной?

— М-м... да это велосипед.

— Ага. Теперь все ясно. Тащи его сюда.

— Нет, велосипед в полном порядке, — сказал Пит Сэндз. — Я пришел, чтобы расспросить вас о Тиборе Макмастере, безруком и безногом калеке — приходил он к вам или нет...

— Велосипед! — завизжал ПАМЗ. — Велосипед!

Тут из нутра ПАМЗа выскочил длиннющий членистый манипулятор, который вцепился в седло велосипеда и потянул его к люку. Пит и ахнуть не успел, как его транспортное средство воспарило в воздух. В самый последний момент он все же ухватился за шину колеса и буквально повис на велосипеде.

— Отдайте! Черт побери! Мне нужна только кое-какая информация, и ничего больше!

Манипулятор резким движением стряхнул Пита, которому пришлось разжать руки, и проворно втащил велосипед в чрево ПАМЗа.

— Клиента просят подождать, — донесся из репродуктора теперь уже сладостный голосок. — Ремонт вскоре будет завершен. Желаю приятно провести время.

Механическая лапа последовательно выметнула из нутра ПАМЗа красный складной стульчик, столик и комплект журнала «Ридерс Дайджест», пепельницу, бледно-зеленую перегородку, на которой висел календарь «Плейбоя» с голыми девицами, а также выцветший и засиженный мухами фотоснимок озера Крейтер. Перегородка была украшена плакатами с крупными надписями:

ПОКУПАТЕЛЬ ВСЕГДА ПРАВ

НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ОБ УЛЫБКЕ

**СТАРАТЬСЯ, СТАРАТЬСЯ И ЕЩЕ РАЗ СТАРАТЬСЯ —
ТАК УЧИЛ НАС ВЕЛИКИЙ ГЕНРИ ФОРД**

Я НЕ ТОТ, КТО НАЖИВАЕТ ЯЗВУ.

Я ТОТ, БЛАГОДАря КОМУ НАЖИВАЮТ ЯЗВУ

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ЛЕСНЫХ ПОЖАРОВ — В ВАШИХ РУКАХ!

Пит тяжело вздохнул, опустился на стульчик, открыл журнал и стал читать статью о лечении рака.

В глубине ПАМЗа что-то не то жужжало, не то урчало. Вскоре звук стал усиливаться и перерос в громкое завывание, которое мешалось с нерегулярными ударами и скрежетом металла о металл. Через несколько секунд заскрипел лифт.

— Мы обслуживаем по высшему классу! — провозгласил ликующий машинный голос. — Извольте получить отремонтированное изделие. Фирма гарантирует высочайшее качество и быстрое обслуживание!

Пит встал и подошел к зеву шахты. Оттуда три манипулятора протягивали ему сияющий трехколесный велосипед.

— Что вы натворили! Вы испоганили мой велосипед! — завопил Пит. — Чтоб у тебя, гада, лампочки повылазили!

Манипуляторы замерли на полпути.

— Клиент не совсем доволен? — вкрадчиво-медовым голосом спросил репродуктор. Но в его голосе слышались стальные нотки.

— Ммм... — пролепетал Пит, — какой славненький трехколесный велосипедик вы сделали! Сразу видно первоклассное качество. Оно бросается в глаза. Можно сказать, даже бьет в глаза. Можно сказать, даже сшибает с ног. Но загвоздка в том, что я хотел иметь велосипед для взрослых — большой и двухколесный...

— Хорошо, как скажете. Воля клиента для нас закон. Сейчас мы произведем переделку. Извините за неудобство, вам придется немного подождать.

— Пока вы не занялись работой, — сказал Пит, — не могли бы вы рассказать, что произошло здесь, когда сюда приходил Тибор Макмастерс?

Трехколесный велосипедик скрылся в нутре ПАМЗа, и страшный шум внутри возобновился. Но через некоторое время репродуктор удостоил Пита ответом:

— Этот человеческий обрубок оставил мне заказ и не вернулся получить его. Порядочные люди в таком случае отменяют свой заказ! Вот он, его заказ! — Манипулятор вышвырнул из люка масленку. — Можете взять и передать это вашему знакомому. И скажите ему, что мне такие хамоватые клиенты даром не нужны!

Пит подобрал масленку и отошел подальше от норовистого завода-автомата. Тем временем шумы под землей приобрели зловещий характер — гроыхало так, что почва под Питом ходила ходуном.

— Заказ готов, клиент! — пророкотал ПАМЗ. — Извольте получить.

Пит сломя голову побежал прочь, продрался через заросли и припustил дальше.

Он успел добежать до ближайшего валуна, кинуться под него и закрыть руками голову.

С неба посыпался град металлических деталей.

Глава 14

Тибор наблюдал, как вечер меняет свой наряд, как густые тени съедают или подчеркивают детали пейзажа, как на земле неспешно воцаряется ночь. Вспомнилось прелестное грустное стихотворение Рильке «Вечер».

Медлительно роняя одеянья,
тебе сияет вечера краса;
два мира от тебя ушли в молчаньи:
один к земле, другой — на небеса;

и, ни к какому не принадлежащий,
не смутен ты, как темный дом,
и не манишь, как этот свет дрожащий,
который мы созвездьями зовем.

Две жизни; ты не с этой и не с той,
и жизнь твоя то ввысь парит, то дремлет,
то молча ждет, то все вокруг объемлет —
то камнем обернувшись, то звездой.¹

«Этот поэт понял бы, что я сейчас ощущаю, — решил Тибор. — Чувство неприкаянности, выморочности, без рильковской веры в обетованную вечность, растерянный, одинокий, напуганный... Вот бы мне обратиться в камень или в звезду. Господь Гнева дал мне на время ноги и руки. А потом отобрал. Произошло ли это на самом деле — или только пригрезилось? Да,

---

¹ Перевод Т. Сильман.

произошло. — Тибор ни на йоту не сомневался. — Так зачем же он давал мне конечности — зная, что я их не сохраняю? А какое это было упоительное ощущение — держать предметы в собственных пальцах, стоять на собственных ступнях!.. Нет, то был акт садизма! Но если уж продолжать эту тему — ведь христиане мазохисты, они подставляют свои шкуры всем мыслимым неприятностям и получают от этого удовольствие. Строго говоря, на моем месте христианин должен был упиваться тем, что его подразнили, дав конечности, и опять столкнули в грязь. Сам христианский Бог — главный мазохист. Этот Господь любит всех без разбору, неустанно. Но любвеобильный демократ создал людей такими, что они не могут пройти от рождения до могилы, не нарушив Его заповеди, не обидев Его, не причинив Ему боли тем или иным образом. Он, видно, так и задумывал: любить то, что будет доставлять Ему боль. И Бог, и те, кто ему поклоняются, полны болезненных чувств. Иначе по их религии и не получается... Ах, до чего тоскливо у меня на душе! Каким никчемным я себя ощущаю! И тем не менее у меня нет никакого желания умереть. В то же время я боюсь орать в рупор. В темноте страшно подавать голос. Шут его знает, кто явится на голос!»

Тибор тихонько плакал. Его всхлипы мешались с многообразными ночными звуками — шуршанием веток, вскриками птиц, неясными потрескиваниями и шорохами.

Внезапно пружины тележки взвизгнули, и она качнулась на рессорах, словно на нее навалили лишний груз.

«О Боже! Что это такое? — запаниковал он. — Я совершенно беспомощен. Настолько темно, что я не могу видеть врага и отбиваться от него своими манипуляторами. Остается только лежать колодой и ждать, когда меня сожрут. Какая жуткая темнота! А оно — вот оно, дышит в затылок!..»

Он ощутил, как к его шее прикоснулось что-то липкое и холодное. Потом ощутил прикосновение шерсти к своей щеке. И наконец его лизнули по носу.

— Тоби! Тоби! — обрадовался он, полумертвый от испытанного страха.

Это была та самая собака, которую ему подарили полуящеры. Тоби убежал от него еще днем, и Тибор решил, что собака вернулась к своим прежним хозяевам. Но теперь он различил на фоне темного неба очерк собачьей морды: язык высунут, посверкивают белки. Похоже, собачка на свой манер улыбается.

— Молодчина! Решил все-таки со мной остаться? — ласково сказал Тибор. — Одна беда, Тоби, кормить мне тебя нечем. Так что ищи прокорм сам. Оставайся со мной, милый. Свернись калачиком и ложись рядом. Ну, умница. А я буду с тобой беседовать. Хорошая собачка, хорошая... Прости, погладить тебя по-настоящему не могу. Мои механические пальцы могут тебя поцарапать. Но оставайся, пожалуйста, оставайся...

«Если я переживу эту ночь... если я ее переживу, то только благодаря тебе».

— В один прекрасный день я тебе отплачу той же монетой, — пообещал он собаке, которая беспокойно заворочалась от звенящего пафоса его речи. — Я спасу тебе жизнь. Если ты спасешь мою и помощь застанет меня еще живым, то я буду обязан тебе по гроб жизни. Клянусь, если тебе будет грозить опасность, я прибегу за сто миль, чтобы выручить тебя. Ты услышишь, как гудит земля, как шуршат заросли, как ломаются ветки — это я мчусь тебе на помощь, дорогой мой пес! Пока я жив, с твоей шкуры не упадет ни один волосок! Так и запомни. Я паду грозной молнией на любого из твоих противников. Я буду защищать тебя и лелеять, как ты защищаешь меня и лелеешь в эту чертову ночь, когда не видно ни зги. Вот что я обещаю тебе — и да будет Господь свидетелем моей клятвы!

Собака доверчиво виляла хвостом.

С трудом различая дорогу в слабом лунном свете, Пит Сэндз брел по колее, оставленной коровьей упряжкой. Время от времени он останавливался и приглядывался к едва заметному следу. Пустое дело — вести преследование ночью. Надо найти укромное местечко для ночлега.

«Кажется, я достаточно далеко умотал от этого завода-шизика. Но кто знает, какие опасности под-

стерегают меня тут, в открытом поле. Пусто, бесприютно...» Впереди Пит заметил купу деревьев. Луна зашла за тучи, и стало совсем скверно на душе. «И как тиборовская тележка ехала по таким камням! Ему бы сейчас пригодилось машинное масло. Как он там, бедолага? У-у, как же болит бедро. И шляпу где-то посеял. Завтра голова покраснеет, а к вечеру кожа на ней облезет. Я никогда не загораю по-настоящему — только краснею и облезаю... И как этот Тибор справляется? Хотел бы я знать, насколько сильны эти его хваталки. Может он ими толком обороняться? Как же болят колени, так их растак! Вот от чего Тибор избавлен — так это от боли в коленках! И почему бы Люфтойфелю не окочуриться вовремя — давным-давно и публично, чтоб никто не сомневался, что эта собака получила свою собачью смерть! Тогда бы сейчас не было бы всех этих дурацких проблем... А ну как я и впрямь встречу этого Люфтойфеля — что мне делать? Отчего бы не предположить, что он теперь добрый дяденька — заботится о собаках и раздаривает детям конфеты? Отчего бы не предположить, что он женат и что у него десяток любящих его детишек? Отчего бы не предположить... Проклятье! Чего меня на гадание потянуло! А что сказала бы по этому поводу Лурин? Никогда не узнаешь, что скажет Лурин по тому или иному поводу... Да где же следы тележки, прах ее поberi!»

Пит тщето шарил глазами — этот участок дороги был покрыт крупным гравием. Он даже сел на корточки, чтобы обнаружить хоть какие-то следы. Впрочем, зачем Тибору резко менять направление?

И Пит пошел наобум в том же направлении. Время от времени он возобновлял поиски следов, но характер грунта не менялся.

Немного погодя впереди слева показались проблески огня между больших камней. Пит взял немного левее и вышел к небольшому костерку между камнями. У костерка виднелась одинокая человеческая фигура. На голове человека было что-то странное — заостренное сверху. Он стоял на коленях и был целиком занят костром.

Пит замедлил шаг, оценивая ситуацию. Через мгновение-другое легкий ветер донес до него щекочущий аппетитный запах мяса. Рот Пита наполнился слюной. У него маковой росинки не было во рту уже Бог весть сколько времени.

Он еще колебался, но недолго. Затем решительным шагом направился к костерку — впрочем, бдительно оглядываясь. Подойдя поближе, он заметил отсвет огня на металлическом шлеме незнакомца. Это была каска с шипом на конце — точно такую он видел давеча и забыть подобную оригинальную штукуну трудно. Тут он различил черты лица незнакомца. Сомнений не оставалось.

Пит ускорил шаг и окликнул человека у костра:

— Эй, охотник! Ведь вы тот самый охотник, да? Мы виделись возле Супер-М.

Мужчина рассмеялся — три утробных «ха», от которых заколебался огонь костерка.

— Он самый, он самый. Да присаживайтесь. Терпеть не могу есть в одиночестве.

Пит снял рюкзак и сел рядом с ним — напротив охотника.

— Я бы мог поклясться, что вы погибли. На вас было столько крови. И у вас, кажется, нога была повреждена. Я решил, что эта дурища вас убила. Поэтому и стоял в стороне, когда она вас утаскивала. Думал, вы уже мертвый.

Мужчина в хаки кивнул, словно давая понять, что не обижается. Он переворачивал жарившиеся на огне кусочки мяса, насаженные на тонкие косточки, заменяющие шампуры.

— Называется, не верь глазам своим. Вас провели... Вот, угощайтесь.

Он протянул Питу шашлык. Тот поблагодарил и принялся есть. Мясо было нежное, сочное. Пита подумало спросить, что это за мясо, но ответ мог испортить аппетит, поэтому он промолчал. Охотники горазды находить съедобное и дрянь есть не станут. Так что нечего тревожить их расспросами.

Мужчина ел с необычной медлительностью, очень сосредоточенно. Пит пригляделся к нему и по-

нял причину: нижняя губа мужчины была сильно рас-сечена, фактически разорвана надвое.

— Да, — сказал мужчина, — обилие крови может обмануть. Она хлестала и из губы, и из открывшейся старой раны на голове. Вот почему я постоянно ношу каску. — Он постучал пальцем по металлу. — Кстати пришлось. А не то Супер-М сняла бы мой скальп за секунду.

— Но как же вам удалось удрать от нее? — спросил Пит.

— Легче легкого. Я вышел из пещеры почти сразу же после того, как она меня туда уволокла. Ведь я недаром поразвинтил все гайки в ее башке. И я не блефовал, когда говорил, что мне осталось одну гайку вывернуть — и ей кранты. Короче, в пещере я оклемался, дотянулся до той гайки, крутанул — и готово! Задымила! — Он щелкнул пальцами и сунул себе в рот еще кусок мяса. — После этого я, конечно, ходу оттуда. Жаль, что пришлось ее прикончить, но она сама напросилась. Вы же видели, я ее и предупреждал, и уговаривал...

— Да, вы вели себя с ней предельно честно, — согласился Пит, прикончив шашлык и с вождением глядя на другой кусок, шипевший на огне.

Мужчина великодушно протянул ему и этот кусок.

Пит обратил внимание, каким уверенным движением это было сделано. Такой трудный день был у этого человека, но в пальцах никакой дрожи. Опытный и бывалый — нервы как платиновые жилы, суставы работают как смазанные шарниры. Ловкость и мужество — иных настоящих охотников и не бывает. Но у этого человека еще и сердце есть. Он не чужд сострадания. Немногие стали бы, подобно ему, жалеть о гибели существа, которое намеревалось тебя сожрать.

— После того как я выбрался из пещеры, я двинулся в путь, — сказал охотник. — И был от души рад, что вы сообразили без промедления убраться оттуда.

«Охо-хо-хо! — подумал Пит. — Неужто он только прикидывается, что мое поведение его не шокировало? Дай-то Бог, чтоб этот человек и впрямь был без сознания, когда я предложил Супер-М забрать его вместо меня. Но ведь я тогда искренне считал, что он

уже умер и ему все равно. Поэтому даже если он и слышал то, что я сказал Супер-М, он должен понимать, в какой ситуации и почему это было сказано. Но я могу заговорить сейчас об этом и изложить ему свою версию, чтобы выглядеть лучше в его глазах, хотя тогда я все-таки сподличал, не будучи до конца уверен, что он уже мертв. С другой стороны, если он и слышал мои пакостные слова, он бывалый взрослый мужчина, способный прощать чужое малодушие. Не исключено, что он нарочно умалчивает о том, что слышал, — простил и не хочет об этом говорить. Так что и мне лучше об этом не заикаться... Экая ты свинья, сидишь тут, ешь его мясо и думаешь такие думы».

— А что произошло с вашим велосипедом? — спросил мужчина в хаки.

— Чокнутый завод-автомат сделал из него два десятка детских ходуль.

Охотник улыбнулся.

— Не удивительно. С тех пор как эти заводики перестали делать военную технику, они одурели от скуки и творят черт знает что. Но у вас бидончик с машинным маслом — его у вас прежде не было. ПАМЗ выдал его по вашему заказу?

— Нет, это был незатребованный заказ предыдущего клиента.

— И что вы собираетесь делать с этим маслом?

— Отдам человеку, который, вероятно, очень нуждается в нем, — сказал Пит, припоминая странные слова Супер-М о том, что охотник преследует Тибора Макмастера. Скорее всего, это клевета, но все же, все же...

Пит набил рот мясом, чтобы избежать дальнейших расспросов и получить хотя бы десять секунд на размышление.

«С какой стати этому человеку охотиться на Тибора? — думал он. — Что ему нужно от художника-калеки? Кому и почему припала охота убить Тибора? Кто заинтересован в его смерти — кроме меня?»

Еще за едой Пит решил, что после трапезы предложит охотнику выкурить одну из своих сигарет. Охотник от сигареты не отказался. Они прикурили от головешки и растянулись на камнях.

— Я не знаю, — начал Пит, — приличный ли это вопрос... Извините, если я покажусь вам невежливым. Я мало встречался с охотниками и не знаю, что у них принято, а что нет. Но меня интересует — вы сейчас за чем-то или за кем-то охотитесь или, так сказать, у вас антракт между ловлей?

— Нет, у меня в разгаре охота, — сказал мужчина в хаки. — Я выслеживаю одного калеку по имени Тиббор Макмастерс. Похоже, я уже наступаю ему на пятки, хотя тут это выражение не очень подходит — он безногий.

— Да ну? — протянул Пит, затягиваясь сигаретой. Одну руку он подложил под голову, глаза уставил в звездное небо. — И почему вы преследуете его, что он натворил?

— Пока ничего не натворил. Да и сам он — мелкая рыбешка. Но он играет важную роль в большом деле.

— Вот оно что... — промолвил Пит. И дальше ломать комедию? Подумав, Пит сказал: — Кстати, меня зовут Пит. Пит Сэндз.

— Я знаю.

— Я забыл представиться раньше... Вы знаете? Откуда?

— Потому что я знаю всех в Шарлоттсвилле, штат Юта, кто как-то связан с Тиббором Макмастерсом. Это маленький городок. И с Тиббором постоянно общаются очень немногие.

— Основательно, — произнес Пит. У него было ощущение, что из него разом вынимают сто заноз. — Я хочу сказать, ваши наниматели поработали основательно, не жалея денег и времени. Разве не было бы проще убить Тиббора прямо в Шарлоттсвилле?

— Это не дало бы желанного результата, — ответил охотник. — К тому же мой наниматель не боится ни излишних трудностей, ни дополнительных расходов.

Пит молча курил и ждал, что еще скажет этот странный человек. У него было ощущение, что было бы бестактным осведомиться у охотника об имени его нанимателя. «Быть может, он сам проболтается, если я не буду торопиться с вопросами».

Пламя затрещало. Вдалеке раздался вой, потом что-то вроде шакальега смеха.

— Меня зовут Шульд, Джек Шульд, — сказал охотник, протягивая руку для рукопожатия.

Пит перевернулся на бок и пожал руку нового знакомого. Как он и ожидал, пожатие оказалось энергичным — чувствовалось, что этот человек мог бы при желании расплющить его ладонь, но ограничился сдержанной демонстрацией своей силы.

Высвободив руку, Пит опять перевернулся на спину и занялся созерцанием небесной геометрии. Полыхнула падающая звезда. «И звезды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои...»¹ Как там дальше?.. Не припомнить.

— Тибор отправился в опасное Странствие, — продолжил Шульд, — И незадолго до этого высказал желание перейти в вашу религию.

— А вы, однако, неплохо осведомлены, — сухо заметил Пит Сэндз.

— Да, не буду скрывать, я хорошо осведомлен. Вам, христианам, туго приходится в наши дни. И даже один новообращенный важен для вас в таком крохотном селении, как Шарлоттсвилль. Верно?

— Не могу этого отрицать.

— Вот почему настоятель вашего прихода послал вас сопровождать калеку-пилигрима, чтобы с ним, не дай Бог, не случилось чего плохого, пока он трудится на благо конкурирующей религии.

— Да, я действительно хочу отыскать его, чтобы оберегать от опасностей, подстерегающих в пути, — кивнул Пит.

— А как насчет предмета его поисков? Вам любопытен тот, чей портрет он подрядился написать?

— Ну, я не очень-то верю, что тот человек, которого обязался найти Тибор, все еще жив, — сказал Пит.

— Человек? — переспросил Шульд. — Как у вас язык поворачивается называть его человеком?

— В отличие от Служителей Гнева я нисколько не верю в его якобы божественную сущность.

¹ «Откровение святого Иоанна Богослова», 6:13.

— Я не о том, — сказал Шульд. — Меня просто удивило, что вы удостоиваете звания человека подонка, который лишил себя права принадлежности к роду человеческому. По сравнению с ним фашистский выродок Карл Эйхманн, убийца сотен тысяч евреев, был невинным ягненочком. Мы говорим о животном, которое повинно в истреблении почти всего населения нашей планеты.

— Я не могу отрицать сам факт, но не смею выносить оценку этому факту. Ведь я не знаю, каковы были исходные намерения и цели того, кого вы выводите за рамки рода человеческого.

— Вы посмотрите кругом. Результат его намерений налицо, куда ни глянь. В каждое мгновение и в любом месте мы теперь ощущаем плоды его «намерений». Короче, говоря о нем, деликатничать нелепо — это бесчеловечное чудовище.

Пит кивнул.

— Возможно. Если он вполне осознавал природу и нацеленность своих действий, тогда он, по-моему, был в то время неопишваемым монстром.

— Давайте будем звать его подлинным именем — Карлтон Люфтойфель. Нас не поразит молния с неба, если мы выговорим это имя. В нашу эпоху на Земле нет ни одного живого существа, которое не испытывало бы всечасно, всеминутно боли — в той или иной форме. И источник всего этого неизбывного страдания — Карлтон Люфтойфель. Каждая капля в океане нынешних страданий и нынешнего отчаяния родилась по его вине. Он был проклят с той секунды, когда принял свое роковое решение.

— А я слышал, что охотники — просто наемники, у которых нет никаких убеждений.

— Что ж, это правда. Тут вы меня подловили. Ведь я охочусь не за Люфтойфелем, а совсем за другим.

Пит сдержанно засмеялся. Шульд тоже хохотнул.

— Но самые счастливые времена, когда внутреннее желание и обстоятельства дивным образом совпадают, — сказал Шульд после короткого молчания.

— В таком случае зачем вы с таким остервенением ищите Тибора? Не улавливаю сути вашего последнего замечания.

— Животное очень осторожно, — сказал охотник. — Но я уверен, что оно не заподозрит в дурном беспомощного калеку.

— О-о, я начинаю кое-что понимать...

— Да. Я выведу калеку на него. Пусть Тибор сфотографирует его. А я позабочусь, чтоб эта фотография была предсмертной.

Пит поежился. Ситуация с каждым мгновением становилась все запутанней и непонятней. Но, может, все эти повороты и навороты ему, Питу, только на руку?

— Вы намерены сделать это быстро и чисто? — спросил он.

— Нет, — ответил Шульд. — Совсем наоборот. Мне строго приказано, чтоб это происходило и медленно, и мучительно. Видите ли, мой наниматель — тайная всепланетная полиция, которая разыскивает Люфтойфеля на протяжении многих и многих лет именно для того, чтобы он умер самой медленной и самой мучительной смертью.

— Понимаю, — сказал Пит. — Лучше бы мне вовсе об этом не знать. Я до некоторой степени жалею, что услышал все это. Но лишь до некоторой степени.

— Я признался сознательно. Для меня проще, если кто-то из вас будет в курсе. Что касается Тибора, он много лет был Служителем Гнева, и не исключено, что их символы еще не до конца вырваны из его сердца. Вы же — из противоположного лагеря. Улавливаете, к чему я клоню?

— Вы хотите сказать, что я готов к сотрудничеству с вами?

— Да, именно это я имел в виду. Так вы готовы?

— Сомневаюсь, что я сумел бы остановить человека вроде вас. Даже если бы очень захотел.

— Вы уклонились от прямого ответа.

— Знаю.

«Мне бы, черт возьми, очень не помешало посоветоваться с достопочтенным отцом Абернати! Но сейчас с ним связаться никак нельзя. Да и не ответит он мне со всей откровенностью. Придется решать самому. Тибору надо помешать встретиться с Люфтойфелем. Должен же быть какой-то способ воспрепятство-

вать этой встрече. Со временем я что-нибудь придумаю — и позволю Шульду выполнить работу вместо себя. Итак, мне остается только один вариант ответа».

— Отлично, Джек. Считайте меня своим помощником.

— Замечательно, — отозвался Шульд. — Я так и знал, что мы найдем общий язык.

Пит ощутил на своем плече дружеское пожатие могучей руки. И в это мгновение острее ощутил свое единство с окрестным ночным волшебным миром камней и звезд.

Глава 15

Навстречу россыпи дневных впечатлений — в мир, где: щебет птиц, сперва робкий, потом уверенно самозабвенный; где: роса как туманный след на запотевшем зеркале, что исчезает — исчез; где: постепенно меркнувшее на востоке слоистое многоцветье неба, обретающего мало-помалу чистейшую голубизну; где: бок о бок с востроухим псом, похожий на полуоплывшую восковую куклу, горой тряпья возлежит на тележке Тибор и созерцает неспешное рождение нового дня.

Зевок, осоловелое моргание, медлительное обретение себя.

Тибор заворочался, улегся повыше, расслабил плечевые мышцы. Не так-то просто безрукому-безногому потягиваться по утрам. Напряжение всех мышц корпуса. Расслабление. Напряжение. Расслабление...

— Доброе утро, Тоби. Смотри-ка, дожили мы до нового утра! И сегодня у нас будет решающий денек. А ты славный пес. Действительно славный! Всем собакам собака. Лучше я не встречал. А теперь, голубчик, можешь спрыгнуть на землю. Ты у меня смекалый — попробуй найти себе что-нибудь на завтрак. Тут я тебе, увы, не помощник.

Тоби спрыгнул на землю, задрал лапку у ближайшего дерева и, прилежно принюхиваясь, обежал вокруг тележки. Тибор в свою очередь манипулятором расстегнул ширинку и совершил нехитрый утренний обряд.

Затем он задумался о своих дальнейших действиях. Надо бы опять покричать в репродуктор. Но было боязно. Ведь этот репродуктор — последняя надежда.

И если никто не откликнется, надежда умрет. Поэтому Тибор оттягивал момент пробы.

Он размышлял довольно долго — не приходя ни к какому решению. Глазами шарил по небу и деревьям.

«Не ищу ли я взглядом голубую сойку?.. Сам не знаю толком, чего я ищу. Похоже, я еще не до конца проснулся. А вон Тоби понесся в заросли. А ну как этот барбос больше никогда не вернется? Или вернется к моему окоченелому трупю. Ведь нет особой надежды... Ой, заткнись ты, сонный ворчун. Ладно, ладно... Сейчас бы чашку кофе — очень бы взбодрило. Последнюю чашку кофе — как последнее желание приговоренного... Ладно, ладно, молчу! Уже беру репродуктор».

Он направил раструб на долину и проорал в микрофон:

— Эге-ге-гей! Это Тибор Макмастерс. У меня случилась авария. Моя тележка застряла. Я не могу выбраться самостоятельно. Кто меня слышит, помогите, пожалуйста. Слышит меня кто-нибудь? На помощь! Есть тут кто поблизости?

Ответом — молчание. Он выждал минут пятнадцать и повторил серию призывов. Опять безрезультатно.

На протяжении следующего часа калека еще трижды повторил свои попытки докричаться до жителей долины. Тем временем успел вернуться Тоби, тьяканьем сообщил что-то корове, на что она угрюмо мукнула и отвернулась.

Чу! Слабый звук... Не крик ли это? Или это лишь обман слуха? Чего не примерещится, когда страх мешается с надеждой!

Тибора пот прошиб — до того старательно он прислушивался ко всем окружающим звукам, силясь различить среди шумов природы человеческий голос.

Тоби заскулил.

Тибор резко оглянулся на пса. Тот поднялся на ноги и напряженно глядел вдоль дороги — уши торчком, каждый мускул тела напряжен.

Тибор быстро поднял репродуктор и нажал кнопку микрофона:

— Эге-ге-гей! Эй! Вы там! Есть там кто? Я застрял! Лежу в сломанной тележке. Меня зовут Тибор Макмастерс. У меня авария. Вы меня слышите?

— Да! — раздался крик, подхваченный эхом. — Мы идем к вам.

Тибор счастливо рассмеялся. Слезы увлажнили его глаза. Он глупо и радостно хихикал. В какое-то мгновение ему показалось, что меж деревьями мелькнула голубая сойка. Нет, вроде бы померещилось.

— Тоби, мы с тобой еще повоюем, мы с тобой доведем до славного конца это Странствие! — сказал Тибор. — Мы обязательно справимся!

Прошло десять тягучих минут, прежде чем из-за поворота дороги наконец показались Пит Сэндз и Джек Шульд. Тоби прижал уши к голове и зарычал, пятясь к тележке.

— Спокойно, Тоби, спокойно, — сказал Тибор. — Одного из этих мужчин я знаю. Он идет исполнить свой христианский долг человеколюбия. Быть добрым самаритянином по отношению ко мне — и заодно следить, выглядывая из-за моего плеча. Но он мне необходим. Так что мы с ним заранее квиты.

— Тибор! — воскликнул Пит. — Вы не ранены?

— Нет, только тележка сломалась, — ответил художник. — Колесо отлетело.

Сэндз и Шульд подошли вплотную.

— Я вижу колесо — вон там, в траве, — сказал Пит Тибор косился на его товарища, и Пит представил охотника: — Это Джек Шульд. Вчера мы с ним познакомились на дороге. А это, Джек, Тибор Макмастерс — великий художник.

Тибор важно кивнул.

— К сожалению, не могу пожать вам руку, — сказал он.

Шульд улыбнулся.

— Можете рассчитывать при нужде на мои руки. Мы в два счета поставим колесо на место. К тому же у Пита есть машинное масло для подшипников.

Шульд достал колесо из зарослей и подкатил его к тележке.

Завистливый наблюдатель за всеми, кто имеет руки, Тибор мог компетентно судить об отменной ловко-

сти всех движений охотника. «Ну и что этому малому нужно от меня?» — подозрительно подумал Тибор.

Тоби, такой же мнительный, зарычал на Шульда, когда тот начал прилаживать колесо на ось.

— Фу, Тоби! Пошел, пошел! Эти люди помогают мне, — сказал Тибор.

Пес отбежал шагов на десять и замер, косясь на незнакомцев.

Пит стоял с масленкой наготове.

— Надо бы поднять тележку. Как мы...

— Сейчас подниму, — отозвался Шульд.

Пока они ворочали тележку, прилаживали слетевшее колесо и смазывали остальные, Тибор не утерпел:

— Позвольте спросить, куда вы путь-дорогу держите и с какой целью?

Пит поднял на него смеющиеся глаза.

— Сами знаете, — широко улыбнулся он, предвительно с упреком вздохнув. — Вы отправились в путь втихаря — рано поутру. Не хотели, чтоб я шел с вами. Ваше право. Однако совесть велит мне сопровождать вас, чтоб выручать из ситуаций, подобных сегодняшней. — Он жестом показал на предательское колесо.

— Ладно, — сказал Тибор, — убедили. Не хочу быть в роли неблагодарной свиньи. Огромное спасибо, что вы так вовремя появились.

— Можно ли истолковать эти слова как приглашение продолжить путешествие вместе?

Тибор хихикнул.

— Давайте выразимся так: мне бесполезно возражать против вашего присутствия.

— Не имею ничего против такой формулировки.

Пит снова занялся починкой тележки.

— А где вы встречали мистера Шульда?

— Он спас меня, когда я наткнулся на мобильную часть Супер-М.

— Мастер на все руки, — сказал Тибор.

Шульд рассмеялся, поддел днище своим могучим плечом, и Тибор ощутил толчок, когда тележка наполовину вознеслась в воздух.

— Джек Шульд и впрямь мастер на все руки, — весело произнес охотник. — Мастер хоть куда. И не

сомневайтесь. Давайте, Пит, смазывайте скорее, не век же мне тележку на себе держать!

«А все-таки приятно, когда с тобой рядом другие люди. Приятно ощутить себя снова в кругу единоплеменников, — подумал Тибор. — После всех пережитых треволнений и страшилищ, что я встречал. И тем не менее...»

— Готово, — сказал Пит. — Опускайте.

Шульд опустил тележку и вылез из-под нее. Пит закреплял гайки.

— Премного благодарен вам, — сказал Тибор.

— Не за что, — отозвался Шульд. — Всегда рад помочь... Ваш друг говорит, что вы совершаете паломничество.

— Да. В мою задачу входит...

— Знаю, он мне и это говорил. Вы пустились в путь, чтобы взглянуть на того самого Люфтойфеля и верно изобразить его на стене церкви. По-моему, это стоящее дело. Мне кажется, вы приближаетесь к цели.

— Вам что-нибудь известно о Люфтойфеле?

— Полагаю. Мир слухами полнится. А я много брожу по свету. Ну и слышу, что люди говорят. Кое-кто утверждает, что он живет в поселке на севере. Нет-нет, и не шурьтесь, отсюда этот поселок не виден. Но если будете двигаться в избранном направлении, как раз упретесь в поселок, где, по слухам, обретается Карлтон Люфтойфель.

— Вы верите досужей молве?

Шульд задумчиво почесал свой темный, щетинистый подбородок. В его глазах появилось отрешенное выражение.

— Мне кажется эта молва отнюдь не досужая, — сказал он. — Да. Думается мне, я его там найду.

— Вряд ли он живет под своим прежним именем, — произнес Тибор. — В его интересах было сменить фамилию.

Шульд согласно кивнул.

— В этом можно не сомневаться.

— И вы знаете ее?

— Новую фамилию? Нет. Узнаю ли я его при встрече — это другой вопрос. Надо думать, узнаю. Я слышал, что он сейчас подвизается ветеринаром, оби-

тает в переделанном подземном противоракетном бункере, где с ним живет слабоумная девица.

— Это что — прямо в поселке?

— Нет, он живет в стороне от городка. И это место, говорят, хорошо замаскированное — мимо пройдешь и не заметишь.

Пит, прикрякнув, выпрямился и стал тереть перепачканные руки пучком листьев. Напоследок он вытер ладони о штанины.

— Все в порядке. Мы сейчас подналяжем на тележку, а вы погоняйте корову. Выедем на дорогу и проверим, как работают колеса. Давайте, Джек, помогайте.

Шульд обошел тележку и стал сзади.

— Готовы? — спросил Пит.

— Готов.

— Раз-два, взяли.

— Н-но-о, голубушка! — воскликнул Тибор, причмокивая губами.

Тележка заскрипела, качнулась вперед, откатилась назад, снова пошла вперед, потом назад — и наконец колеса высвободились из канавы, и минуту спустя тележка благополучно стояла на дороге.

— А теперь пробуйте, — сказал Пит. — Должна работать как новая.

Тибор проехал несколько метров.

— Лучше. Намного лучше. Без всяких сомнений, лучше.

— Вот и отлично.

И все трое стали двигаться вниз по склону — Тибор в тележке, двое его спутников пешком.

— А вы куда направляетесь? — спросил Тибор Шульда.

— Далеко отсюда. Тот городок на севере как раз на моем пути. Так что я могу идти с вами, если вы не против.

— Не против. А вы поможете мне найти нужное место, когда мы придем в тот городок?

— Вы имеете в виду, вывести вас на Люфтойфеля? Разумеется, я попробую помочь вам отыскать тот бункер, где он, по слухам, живет.

— Буду вам весьма благодарен, — сказал Тибор. — Как по-вашему, за сколько мы туда доберемся?

— Завтра должны быть на месте.

Тибор довольно кивнул.

— И что вы думаете об этом человеке? В глубине души.

— Хороший вопрос, — вздохнул охотник. — И я ожидал его. Рано или поздно вы должны были задать этот вопрос. Итак, что я думаю о нем?

Он потянул себя за нос, потом возбужденно взмахнул руками и разразился целой речью:

— Я без конца путешествовал. И видел большую часть мира — до и после. На моих глазах произошла Катастрофа. Я видел, как гибли города, как вымирали деревни. Я видел, как цветущие местности превращались в пустыни. Понимаете, в прежние времена мир обладал некоторой прелестью. Даром что в больших городах было много грязи и суеты, в них иногда проявлялась дивная красота. Эту красоту мы замечали нечасто — например, когда въезжали в город после долгого отсутствия или смотрели на него новыми глазами накануне долгой отлучки. И когда вы смотрели на ночной город, залитый огнями, — скажем, с последних этажей небоскреба или с самолета в безоблачный вечер, — в этот момент вы могли приравнять это зрелище к упоительным райским видениям святого Августина. В этот прекрасный момент душевной ясности вам казалось, что *urbī et orbī* — город и мир — сливались в одно гармоничное целое. А когда вы вырывались за город в теплый солнечный денек, сколько зелени вас встречало там, какое буйство прочих красок, какая прозрачность журчащих вод и сладость чистого воздуха!.. Но пришел роковой день. Чаша гнева была опрокинута на Землю. Что это было? Искупление за накопленные грехи и провинности? Или маниакальный выбрызг образований, которые мы именовали государствами, институтами власти, системами правления — одномоментный психоз всех этих президентов и диктаторов, венценосных особ и парламентских баболок, всех этих властолюбцев, которых человечество раз за разом рождает из греховного чрева своего? Или то был триумф вселенского зла — осязаемый результат долговременной и прилежной работы темных, адских сил? В чем бы мы ни усматривали причины

случившегося — оно случилось. Переполненная чаша гнева была опрокинута. Добро и зло, красота и уродство, тьма и залитые светом города, леса и поля и весь, весь подлунный мир — все это на единое мгновение отразилось на занесенной над человечеством сверкающей высоко подъятой бритве. И рука, замахнувшая бритвой, была рукой Карлтона Люфтойфеля. Да, в ту одну секундочку, когда он вонзал бритву в горло человечества, он не был более человеком, он был самим Deus Irae — Господом Гнева. То немного, что от мира осталось, осталось благодаря Его снисхождению. Мог добить — и не добил. И если вправе существовать какая-либо религия, то лишь такая трактовка событий может быть ее сколько-нибудь убедительным основанием. Ибо как еще можно толковать все происшедшее? Вот как я понимаю фигуру Карлтона Люфтойфеля, вот каким, по моему убеждению, вы должны изобразить его на своей фреске. И вот почему я горю желанием привести вас к нему.

— Понятно, — осторожно протянул Тибор. Он ждал какой-то реакции со стороны Пита, но тот самым огорчительным образом помалкивал. Тогда Тибор сказал, отчасти для того, чтобы позлить Пита Сэндза: — Ваши выводы не лишены основания... Величайшие художники Возрождения предпринимали попытки изобразить того, другого. Но никто из них не имел возможности хотя бы полмгновения видеть подлинное лицо Господа. А я воочию увижу Господа Гнева. И когда люди будут смотреть на мою картину, они будут знать, что я своими глазами видел Бога, а значит, изображение абсолютно достоверно. И все станут говорить: «Тибор Макмастерс изобразил в точности то, что он видел!»

Шульд звонко шлепнул ладонью по борту тележки.

— Скоро, — сказал он, — уже скоро!

Вечером того же дня, когда они собирали хворост для костра, Пит сказал Шульду:

— По-моему, вы нашли к нему наивернейший подход. Я имею в виду ваши слова о том, что Люфтойфель должен быть запечатлен именно Тибором.

— Тщеславие, — отозвался Шульд. — Пощекочите человека в нужном месте — и он ваш. Как быстро он перестал интересоваться мной и переключился на мысли о себе! Теперь из подозрительного незнакомца я стал для него необходимой составной частью его Странствия — его Проводником. Я еще раз переговорю с ним сегодня вечером — наедине. Если вы после ужина сочтете полезным прогуляться...

— Да-да, конечно.

— Когда я переговорю с ним еще раз, у него развеются последние опасения на мой счет. И дальше все пойдет как по маслу.

«Этот человек обладает инстинктивным чувством правильного момента, — решил про себя Пит. — Его чувство времени безошибочно — как у электронного стимулятора сердца или у термостата, который знает, когда надо подправить температуру. Охотнику нельзя обойтись без чуткости к жизненному ритму вещей и событий и умения властвовать над этим ритмом, задавать его. Это, конечно, хорошо, и события развиваются отлично. Да вот только Тибор не должен увидеть Люфтойфеля!..»

— Я вам доверяю, — сказал Пит. — Но меня подмывает задать вам один щекотливый вопрос. Не стану деликатничать и спрошу прямо: для вас лично что-нибудь значит одна из двух религий, замешанных в это дело?

Толстая ветка переломилась надвое в руках Шульда, словно это была спичка.

— Нет, — твердо сказал он.

— Я так и думал, просто хотел полной и окончательной ясности. Видите ли, для меня одна из двух этих религий имеет огромное значение.

— Это более чем очевидно.

— Я намекаю на то, что мы, христиане, отнюдь не возрадуемся, если Люфтойфель будет самым реалистичным образом изображен на церковной фреске.

— Аживая религия, лже-Господь — ведь вы так оцениваете веру в Господа Гнева. Так чего же вам переживать из-за того, что они намаляют своего лже-Бога в своей лже-церкви?

— Речь идет о власти над умами, — сказал Пит. — Думаю, вопросы власти над умами небезразличны и для вас. Обладание осязаемым знанием в виде конкретного портрета прибавит Служителям Гнева власти над толпами — разумеется, это будет быстротечное, временное преимущество, но преимущество существенное, досадное. Назовем это временным самообольщением. Однако факт есть факт: если мы, христиане, вдруг обретаем частицу подлинного креста, на коем был распят Спаситель, это вдохновляет нас, подхлестывает наше религиозное рвение, стимулирует вспышку особенно ревностного служения Господу. Быть может, это постыдная потребность — так грубо пришпоривать веру, но человек слаб. Впрочем, вы наверняка не раз наблюдали подобный феномен. Назовем его потребностью время от времени освежать вдохновение.

Шульд рассмеялся.

— Так или иначе они слепо поверят в подлинность всего, что ни нарисует Тибор. Результат будет один и тот же при любом ходе событий.

«Этот человек втайне хочет, — подумал Пит, — чтобы я признал, что верю в Господа Гнева и страшусь его. Не дождетесь».

— Если бы речь шла не о Люфтойфеле, нам было бы действительно наплевать, видел художник свой оригинал или нет, — сказал Пит.

— Почему же это?

— Потому что мы, христиане, воспринимаем все это как чудовищное кощунство, как издевку над самим понятием Господа Всевышнего — в нашем понимании того, что такое Бог. Ведь они обожествили не просто какого-то человека, что было бы заурядной ересью, — нет, они поклоняются как Богу человеку, который является причиной всех наших нынешних несчастий, человеку, которого вы сами называете человеком, выродком рода человеческого.

Шульд с треском переломил еще одну сухую ветку.

— Не спорю. Для этого выблядка и куча навоза слишком роскошная могила. А они ему поклоняются. Так что я понимаю вашу позицию. Что же вы намерены предпринять?

— Используйте нас для прикрытия, — сказал Пит, — как вы и планировали. Найдите его. Подойдите настолько близко, чтобы удостовериться, что это именно тот человек. И скажите Тибору, что вы ошиблись: дескать, не он. После этого наши пути расходятся. Мы пойдем дальше искать. А вы останетесь или пройдете с нами какое-то время, а потом вернетесь — как вам будет удобнее. И сделаете то, что должны сделать. Таким образом с Люфтойфелем будет покончено раз и навсегда.

— А вы что будете делать?

— Не знаю. Пойдем с Тибором дальше. Возможно, найдем какого-нибудь суррогатного Люфтойфеля. Но так или иначе подлинного лица Люфтойфеля на фреске не окажется.

— Так, значит, вот вы зачем следуете за художником! Не только для того, чтобы оберегать его от превратностей путешествия?

— В какой-то мере и с желанием оберегать его.

Шульд снова рассмеялся.

— Вопрос в том, на что вы готовы пойти в своем рвении помешать Тибору увидеть настоящего Люфтойфеля? На все — вплоть до насилия?

Пит поднатужился и в свою очередь переломил толстую сухую ветку.

— Считайте как хотите, — сказал он. — Я ничего не говорил.

— Похоже, выполняя свою работу, я оказываю невольную услугу вашим товарищам.

— Может быть.

— Жаль, что я не догадался об этом раньше. Если работаешь сразу на двух господ, разумнее брать плату с обоих.

— У христиан пустые кошельки, — промолвил Пит. — Но я не забуду поминать вас в своих молитвах.

Шульд потрепал его по плечу.

— Вы симпатичный парень, Пит, — сказал он. — Ладно, сделаем, как вы предлагаете. Тибор ни о чем не узнает.

— Большое спасибо.

«Что за этим беспечным цинизмом? — думал Пит, когда они возвращались к тележке с охапками хворо-

ста. — Что вас вдохновляет на действия, господин охотник? Жажда наживы, которой вы нарочито бравируете? Или утробная, искренняя ненависть? Или что-то иное?»

В сумраке раздался залиvistый лай. Шульд отшвырнул ногой Тоби, который накинудся на него с явным намерением укусить. Тоби мог просто не разобратсья в темноте, но Шульд сказал в сердцах:

— Проклятая собака! Она ненавидит меня.

В лунном свете Пит Сэндз вынул из-за пазухи передатчик. Пит находился на полянке между кустами примерно в четверти мили от их ночного лагеря.

«Ловко обделано. Шульду и в голову не придет, чем я тут занимаюсь. Он воображает, что я, согласно договоренности, ушел просто прогуляться и дать ему возможность потолковать по душам с Тибором».

Пит надел наушники и включил передатчик.

— Отче Абернати, — сказал он в микрофон, — это Пит Сэндз. Вы меня слышите? Прием!

Потрескивание, потом внятный голос:

— Привет, Пит. Это Абернати. Как твои дела?

— Я нашел Тибора.

— Он знает, что ты рядом?

— Больше того, мы теперь вместе путешествуем. Сейчас я на некотором расстоянии от нашего ночного лагеря.

— О! Так ты присоединился к нему? Каковы же твои дальнейшие планы?

— Они усложнились, — ответил Пит. — С нами еще один человек, его зовут Джек Шульд. Я повстречался с ним вчера. Он спас мою жизнь — в буквальном смысле. Он, похоже, очень точно знает, где в данный момент находится Люфтойфель, и взялся проводить нас к нему. Возможно, уже завтра мы увидим Люфтойфеля.

Пит улыбнулся, услышав нервное сопение своего невидимого собеседника.

— С этим человеком я заключил сделку. В последний момент он сделает вид, что перед нами не Люфтойфель, что произошла ошибка. Таким образом,

мы с Тибором и после этой встречи будем продолжать поиски.

— Погоди, Пит. Я ничего не уразумел из твоих слов. Зачем вы вообще идете к месту, где обретается Люфтойфель? Не проще ли пойти другой дорогой?

— Ну, — уклончиво произнес Пит, — этот человек хочет иметь компанию по дороге туда. А взамен пообещал мне сделать вид, что он не узнает Люфтойфеля.

— Пит, ты что-то недоговариваешь! В твоём рассказе концы с концами не сходятся. Ну-ка, выкладывай все остальное!

— Ладно, уважаемый отец. Этот человек, который с нами третьим, он наемный убийца и идет, чтобы убить Люфтойфеля. Он считает, что ему более с руки явиться в одной компании с беспомощным калекой — чтобы прежде времени не насторожить Люфтойфеля.

— Пит! Ты якшаешься с наемным убийцей! Тем самым ты становишься соучастником преступления!

— В общем-то, нет. Я не одобряю убийство. Мы с вами уже говорили прежде на эту тему. Но мой новый знакомый имеет даже законное право на убийство — в качестве палача. Он работает на полицию — по крайней мере он мне так говорит, и я склонен верить ему. Как бы то ни было, я не в силах помешать ему, даже если бы захотел. Вы бы раз взглянули на него и сразу бы поняли, почему я так говорю. Я думал, вы будете счастливы узнать...

— ...о готовящемся убийстве? Пит, мне все это совершенно не нравится.

— Тогда предложите что-нибудь другое, сэр.

— А вы не можете убежать от этого Шульда? Скажем, потихоньку удрать этой ночью? И продолжайте себе путешествие — но уже вдвоем.

— Вы опоздали с вашим советом. Тибор не станет сотрудничать со мной, если я не выдвину предельно убедительную причину, а такой причины я не вижу. Он всей душой поверил в то, что Шульд укажет ему потребного человека. И я уверен, что теперь он ни за какие блага на свете не убежит вместе со мной. К тому же от Шульда так просто не убежишь. У него собачье чутье — он бывалый охотник.

— А ты сможешь предупредить Люфтойфеля об опасности, когда вы с ним повстречаетесь?

— Нет, — сказал Пит. — Зря я, что ли, так старался? Я сделал все, чтобы Тибор или вообще не встретил Люфтойфеля, или увидел его мельком — и никогда не узнал, что был рядом с настоящим Люфтойфелем... Вот правда, нравится она вам или нет.

— Я лишь пытаюсь уберечь тебя от большого греха.

— Не считаю это таким уж большим грехом.

— А я опасюсь, что это будет смертельный грех!

— Ладно, дальше мне придется действовать по обстоятельствам, без подсказки. Я доложу вам, когда все кончится.

— Постой, Пит! Послушайся меня! Любыми способами постарайся расстаться с Шульдом. Если бы не этот тип, ты бы и на пушечный выстрел не приблизился к Люфтойфелю. Ты не будешь нести ответственность за поступки Шульда лишь в том случае, если тебя не будет рядом с ним и ты никак не сможешь удерживать его или потакать ему. И с моральной, и с практической точек зрения тебе лучше держаться подалеже от него. Беги прочь! Беги как от чумы!

— И бросить Тибора?

— Тибора, конечно же, бери с собой.

— Не считаясь с его желанием? То есть похитить, что ли?

Молчание. Потрескивание в передатчике. Наконец нерешительный голос Абернати:

— Не знаю, что конкретно тебе посоветовать. Сам решай. Но ты должен найти способ покинуть Шульда.

— Что ж, я помозгую над этим, — сказал Пит. — Однако очень сомневаюсь, что сумею придумать что-нибудь подходящее.

— Буду продолжать молиться за тебя, — ответил отец Абернати. — Когда ты свяжешься со мной снова?

— Думаю, завтра вечером. Вряд ли я смогу выйти на связь в течение дня.

— Хорошо. Буду ждать. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Обычные помехи сменились ровным шуршанием. Пит выключил передатчик и сунул его за пазуху.

— Тибор, — говорил Шульд, помешивая угли в костре. — Тибор Макмастерс на пути к собственному бессмертию.

— А? — переспросил Тибор. Он рассеянно смотрел на пляшущие языки пламени, где ему чудилось лицо девушки по имени Фэй Блейн, которая была более чем добра к нему в прошлом.

«Если бы Он оставил мне руки и ноги, — думал Тибор, — я бы мог вернуться и показать ей истинную силу моих чувств к ней. Я смог бы обнять ее, пробежаться пальцами по ее волосам, ощутить подушечками пальцев все изгибы ее тела. А она бы мне позволила касаться себя — везде. Я был бы подобен всем нормальным мужчинам. Я бы...»

— А? — повторил он.

— Бессмертие в памяти потомства, — сказал Шульд, — куда лучше и надежнее физического потомства, потому как наши отпрыски имеют дурное свойство разочаровывать нас, обижать и покрывать нас стыдом за их поступки. Но живопись — «внучка природы, так как все видимые вещи были порождены природой и от этих вещей родилась живопись».

— Не улавливаю вашей мысли, — сказал Тибор.

— «Если поэт свободен в изобретениях, как и живописец, то его выдумки не доставляют такого удовлетворения людям, как картины. Ведь если поэзия распространяется в словах на фигуры, формы, жесты и местности, то живописец стремится собственными образами форм подражать этим формам в природе. Теперь посмотрите, что ближе человеку: имя человека или образ человека? Имя человека меняется в разных странах, а форма изменяется только смертью».

— Теперь кое-что понимаю.

— «И если поэт служит чувству путем слуха, то живописец — путем глаза, чувства более достойного»¹. Леонардо да Винчи начертал это в одной из своих записных книжек. И, по моему, это очень верные слова. Они и к нашему случаю отлично подходят. Вас,

¹ Леонардо да Винчи. «Спор живописца с поэтом».

Тибор Макмастерс, будут помнить не благодаря цепочке ваших курносых потомков, которая, быть может, протянется до края вечности, но за дерзновенную попытку запечатлеть образ другого — бессмертный облик уникальной пластической формы. И вы будете отцом видения, которое вознесено над самой природой, которое выше дольней природы, ибо имеет природу божественную. Из всех людей вы один избранны для бессмертия такого масштаба.

Тибор кротко улыбнулся.

— Да, на меня возложили немалую ответственность, — промолвил он.

— Вы очень скромны, — сказал Шульд. — И довольно наивны. Вы полагаете, вас избрали лишь потому, что, когда Служители Гнева решили расписать церковь, вы случились под рукой и лучше вас художника в городке не было? На самом деле причина кроется совсем в другом. Поверите ли вы мне, если я скажу, что церковь в Шарлоттсвилле, штат Юта, была избрана местом для фрески только потому, что вы живете именно в этом городе? Поверите ли вы мне, что ваш город был избран потому, что вы являетесь величайшим художником среди ныне живущих?

Тибор резко повернул голову в сторону охотника и какое-то время молча смотрел на него.

— Отец Хэнди ничего подобного мне не говорил, — произнес он наконец.

— Отец Хэнди выполняет приказы своего церковного начальства, над которым есть еще более высокое начальство.

— Опять я не очень понимаю вас, — сказал Тибор. — Откуда вы можете все это знать?

Шульд усмехнулся и молча сверлил взглядом калёку — надменно вскинув голову, полуприкрыв глаза. Казалось, его лицо колыхается в отблесках костра.

— Потому что я первоисточник всех приказов. Я хотел, чтобы вы стали моим главным художником. Я глава истинной веры. Я глава Церкви Служителей Гнева.

— Ну и ну! — ахнул Тибор.

— Да, это правда, — сказал Шульд. — По понятным причинам я не торопился открыть это. Мне не хотелось говорить при Пите Сэндзе.

— Шульд — ваша настоящая фамилия? — спросил Тибор.

— Имя человека меняется в разных странах. Фамилия Шульд меня устраивает. Я присоединился к вам в вашем Странствии, ибо хочу лично проследить за тем, чтобы вы не обознались и нашли нужного человека. А Пит Сэндз, несомненно, постарается обмануть вас. Такие у него инструкции — от его начальства. Но я позабочусь о том, чтобы он вас не провел. Я укажу вам Люфтойфеля — когда придет время. И как бы ни старалась Ветхая Церковь, ей не удастся помешать нам. Можете быть спокойны на этот счет.

— Я с самого начала нутром почувствовал, что вы не тот, за кого себя выдаете, — сказал Тибор.

Ему теперь и в самом деле казалось, что он чуть ли не с первого мгновения угадал в незнакомце Служителя Гнева высокого ранга. Но чтобы это был сам... нет, об этом и помыслить было страшно. Впрочем, о иерархии в Церкви Господа Гнева Тибор имел самое смутное представление. Знал только, что во главе Церкви стоит один человек.

«А я-то воображал, — подумал Тибор, — что решение о росписи в нашей церкви принималось нашим местным начальством — вздумали подукрасить бедную церковку. Но все это выглядит весьма правдоподобно, если хорошенько поразмыслить. Люфтойфель — средоточие веры. И, соответственно, все, что касается его канонического изображения, должно быть санкционировано самым большим церковным начальством. И вот оно самое большое начальство — сидит рядом у костра. Если Шульду положено было появиться, то появился он в самый подходящий момент. Никто другой, кроме подлинного главы Церкви Господа Гнева, не мог так верно подгадать время своего прихода и обладать столь точной информацией. Выходит, этому человеку следует верить».

— Я вам верю, — молвил Тибор. — Но это все... это ошеломляет. Спасибо вам за безмерное доверие ко мне. Я постараюсь оправдать его.

— Вы достойны моего доверия, — сказал Шульд, — потому и избраны. И теперь я вам открою еще одно: готовьтесь к неожиданности, ибо встреча может про-

изойти внезапно. Мне придется ориентироваться по обстоятельствам — присутствие Пита Сэндза принуждает к хитростям. Начиная с настоящего момента вы должны быть готовы в любой момент запомнить и запечатлеть то, что я вам покажу, — без промедления, без предварительного предупреждения.

— Я буду держать фотокамеру в полной готовности, — пообещал Тибор, приводя в действие свои манипуляторы и перемещая фотоаппаратуру так, чтобы ею можно было воспользоваться в любой момент. — А что касается моих глаз — они всегда наготове.

— Отлично. В настоящее время от вас больше ничего не требуется. Когда на вашей сетчатке отпечатается его образ, ни Пит, ни все христиане мира не сумеют вырвать это знание из вашей памяти. И вы завершите фреску, как и было запланировано.

— Огромное спасибо, — сказал Тибор. — Вы пролили бальзам на мою душу. Я безмерно счастлив. Надеюсь, Пит никак не сумеет вмешаться...

Шульд встал и ласково потрепал Тибора по плечу.

— Вы мне нравитесь, — сказал он. — Ничего не бойтесь. Всё идет по плану.

На обратном пути Пит Сэндз думал о словах отца Абернати, а также о Шульде и Карлтоне Люфтойфеле.

«Отец Абернати никак не может в открытую сказать мне: «Убей Люфтойфеля!» — даже сознавая, что это разом решит все наши проблемы. Будучи истым христианином, он не может закрыть глаза на планы Шульда, коль скоро о них проведал. Да, тут та самая проклятая дилемма, возвращающая нас к коренному парадоксу, который таит обязательство любить все сущее без исключения — вплоть до людоеда, который собрался закусить вами. Если идти до логического конца, надо сложить руки и покорно умереть в людоедском котле. Если вы единственный во Вселенной буквальный приверженец христианской доктрины непротivления, ваши убеждения сгинут вместе с вами. Если буквальных приверженцев этой доктрины несколько... что ж, их убеждения сгинут вместе с ними под ножом того, кто на эту доктрину плевал. И благороднейший

идеал человеческого поведения уйдет из мира вместе со своими носителями. Если мы, ради сохранения в мире этого идеала, убьем — то тем самым этот идеал замажем, предадим. Похожая концепция у дзен-буддистов: ничего не делай — и злой разрушит, сделаешь движение — и разрушителем станешь ты. Но при этом ты обязан — сохранить. Каким же, спрашивается, образом, если делание и неделание равнозначны?! Предлагаемый ответ: есть божественный промысел, который позаботится обо всем сам. Я, так сказать, проникаю в глубь вещи именно в тот момент, когда отрекаюсь от попытки проникнуть в глубь этой вещи. Или, в христианских терминах, сейчас мне дарован — в испытание моей воли — огромный соблазн, и этот ниспосланный дар следует воспринимать как акт величайшей милости ко мне. Но я, хоть убей, не ощущаю себя обласканным. Наоборот, у меня такое впечатление, что мои мысли бессильно раскорячиваются в виду совершенно неразрешимой ситуации. У меня нет ни малейшего желания убивать Люфтойфеля, честное слово. Я никого не желаю убивать. И не из каких-то религиозных соображений. Просто мне не по душе причинять боль — кому бы то ни было. Если эта жалкая скотина до сих пор жива, то кто знает — быть может, люфтойфелевская черная душа успела так настрадаться, что пора ее и пощадить? Не знаю. И знать не желаю. В конце концов, я просто-напросто брезглив».

Осторожно бредя среди кустов, слабо освещенных луной, Пит ломал голову над тем, как ему следует поступить.

«Как мне в данных обстоятельствах реализовать благородный идеал непротивления? Куда ни кинь — всюду клин. Где мне взять силы, чтобы любить Люфтойфеля — или кого бы то ни было — безотносительно к тому, что он сделал, что он за человек? Мне должно любить каждую единицу бытия только за то, что она существует. Но такие высокие требования любви приложимы разве что к самому Господу, а не к брэнной плоти. Однако именно это и есть тот идеал, к которому мы обязаны стремиться. Любви никогда не бывает слишком много. Не знаю, путаюсь. Бывало, что я чувствовал эту вселенскую любовь ко всему, но это чувство быст-

ро иссякало. В чем причина приливов и отливов любви? Быть может, это просто биохимия? Накопилось в крови больше такого-то вещества — и пылаешь кроткой любовью. Накопилось больше другого вещества — и из тебя прет агрессия. Искать причину причин — гиблое дело. А впрочем, в моей памяти гвоздем сидит тот день, когда Лурин спросила: «Что такое *cin Todesstachel?*», а я стал толковать про жало смерти и потом ощутил, как это самое жало входит копьем в мой бок о Боже какая боль этот заостренный крюк вгоняемый в меня с небес Господь Всемиловитый пощади и помилуй и я в агонии мечусь как фигура в пляске смерти и Лурин пытается остановить и успокоить меня и вот я вижу это копье слежу его древко от самой Земли до горних высот откуда на меня взирают те трое которые пригвождают меня и удерживают и в глаза смотрю о Лурин сердце моих исканий и твой вопрос здесь и там и тут и везде эта боль никогда не закончится но брызжет брызжет из-под нее радость и учащенное дышится когда то жало пронзает меня вновь в сердцевице лесов и в этой ночи о Ты в Котором Все я здесь и больше не вопрошаю но я действительно...»

Впереди возникли фигуры Шульда и Тибора у костра. Они смеялись и казались такими счастливыми, что и Питу стало хорошо на душе. Он ощутил, как что-то мягко коснулось его ноги. Это был Тоби. Пит нагнулся и ласково погладил его по загривку.

Нежно прижимая куклу к груди, Алиса баюкала ее, раскачиваясь всем телом, — влево-вправо, взад-вперед. Потом она присела на корточки, усадила куклу в кузов большого игрушечного грузовика и легким толчком пустила машину вниз по покатоному коридору. Алиса весело засмеялась, глядя, как ускоряется движение грузовичка. Но тут он ударился о стену, перевернулся и вывернул куклу на пол.

— Нет! Нет! Нет! Нет!

Алиса подбежала к кукле и взяла ее на руки.

— Нет! Все будет хорошо!

Она поставила на колеса опрокинувшийся грузовик и снова усадила в него куклу.

— Ну-ка, — сказала она, опять толкая грузовик вниз по коридору.

И снова смеялась, наблюдая за лихой ездой машинки, которая чудесным образом лавировала между препятствиями. Когда же грузовик с силой уткнулся в ящик с кафелем, кукла совершила кульбит в воздухе и ударилась об острый угол — голова отвалилась, а тело покатило дальше.

— Нет! Нет!

Слабоумная, тяжело шлепая ногами и задыхаясь от спешки, подбежала к месту аварии и стала прилаживать голову куклы к ее телу.

— Все будет хорошо! — приговаривала она. — Все будет хорошо!

Но голова не хотела оставаться на прежнем месте. Притискивая голову к телу, девушка подбежала к комнате с закрытой дверью.

— Папочка! — прокричала она, распахивая дверь. — Папочка! Папочка, почини!

В комнате никого не было. Сумрак, беспорядок. Алиса добрела до незаправленной кровати и грузно опустилась на нее.

— Ушел, — сказала она, баюкая на коленях свою искалеченную куклу. — Все будет хорошо! Пожалуйста, пусть все будет хорошо!

Она тыкала голову куклы на положенное место, а та расплывалась в тумане Алисиных слез. Из-за слез комната казалась еще мрачнее.

Опустив голову, корова дремала подле дерева, к которому была привязана. А Тибор в тележке пережевывал все одну и ту же мысль: куда подевалось его приподнятое настроение?

«Моя мечта, материал для моего грядущего шедевра, возжеленная цель всей моей работы — совсем рядом, рукой подать. Да, я бы, наверное, предвкушал исполнение желаний с куда большей радостью, если бы Он не являлся мне и не сделал того, что Он сделал. Теперь, когда мне твердо обещана встреча с Ним и возможность воплотить Его на полотне, горизонты моей радости распадаются, бегут прочь от меня, душа

моя остается не то чтобы темным, но пустым гулким домом с опрокинутой мебелью, а моя жизнь сейчас — как переспелый плод, готовый взорваться от переполняющего сока, но распирают меня страх и непомерное тщеславие, спровоцированные последними событиями. Обратить все в гимн камням и звездам — что ж, я должен попробовать. Но только сейчас это труднее, намного труднее, чем мне прежде казалось. Эх, мне бы былую силу, как она мне нынче нужна...»

— Пит! — окликнул Тибор, когда Сэндз подошел к огню вместе с Тоби, вилявшим хвостом у его ног. — Как прогулялся?

— Прекрасно, — сказал Пит. — Такая божественная ночь.

— По-моему, у меня осталось немного вина, — сказал Шульд. — Почему бы нам не прикончить его?

— Хорошая мысль. Я не против.

Шульд передал им бутылку.

— Последнее вино. И хлеб кончился. Не думаешь ли ты, Пит, что ты очень скоро можешь оказаться в этой ситуации — допьешь свое последнее вино и съешь последние крохи хлеба? Почему ты выбрал себе такую судьбу — в наши многотрудные времена связал себя с гонимыми христианами?

Пит пожал плечами.

— Трудно сказать. Ясное дело не потому, что хотел отличиться. Кто может с уверенностью объяснить, почему он выбрал что-то одно и позволил этому одному руководить всей его жизнью? Наверно, я хотел доискаться до истины, обрести красоту — в некоей определенной форме...

— Ты не упомянул о добродетели, — сказал Шульд.

— И это тоже.

— Понятно. Средневековые философы подчистили древних греков под христианство, так что и Платон с его обожанием добродетели вдруг стал приемлемым. Вы даже косточки Аристотеля с готовностью крестили в христианскую веру, как только нашли способ приспособить его мысли себе на потребу. Да если из вашей веры изъять идеи древнегреческих логиков и иудейскую мистику — много ли останется!

— Полагаю, Страсти Господни и Воскресение чего-нибудь да стоят, — кротко возразил Пит.

— Ладно. А как насчет заимствований из восточных мистических культов? И, если продолжить тему свинства, как насчет крестовых походов, святых войн против христиан-еретиков, а также инквизиции?

— Высказались? — спросил Пит. — Я устал от всех этих вещей. У меня достаточно хлопот с моими собственными мозгами — такой спутанный клубок мыслей! Если язык чешется поспорить, вступите в дискуссионный клуб.

Шульд рассмеялся.

— Вы правы. Ей-же-ей, я не хотел вас обидеть. Я знаю, что внутри христианства столько проблем, что нет резона притягивать их со стороны.

— Что вы имеете в виду?

— Прочитую вам великого математика Эрика Белла: «Всякие религиозные убеждения имеют тенденцию расщепляться надвое, и каждая новая часть в свою очередь делится пополам и т. д., пока через некоторое конечное число поколений (которое можно вычислить, используя простой логарифм) в любом районе земли, даже самом огромном, оказывается меньше людей, чем верований, и дальнейшее деление идей, заложенных в исходном символе веры, приводит к полному их распылению, созданию предельно разреженного газа, который не способен поддерживать веру даже в доверчивом ребенке». Иными словами, христианство распадается само по себе, без посторонней помощи. В каждом из разобщенных селений возникает собственная форма христианства.

Нахмурившийся было Пит просветлел.

— Ну, если таков жестокий закон природы, то он приложим и к другой стороне. Церковь Служителей Гнева будет подвержена диффузии в равной степени. Да только у нас за спиной традиции, которым две тысячи лет, и они нас могуче поддерживают. Так что я не склонен впадать в отчаяние.

— Но давайте предположим — о, только предположим, — сказал Шульд, — что Служители Господа Гнева правы, а вы не правы. Что, если небесные силы

на их стороне и гарантируют их от искажений веры и от ее вырождения? Что тогда?

Пит молодым бычком нагнул голову, как бы боднулся и простодушно улыбнулся:

— Как говорят арабы: «На что воля Господа, то не может не случиться».

— Аллаха, — поправил Шульд.

— Возможно, — согласился Пит и встал. — Впрочем, сейчас для меня всего важнее воля моего переполненного мочевого пузыря. Прошу прощения, я должен отлучиться.

Когда Пит скрылся в зарослях, Тибор сказал:

— Быть может, разумней не перечить ему и не раздражать его. Это сделает его еще менее покладистым, и вам будет труднее отвлечь его, или ввести в заблуждение, или что вы там собираетесь сделать, когда мы наконец отыщем Люфтойфеля.

— Я знаю, что делаю, — беззлобно огрызнулся Шульд. — Я хочу показать, какую гнилую и никудышную веру он исповедует.

— Теперь мне известно, что в вопросах религии вы знаете безмерно больше Пита, — сказал Тибор. — Еще бы! Вы же глава Церкви! А парень — неотесанный церковный служака. Вам не стоит показывать мне, что вы знаете больше Пита. Это и без того ясно. Мне бы хотелось, чтобы остаток нашего путешествия прошел тихо-мирно и все мы остались добрыми друзьями.

Шульд рассмеялся.

— Погоди, имейте терпение, — сказал он. — И вы увидите, что все образуется.

«Нет, не таким мне представлялось мое Странствие, — подумал Тибор. — Было бы правильно, если бы я проделал Странствие в одиночку, самолично нашел Люфтойфеля, поглядел бы на него и сфотографировал без суеты, без спешки и шума, а потом тихонечко вернулся в Шарлоттсвилль и закончил свою работу. Вот и все, что мне хотелось. Ненавижу теоретические споры о чем угодно. И так повернут мысль, и этак, и наизнанку вывернут. Не желаю я брать чью-либо одну сторону. А впрочем, сердцем я с Питом. И не он затеял эту перепалку. Не желаю быть наглядным пособи-

ем для урока теологии. Нашли подопытного кролика! Одного хочу — чтоб это прекратилось».

Пит вернулся.

— Становится холодновато, — сказал он, присел на корточки и стал подбрасывать хворост в костер.

— Холод у вас в душе, — подхватил Шульд, — потому что вы чувствуете, как темнота извне наконец проникает в вашу душу.

— Ах, ради всего святого! — воскликнул Пит, выпрямляясь. — Если вы так помешаны на этой религии, какого дьявола вы не становитесь Служителем Гнева? Бегите класть поклоны чинуше, который отдал приказ смешать всю Землю с дерьмом! Займитесь лепкой бюстов с портрета, который Тибор вмалюет в свою фреску! Играйте в карты на деньги в алтаре своего вонючего Господа! Устраивайте лотереи и пикники для сбора средств на проведение Судного Дня, если у вас такой зуд поваляться в грязи! Остальным гадостям вас охотно обучат матерые проповедники Гнева — поверьте, вам будет чему у них поучиться. Идите к ним, но меня извольте оставить в покое, потому что мне плевать, плевать и еще раз плевать на всю эту белиберду!

Шульд закатился смехом.

— Отлично, Пит! Замечательно! Я рад, что гнев небесный не парализовал ваш язык. Но ваши речи вызвали у меня позыв определенного рода, так что я вынужден покинуть вас. Извините, я в свою очередь отлучусь.

Все еще посмеиваясь, Шульд удалился в заросли.

— Чтоб ему пусто было, этому типу! — в сердцах воскликнул Пит. Сейчас было трудно напоминать себе, что «этот тип» спас ему жизнь — из простого человеколюбия.

«Какой бес вселился в Шульда, что он внезапно принялся донимать меня с упорством маньяка? Сегодня ночью он стал моим крестом. Тяжело ощущать, что эта замечательно пригнанная и отлаженная машина с идеальной системой охлаждения и переработки топлива и правильно организованной системой выхлопа — что эта исправнейшая могучая живая машина вдруг начинает наезжать, причем норовит не просто переехать, а вернуться задом и давить, сплющить до толщины листа бумаги, чтобы его можно было на-

лепить в качестве одной из фигур на тиборовскую фреску! Нет, если он опять заговорит со мной, я просто не стану ему отвечать!»

— С какой стати он вдруг стал таким? Что за блажь? — сказал Пит, обращаясь наполовину к самому себе.

— Мне кажется, он затаил злобу против христианства, — подал голос Тибор.

— А мне это и в голову не приходило. Как странно. Он ведь говорил мне, что религия для него — пустой звук.

— Он так говорил? Действительно странно.

— А вы, Тибор, как вам его речи?

— Я в известной степени согласен с тобой, — сказал Тибор. — И мне тоже все эти рассуждения до одного места.

Внезапно они услышали в зарослях громкое рычание, завершившееся коротким, но яростным лаем, который сменился пронзительным жалобным визгом. Затем — полная тишина.

— Тоби! — вскричал Тибор, привел в действие электродвигатель своей тележки и покатил к кустам. — Тоби!

Пит бегом последовал за ним. Тележка буквально проломилась через кусты на полной скорости и запнулась у поваленного дерева.

— Тоби! — горестно простонал Тибор. — Вы его убили, убили!

Запыхавшийся Пит увидел возле остановившейся тележки Шульда, который ровным голосом говорил:

— Никакая другая реакция не была бы адекватной в данной конкретной ситуации. Я практикую стандартный ответ на попытку агрессии со стороны субчеловеческих существ: уничтожение. Эти нападения являются привычными для меня. Они чуют, что я...

Гидравлика с силой раздвинула манипулятор Тибора и механический кулак попал точно в подбородок Шульда. Тот покачнулся, схватился за дерево и только поэтому не упал. Каска слетела с его головы, покатилась по земле и остановилась возле трупа собаки, которая лежала на траве с неестественно вывернутой шеей. Выбираясь из кустарника, Пит увидел в лунном

свете, что рассеченная губа Шульда опять обильно кровоточит. На голове виднелась рана, которую Шульд упоминал в разговоре. Теперь и она увлажнилась темной кровью. Пит стоял как вкопанный: зрелище было жутковатым. Не сразу до Пита дошло, что Шульд пристально смотрит на него. В этот момент чудовищная ненависть захлестнула его, и он невольно выдохнул, захлебываясь от ярости:

— Я тебя узнаю!

Шульд криво усмехнулся и кивнул головой, будто ожидал какого-то продолжения.

Но Тибор, который наблюдал всю эту сцену, опять горестно взвыл: «Убийца!» — и опять огрел Шульда манипулятором — да так, что тот рухнул наземь.

— Нет, Тибор! — вскрикнул Пит. Его мгновенное прозрение закончилось. — Остановитесь!

Шульд вскочил на ноги. Теперь половина его лица была залита кровью. Видимая часть лица выглядела более человечно — искаженная заурядным страхом, с широко открытым глазом. Шульд повернулся и побежал прочь.

Но экстензор Тибора, стремительно удлинясь, догнал его и хрястнул по затылку. Шульд опять свалился на землю и покатился, несколько раз перевернувшись через голову.

Тибор подкатил к распростертому телу. Пит кинулся к тележке.

К моменту, когда он добежал до передка тележки, Шульд поднялся на колени. Он расшибся еще больше. Теперь кровью залито было не только лицо, но грудь. Выглядел он ужасно.

— Нет! — вновь прокричал Пит, становясь между Тибором и его жертвой.

Однако манипулятор был проворнее — он снова жахнул Шульда в челюсть, и тот упал навзничь.

Пит стал поднимать и оттаскивать упавшего, размахивая свободной рукой перед его окровавленной головой, чтобы Тибор не нанес нового удара.

— Не надо, Тибор, — молил Пит. — Не убивайте его! Слышите меня? Ради всего святого, Тибор! Он же человек! Как вы и я! Это будет убийством! Не надо!..

Пит выпустил Шульда и прикрыл теперь уже свою голову в ожидании удара. Но удара не последовало. Вместо этого захваты манипулятора обхватили левое предплечье Пита и потянули его вверх. Тележка громко скрипнула и качнулась, но манипулятор, действуя как лебедка, поднял Пита над землей на целый метр, раскачал — и швырнул на кусты. Падая, Пит услышал истошный стон Шульда.

Пит весь исцарапался, набил массу синяков, хотя куст в целом смягчил удар при падении. Лежа на ветках, полуоглушенный, Сэндз слышал, как тележка снова громко скрипит на рессорах. Он начал выдираться из сплетения веток, но это было непросто и потребовало времени. Тем временем раздался лязг, за которым последовал булькающий звук, что-то вроде сдавленного крика.

Пит как сумасшедший вскочил на ноги — и обмер от того, что увидел.

Правый манипулятор Тибора был вытянут на полную длину и устремлен вперед и вверх, как стрела крана. На его конце висел Шульд. Механические пальцы сомкнулись на его горле и уже доделывали свое дело. Глаза Шульда выкатились из орбит, язык свисал. Вены на лбу вздулись канатами. Прямо на глазах у Пита конечности Шульда исполнили страшную пляску смерти. Агония закончилась, и члены повисли плетями.

— Нет, — тихо простонал Пит, понимая, что он опоздал, что уже ничего не вернешь.

«Тибор, — подумал Пит, — я буду молиться, чтобы ты никогда не узнал, что ты сделал».

Питу Сэндзу пришлось прикрыть свои глаза ладонью, потому что он не мог зажмурить их или отвести взгляд.

Все произошло по плану, все это было заранее продумано — до мельчайшей детали. Но в самом конце произошел сбой. Один-единственный сбой...

«Это должен был сделать я. Он хотел, чтобы это сделал я. Чтобы его убил я. Чтобы я его — убил. Чтобы в последний момент — в самый последний момент — он мог прокричать тебе, Тибор: «Гляди! Гляди! Гляди!» И тогда бы ты был свидетелем, тогда бы ты всеми чув-

ствами почувствовал, тогда бы ты зрел воочию то, чему свидетелем ты должен был стать — по его желанию, по его плану, по его замыслу, — ты наблюдал бы логически необходимую гибель Карлтона Люфтойфеля, гибель от моей руки. Тот, кто сейчас висит тряпичной куклой высоко в воздухе, облитый кровью и заляпанный грязью, с выпученными открытыми глазами, которые до скончания века будут глядеть прямо вдоль горизонта, как будто весь мир плоский и просматривается до самых своих последних пределов, — этот человек желал, чтобы это сделал с ним я, чтобы я сделал это — для него, а ты, Тибор, был бы свидетелем и запечатлел все в своей душе и на фреске на веки веков, дабы весь мир до скончания времен имел перед глазами эту сцену ухода заблудшего, исстрадавшегося человеческого существа, которое страстно жаждало одновременно и обожания и наказания, поклонения и смерти, — здесь бы оно раскрылось во всем своем ужасе и сложности в момент, когда я убил бы его, дабы на мгновение явить и тебе, и через тебя всему миру искаженные в секунду смерти черты Господа Гнева. Ах, как досадно! Ведь это все могло произойти именно так, как задумывалось! Могло, могло! Но ты, мой друг, сейчас ослеплен безумием и ненавистью. Пусть же безумие и ненависть, уходя, заберут из твоей памяти и видение тобой сотворенного. Заклинаю, да будет так. Да не узнаешь ты никогда, что ты сотворил. Да не узнаешь. Аминь».

Глава 17

Дождь... Серый мир, зябкий мир — Айдахо. Былой край пастушьих пасторалей. Овцы, овцы, овцы. У местных был диалект, который, говорят, и дьявол не понимал...

Пит брел рядом с поскрипывающей тележкой. «Хвала Господу, — думал он, — оказалось нетрудно убедить Тибора, что негодяй Шульд все врал и мы не найдем никакого Люфтойфеля в месте, указанном подлецом-охотником. Две недели прошло. И две недели Тибор никак не может успокоиться, что он убил человека. Он никогда не должен узнать, кого он убил на самом деле. Теперь Тибор пришел к мысли, что Шульд был просто помешанным. Я был бы рад думать так же. Тяжелее всего далось погребение. Мне бы следовало произнести какие-то слова над могилой, но я был нем — совсем как та странного вида девушка с куклой без головы, которую мы встретили на следующий день сидящей на сретенье дорог. Да, мне бы следовало произнести какую-либо молитву над могилой. Так или иначе, он был человеком, с бессмертной душой... Но с уст моих не слетело ни единого слова. Уста мои остались замкнуты для молитвы. Мы двинулись дальше в путь... Деваться некуда, надо продолжать теперь уже липовое странствие. И таскаться нам по миру до тех пор, пока Тибор не откажется найти Люфтойфеля. Если понадобится, так и будем бродить по белу свету в поисках уже умершего, пока сами не очокуримся. Это ведь грех — то, что Тибор питает вздорную иллюзию, будто смертный способен физическими очами увидеть и кистью или фотокамерой запечатлеть лик Господа. Что за блажь изобразить чудо

богоявления при помощи разноцветных мазков! Это заблуждение, это надменное посягательство на несказуемое, гордыня в ее мерзейшем виде. И все же... Сейчас я нужен ему — в минуту такого потрясения — более чем когда-либо. Надо идти дальше... куда? А Бог его знает. Теперь маршрут не имеет никакого значения. Просто я не могу покинуть его, а он не может остановиться и вернуться с пустыми руками...»

Пит хихикнул. «С пустыми руками» — неудачное выражение применительно к Тибору.

— Чему гогочешь? — вяло спросил художник из своей тележки.

— Над нами смеюсь.

— Почему это?

— У нас не хватило ума спрятаться от дождя.

Тибор фыркнул. Даже в своем подавленном состоянии он видел зорче Пита.

— Если тебя только это беспокоит, на холме впереди какое-то строение. Кажись, сарай. Похоже, мы рядом с людским жильем. Там, вдалеке, еще что-то — вроде как тоже дома.

— Правьте к сараю, — сказал Пит.

— Мы все равно вымокли до нитки. Чего уж теперь.

— От воды тележке добра не будет.

— А вот это верно.

Пока они двигались к укрытию, Пит говорил, чтобы отвлечь Тибора от горестных мыслей:

— Был в двадцатом веке такой художник — Эндрю Уайет. Так он любил рисовать что-то подобное. Я видел репродукции его картин в одной книге.

— Пейзажи с дождем?

— Нет. Сарай. Сельские виды.

— Хороший художник?

— Думаю, да.

— Почему ты так думаешь?

— На его картинах все так похоже.

— Похоже в каком смысле?

— Ну, все именно так, как выглядит.

Тибор рассмеялся.

— Пит, — сказал он, — есть бесчисленное множество способов изобразить вещь так, как она выгля-

дит. И все будут верными, потому что каждый способ даст правильное изображение вещи. Но только у каждого художника свое видение. Отчасти это зависит от того, что именно акцентирует его зрение, отчасти от его техники. Сразу видно, что ты, Пит, сроду не рисовал.

— Угадали, — сказал Пит.

Он перестал замечать струи воды, затекающие под воротник, довольный тем, что Тибор сел на своего конька и весь ушел в рассуждения, не связанные с пережитой трагедией. Но тут Питу пришла в голову одна мысль, и он с жестокостью ребенка тут же высказал ее вслух, позабыв о своем первоначальном желании отвлекать Тибора:

— Если ваше понимание искусства правильно, то как же вы сможете добросовестно и точно выполнить свое поручение, когда мы найдем Люфтойфеля? Коль скоро существует тысяча способов верно изобразить один и тот же предмет — тут зеленый свет произволу! Акцентируя одно, вы непременно упускаете или уходите в тень другое! Как же в таком случае можно нарисовать истинный портрет?

Тибор решительно замотал головой.

— Ты меня неправильно понял. Существует множество способов изобразить вещь, но лучший — только один.

— И как же угадать, который самый лучший?

Тибор некоторое время молчал.

— Надо начать писать. И сам почувствуешь, если дощупаешься до наилучшего.

— Мне ясней не стало.

Тибор опять надолго замолчал.

— Да ведь и мне это неясно, — обронил он наконец.

Внутри сарая нашлось сено. Закрыв двери, Пит разлегся на нем и стал слушать ритмичный стук дождя. Рядом, жуя сено, почмокивала выпряженная голштинка.

«Эх-хе-хе! Тяжеленько мне пришлось в последние две недели, — думал Пит. — Уж как я старался! С

отцом Абернати связался только раз — сразу после происшествия. Он не сказал ничего нового. Дескать, продолжайте путешествие. Ни о чем Тибору не говорите. Будьте его поводырем. Продолжайте поиски. Молюсь за вас. Всего доброго и да пребудет с вами Господь».

Иного выбора и нет. Теперь это было очевидно. Ноздри Пита щекотал пряный запах волглого сена. На гвозде прямо над ним висела кожаная подпруга. Капли дождя просачивались через щели в потолке. В дальнем конце виднелся проржавевший корпус автомобиля. Питу вспоминались багсы, чокнутая Супер-М, еще более чокнутый ПАМЗ, весь извилистый путь от Шарлоттсвилля до этого сарая. Вдруг вспомнилось, как они играли в карты в тот вечер — он, Тибор, отец Абернати и Лурин. И как Тибор ни с того ни с сего заговорил о переходе в христианство как последнем средстве увильнуть от паломничества. Мысли переметнулись к Лурин. От нее — к Троице, увиденной на небесах, когда его пронзило жало-копье. Новый, еще более неожиданный скачок памяти — к горизонтальным глазам без век и без зрачков, которые смотрят вдоль мира, вбирая его вплоть до бесконечности. Тут из тьмы выпрыгнул Люфтойфель — и повис высоко над землей, темная жуткая фигура, страшная последним выплеском скорби и ярости. Снова подумалось о Лурин...

Тут он понял, что задремал, — по тому, что проснулся.

Дождь утих. Неподалеку храпел Тибор. Корова исправно жевала. Пит потянулся, потом вдруг резко привстал и сел, обхватив колени.

Тибор следил за игрой теней между стропилами.

«Э-эх, кабы Он не забрал обратно мои руки и ноги, я бы никогда не смог убить того странного человека, того охотника, несчастного Джека Шульда. Ведь Шульд был дюжим мужиком. Только манипуляторы могли уложить такого. Зачем мне были возвращены эти экстензоры — только затем, чтобы я убил? А ведь какое-то время казалось, что все идет просто замечательно... Казалось, все клонится к успешному завер-

шению и Странствие закончится в считанные дни. Казалось, нужный образ скоро будет увиден и работа выполнена. Надежды, пустые надежды. Которые так стремительно сменились отчаянием. Разве это не шутка Господа Гнева, разве в этом не проглянуло Его коварное лицо? Похоже, Пит затронул действительно важный вопрос. На чем именно делать акцент в подобном творении? Может случиться так, что я получу возможность увидеть Его лицо. Где гарантия, что я напишу *правильно*? Смогу ли я ухватить само Его естество, передать глубинную суть — с помощью красящих веществ разного цвета? Сие превышает меру моего разума... Как мне не хватает Тоби. Добрая моя собачка... Но и того помешанного жалко. Не хотел я его убивать, а что с ним можно было сделать, с таким безумным! Если бы у меня остались те руки и ноги, я бы плюнул на все и пошел домой. Ведь я даже не уверен, сумел бы я рисовать настоящими руками или нет. Впрочем, Господи, если ты когда-либо решишь вернуть мне руки и ноги... Нет, не верю, что они у меня опять появятся. Все это выше разума. И дернула меня нелегкая согласиться на это церковное поручение! Теперь-то ясно, что мне не следовало соваться. Я примерялся нарисовать на полотне то, что ни выразить, ни понять. Взаясь за работу, которую выполнить невозможно. А все гордыня. Вся жизнь клином сошлась на писании картин. И я знаю — кистью я владею лучше многих. Но ведь, с другой стороны, у меня ничего больше и нет, кроме этого умения. Вот оно и выросло в моем воображении до размеров фантастических. Была у меня мысль, что мой дар может не только поставить меня вровень с не-калеками, но и позволит превзойти их; стать выше даже не просто людей с руками и ногами, а выше человека вообще. Мне хотелось, чтобы последующие поколения верующих взирали на мою работу и создавали высоту, на которую я посягнул подняться. Я мечтал, чтобы они почтительно обмирали не перед Господом Гнева, а перед моей картиной, восхищенные моим искусством. Я жаждал их немого восторга, их оробелого восхищения, их потрясения, их поклонения. О, теперь-то мне очевидно: я возжаждал, чтоб мое искусство было при-

равнено к божественную акту. Гордыня и только гордыня катила вперед мою тележку... А теперь я и сам не знаю, что мне делать дальше... Вперед, вперед — куда же еще? Разумеется, вперед. Начатое надо доделать. Но какими сторонами все это поворачивается, как это не похоже на то, каким мыслилось Странствие с самого начала...»

Дождь прекратился. Тибор напряг мускулы, потом расслабил, потягиваясь со сна. Поднял взгляд. Пегая голубушка чинно жевала. Рядом храпел Пит. Ан нет, почудилось. Пит сидел, обхватив колени, и глядел на него.

— Тибор, — позвал Пит.

— Ну?

— Откуда этот храп?

— Не знаю. Я думал, это ты храпишь.

Пит встал и прислушался. Быстро оглядевшись, он, крадучись, направился в сторону стойла. И заглянул внутрь. Если бы не храп, он принял бы увиденное за груды грязного тряпья. Нагнувшись поближе к спящему, Пит почувствовал мерзкий запах перегара и резко отпрянул.

— Что там такое? — громким шепотом спросил Тибор.

— Какой-то ханыга, — сказал Пит Сэндз. — Надрался и спит без задних ног.

— А-а. Может, он расскажет нам что-нибудь о том селении на вершине холма. Или еще что важное для нас...

— Сомневаюсь.

Задерживая дыхание, Пит рассмотрел незнакомца попристальней в луче солнца, падавшего сквозь щель в крыше. Мертвенно-бледное лицо в глубоких морщинах; явно незнакомая с ножницами всклокоченная пегая борода за застрявшими в ней крошками пищи и стружкой слюны из открытого рта, в котором торчали остатки зубов — или желтые, или гнилые, или щербатые, а где и вовсе одни пеньки; по меньшей мере в двух местах сломанный нос; гной в уголках глаз; грязные редкие седые волосы. Лицо спящего жило мучительной, напряженной жизнью — тик сменялся страшными

гримасами, за ними следовало недолгое неестественное окаменение, которое разрешалось новыми сериями подергиваний. Казалось, по лицу снуют полчища насекомых, и человек, не в силах проснуться или использовать руки, пытается избавиться от них, напрягая мышцы. А его одежда — вонючий драный рабочий комбинезон — просто не поддавалась описанию.

— Старый алкаш, — заключил Пит, возвращаясь к Тибору. — Вряд ли он что-нибудь о чем-нибудь знает — мозги пропиты, да и из поселка его, небось, давно выгнали.

«Дождь закончился, до темноты есть еще время, — подумал Пит. — Лучше бросить зловонного пьяницу и двинуться дальше в путь. Ничего любопытного эта старая задница с похмелья не расскажет — зато может увязаться за нами».

— Пусть себе храпит, а нам пора трогаться.

Он уже пошел открыть дверь сарая, когда из стойла донесся хриплый голос:

— Ты где?

Пит молча уставился в сторону пьяницы.

— Ты где? — снова прохрипел старик. Из стойла послышался скрип досок.

— Может, он болен? — спросил Тибор.

— Вполне вероятно.

— Сюда, — донеслось до них, — сюда!..

Пит вопросительно посмотрел на художника.

— Может, мы сумеем как-то помочь ему? — сказал тот.

Пит неодобрительно покачал головой и вернулся к стойлу.

Именно в тот момент, когда он заглянул за перегородку, старик произнес: «Ага! Вот ты где!» Однако его глаза смотрели мимо Пита. Он обращался к бутылке, которую вытащил из-под сена.

Старику хватало сил вытащить пробку, но трясущиеся руки отказывались поднять бутылку ко рту. Кончилось тем, что он опустил голову рядом с бутылкой, вывернул ее вбок и склонил горлышко к своему рту. В этой неловкой позе он надолго присосался к вину — не все попадало в рот, струйка текла по подбородку. Поставив бутылку вертикально, старик над-

рывно закашлялся. Из его глотки неслись сильные хрипы, из легких пугающие чавкающие звуки. Когда старик сплюнул, Пит мог только гадать, отчего слюна красная — от крови или от вина.

Пит отшатнулся и хотел идти восвояси, однако старик неожиданно произнес более твердым голосом:

— Я вас вижу. Не удирайте. Помогите старому Тому.

Тут он перешел на плаксивый тон бывалого попрошайки:

— Пожалуйста, мистер, помогите чем можете, а? Бедному обездоленному старику. Руки совсем не работают. Затекли, паскуды, со сна.

— Чего ты хочешь?

— Подержите бутыль, мистер. Жалко же проливать на пол!

— Черт с тобой, — сказал Пит. — Давай.

Стараясь пореже дышать, он зашел за перегородку и присел на корточки возле старика. Взял его под мышки, усадил, привалив спиной к стене, и поднял бутыль на уровень его рта.

Старик сделал несколько хороших глотков, буркнул «спасибо» и снова закатился кашлем — теперь менее страшным. При этом он заплевал руки Пита, который не успел их вовремя убрать.

— Не уходите, мистер! Не уходите! — торопливо воззвал старик. — Я Том, Том Глисен. Вы сами откуда?

— Из Юты. Из Шарлоттсвилля, что в Юте, — ответил Пит. Его поташнивало от вони.

— Нет места лучше Денвера, — сказал Том. — По мне, если жить, то только там. Такой, знаете ли, красивый город. И народ там замечательный. Всегда найдется малый, который заплатит за выпивку. — Он хихикнул. — «Официант, двойной вырви-глаз!» Народ там дотошный — пока не упадет, от стойки ни шагу. Хотите дерябнуть, мистер? Угощайтесь. Винцо сносное. Нашел в подвале одной пустой хибары. Где, бишь, это было? А, черт! Где-то это было. Надо бы вспомнить. Там еще до хренищи этого вина.

— Спасибо, — отрицательно мотнул головой Пит.

— А вы были в Денвере?

— Нет.

— Помню, что это был за город до того, как они его сожгли. И народ, знаете, такой замечательный...

У Пита кружилась голова от миазмов вокруг нового знакомого. Он нечаянно глубоко вдохнул и в сердцах сплюнул.

— Вот-вот, меня тоже с души воротит от всего этого, — кивнул Том. — Сжечь такой прекрасный город! Какого черта, спрашивается, они его разбомбили, а?

— Война, — сказал Пит. — В войну принято разрушать города.

— А я никакой войны не хотел. Ей-ей, не хотел. Такой был красивый город. Зачем бомбить такое приятное место, как Денвер? У меня все внутри обуглилось, когда сожгли Денвер. И снаружи тоже. — Его хилая рука слабо потянула ворот на груди. — Желаете поглядеть на шрамы?

— Верю, верю. Не надо.

— У меня все тело исполосовано. Чертова уйма шрамов. Взяли меня в полевой госпиталь. Только-только оклемался — и выгнали коленкой под зад. Было уже совсем иначе. Было плохо. Ни еды, ни воды. Едва перебивались. Времена, скажу я вам, совсем никуда. Чего потом было — помню слабо. Я с тех пор видел много мест, а против Денвера все дерьмо. И люди стали как собаки. Никто не угостит стаканчиком — хоть ты сдохни. Так вы чего, точно не будете?

— Пейте сами, — сказал Пит. — Ведь вино так трудно достается.

— Что правда, то правда. Помогите мне еще хлебнуть, ладно?

— Давай.

Пока Пит поил Тома, Тибор крикнул со своей тележки из другого угла сарая:

— Ну, как он там?

— Приходит в себя, — крикнул в ответ Пит. — Погодите чуток, я уже иду.

Тут он решил-таки задать Тому вопрос касательно Люфтойфеля — чтобы Тибор потом не ныл.

— Старик, ты знаешь, кто такой был Карлтон Люфтойфель?

Оборванец тупо уставился на него, потом потряс головой.

— Может, слышал где это имя. А может, и нет. Память у меня никуда не годится. Ваш друг?

— Для меня он тоже — только имя и фамилия, — сказал Пит. — Но мой спутник — калека без рук и без ног — одержим мыслью найти его. Ищет упрямо. Все будет искать и искать — пока не умрет в пути. Бедный несчастный калека...

В глазах Тома заблестели пьяные слезы.

— Бедный несчастный калека, — захлюпал он носом. — Бедный несчастный калека.

— Можете произнести имя? — спросил Пит.

— Какое имя?

— Карлтон Люфтойфель.

— Дайте мне еще выпить, пожалста.

Пит снова подержал бутыль.

— Ну? — сказал он, когда старик оторвался от горлышка. — Можете произнести «Карлтон Люфтойфель»?

— Карлтон Люфтойфель, — сказал Том. — Я, слава Богу, еще не разучился разговаривать. Только вот память...

— А вы не могли бы...

Нет, это даже смешно. Тибор сразу раскусит, что к чему. Или все-таки нет? Том Глисен по возрасту примерно подходит. Тибор принял его за больного, понял, что это сильно пьющий человек. Да и вера Тибора в безусловную правильность своих суждений явно ослабела после убийства Шульда-Люфтойфеля. «Если повести дело уверенно, — подумал Пит, — достаточно немного подтолкнуть Тибора, и тот непременно поверит. Итак, я не выказываю ни малейших сомнений, а Том твердо стоит на своем. И должно получиться. Иначе мы будем болтаться по свету до окончания века — и кто знает, представится ли такой же удобный случай, как сейчас, покончить все разом и получить возможность спокойно вернуться в Шарлоттсвилль, где я закончу обучение и снова увижу милую Лурин. К тому же, какая восхитительная оказия подложить свинью Служителям Гнева! Если все сойдет гладко, это будет такая злая ирония: пусть Служители Гнева кладут земные поклоны и молятся не своему Господу в ипостаси Карлтона Люфтойфеля, а одной из его жертв; пусть они окружают восторгом и обожани-

ем ничтожную развалину, грязного и тупого забулдыгу, подзаборного горького пьяницу и лодыря, который сроду ни для кого пальцем о палец не ударил, за всю жизнь не сделал ничегошеньки для своих ближних; пусть они поклоняются этому жалкому ходячему аппарату для переработки литров алкоголя, который никогда не имел и грана власти над другими или даже над самим собой; пусть они в своей церкви славословят самого ничтожного из ничтожных, человечешку без роду и без племени!.. О, какое бы это было блаженство — видеть именно Тома Глишена в центре тиборовской фрески, на самом почетном месте. Ради этого стоит постараться!»

— Не могли бы вы сделать доброе дело для моего бедного несчастного друга-инвалида? — спросил он, принимая окончательное решение.

— Чего? Доброе дело? Извольте, почему бы не сделать... В этом мире еще есть кой-какое милосердие... Только если не очень трудно. Я уже не тот, что раньше. Ничего сложного не... Чего ему, сердяге, надо?

— Он страстно хочет увидеть Карлтона Люфтойфеля, человека, которого мы никогда в жизни не найдем. Ему и нужно-то лишь одно — сфотографировать этого человека. Не могли бы вы... ну, сказать, что вы и есть Карлтон Люфтойфель, что вы когда-то были председателем Комиссии по разработке новых видов энергии. Скажите еще, если он спросит, что это вы отдали приказ произвести ядерный удар. Вот и все. Сделаете? Сможете?»

— Надо еще дерябнуть, чтоб яснее думалось, — сказал Том.

Пит снова поднес бутылку к его губам.

— Как там у вас? — крикнул Тибор из своего угла. — Все в порядке?

— Да, — крикнул Пит. — Тут дело поворачивается очень интересно! Не исключено, что нам неслыханно повезло. Погодите, я немного приведу этого человека в порядок, и все прояснится... Имейте терпение.

Том вцепился в руку Пита, чтобы тот не убрал бутылку прежде времени, и упоенно глотал вино. Потом отвалился и закрыл глаза. Похоже, вырубился. Или, и того хуже, помер.

— Эй, Том! — испуганно позвал Пит.

Молчание. Казалось, пьянчужка превратился в камень, провалился сразу на миллиард лет назад, в эпоху застылой безмятежной гармонии неодошевленной материи. Никакой тик больше не пробежал по его лицу.

«Черт тебя заberi!» — в сердцах подумал Пит Сэндз и заткнул бутылку пробкой.

— Я всегда говорил, что нас ведет по жизни доброе провидение, — крикнул он художнику. — Вы верите в доброе провидение, Тибор?

— Что? — переспросил Тибор несколько раздраженным тоном. Ему надоело ждать в одиночестве.

Пит Сэндз сунул руку в карман и вытащил стогку завернутых в бумагу серебряных десятицентовиков. Безотказное средство!.. Он постучал колонкой монет по щеке пьяницы. Никакой реакции. Тогда Пит разорвал бумагу и высыпал себе в горсть кучку монет. Монеты весело зазвякали. У «камня» оказался тонкий слух, и его губы шевельнулись.

— Карлтон Люфтойфель, — прошептал Том с закрытыми глазами. — Бедненький калека. Я не хочу, чтобы бедолага болтался по свету, пока не даст дубаря. Сами знаете, какой он жестокий, этот нынешний мир...

Старик раскрыл глаза. Когда его взгляд сфокусировался на ладони Пита, где громоздилась горка серебра, глаза Тома дивным образом оживились.

— Я председатель Комиссии по разработке новых видов энергии, — достаточно бодро произнес он. — Хотел бы я знать, чем они там занимались! И это я отдал приказ нанести ядерный удар по противнику.

Том закашлялся, сплюнул, поерошил пряди своих спутанных седых волос.

— Слушайте, а расчески у вас не имеется? Как-никак фотку делать будем.

При этом он сгреб все монеты с ладони Пита.

— Боюсь, расчески нет.

— Тогда помогите подняться. Значит, если начнет задавать вопросы, Карлтон Люфтойфель, Комиссия по разработке новых видов энергии, отдал приказ о ядерном ударе.

Том сунул монеты за пазуху. Где-то там у него имелось надежное место.

Пит вышел из-за перегородки вместе с Томом и возбужденным голосом сказал:

— Какие чудеса! Лишний раз убеждаешься, что есть божественное провидение, которое ведет каждого из нас по жизни! Вы в состоянии поверить, Тибор? До настоящего момента я еще сомневался в глубине души. Но тут явное чудо! Я беседовал с этим человеком. Когда он проснулся, ему было очень плохо. Но теперь стало немного лучше. — Он легонько пихнул Тома Глисена в бок и сказал ему: — Скажите моему другу, кто вы такой.

Том, глядя на лежавшего в тележке Тибора, ослабил в улыбке, заголяя свои непотребные зубы.

— Меня зовут Карлтон Люфтойфель.

Тибор несколько секунд молчал. Потом деревянным голосом спросил:

— Вы шутите?

— Сынок, зачем мне шутить насчет собственного имени? Человек может пользоваться разными именами в разных краях. Но когда узнаешь, что кто-то ищет меня с таким остервенением, грех отрицать, кто я такой на самом деле. Да, я Карлтон Люфтойфель. Бывший председатель Комиссии по разработке этих самых... новых видов энергии.

Тибор, ни разу не шелохнувшись, пытливо смотрел на него.

— Я отдал приказ бомбить, — добавил Том.

Тибор продолжал молча смотреть на жалкого оборванца, опиравшегося на локоть Пита.

Тому Глисену было явно не по себе под этим пристальным взглядом, но он держался молодцом — не сломался.

Секунды текли, а Тибор по-прежнему молчал. Мало-помалу выражение глисеновского лица стало утрачивать осмысленность. Еще несколько мучительных секунд, и Том прошамкал:

— А вы когда-нибудь бывали в Денвере?

— Нет, — сказал Тибор.

Питу хотелось закричать и затопать ногами. Но Том уже завел свое:

— Хороший был город. Замечательный. И люди золотые. А потом началась война. Все сожгли к черто-

вой матери, твари поганые... — По его лицу побежали волны судорог, глаза недобро засияли. Тут его мысли сделали новый скачок, и он повторил: — Я бывший председатель Комиссии по разработке новых видов энергии. Это я отдал приказ нанести ядерный удар.

Тибор повел головой вниз и языком нажал нужную кнопку. Его экстензор пришел в движение и поставил в нужную позицию цветную широкоугольную автоматическую стереокамеру довоенного образца, которую Служители Гнева выдали ему, чтобы запечатлеть Карлтона Люфтойфеля.

«Да, гениальной картины не получится, — с горечью подумал Тибор. — Я никогда не создам подлинного шедевра, имея материалом — вот это. Но это в конце концов не имеет значения. Я буду трудиться как проклятый и сделаю все, на что способен, дабы запечатлеть того, кого сейчас вижу, чтобы закончить фреску в точном согласии с договоренностью и восславить их Господа, раз уж им так хочется восславлять этого своего с позволения сказать Бога. Роспись не обессмертит мое имя, не даст лавров великого живописца — как, впрочем, и не послужит к славе их зловредного Бога. Зато я свои обязательства выполняю. А что меня навело на этого Люфтойфеля, судьба или слепая удача, это дело десятое. Самое главное, мое Странствие пришло к концу. У меня теперь есть его фотография. Ну и что мне сказать этому человеку после того, как я его запечатлел на пленку? Боже, хоть бы чуток волнения испытать. Отчего же так пусто на душе?

Поискав по сусекам своей памяти, Тибор не нашел иных слов, кроме:

— Был рад познакомиться с вами. Я только что сфотографировал вас. Надеюсь, вы не против?

— Конечно, сынок. Был рад вам помочь. А теперь мне самое время отдохнуть, если ваш друг проводит меня. Мне надо полежать.

— Можем ли мы как-то помочь вам?

— Нет, спасибо, У меня тут припрятано много самого надежного лекарства. Вы замечательные ребята. Удачного вам путешествия.

— Спасибо и вам, сэр.

Том, как заведенный, махал Тибору рукой, пока Пит не схватил старого выпивоху за другую руку и не оттащил обратно за перегородку, в стойло.

«Домой! — радостно подумал Тибор, и его глаза невольно наполнились слезами. — Теперь мы вправе возвратиться домой!»

Он с нетерпением ждал, когда же Пит наконец впряжет корову, чтобы незамедлительно пуститься в путь.

Ночью они сидели у разведенного Питом небольшого костра. Ветер согнал тучи с неба, и звезды сияли на только что очистившемся небе. Тибор и Пит съели сухой паек, запивая его растворимым кофе, — Пит нашел банку в заброшенном фермерском доме. Аромат, конечно, давно выветрился, но горячий черный напиток все же приятно бодрил, как и легкий теплый ветерок с юга.

— Временами я думал, — сказал Тибор, — что у меня ничего не получится.

Пит с пониманием кивнул.

— Все еще злитесь, что я увязался за вами? — спросил он.

Тибор коротко рассмеялся.

— Давай, валяй, рассказывай о преимуществах христианства — ведь мне никуда сейчас не удрать, да и уши закрыть нечем, — сказал он. — Замечательный способ заполучать новых приверженцев!

— Вы по-прежнему подумываете о переходе в христианство?

— Да, подумываю. Но сперва я должен завершить работу над росписью.

— Согласен.

Пит уходил прогуляться и пытался связаться с отцом Абернати, но из-за бури передатчик практически не работал. Пит не переживал по этому поводу. Теперь спешки больше нет. Все уладилось. Все кончено.

— Хотите еще раз взглянуть на фотографию? — спросил Тибор.

— Да.

Манипулятор Тибора пришел в движение и извлек из ящичка заветный снимок.

Пит неспешно рассматривал в свете костра изрезанное морщинами лицо Тома Глисона. «Бедолага, — думал он. — Быть может, успел уже окочуриться за эти часы. Впрочем, что мы могли сделать для него? Такому уже ничем не поможешь. А что, если... Что, если это не было простым совпадением? А ну как во всем этом нечто большее? А ну как эта встреча была организована не случаем, а иной силой? В обожествлении жертвы Люфтойфеля я увидел злую иронию... Но, быть может, тут нечто серьезнее иронии?»

Пит задумчиво вертел фотографию в руках. Взгляд Тома явно просветлел, стал осмысленнее, потому что в тот момент он сознавал, что делает кого-то счастливым. Впрочем, между бровями залегла скорбная складка, как будто он одновременно думал о прекрасном, навсегда утраченном Денвере с его замечательными людьми...

Пит отхлебнул еще кофе и вернул снимок Тибору.

— Похоже, ты не очень огорчен тем, что твои конкуренты получили желаемое, — сказал Тибор.

Пит пожал плечами.

— Не такое уж это важное дело для меня. Ведь это, в конце концов, всего лишь фотография.

Тибор аккуратно убрал снимок в ящичек.

— Ты представлял его именно таким? — спросил он.

Пит кивнул — припоминая знакомые лица.

— Да, почти таким я его и представлял. Уже решили, как будете рисовать?

— Он у меня получится. Я чувствую.

— Еще кофе?

— Спасибо.

Тибор протянул свою чашку. Пит наполнил и его чашку, и свою. Потом поднял взгляд к небу, где блистали бесчисленные звезды. Он прислушался к ночным звукам, вдохнул тепло ветра — каким теплым стал ветер! чудеса да и только! Сделав короткий глоток обжигающего кофе, Пит улыбнулся и сказал:

— Эх, жаль сигаретки не осталось!

Глава 18

Она молча сидела на краю пыльной тропы, которая в нынешние худые времена сходила за дорогу, и тысяча лет успела пронестись над слабоумной Алисой, прежде чем солнце свершило свой дневной круг и пали сумерки. Она знала о том, что он умер еще до того, как появился этот сверхъестественно долговязый полуящер.

— Мисс!

Она не шелохнулась, не подняла головы.

— Мисс, идемте с нами.

— Нет! — яростно выкрикнула она.

— Труп...

— Не хочу!

Полуящер сел рядом с ней и сказал без ласковости в голосе, хотя тоном терпеливым:

— По обычаю ты имеешь право забрать тело.

Время текло в молчании. Алиса зажмурила глаза, чтобы ничего не видеть, да и уши закрыла руками. Если он что-то и говорил, то она не слышала. Но кончилось тем, что он тронул ее за плечо.

— У тебя не все в порядке с головой, ведь так?

— Нет.

— Но того, что я тебе говорю, ты, кажется, не понимаешь. Он был одет как охотник — тот самый старик, крысолов и крысоед, с которым ты жила в подземелье. Ведь он все время жил под землей и питался крысами, так? Переоделся зачем-то. Чего ради он нацепил на себя чужие тряпки? Норовил от врагов спрятаться? — Полуящер грубо расхохотался. Казалось, чешуи его тела похлопывают в такт его смеху. — Не

сработало. Они, считай, всю рожу ему снесли. Сама увидишь: не лицо, а месиво...

Алиса вскочила и побежала прочь. Но резко остановилась и кинулась обратно — за своей безголовой куклой. Полуящер схватил куклу и, ухмыляясь, прижал ее к своей чешуйчатой груди. Она попыталась отнять, полуящер не отдавал. Издевался.

— Он был хороший! — выкрикнула девушка в бешенстве, протягивая руки к своей кукле и лоя всякий раз только воздух. Ее кукла, ее!

— Нет, — сказал полуящер, — он не был хорошим человеком. Даже крысолов он был никудышный — то и дело ловчился продавать старых тощих крыс по цене молоденьких и жирненьких. А чем он занимался до того, как начал ловить крыс?

— Бомбы, — сказала Алиса.

— Он и правда был твоим отцом?

— Папочка.

— Ладно, если он и впрямь твой отец — мы притащим тебе его тело. Жди здесь.

Полуящер встал, швырнул куклу ей под ноги и быстро поковылял прочь.

Алиса осталась возле куклы. Слезы тихо струились из ее глаз. Он знал, что добром все не кончится. Он знал, что они сделают ему плохо. Может быть, из-за крыс. Из-за старых жилистых крыс... как вот этот сказал.

«Почему все вот так? — думала она. — Он дал мне куклу. Очень давно. А теперь он уже ничего не будет мне давать. Никогда... Что-то не так... Но почему? Люди бывают только какое-то время, а потом исчезают, даже если ты их очень любишь, и так всегда, и они никогда не возвращаются...»

Она впяť крепко зажмурилась и молча сидела, скорбно раскачиваясь всем телом.

Когда Алиса вновь открыла глаза, по дороге к ней шел человек — обычный человек, не чешуйчатый. Это был ее папочка. Она радостно вскочила, но тут же поняла, что с ним что-то произошло, и невольно попятилась, пораженная тем, как он преобразился. Он больше не сутулился, держался прямо, его лицо источало

доброту, глаза были непривычно теплые — от прежнего выражения злобной горечи ничего не осталось.

Папочка приближался к ней медленными шагами, опять-таки новой, особенной походкой, ступая церемонно, осторожно. Наконец он подошел почти вплотную, опустил на траву и жестом пригласил ее сесть рядом. Во всем его облике была уверенная умиротворенность, которой прежде и тени не замечалось. Казалось, он сбросил по меньшей мере половину лет, стал моложе не только телом, но и душой: тело стало более упругим, характер — смягчился. Таким он ей больше нравился; тот страх, что он прежде непрестанно внушал ей, теперь мало-помалу рассеивался, и она решилась протянуть руку и осторожно прикоснуться к его руке.

Ее пальцы прошли через рукав, не встретив сопротивления. И тогда ее вдруг осенило — даже ее не ахти какой сложный умишко пронзила мгновенная мысль, что он не более чем призрак, дух, и что дядя в чешуе был прав и ее папочка действительно умер. Его призрак остановился по пути в незнамо куда, чтобы побыть с ней, в последний раз отдохнуть на земле бок о бок с Алисой. Вот почему он так упорно молчит. Голос призраков нам не слышен.

— Ты слышишь меня, папа? — спросила она.

Он ласково улыбнулся и кивнул.

И вдруг — неожиданным накатом — пришла ясность понимания, незнакомая живость ума. Казалось, она теперь может думать, как любой обыкновенный человек. Это было словно... Она мучительно искала слова для обозначения этого чувства. Как будто из ее мозга внезапно вынули мембрану, которая препятствовала правильному течению мыслей; некие мысленные шлюзы открылись, и ей было дано понимать то, чего прежде она не понимала.

Алиса обвела окрестности ошарашенным взглядом — она впервые увидела мир во всей его правде и красоте, совершенно иной мир, преображенный тем, что она его — понимала. Пусть это понимание продлится считанные секунды, оно — было!

— Я люблю тебя, — прошептала девушка.

Он опять улыбнулся.

— Я тебе еще увижу?

Он кивнул.

— Но я должна... — Она запнулась, потому что это были трудные мысли. — Я должна сперва умереть, чтоб увидеть тебя снова?

Он опять кивнул, нежно улыбаясь.

— Тебе теперь лучше, правда?

Это было совершенно очевидно, это не требовало доказательств, ибо теперь все в нем дышало покоем.

— То, что ушло из тебя, было по-настоящему жутким, — сказала она. До сих пор — до того, как оно ушло из него, — она не понимала, насколько жутким оно было. — В тебе было столько зла. Оно ушло — и поэтому тебе так хорошо? Потому что все зло из тебя...

Ее папочка молча встал и пошел прочь по пыльной тропе — все той же церемонной размеренной походкой.

— Подожди! — вскрикнула Алиса тихо.

Но он не хотел или не мог остановиться. Он продолжал уходить от нее. Она смотрела на его спину, а он постепенно становился все меньше, меньше, меньше — пока не исчез совсем. Она наблюдала, как то, что осталось от него, прошло через большую — выше человеческого роста — кучу мусора, прошло сквозь, а не вокруг. К этому моменту он был уже почти неразличимым туманным очерком, который не потрудился обогнуть препятствие. Но и этот туманный очерк уменьшался, ужимался — стал высотой не более метра, потом начал угасать, пока не рассыпался на отдельные блестящие светящиеся частицы, подхваченные ветром и легкими спиралями тумана разнесенные в разные стороны.

С другой стороны к ней своей обычной неуклюжей походкой приближались полуящеры. Оба выглядели озадаченно-раздраженными.

— Тела нет, — сказал один полуящер, подойдя к Алисе. — Я имею в виду, тело твоего отца пропало!

— Да, — сказала Алиса. — Я знаю.

— Украли, наверное, — сказал другой полуящер. И добавил, как бы про себя: — Видать, кто-то уволок... и, возможно, сожрал.

Алиса коротко произнесла:

— Он восстал.

— Чего?

Оба полуящера огорошенно уставились на нее, потом принялись хохотать.

— Восстал из мертвых, ты хочешь сказать? Ты-то откуда знаешь, пацанка! Он что, притопал сюда своим ходом? Или прилетал?

— Да, он приходил, — ответила девушка. — И немного побыл со мной.

Один из полуящеров обернулся к своему товарищу и совсем другим, напряженным голосом промолвил:

— Чудо!

— Она просто слабоумная, — отозвался второй. — Мелет что попало, как и положено дурочкам. Глупый бред. Это был самый обычный покойник.

Но его товарищ с искренним любопытством спросил девушку:

— А скажи, пожалуйста, куда он ушел, твой папочка? В какую сторону? Быть может, мы сумеем его догнать? Может, он умеет предсказывать будущее и излечивать болезни!

— Он растворился в атмосфере, — сказала Алиса.

Оба полуящера изумленно заморгали, а тот, что полюбопытнее, испуганно передернулся всем телом, зашуршав чешуей, и пробормотал:

— Никакая она не слабоумная. Ты слышал, как она это сказала? Слабоумный сроду так не сформулирует: «растворился в атмосфере»! Ты уверен, что это и есть та дурочка, о которой нам говорили?

Алиса, крепко прижимая куклу к груди, повернулась, чтобы уйти. Ветерок принес несколько блесток света, в которые превратился ее папочка, и теперь эти блестки порхали вокруг нее, ласковыми мазками касались ее, словно лучики луны, видимые в разгар дня, словно волшебная живая золотая пыль — рассеянная окрест, она медленно разносится по всему лику мира, расплываясь почти до молекул, но никогда не исчезая. По крайней мере для Алисы она не исчезнет никогда. Вот они, его частицы, его следы вокруг, в самом воздухе. Эти частицы парили и резвились в потоках воздуха и, казалось, рассказывали ей что-то. А может, они действительно что-то рассказывали...

И та мембрана, которая мешала ей мыслить правильно всю ее жизнь, — та проклятая мембрана больше не возвращалась. Мысли текли незамутненно, она думала отчетливо, последовательно, и ей было очевидно, что эта способность останется с ней навсегда.

«Мы разом миновали барьер, только в разных направлениях, — подумала она. — Отец и я, как бы точнее выразиться... он ушел в темноту, за пределы видимого, я же вышла наконец к свету».

Вокруг раскинулся блистательный теплый день, и ей чудилось, что сам мир вокруг переменялся к лучшему — безразлично к ее поумнению, сам по себе. «Что значат эти перемены к лучшему в окружающем пейзаже?» — спрашивала она себя. Несомненно, они больше не исчезнут, эти перемены. Но с уверенностью она судить не могла — ведь ничего подобного прежде не видела. Однако все, что она видела, удаляясь от озадаченных полуящеров, справа и слева от себя и до самого горизонта, говорило о невероятных переменах — и переменах благотворных. Возможно, это просто весна. Первая настоящая весна после войны. Тотальное загрязнение природы закончилось, наконец-то закончилось. И это место, и весь мир — очистился. И она понимала — почему.

Отец Абернати тоже всей душой — и нутром, и кожей — ощутил, что с окружающего мира снято заклятие, но ему не было дано знать, отчего это произошло.

В момент, когда это случилось, он шел на рынок за овощами. На обратном пути он непрестанно улыбался, вдыхая свежайший воздух, полный — как же эта штука называется, уже успел позабыть... а! озон! Воздух был полон озона. Отрицательные ионы. Запах новой жизни. Ассоциируется с весенним равноденствием — Земля заряжается от языков пламени Солнца, этого могучего источника жизни.

«Значит, где-то произошло доброе событие, — думал он. — И результаты распространяются по всей Земле». Внезапно он увидел пальмы. Он стоял с раскрытым ртом и таращился на пальмы, переминаясь с

ноги на ногу и сжимая в руке корзинку с овощами. Необычно теплый воздух, пальмы... «Провалиться мне на этом месте, если я когда-нибудь замечал в округе хоть одну пальму! И почва стала другой — мягкой и сухой, такую я видел в незапамятные времена на Ближнем Востоке. Совсем иной мир, повсюду признаки другой реальности. Не понимаю, что творится, словно из прежней реальности вылупляется новая. Или как будто у меня некая пелена спала с глаз, и я вижу мир иным».

Справа от него молодая пара, идущая с рынка, села отдохнуть у края дороги. Юноша и его подруга были покрыты дорожной пылью, но ослепительно чисты — внутренне чисты незнакомой ему новой чистотой. Миловидная черноволосая коротко стриженная девушка, разморенная жарой, распахнула блузку. И это нисколько не смутило отца Абернати. Вид ее обнаженных грудок нисколько не оскорблял его, целомудренного священника. «Да, пелена спала, — подумал он, по-прежнему гадая о причине. — Неужели только доброе дело тому причиной? Едва ли. Есть ли одно-единственное доброе дело, которое способно сотворить такие чудеса?» Он остановился неподалеку от юной чаровницы, восхищаясь молодой парой и наготой девушки, которая, казалось, даже не осознает своей наготы и нисколько не смущается от того, что на нее смотрит человек в сутане.

«В мир вошла добродетель, — решил он. — Как Мильтон когда-то выразился: «из зла выходит добро». Обрати внимание, — сказал отец Абернати самому себе, — на относительную неравноценность этих двух понятий. Тогда как «зло» есть определение самого дурного, то «добро» — термин вялый, это не обязательно высшая степень хорошего, не абсолютный антоним «зла». Падение ангела по имени Сатана, грехопадение человека в раю, распятие Христа... из этих страшных моментов торжества зла рождается добро. Благодаря своему грехопадению и изгнанию из рая человек познал любовь. Из трех зол родились три добра! Равновесие восстановилось. Но тогда, — подумалось ему, — можно прийти к выводу, что мир был освобожден от сковывающих пелен путем злого

поступка... или я перетончаю в своих умопостроениях? Так или иначе, разница есть. Она осязаема. Могу поклясться, что я где-то в Сирии. В странах Леванта. Да, возможно, я переместился и во времени — в далекое прошлое. Быть может, даже на тысячи лет назад».

Он пошел вперед, возбужденно озираясь и вдыхая свежайший воздух, опьяняясь новыми ощущениями. Справа от него были руины довоенного отделения государственной почты США.

«Древние руины, — подумал он. — Совсем как руины античного мира. Мы обрели свои новые античные руины. Или я все же перенесся в глубокое прошлое? Нет, это не я перенесся в прошлое, это прошлое влито в настоящее через некую брешь во времени или пространстве — дабы оно проникло сюда и могуче разлилось перед нами. Или передо мной. Не исключено, что я один вижу все это. Господи помилуй, это же, пожалуй, что-то вроде наркотических опытов Пита Сэндза — но ведь я никаких таблеток не принимал! Это расщепление нормального мира, проникновение в паранормальную действительность или проникновение паранормальной действительности в нормальный мир. То есть это видение, — вдруг осознал отец Абернати, — и я должен постичь его значение».

Он медленно шел по каменистому полю вдоль руин небольшого почтового отделения давно несуществующей страны. У остатков стены лениво грелись на солнышке несколько человек. Солнце! Какими жаркими теперь стали его лучи!

«Они не видят того, что вижу я, — решил отец Абернати. — Для них ничего в окружающем мире не изменилось. *Каким событием все это вызвано?* Обычный солнечный день... Если я истолкую то, что вижу, в качестве простого символа — возвращение солнечного дня есть божественный образ конца власти темных сил, их полного изгнания. Да, некое большое зло погибло, — понял он и возрадовался от этого понимания. — Нечто, бывшее сгустком зла, превратилось в жалкую тень. Каким-то образом сгусток зла деперсонифицировался, утратил конкретное тело обитания. *Возможно, Тибор сфотографировал Господа Гнева и тем самым украл его душу?*»

Он довольно рассмеялся, стоя у руин отделения государственной почты США. Солнце весело жарило, поля гудели, жужжали и пели от радости нескончаемого бытия.

«Что ж, если у Карлтона Люфтойфеля можно похитить душу, — удивленно думал отец Абернати, — стало быть, он не Бог, а просто человек, обычный смертный. Настоящий Бог не может испугаться фотокамеры. Если они чего и боятся, — думал он, забавляясь неожиданному каламбуру, — так это *засветиться*». Он тихонько рассмеялся.

Несколько человек, полудремавших у стены, проводили его глазами и приветливыми улыбками. Они сами не знали, почему улыбаются, но с готовностью отозвались на его хорошее настроение.

«Грустно лишь то, — текли дальше мысли отца Абернати, — что Служители Гнева еще долгое время могут дурачить народ — ложные религии порой не менее долговечны, чем истинная. Но основная субстанция этой религии рассыпалась в прах и излетела из мира, осталась только лишняя содержания преходящая *теккис* — власть в руках Церкви Служителей Гнева. А впрочем, мне будет занятно взглянуть на фотографию, которую Тибор и Пит Сэндз принесут из своего путешествия, — решил он. — Как говорят, лучше знать дьявола в лицо. Запечатлев физический облик, они уничтожили его. Тем, что низвели до уровня простого смертного».

Жаркий полуденный ветер шуршал листьями пальм, без слов приглашая познавать дальше солнечную мистирию Избавления. Отец Абернати прикидывал, кому он может сообщить свой каламбур.

«Фальшивый бог, — повторил он, смакуя свой удачный каламбур именно потому, что обычно шутки у него не получались, — *боится засветиться. Он должен скрываться. Но мы его выманили и пригвоздили его лик к листку фотобумаги. И тем самым обрекли его на гибель.* Итак, — констатировал он для самого себя, — благодаря плану, выпестованному коварными и амбициозными Служителями Гнева для усиления своей власти, мы, христиане, которые терпели столь явное поражение, одержали блистательную победу.

Этот портрет обозначил начало разрушения культа Господа Гнева — именно потому, что портрет этот — подлинный. Или, скорее, даже не в силу подлинности как таковой, а в силу того, что Служители Гнева будут особо подчеркивать подлинность этого портрета. Да, они непременно издадут бумагу, которая официально подтвердит стопроцентное соответствие портрета оригиналу — и тем самым пособят окончательной и безвозвратной гибели оригинала. Вот так-то Истинный Господь претворяет злое в доброе, то есть мы, как всегда, обнаруживаем, что и добро, и зло служили интересам Господа. Что бы ни случилось, доброе и злое, все это пути к осуществлению высшего промысла... Я подразумеваю, что есть только ярлыки «добро» и «зло». На самом же деле доброе и злое, верное и неверное, правильный путь и путь заблуждения, мудрость и невежество, любовь и ненависть — все это надо рассматривать как *omniae vitae ad Deum ducent*. Все жизни, как все дороги, ведут — нет, не в Рим, а к Богу».

Продолжая свой путь, отец Абернати думал, что все это надо вставить в воскресную проповедь — наряду с удачным каламбуром. Его слова и шутка взбодрят людей, вызовут на их лицах улыбки — как улыбались ему те люди, что грелись на солнце у руин почтового отделения. Вероятнее всего, прихожане и не поймут всех оттенков его сложных мыслей — но пусть хотя бы улыбнутся.

Как это важно — снова получать удовольствие от жизни... Теперь всемирное зло, невидимо державшее всех за горло, разжало свою стальную хватку. Теперь ничто не будет мешать им добродушно греться на солнышке, улыбаться друг другу, расстегивать блузки и рубахи, открываясь солнцу и всем взглядам, а также простодушно радоваться простодушным шуткам обыкновеннейшего священника.

«Я хотел бы знать, что случилось на самом деле, — подумал отец Абернати. — Но Господь использует людей как орудие выполнения своей воли, не открывая им свои цели. А может, так оно и лучше».

И, покрепче сжав в руке корзинку с бобами и свеклой, он бодро зашагал в сторону Шарлоттсвилля и своей церквушки.

Глава 19

Мало-помалу нарисованная Тибором Макмастерсом фреска приобрела мировую славу и в конце концов оказалась в сознании публики в одном ряду с величайшими образцами настенной живописи итальянского Ренессанса, которые были известны преимущественно по репродукциям, ибо почти все соборы, где находились фрески эпохи Возрождения, были разрушены во время последней войны.

По прошествии семнадцати лет со дня смерти Тибора иерархи церкви Господа Гнева официально признали аутентичность изображения на фреске. То есть провозгласили, что в центре фрески изображен действительно Карлтон Люфтойфель собственной персоной — с буквальной точностью. Тем самым раз и навсегда пресекались все кривотолки: вопрос о подлинности изображения более не дискутировался, а любой, кто осмелился бы высказать вслух какие бы то ни было сомнения, подлежал жестокой каре: мужчина — кастрации, женщина — отсечению уха. Так и только так — самыми драконовскими методами — можно было утверждать святость в мире нечестия, религиозность — в обществе, насквозь проникнутом безверием, и веру — в людях, которые уже убедились в лживости столь многих прежних идолов и верований.

В последнее время перед своей кончиной Тибор вел скромный образ жизни на небольшую пенсию, которую ему выдавала церковь Господа Гнева. Церковь же взяла на себя расходы по содержанию в рабочем состоянии его тележки, а также по поставке фуража двум его коровам: восхищение шедевром было столь велико, что Тибору было дозволено впрягать в свой

немудренный экипаж сразу двух коров. Во время его поездок люди повсюду узнавали и приветствовали художника. Он прилежно давал автографы многочисленным туристам, красиво и тщательно выводя свое имя механическими пальцами. Дети возбужденно кричали, завидев тележку, но больше никогда не глумились над ним — всегда глядели почтительно и старались помочь, если у калеки бывали затруднения. Тибор был окружен всеобщей любовью — и взрослых, и детей. Хотя в преклонном возрасте он стал брюзгливым и эксцентричным стариком, его тяжелый характер терпели, и он продолжал оставаться главнейшей достопримечательностью городка. И никого не смущало то, что после достоверного, канонического портрета Господа Гнева из-под его кисти не вышло больше ничего выдающегося.

Ходили слухи, что в его бумагах после смерти обнаружили что-то вроде обрывочных дневниковых записей, которые он на склоне лет вел исключительно для себя. В этих записях художник высказывал некоторые сомнения касательно подлинности изображения на собственной великой фреске. Впрочем, никто не мог похвастаться, что видел эти бумаги. Если они и существовали, Служители Гнева, изъявшие весь архив Тибора Макмастера сразу после его кончины, или надежно упрятали дневники в недоступных церковных сейфах, или уничтожили их. Последнее более вероятно.

Из двух последних коров, возивших его тележку, были сделаны чучела. Теперь голштинки, поставленные по бокам от знаменитой фрески, торжественно взирают стеклянными глазами на туристов, которые приходят отовсюду, дабы взглянуть на прославленную работу. Со временем Тибор Макмастерс был официально причислен к лику святых. Подлинное место его погребения остается неизвестным. Несколько городов гордятся тем, что останки великого художника покоятся в их земле.

Содержание

Сегодня мы выбираем лица, роман, <i>перевод с английского А. Шельваха</i>	5
Господь Гнева, роман, <i>перевод с английского В. Задорожного</i>	191

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

Собрание фантастических произведений в 18 томах

Том шестой

Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Редактор *В. Баканов*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректор *Т. Пикович*
Оператор компьютерной верстки *В. Ветчинин*
Художественный редактор *М. Захаренкова*
Иллюстрация на обложку: *И. Леонтьев*
Оформление форзаца: *А. Кириллов*
Оформление шмуцтитолов: *В. Ковалев*

Качество печати соответствует диапозитивам,
предоставленным издательством.

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 25.05.95. Формат 84×108/32.

Гарнитура Балтика. Печать высокая.

Усл. печ. л. 23,52. Тираж 25 000 экз.

Заказ № 700. С 124.

Издательство «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Комитета Российской Федерации по печати.
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

**СЕГОДНЯ МЫ
ВЫБИРАЕМ ЛИЦА
ГОСПОДЬ ГНЕВА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1995